

ВЛАСТЬ

РОМАН РОМАНОВ

ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОСАМИ

Властвует тот и только тот, кто видит
движение мира и возглавляет его!

«КРЫЛОВ»

Annotation

О выборах лучше всего может написать тот, кто работал на выборах, сам охотился за голосами. В природе власти лучше всего разбирается тот, кто сам был во власти, кто знает ее изнутри. Знает, как завоевывают власть, каких она бывает видов и как ее сохраняют. А в особой природе русской власти, как и в русской душе, способен разобраться только русский человек, вдобавок прошедший снизу вверх по ступенькам власти. В центре этой книги – природа власти как таковой и природа русской власти.

Однако рассказ рассказу рознь. Долой скучные истории. Обо всем можно рассказать увлекательно. Тому пример эта книга – увлекательный рассказ с калейдоскопом разных приключений (и остросюжетных, и веселых, и фантастических). Разочарованным не уйдет никто.

-
- [Роман Романов](#)
 -
 - [Охотники за голосами](#)
 - [Чиновник Авдий](#)
 - [Монархисты из квартиры 27](#)
-

Роман Романов

Охотники за голосами

Аннотация:

О выборах лучше всего может написать тот, кто работал на выборах, сам охотился за голосами. В природе власти лучше всего разбирается тот, кто сам был во власти, кто знает ее изнутри. Знает, как завоевывают власть, каких она бывает видов и как ее сохраняют. А в особой природе русской власти, как и в русской душе, способен разобраться только русский человек, вдобавок прошедший снизу вверх по ступенькам власти. В центре этой книги – природа власти как таковой и природа русской власти.

Однако рассказ рассказу рознь. Долой скучные истории. Обо всем можно рассказать увлекательно. Тому пример эта книга – увлекательный рассказ с калейдоскопом разных приключений (и остросюжетных, и веселых, и фантастических). Разочарованным не уйдет никто.

Биография:

Романов Роман Николаевич родился 2 марта 1978 в селе Корнилово под Томском. Детство обычное, деревенское, с коровами, дровами и кедровыми шишками. Школу закончил с серебряной медалью, историю сдавал экстерном в районо, поскольку в деревенской школе не было учителя истории. Потом – исторический факультет Томского госпедуниверситета, который закончил с красным дипломом. Остался на кафедре преподавателем, закончил аспирантуру, перед самой защитой кандидатской уехал по приглашению нынешнего губернатора Псковской области Турчака Андрея Анатольевича в Москву – работать с молодежными движениями. В 2009 году переехал в Псков в команду губернатора и работал в администрации начальником Управления внутренней политики. Занимался партийной работой, общественной деятельностью, работал на выборах в качестве политтехнолога. В Пскове познакомился с Александром Прохановым, который, по сути, дал путевку в писательскую жизнь.

«Писатель Роман Романов в своей новой книге “Охотники за голосами” ныряет на такую глубину, где почти нет воздуха и где обитают странные глубоководные существа нашей российской политики. Писатель создает уникальную коллекцию этих странных уродцев, безбедно существующих в сернистых слоях наших политических водоемов. Мы даже не подозревали, что такова флора и фауна нашей провинциальной политической жизни. Лишь внезапно одно из существ проникнет на страницы романовской книги или явится нам в удушающем ночном кошмаре...»

«Повесть “Чиновник Авдий” – политическая фантасмагория, политический гротеск, жутковатая сказка, в которой жизнь губернского чиновничества описана как сказание о змие.

Современная власть интерпретируется как метафизическое зло, и борьба с этим злом невозможна без вмешательства потусторонних сил.

Писатель Романов знает эту жизнь как патологоанатом, и, делая вскрытие, погружает скальпель на предельную глубину, извлекая мертвые органы, имя которым – губернская бюрократия.

Труд для художника рискованный, но и почетный. Именно это опасное действие определяет язык произведения, его художественные приемы, его эмоциональный эффект, подчас подобный шоку».

А. Проханов, писатель, главный редактор газеты «Завтра»

«Повесть Романа Романова “Монархисты из квартиры 27” из этого круга современной прозы “on-line” и может показаться немного несобранной, но в этом она – только зеркало дня и сознания, научившегося оставаться молодым и после 30 лет. Вот и его герой-то прямо с первой страницы представляется “Сашка, вернее, давно уже Александр Николаевич”. Давно, а все – Сашка. И все они, как он, “не яппи, не хиппи, не интеллигенты, не мещане” – поколение без труда доставшейся свободы. Оттого и чтение родной истории этими молодыми людьми несколько снисходительно и детски самоуверенно. Естественно, что герой легко надеется поправить механизм прошлого, научившись в снах отправляться в минувшее, чтобы поучить там государей, политиков и революционеров, как надо бы сделать мир поразумнее.

История, однако, постоит за себя, и герой выйдет из нее помудревшим...»

В. Курбатов, журнал «Родная Ладога»

«“Охотники за голосами” – это завернутые в литературные формы диалоги о власти. Причем не просто о Русской власти, а о том причудливом конструкте, который сложился из смеси российских традиций и западной демократии за 25 лет. Взгляд изнутри, с земли, взгляд целого поколения последних комсомольцев и пионеров. Стоит читать внимательно».

О. Матвейчев, политолог, профессор ВШЭ

Охотники за голосами

Необходимое предварительное пояснение

Прежде чем рассказать эту ненормальную историю, хочу сказать тому, кто возьмется ее читать следующее. Записана она со слов непосредственного участника событий. Никакого вранья и всяческих литературных домыслов в ней нет. Поскольку в те месяцы я проживал в соседней Губернии и сам довольно часто бывал по делам в той самой Провинции, то самолично убедился в совпадении многих фактов из этой истории с тем, что действительно происходило тогда.

В конце концов, самые разнообразные люди, которые волею судьбы оказались вовлечены во все эти события, живы-здоровы, и ради личного любопытства со многими из них я даже пытался поговорить лично. Большинство реагировало странно: люди становились агрессивны или замкнуты, меняли тему или просто замолкали, или совершенно неожиданно начинали оправдываться. В любом случае хочу сказать, что история эта имела место быть в жизни.

Ведь что мы знаем о жизни? Если говорить совсем уж честно – почти ничего. Ни доказать, ни опровергнуть массу странностей в этой штуке под названием «жизнь» часто невозможно, а школьное образование либо игнорирует все разнообразие фактов, либо навешивает на них ярлык – «сказка». А сказка, как известно, доказательств не требует, она, типа того, всем намек и моральное предупреждение. Но разве то, что мы не можем умом и всей силой науки опровергнуть, означает, что этого не бывает на самом деле? Для меня, например, когда я был совсем маленький, Снежная Королева реально существовала, я по-настоящему ее боялся, не понарошку, выглядывал после мультика в окно и слушал завывание метели в зимней вечерней мгле. А если страх настоящий, то и Королева была очень даже реальной, пока мне кто-то из взрослых не сказал, что это голимое вранье конкретного сказочника, и она сама собой не перешла в разряд выдумок.

Впрочем, сказка так сказка, мне все равно. Хочу только заметить совершенно уверенно, что полагать себя умнее детей – совершеннейшая глупость, которую человек, как правило, осознает только в глубокой старости. В общем, считаю своим долгом рассказать, что мне стало известно, а как читатель к этому отнесется – сугубо его личное дело. Честно говоря, я и сам до сих пор не знаю, как ко всему этому относиться и какие выводы, какая мораль для общества, государства и политических консультантов во всем этом повествовании есть?

Единственное, что я вдруг осознал в процессе записывания рассказа – это то, что подобные истории, оказывается, имеют место быть почти во всех местах нашей необъятной России. Куда бы я ни приехал, самые элементарные поиски вновь открывали мне истории, подобные моей. Может, все дело в повсеместных и регулярных выборах и демократии? Ведь не было же раньше массы людей, которые вместо того, чтобы работать, лезут во власть или все свое время тратят на тех, кто хочет залезть во власть, попадая при этом в совершенно жуткие перипетии? Я даже предположил, что и в Москве, и в ООН все бывает точно также, но развивать эту мысль дальше, признаюсь, не хватает личного мужества. Поэтому единственное, что я нагло и не спросив героя изменил в рассказе – имена людей и названия мест, дабы избавить Провинцию от лишнего любопытства, мало ли что в ней еще хранится такого... очень важного для всех нас. В общем, дело было так...

I

Над Петербургом висело темное, набухшее сыростью небо. Эта мрачная, многотонная сырость словно пыталась раздавить клубами землю, прорваться к водам Невы, слиться с нею, и только макушки деревьев, фронтоны дворцов и античные истуканы на крыше Зимнего сдерживали давление небес. Добровольно гулять в такую погоду могут только неврастеники, мистики и совсем юные одиночки без собственной квартиры, страдающие от несчастной любви. «Удивительный город, удивительный город! – шепотом сам с собой разговаривал Турист, кутаясь на ходу в промокшую куртку. – Вот где

небо-то с землей сходятся! Питер – это же край земли... И где Атланты, где Атланты, я вас, дорогие мои, спрашиваю? Приподнимите же небо повыше!»

Турист остался без денег, без билетов, без единого знакомого в огромном городе и брел, совершенно не ориентируясь в пространстве. Вдруг его взгляд остановился на знакомой картинке. Вернее как: куда бы он ни смотрел – везде были знакомые со школы картинке, но взгляд остановился именно на этой – Петропавловская крепость. «А вот пойду и зайду, может, там согреюсь где». В голове сам собой пролетел жиденький рой воспоминаний, ассоциаций и строчек из рекламных буклетов: Петр I, саркофаги императоров, монетный двор, казематы для революционеров, вроде все. Нет, еще такой красивый и несовпадающий с окружающей мрачностью, блестящий на солнце шпиль собора – «до-ми-нан-та» – это слово тоже догнало рой воспоминаний и тут же вылетело из головы неудачливого странника.

Не понимая, с какой стороны зашел в Петровскую цитадель, озираясь среди редких зонтов и фотоаппаратов настоящих, не то что он сам, туристов, остановился перед входом в какой-то собор, вернее, в тот самый, который «до-ми-нан-та», где, наверное, и находилось последнее пристанище русских императоров. Турист подумал, что нет никакой разницы, где греться, и раз уж он в двух шагах от входа – чего бы и не зайти, не подсушиться и не дать передышку уставшим, гудящим от долгой ходьбы ногам.

В этой довольно странной, забегаая вперед, истории у Туриста впервые что-то противненько так сжалось под сердцем – именно при входе в храм. Он попытался уровнять дыхание, списав все на погоду и давление. Затем, быстро перекрестившись, как полагается русскому человеку, шагнул в мерцающее золотой лепниной, прозрачное и устремленное ввысь – в противоположность низким темным тучам – светящееся пространство собора.

Освоившись в новой обстановке, оглядевшись, Турист начал медленно, растягивая время, изображая из себя типичного любознательного туриста, мелкими шажками передвигаться по церковному полу. Он подолгу, опять же растягивая время на обогрев, рассматривал надписи на мраморных надгробиях. Но думал он, в силу своей природной, хотя и тщательно скрываемой от посторонних стыдливости, не о надписях, а о том, чтобы его внешний вид и

поведение не выдали банально замерзшего и бесприютного человека в противоположность, как ему казалось, поголовно умным, прилично одетым, воспитанным и живо интересующимся историей туристам.

Однако, по мере согревания пропитываясь величественной тишиной и светом, недавно еще мечтающий сугубо о тепле и горячем кофе человек, незаметно погрузился в совсем другие, высокие мысли. Словно с тающих сосулек в душу стали падать капли-мысли о власти, страсти и перипетиях истории. Сражения, заговоры, интриги, вызовы эпох и подарки судьбы, победы и трагедии венценосной династии беспорядочным потоком, словно наяву, проносились перед блуждающим по царским мраморным надгробиям взглядом Туриста.

Он всегда был далек от сантиментов и романтики, от великодержавной тоски или циничного злорадства. Но при этом всегда, можно сказать, почти с юности, любую историю пытался переложить в выводы, выводы в рекомендации, а рекомендации довести до технологии получения и удержания власти. А перекладывал историю на область политтехнологий промокший человек потому, что кроме выборов различного уровня в различных губерниях, городах и районах вот уже лет пятнадцать ничем больше не занимался, не интересовался и не пробовал.

И вот прямо в соборе, в этой золотистой пелене видений, икон и мраморных гробниц его зацепила практическая мысль о том, как можно было бы русскому самодержцу использовать демократические выборы, и о том, как надо бы было поступить каждому из русских императоров.

Само собой ему явилось воспоминание, как однажды, в ночь после подсчета голосов на выборах он до хрипоты спорил с новоявленным депутатом Горсовета. Находясь уже на той стадии, когда русские люди спорят обо всем на свете независимо от банкетного повода, он заявил, что император Павел, знай он про референдумы, обязательно бы его провел и оставался бы еще на троне долго-предолго! Поскольку народ его как раз уважал, а петербургская аристократия все больше ненавидела. «П-п-п-авел видел наш век, и если бы не был убит – мир был бы сегодня с-с-с-совсем другой! Надо было просто выжить, а он – ик – не смог!» – заплетающимся языком довел до конца свою длинную мысль Турист.

С этим воспоминанием он словно очнулся, вздрогнул и заново начал внимательно осматривать надгробия, переходя от одного к другому в поисках надписи «Павел I». Пройдя ближе к золотому иконостасу и вытянув шею, он вдруг увидел у одного из надгробий открытую золотую калитку – в противовес всем остальным, плотно запертым оградкам. Со следующим шагом увидел вазу с белым букетом и, уже не сомневаясь, подошел ближе. «Павел, Павел! Бедный Павел... Здравс-с-с-ти-и, Ваше царское Величество! И кому это вы воротики-то отворили?» – про себя, но беззвучно проговаривая слова губами, подумал Турист. Неожиданно вспышкой электрического тока по позвоночнику пробежал дурацкий и смешной, но не в этой обстановке, ответ: «Для меня! Ой-е, мать моя! Меня встречает!»

Турист попятился задом не в силах отвести взгляд и развернуться. Где-то уже у выхода, крутнулся волчком и быстро вышел из Храма.

– Не подскажите, как пройти в этот замок, ну, где императора Павла табакеркой по голове, где он еще все на прусский манер сделал? А? Через мост? Вон тот? Какая Фонтанка? А-а-а, там спросить, ага-ага, спасибо, спасибо! – Турист несколько раз неловко изобразил поклоны в знак благодарности старушке-музейщице и стремительно вышел из Петропавловской крепости. По дороге он весело размышлял о своем испуге, тужился, вспоминая, какой сегодня церковный праздник, и даже почти что был уверен, что сегодня у всех Павлов именины, оттого и цветы, и открытая калитка. На душе стало весело и спокойно. Однако, зная свой характер, Турист не сопротивлялся возникшему любопытству и решил сходить в Михайловский замок императора Павла. Идеи всегда захватывали его полностью, он даже забыл, что ничего не ел со вчерашнего вечера.

А небо над Питером было уже совсем другим: солнечные лучи пробили толщу туч, заиграли позолотой на поверхности уличных луж и Невы, наполнили ярким цветом первую, еще совсем прозрачную весеннюю листву.

Пока мокрый Турист шагает по Троицкому мосту, остановимся ненадолго для знакомства. Не будем вводить читателя в заблуждение и сразу расставим все точки над «i» по поводу личности впечатлительного героя. Вот посмотрите на него со стороны: высокий, не меньше метра девяносто, с копной вьющихся светлых волос, слегка сгорбленный, с нескладной подростковой походкой, худоват, хотя и

широк в плечах. Джинсы грязноваты, ветровка замусолена, кроссовки стары. Глаза василькового цвета, нос прямой как у античного грека, губы припухлые. Девчонки таких обычно любят, но не выходят замуж. Парни таких обычно бьют или изводят насмешками, но уважают за бесшабашность и личную независимость. С виду ему, скорее, подошло бы прозвище Иванушка-дурачок, чем Турист в современном представлении этого слова в головах городских обывателей. На самом же деле зовут его, действительно, Иван, фамилия смешная – Ежихин, отчество – Федорович. Иван Федорович Ежихин.

Взрослые соседи в детстве и юности ласково называли его дебилушкой, или балбесушкой. Одноклассники, когда дразнили, называли его не иначе как Лупень или Паганель за его вечное витание в облаках. Когда не дразнили, то называли просто – Ванька-дылда. Родители у него были самые что ни на есть обыкновенные, из спального микрорайона то ли Казани, то ли Рязани, где, говорят, грибы с глазами. Они, в отличие от странного сына, никогда не падали в открытый на тротуаре люк, не застревали головой между перилами лестничных пролетов, не попадали под мопеды и не пытались ради интереса фотографировать с крыши девятиэтажки лицо пилота в момент посадки в старом аэропорту, который находился совсем рядом с микрорайоном.

Единственное отличие его от сверстников с детства – книжки и толстые журналы. Больше никаких выдающихся достижений. Уже на первом курсе местного института, в веселые девятые годы Ваня Ежихин бросил подрабатывать грузчиком на вокзале и с юношеским восторгом взялся работать на выборах у одного из кандидатов в Горсовет. В избирательный штаб Ваню привел сосед – старшекурсник все того же местного института, который в красках рассказал сколько «бабла можно поднять студенту» на выборах, особенно если бригадиром над другими такими же студентами. Сначала Ване очень хотелось заработать на теплую зимнюю куртку, чтобы не тянуть со своих уже почти нищих к разгару девяностых родителей, но буквально с первого же дня – готов был работать хоть за бесплатно. Его маленькая спальня наполнилась стопками библиотечных книг по психологии, социологии, маркетингу, политологии, а также классическими политическими трудами. Он читал партийные методички, потом хватался за Фрейда, переходил к полевым

социологическим исследованиям, после которых принимался за древнеиндийскую Архашастру. За Архашастрой накидывался на модную в то время политологическую новинку «Уши машут ослом», а после встречи своего кандидата с избирателями, бежал в библиотеку за переводом японского Бусидо, поскольку Ванечке кандидат на мероприятия показался именно что самураем перед харакири.

В общем, повезло человеку, с самого начала жизненного пути нашел, так сказать, свою стихию и цель. А цель простая – придумать непобедимую выборную технологию его, Ивана Ежихина, авторства. С годами он, конечно, поумнел и понял, что не все решается технологическими манипуляциями, тем не менее выборы считал единственной своей профессией, достойной оплаты. Деньги ему, естественно, платили, то густо, то пусто, но обращаться с вожделенными бумажками он так и не научился, по крайней мере, пока не научился, к своим тридцати с небольшим годам.

За то, что он был легок на подъем и с удовольствием ехал по выборным делам туда, где обычно и Макар телят не гонял, в околполитической тусовке города к нему быстро приклеилось прозвище «Турист». При всем отвращении к туризму как способу времяпровождения Иван со временем смирился с этим прилипшим, как банный лист к известному месту, прозвищем.

Выборы в Горсовет тогда, в его первую кампанию, были суровые и бурные. Шальных денег кандидаты не жалели, и по всем тогдашним правилам сметы раздувались неимоверно. По району шныряли бригады агитаторов, внешне похожие то на банды гопников, то на первомайские демонстрации активных пенсионеров. Друг за другом следили крепкие парни в кожаных плащах до пят и разъезжавшие на тонированных девятках. Бригады имиджмейкеров, журналистов, операторов и еще куча всяких разных рекламно-агитационных специалистов-дармоедов всячески показывали кандидату и самим себе, как важна и решающа их работа на выборах. Они кортежами разъезжали по городу, организовывали мероприятия кандидата, искали новые сюжеты для телевидения и газет и устраивали, как им самим казалось, гениальные, не хуже чем на Западе, скандалы и провокации против других, точно таких же кандидатов. Со стороны могло показаться, что все жители города, за исключением малых детей,

профессионально и за деньги занимаются предвыборной кампанией, благо тогда заниматься особо больше и нечем было.

Иван, вникнув в процесс, через неделю был охвачен творческой чесоткой. Он сутки просидел за компьютером и, распечатав материалы, нагло, без приглашения ввалился в кабинет Кандидата, на которого работал.

Кандидат – маленький, лысенький живчик с гусарскими усиками и вечно бегающими глазами. Все советское время он был заместителем по хозяйственной части коммунального техникума, с о-о-очень серьезными по тем временам связями и возможностями. Впрочем, таких персонажей тогда было как навоза весной: куда ни глянь – везде оттаял. А запах навоза, как говорили деревенские трактористы, что толкали по бешеным ценам халявный навоз горожанам, которые в то время массово бежали в пригородные огороды – это запах денег. Главное, что политические персонажи в эту оттепель грамотно вписались в Россию системы девяностых и откуда-то имели деньги, даже фантастические, по меркам Ивана, деньжищи.

Кандидат попил кофе прямо на ворохе предвыборных газет и листовок с начальником своего предвыборного штаба, знаменитым уже тогда технологом Василием Кузнечко. Они оба вопросительно уставились на тогда еще совсем юного Туриста.

– Тебе чего, юноша? – демократично и весело спросил модный политтехнолог, с легким раздражением отметив про себя, что вообще-то это форменное хамство через его голову заваливаться к заказчику, да еще и с какими-то макетами, которые он предварительно не просматривал. Впрочем, заказчик сам же сразу и успокоил инстинкт конкуренции за доступ к телу финансового источника.

– Вася, чего это за перец? – И дальше срываясь на нервный крик измученного публичным вниманием кандидата в депутаты: – И чего они вообще ходят сюда, как на выставку санфаянса?! А? Мне чего, в собственной конторе охранника к двери кабинета поставить? А, блин?

Иван не дал боссам продолжить диалог. Смело, с непосредственной улыбкой идиота подошел к начальственному столу и с удивительной ясностью глаз, которыми он словно излучал торжество, искренность и человеческую доброту, начал громко говорить:

– Да вы не бойтесь, я ненадолго. Смотрите, чего я придумал. Если вот эти буклеты и плакат сделать, то мы гарантированно возьмем пятьсот голосов в СИЗО и заберем примерно тридцать процентов избирателей у нашей конкурентки. Только надо быстро это сделать и это, как там... тотальная и агрессивная расклейка, во!

На столе оказалось два шедевра начинающего политтехнолога: макет будущего буклета с фотографией самого кандидата напротив фотографии знойной голой красавицы, похожей на девушку из рекламы шоколадки Баунти; и второй плакат: голые, едва-едва прикрытые снизу женские груди формата А3 на белом пустом фоне.

– Гы-гы, – заржал Василий Кузнечко. Кандидат стал бордовым, он не отрывал взгляда от буклета, на котором казался сам себе неприлично толстоватым и староватым рядом с тропической красоткой.

– Вы где этих прыщавых озабоченных дрочеров находите? – продолжая багроветь, взревел кандидат, обращаясь к своему технологу: – Да он же враг, Тамаркин шпион у тебя в штабе! Да я ж его... да его щас в лесу подвешат за одно озабоченное место, в натуре! Ты, пионер недоделанный, ты не понимаешь, к кому вваливаешься и с кем разговариваешь?!

Кузнечко мысленно согласился с реакцией заказчика в том смысле, что это юное чудо совершенно точно на его, Кузнечко, бюджеты, претендовать не может. Однако, именно с точки зрения его бюджетов и будущих выборов в Государственную думу, инцидент мог отрицательно отразиться на имидже самого модного в городе политтехнолога. Поэтому начальник штаба начал успокаивать кандидата с помощью самых наукообразных аргументов и примеров из практики цивилизованных стран, что действовало в те времена на российских политиков почти так же, как финский санфаянс на советских завхозов коммунальных техникумов:

– Погодите, погодите! Похоть, инстинкт продолжения рода, богатство в образе больших грудей, наконец, сексуальные девиации – это важный аспект жизни электората! Уверяю вас, что тема сисек – это обоснованная еще великим Фрейдом игра подсознательных табу, которую всегда используют ведущие мировые политтехнологи в предвыборной игре в цивилизованных странах! Вряд ли президент Рейган так бы уверенно избрался, если бы не был популярным актером

Голливуда и объектом желания зрительниц. А ведь на самом деле он далеко не красавец! Сексуальный скандал – двигатель электорального интереса, вопрос только в том, что хотел сказать своим творчеством наш юный стажер. Вы нам поясните идею вашего, пардон, клубничного творчества, завершите гештальт, но только очень-очень быстро, у нас без вас в офисе масса дел между встречами...

Иван был несколько смущен реакцией на свои макеты, но, подумав, что начальники ничего не поняли, а уже дают оценки, начал пояснять:

– Погодите. Это же не то, о чем вы подумали. Возьмем вот этот будущий буклет для СИЗО, лист сгибаем, получается четыре стороны, и что мы видим? Полезную для заключенного под стражу вещь, которую он не выбросит и которая полностью соответствует его жизненным, так сказать, проблемам. На первой странице знойная красавица – это символ желания, мечта запертого человека, сублимация, так сказать, представлений о свободе в послесоветские времена. Дальше – чистый лист с подписью «Распиши тышчонку». Это для популярной карточной игры, главного способа скоротать время, практическая польза, так сказать. Дальше – календарь на полгода вперед, считать оставшиеся дни до суда. И дальше, понятное дело, сам кандидат, который не просто для рекламы, а который понима-а-а-ет! – Иван высоко поднял указательный палец. – Понима-а-а-ет долю человека на шконке, человека, который это, как там, чалится, вот! А если б вы еще договорились радиоточку изолятора использовать для блатных песен, которые хотя бы без оскорбления вертухаев, вернее, сотрудников, то они вас вообще за своего родного приняли бы, и за такой шансон все голоса будут ваши! – Иван сделал паузу, поглядел на реакцию и для убедительности добавил: – В общем, это не примитивное зомбирование и советское собрание коллектива, а сознательная акция на нашей русской платформе «родственных душ»!

Кузнечко, скривившись, почесал за ухом. Он пытался угадать реакцию кандидата, но тот молчал, сопел и не сводил взгляд со своей фотографии. Потом сказал:

– Да эту фотографию даже моей теще показывать нельзя, не то что задержанным! Какие, едрит твою, родственные души! Типун тебе на язык, каркаешь! – Теперь уже Кандидат подумал, что это такой хитрый ход технолога Кузнечко через молодого дурачка, чтобы опять выйти за

пределы обговоренной уже на десятый раз сметы. Поэтому быстро добавил: – Елки-палки, да все уже я перетер со всеми в СИЗО, а вы меня опять стричь начинаете, так сказать!

– А что со вторым макетом? – быстро отреагировал Кузнечко, уводя тему от скользких подозрений заказчика.

– Тут еще проще, – сразу подхватил Иван пас от главного технолога, немного помявшись и думая, как назвать вслух огромную женскую грудь в этом солидном взрослом кабинете: – Не знаю, как там по Фрейду, не все читал пока, но у нашей главной конкурентки, госпожи Скалкиной, в комсомольских кругах было неофициальное прозвище «Скалка-давалка»...

Кандидат в это время заскалился, хитро улыбнулся и слегка качнул головой. Ваня заметил, что попал в точку и продолжил:

– Это прозвище мы просто из узких кругов перетащим в широкое общественное поле. Берем эти, э-э-э, как там, эти... сиськи А-три и наклеиваем на соответствующее место на ее плакаты, которыми она залепила весь город. По тону и цвету все совпадает, смотрите, вот, технически – это ночь работы. Поначалу никто издалека и не заметит наклейки, зато, э-э-э-э, сиськи, конечно, заметят все. Поскольку самые дисциплинированная, не пьющая и нравственно устойчивая часть нашего народа – женщины с детьми и пенсионеры, то пошлая соблазняющая реклама должна вызвать резкое неприятие нашего основного оппонента... и это, того, ну вы понимаете. В крайнем случае через пару дней их штаб сам зачистит от своих плакатов наш город. При этом, благодаря сложившейся репутации – тема разврата будет восприниматься вполне... как это... естественно и правдиво, во! И мы с чистой совестью, как Робин Гуды, не врем людям, а наказываем морально разложившихся кандидатов проигрышем на выборах...

Повисла пауза.

– Еще идеи есть? – спросил кандидат. – Ну и кадры у тебя, Вася, и где ты находишь таких дурачков? Эх, рано комсомол закрыли, рано, в общем, сами тут порешайте, как лучше, у меня стрелка важная, потом побазарим с тобой один на один...

Кандидат как ураганчик завертелся по кабинету, собираясь, пожал руку Кузнечко, одновременно ныряя другой рукой в дорогую дубленку, и шумно вылетел из кабинета.

Кузнечко присел за стол, побарабанил пальцами по столешнице о чем-то думая, поглядел на стоящего перед ним Ваню Ежихина и сказал:

– Садись. Кофе будешь? – Кузнечко потянулся к чистой чашке. – Будешь со мной работать, пока. Может, подружимся и я из тебя человека сделаю, может, выгоню без зарплаты, поглядим. Пока запомни самое главное на выборах: никаких выборов у нас нету. Вообще. Ясно? Есть спектакль, цель которого – заработать денег одним и оформить свое право на власть другим. И не важно, кто победит, главное, чтобы победила юная и пока щедрая российская демократия. И да, запомни еще: у нас нету никакого народа, что это вообще такое – народ? Есть электорат и все. Понял? И мы с тобой никакие не Робин Гуды, а просто «охотники за голосами», настоящие охотники, поймает дичь – будет тебе хлеб с икрой, связи и почет, не поймает – на рынок пойдем китайскими кроссовками торговать. Все просто. Пока этого с тебя достаточно, но ты это запомни, если хочешь выборами заниматься. Оцени откровенность, пока я добрый. И больше без моего ведома никаких инициатив, если на серьезные проблемы не хочешь нарваться, ясно? Это я тебе как бывший факультетский инструктор комсомола советую...

Так у Вани Ежихина появился первый друг по профессии и сама профессия. Потом были разочарования, дискуссии все с тем же Кузнечко о политтехнологиях и власти, периоды затишья и бурных избирательных кампаний, муки совести и обострения цинизма. К моменту своего появления в дождливом весеннем Петербурге Турист уже стал типичным практикующим дельцом с глубокой внутренней тоской о несправедливом устройстве мира и с удивительным образом сохранившейся детской верой в то, что истинная демократия все-таки бывает.

Черный джип мягко прокатил мимо указателя границы одной из провинций Российской Федерации. Джип, короче, такой, ну, долго описывать, такой, что сразу видно – не фермер и даже не начальник цеха на таких джипах ездят, не иначе как очень состоятельный депутат, бизнесмен или сам московский какой начальник. Область, наоборот, была очень древняя, маленькая, с давно высосанным столицей народонаселением и растасканными по алчным частным рукам под

дачи и земельные спекуляции бывшими помещичьими и колхозными усадьбами. Народец в области был все больше престарелый, в современном постмодернистском смысле необразованный, но консервативен, крепок хитростью и традиционно скрытен. Именно так и представлял свою будущую область пассажир черного джипа из рассказов знакомых, чтения интернета и московских сплетен. Этот пассажир – Василий Сергеевич Кузнечко.

Да, да. Тот самый Кузнечко, который в лихие демократические взял себе в подмастерье юного Ваню Ежихина, который по своей непроходящей детской придурковатости оказался в Северной Столице без денег, без знакомых, без крыши над головой и приперся в Петропавловскую крепость погреться.

Вся прожитая жизнь Кузнечко была банальна и обидна, на его взгляд, до слез. Нет, поначалу, на фоне миллионов «нищих совков», когда его почитали и любили, молодого, наполненного энергией и деньгами, связями и острым умом – все было хорошо с самооценкой. Тогда он даже премного собою гордился. Но со временем, как большинство из последнего поколения советской молодежи, разочаровался и понял, насколько жестоко он обманулся. Суть этой поколенческой обиды заключалась в том, что все его сверстники, как и он сам, превратились в поколение обслуги, менеджеров и прочих наймитов у тех, кто реально взял власть и собственность. А благодаря тому, что власть и собственность в стране более старшие и умные люди брали как раз с помощью поколения Кузнечко, соответственно, самим кузнечкам уже не выскочить из системы и уж тем более не перекроить ее под себя.

Василий с тихим ужасом однажды вдруг осознал, что ему предстоит всю жизнь давать советы одним политикам, язвить над другими до тех пор, пока не заплатят, морща лоб, заумно комментировать всякую скандальную ерунду, которую на следующий день забывали даже бравшие у него интервью журналисты. Потом опять комментировать, язвить, советовать и постоянно себя рекламировать всеми возможными придумками – везде, где только можно, всячески изображая из себя востребованного Эксперта, влияющего своим экспертным мнением на жизнь не меньше чем всей страны, а то и на весь мир.

Всю жизнь давать советы и придумывать объяснения или оправдания в зависимости от результатов других людей, других! Но при этом уже никогда самому не принимать решения, никогда фатально не ошибиться, никогда не насладиться своей собственной победой или достижением! В тот момент ему стало так страшно от этого своего открытия, что вся шелуха аргументов о безусловной значимости политтехнологов и консультантов провалилась куда-то в подземелье души, как в мусорную яму. А ведь люди работают на земле, управляют предприятиями, строят фермы, проводят научные исследования, считают бюджет города или борются с младенческой смертностью. Даже труд чиновников, которые не без его, Кузнечко, участия превратились в самую зашуганную и позорную прослойку общества, показался ему вдруг, на мгновение, более благородным и ответственным.

Нет, нет, уважаемые читатели, вы не подумайте, что Василий Сергеевич жаждал доброй славы, хотел бы сам что-то сделать для кого-то! Он просто однажды понял, что его привычная, такая легкая и безответственная, информационно-политтехнологическая власть – кастрированная и бесславная на самом деле. Что в глазах миллионов – он один из типичных балаболов с экранов телевизора или новостных лент Интернета. А ведь начиная с советского пионерского детства, факультетского бюро комсомола он был уверен в собственной исключительности и в собственной особой судьбе. Из-за этой уверенности с развалом Союза бросил свою инженерную специальность, но не рванул вместе с нормальными комсоргами и юными кандидатами в члены КПСС в кооперативы, на аукционы и в криминальные авторитеты, а подался в загадочный тогда политический консалтинг и выборы.

И вот, будучи теперь, через двадцать лет, признанным консультантом сразу нескольких политических партий и ряда крупных заказчиков из числа депутатов и даже чиновников класса «А», он вдруг решил круто поменять свою жизнь и самому всенепременно стать губернатором. Пусть у него нет рабочего происхождения, олимпийских достижений или своего производства, нет рейтинга и авторитета в региональных элитах, нет поддержки Администрации Президента и нет своих подчиненных партийных структур на местах, но кому как не

Кузнечко знать, чего все вышеперечисленное стоит и откуда оно берется.

Решено. Собрать подписи депутатов для прохождения фильтра, выставить свою кандидатуру на выборы губернатора Провинции и победить на выборах! Даже своих кровных и немаленьких, надо сказать, сбережений для этого предприятия матерому эксперту тратить не пришлось. Он просто поговорил тет-а-тет с лидерами двух политических партий, своими старыми клиентами, договорился с одной столичной финансовой группой за минимальный счетчик рекламных упоминаний в своих экспертных комментариях. В качестве гарантий пообещал, что продаст свое снятие с выборов в случае, если будет проигрывать, и отобьет расходы, а в качестве награды – нарисовал политические и экономические радости, которые прольются на спонсоров в случае его победы в Провинции.

В итоге на коленях Кузнечко лежал тяжеленький тугой портфельчик с очень солидной и не стыдной, даже по московским меркам, суммой на первый этап кампании. Ах, как интересно и азартно Кузнечко было представлять в своих планах, что он работает на себя, только на себя!..

– Тише ты, чуть бабку не сбил! – Василий вернулся из глубокого погружения в мысли о предстоящем сражении на кочковатую региональную трассу, в свой черный джип. – Тормози! Сдай назад!

Автомобиль Кузнечко на скорости едва не зацепил старуху, божий одуванчик, сгорбленно тормозящую попутку. «Наверное, в полуразрушенную больницу в какой-нибудь убитый райцентр!» – подумал в стиле грядущих предвыборных выступлений будущий губернатор и сказал больше для водителя, чем для себя:

– Вроде бабка чистенькая. Сквозь тонированное стекло, по крайней мере. Ничего, мы с народом не брезгуем, подвезем и послушаем первую потенциальную избирательницу.

Водитель Петрович, больше похожий на амбала-телохранителя, тихо ругнулся по поводу области, где бабки сами лезут под колеса, и с визгом покрышек сдал назад. Кузнечко, не оборачиваясь, сунул за спинку сидения правую руку и открыл заднюю дверь.

– Как жизнь, бабушка? – через некоторое время громко спросил Василий, пытаясь в зеркало заднего вида рассмотреть лицо

сгорбившейся старухи под небрежно накинутым платком. – Куда путь держите? Как у вас тут дела с начальством, все воруют?

Ответа не последовало.

– Бабуля-а-а, але-о-о! Глухая, что ли? Далеко до вашего Господина великого Града? – через некоторое время повторил вопрос Кузнечко. – Я – «Кузнечко, как маршал Гречко», фамилию то хоть запомни, э-э-э, электораа-а-ат!

Повеселевший Василий поглядел на угрюмое лицо водителя, и настроение поднялось еще больше. И только было он хотел продолжить свой веселый расспрос туземной бабки, как сзади раздалась скрипучая, с легким бульканьем, но очень разборчивая речь:

– Сразу за поворотом во-о-он тем тормозните, соколики, тормози, тормози, во-о-от, соколики мои. А ты малец, – обратилась старуха к Василию, снимая, чтобы перезавязать, платок на голове и оголяя лохмотья седых нечесаных волос, – меч-кладенец найди, а то поляжешь в наших буераках без проку и шапку царскую не примеришь, на худой конец – отвара брусничного похлебай, но только моего, чужова не пей, а то обернуться не сумеешь.

Старуха скрипуче захихикала и, не переставая хихикать, закашлялась своим булькающим, как болото под ногами, кашлем.

Пассажир и водитель, удивленные, вместе повернулись на своих сидениях, чтобы посмотреть на бабку, замерли и с открытыми ртами наблюдали, как та быстро и весело выбралась из машины и бодро поковыляла по тропинке прочь от дороги. В редком пролеске, куда убегала тропинка, виднелись кресты и надгробия какого-то старого кладбища. И ни одного дома, строения, ни одной души вокруг, только темная свинцовая туча, едва пропуская лучи солнца, клубилась на горизонте там, где сходились тропинка, небо, могильные кресты и зеленые ключья болотных перелесков.

Кузнечко и Петрович одновременно резко повернули головы и посмотрели друг на друга, как бы пытаясь увидеть в глазах подтверждение своим догадкам. Наконец, более темный и неотесанный водитель Петрович выпалил громко: «Видал? Ведьма!» Взявший себя в руки и, не в пример Петровичу, куда более образованный Кузнечко, пытаясь справиться с каким-то древним, утробным страхом, ответил: «Как две капли, эта, из «Вия», где Куравлев в главной роли!» Петрович, словно отгоняющий назойливых

мух старый мерин, задрыгал головой, развернулся к рулю и в суеверном ужасе надавил на педаль газа.

Через несколько минут езды черный джип въехал в маленький городок со старой, еще советских времен, ржавой металлической стелой, к которой были приварены крупные, из железных труб буквы названия населенного пункта: «г. Паракорочка. 1537 год»...

* * *

Через Троицкий мост, Марсово Поле, мимо Летнего Сада Турист добрался до Михайловского замка. Строение солидное, богатое и вовсе не трагически мрачное в лучах майского солнца. Даже не верилось, что именно здесь произошло убийство Императора, и на всякий случай Турист переспросил об этом нескольких прохожих.

Громадная и все-таки мрачная арка, узкие коридорчики, касса. Денег на билет не было. Совершенно не стесняясь этого обстоятельства, Иван подошел к окошку и громко, но очень вежливо попросил билетик за бесплатно, поскольку вот денег у него совершенно нет, а когда еще раз попадет в Питер – не имеет даже представления. Впрочем, он готов обменяться контактами с добрым человеком и при первой же возможности пополнить его счет через Интернет. Неприступная кассирша, даром что петербуженка, немного опешила от такой наглости и несколько грубовато для очага культуры отказала, не столько из природной злости, сколько от диссонанса и несовместимости профессионального мировоззрения кассира с просьбой Ежихина.

Впрочем, как говорится, дуракам везет. Полную буфетчицу, чей закуток с кофе-машиной находился тут же рядом, тронула искренность Ивана, и она громко сказала: «Лора, дай билетик молодому человеку, я заплачу за него, пусть сходит, посетителей и так кот наплакал... Господи, да когда ж они ремонт свой уже закончат... Идите, идите, молодой человек, гардероб по коридору в-о-он туда, указатель же висит». Иван, как обычно, с искренним взглядом и стеснительной улыбкой несколько раз нелепо кивнул головой в знак благодарности, заодно попросил у буфетчицы поставить его еще с ночи

разрядившийся телефон на зарядку, пока сам он будет знакомиться с историческими интерьерами.

В пустом гардеробе гардеробщиков не было, каждый сам вешал одежду куда хотел и брал номерок. Только маленькая стайка школьников вокруг пожилого экскурсовода слушала инструктаж перед началом экскурсии. Иван прислушался к рассказу пожилого экскурсовода:

– ...Видите ли, дорогие мои друзья, это не обычный дворец, и собственно говоря, дворцом он был совсем-совсем не долго. После убийства в этих стенах Императора Всероссийского Павла Петровича – царственные особы здесь уже никогда не проживали. Удивительная судьба. Дворец, построенный в пику царственной матери как альтернатива ее знаменитому на весь мир Зимнему, этому чуду Растрелли, стал печальным символом, немой антитезой русской монархии. И главное... – голос экскурсовода стал тихим, торжественным, пожилой гид слегка наклонился к школьникам, вытянув шею навстречу, и почти шепотом продолжил: – Главное, ребята, устойчиво циркулируют слухи о том, что сам Павел Первый, зверски убитый в этих стенах, не нашел успокоение после смерти и до сих пор бро-о-одит, хо-о-одит в своем прусском мундире с непокрытой головой по коридорам своего любимого детища – Михайловского замка, в котором мы сейчас с вами и находимся! Да что там говорить, не вздумайте смеяться – я сам однажды видел его зимним вечером недалеко от той самой спальни!

Уже знакомый по Петропавловской крепости холодок вновь пробежал в груди Туриста, вновь засвербила мысль о цветах и открытой калитке у саркофага Императора, и совсем было уже успокоившийся Турист второй раз за день интуитивно почувствовал присутствие кого-то незримого. Впрочем, сам же экскурсовод вернул его в прежнее состояние рационального современного человека. Экскурсовод произнес, обращаясь к детям, все тем же таинственным шепотом:

– Поэтому, именно поэтому, дорогие ребята, в процессе нашей экскурсии нельзя громко разговаривать, нельзя ничего трогать руками, бегать, толкаться, чтобы... – Экскурсовод печально задрал глаза в потолок. – Чтобы не беспокоить душу невинно убиенного императора Павла Петровича!

Ежихин громко брызнул смехом, невольно привлекая к себе внимание группы школьников. «Мда, три минуты страшилки и целый час спокойного рабочего времени, – весело подумал Турист, позабыв про жутковатый холодок в груди и направляясь прочь от экскурсионной группы в звонкую пустоту дворцовых залов. – Легкая манипуляция и нет проблем. Действительно что-то в этом есть общее, в педагогике и политтехнологиях! Коллега мой, можно сказать! Коллега!»

Турист неспешно шел из зала в зал, пытаясь прислушиваться к своим ощущениям и хотя бы для себя понять: что, собственно, он хотел бы здесь увидеть? Вариантов ответа в голове не складывалось, как бы он не старался думать, проходя мимо редких полусонных смотрительниц в уголочках залов. Он водил невидящим взглядом по свежеставрированным стенам и потолкам, проходил по путаным лестницам и коридорчикам, совершенно уже не ориентируясь в пространстве. Лишь один раз его одернул тихий голос смотрительницы: «В императорской спальне и кабинете еще идет реставрация, молодой человек! Разве не видите стойку с объявлением?» Он покивал головой и побрел дальше. Вдруг посреди очередного вытянутого зала или широкой галереи на втором этаже волосы на затылке зашевелились, стало неудобно, по спине пробежал щекотный озноб. Определенно, кто-то смотрел на него сзади, Иван почти физически чувствовал чей-то взгляд.

Турист остановился, медленно повернулся, никого не увидел, повернулся опять, сделал два шага и снова ощутил на спине чей-то взгляд. Ошибки быть не могло. Он резко развернулся на сто восемьдесят градусов и принялся внимательно осматривать пустой зал, не сходя с места.

Дальше Туристу стало плохо, сердце бешено заколотилось, бросило в жар – он встретился с ним глазами.

Сбоку висела какая-то картина, где было изображено нечто такое массовое, и глаза одного из нарисованных людей внимательно глядели на Ежихина. Наверное, минуту, не меньше, нарисованный человек и живой Иван Ежихин смотрели друг на друга. Взгляд был теплым, живым и даже каким-то изучающим, что ли. Турист затряс головой, зажмурил глаза, открыл снова – картина висела на месте, взгляда не было. Он быстро подошел к изображению в шикарной золотой раме.

«Перенесение Тихвинской иконы Божьей матери в Успенский собор в Тихвине», – прочитал название Турист. На картине был изображен выход людей из храма, на переднем плане Павел Первый и цесаревич Александр вдвоем несли Образ, рядом с Александром – его брат Константин и много-много нарядных сановников и священников вокруг. Вообще-то, взгляд императора на картине был направлен совершенно в другую сторону от того места, где недавно еще стоял Иван.

Но он об этом уже совершенно не думал, в голове бешено билась мысль. Один за другим в мозгу начали открываться ящички воспоминаний когда-то прочитанного в толстых журналах, умных книгах и на сайтах. Извлекаемая информация быстро превращалась в осмысленный логический поток: «Павел несет Тихвинскую икону вместе с сыном, который через три года предаст его и станет участником смертельного заговора против отца. Наверное, среди этих запечатленных неизвестным художником людей были и другие заговорщики. Тихвинская Богородица, явилась в Тихвине после падения Византии и присоединения Новгорода к Москве! Она стала символом явления Третьего Рима и хранителем преобразованного Российского Государства! То есть власти? Стоп! Во время обороны Москвы в 1941 году именно чудотворный список Тихвинской Богородицы пролетел на самолете вокруг осажденной столицы! А сам Тихвин? В оккупации. И... точно, подлинник Иконы немцы увезли в какую-то оккупированную область, оттуда уже за границу...

Так, так, так... То есть икона эта очень даже связана с властью и государством Российским. Павел знал или чувствовал угрозу себе и своей власти, и в ряду его шагов по укреплению самодержавия был не только демократический ящик для жалоб, новый Закон о Престолонаследии, но и просьба покровительства у особой для русской Империи Православной Иконы. Стоп, стоп, стоп! А как же Мальтийский орден? А как же официальное прощение Павлом старообрядцев? Да и одних посвященных масонов в высшем сословии вокруг Павла с самого детства больше, чем батюшек! Какое уж тут ревностное Православие? Что-то не очень бьется!»

В продолжение катарсиса перед картиной в Михайловском замке Туристу яркой вспышкой, в деталях вспомнился давний уже разговор со старшим своим товарищем Васей Кузнечко на каком-то очередном

банкете победителей в ночь подсчета голосов. Тогда Ваня Ежихин не просто спорил, а яростно не соглашался с пьяненьким, расслабленным после тяжелой предвыборной кампании старшим коллегой-технологом (но, надо заметить, с очень трезвым взглядом и разборчивой, хотя чуть более медленной против обычного речью). Как они выкрутили на тему императора Павла, из памяти стерлось, но сам разговор детально врезался ему в память:

– ...Павел точно такой же, как и его мамаша, также ненавидел Французскую революцию и боялся Просвещения! Просвещения, вдумайся! Этой эпохи, благодаря которой появилось все, в том числе демократия, выборы и наша профессия, Ваня! Он ничем не отличался от мамки, кроме своей мелкой ненависти ко всему, что было связано с Катей Великой. Чистый экземпляр для психоаналитика! Видеть в нем что-то этакое оригинальное – глупость! Все та же православная самодержавная тоска, завернутая в такой же убогий прусский мундир! – несколько менторски и с долей снисхождения к собеседнику произнес Кузнечко, стреляя глазами на дальний край стала, где со всеми членами штаба активно флиртowała молоденькая референтка.

– Нет, Вася! – кипятился тогда Ежихин. – Желтый ящик Павла Первого – это супер-идея того времени! Это первая технология обратной связи монарха и народа! Это не бла-бла-бла про «Царя, плохих бояр, народ», а конкретное, процедурное претворение той же самой демократии! Понимаешь? Что такое демократия? Это же не только выборы, как ты понимаешь! Это обратная связь с народом! Любой гражданин Империи мог опустить в царский желтый ящик свою жалобу или мнение, любой, причем не анонимную! А это ведь еще восемнадцатый век! Может, поживи он подольше, как раз и родилась бы этакая модель «Православной демократии». И ведь пишут современники, как эффективно это работало!

– Эффективно, – ответил Кузнечко, сплевывая виноградную косточку на тарелку. – Но недолго. Понимаешь, Турист, какое тут дело. «Православная демократия» – это оксюморон, морок, фантом, так же, как «Исламская демократия» или еще какая. Не, не, не! Про всякие крестьянские сходы, Соборы и прочие выборы Царя-батюшки ты мне не рассказывай! Смотри, ну, какая кралячка! С третьим уже танцует и за мягкие места дает подержаться, а все на меня косится! Так вот, Турист, демократия и вот именно православная монархия не-сов-мес-

ти-мы! И все демократические процедуры обратной связи будут выливаться или в миллионы доносов, или в анонимное освистывание и оплевывание всего и всех в родном Рунете! Так-то! Наливай по пятьдесят!

Кузнечко был уверен в своем интеллектуальном превосходстве и правоте на фоне нахмуренного и переваривающего услышанное Ивана с бутылкой коньяка наперевес. Ему даже захотелось немного подбодрить своего усердного помощника, и Кузнечко веско добавил:

– Что поделать, друг мой, демократия уверенно победила! А в демократии невозможно получать власть сугубо от Всевышнего и лично отвечать за всех перед ним же, по-царски, так сказать! Только наше наследие и гены мешают электорату расслабиться и получать удовольствие! Именно из-за этого, засевшего на уровне подкормки наследия у нас до сих пор нелепо, как заморский маскарад, выглядят и выборы, и добровольно залезшие в предвыборный ад истово крестящиеся в храмах народные избранники. Две системы ценностей при столкновении друг с другом делают каждую в отдельности смешной и нелепой, а мы с тобой всего лишь работаем в том, что есть, стареемся причесать и довести до ума, во всем можно найти свой гешефт при должном понимании.

Василий уже было встал в направлении танцующих членов штаба и весь вечер стреляющей в него глазами референтки, но Ежихин опередил его и, ухватившись за последние слова Кузнечко, резко проговорил:

– Вот именно! Именно, что демократия победила, пока победила! И не просто демократия, а именно европейская демократия и именно как альтернатива христианству. Чем больше демократии, тем меньше христианства и наоборот! Только так! И Павел, мне кажется, это понимал! Он навел мосты с Папой Римским и взял под свое крыло Мальтийский орден, он закончил вражду со старообрядцами, он вместе с Наполеоном мог закончить колониальное владычество Британской империи – и сегодня был бы совершенно другой расклад в мире. Он интуитивно, наверное, понимал все риски христианской цивилизации, о которой почти через сто лет будет писать с презрением Ницше и с надеждой наш великий философ Соловьев! Демократия может вырастать только из собственных корней той или иной страны!

Кузнечко замер у стола с яблоком в руках, повернулся и внимательно посмотрел на Ежихина, пытаюсь понять смысл его слов. Зная, что история и уж тем более философия не его конек, и опасаясь, что не сможет сохранить первенство в разговоре, он pokrutil пальцем у виска и сказал, весело подмигнув:

– Ваня, не пей больше, если что – присоединяйся к нам, уверен, что вечеринка рестораном не закончится.

Кузнечко ушел, а Ежихин остался за столом, проговаривая по привычке губами череду своих рассуждений...

– Молодой человек! Молодой чело-ве-е-ек! Я что за вами по всему дворцу бегать должна? Ваш телефон зарядился давно и несколько раз пиликал громче Петропавловской пушки, не нашла как громкость убавить!

Перед Туристом стояла сердобольная буфетчица с его телефоном в руках. Иван смотрел на нее невидящим взглядом, все еще находясь где-то далеко в своих мыслях. Буфетчица аж отпрянула от его стеклянного взгляда и тут же, вложив телефон в руку, развернулась в направление своего буфета.

Турист пришел в себя, еще раз внимательно посмотрел на картину, жалея, что чуть-чуть не успел додуматься до чего-то действительно важного, затем, выдохнув, посмотрел на экран мобильного. Каково же было его удивление, когда он увидел пять пропущенных вызовов того самого Васи Кузнечко, которого уже больше полугода не видел, но которого вспоминал, стоя перед картиной буквально только что...

* * *

А поводов звонить Туристу у Кузнечко действительно было предостаточно. Несмотря на все свое понимание предвыборных процессов и знание свойств отечественного электората в самых различных областях и местностях необъятной Родины – события складывались не то чтобы не по плану, а как-то несколько странно даже для такого опытного и искушенного в политическом общении человека. Впрочем, давайте по порядку.

После случая с классической киношной ведьмой под Паракорочкой странности для Кузнечко не закончились, а только начались, к тому же он там же, в первом же древнем населенном пункте своей будущей области, умудрился и влюбиться, как юноша, и подраться, отчего был весьма и весьма сосредоточен и зол на себя.

Шикарный черный джип вкатился в городок где-то в то время, когда солнце еще высоко, но самые хитрые работники тихонько, вроде как «по делам», уже испаряются с рабочих мест, а те работники, что не такие наглые – уже каждые десять минут посматривают на часы и строят планы на вечер.

– Администрацию города ищем, Петрович! Там обязательно флаг, табличка красная с гербом, какие-нибудь голубые елочки вокруг и статуя Ленина должна быть, поймешь, в общем. И помедленнее кружи, сбавь скорость, – сказал Кузнечко водителю и полностью открыл окно автомобиля, чтобы составить впечатление о райцентре.

Впечатление было не самым приятным. Нет, конечно, хватало покосившихся развалюх, убогих, по столичным меркам, ларьков типа «Райпо» с безумно аляповатыми безвкусыными вывесками, облезлых фасадов и грязных заборов. Но в этой ожидаемой провинциальной убогости то там, то сям в глаза бросались яркими пятнами то новые тротуары, то вполне московская детская площадка, то с новеньким фасадом и окнами школа, то аккуратные новые скамейки в аллее и, к сожалению, в основном сносное, а кое-где, прямо скажем, свежее

дорожное покрытие. «Ну, ничего, ничего... – отметил про себя Кузнечко как бы в ответ на зримые островки успеха. – Хорошие изменения местный глаз быстро замыливает, а проблем всегда куда больше достижений. Значит, будем делать ставку исключительно на коррупцию, это ж сколько объектов для распила подрядов!»

Зато буквально через десять минут будущий кандидат с удовлетворением отметил для себя важнейшее обстоятельство: большинство взрослых людей на улицах были красноваты, кривоваты и сумбурны в передвижениях, а в трех или четырех местах кучками откровенно орали песни, активно размахивая руками и периодически обнимаясь. «Вот! Бухает провинция! Власть спаивает исконные русские земли, и ведь наверняка сивухой в каждом дворе торгуют! Это в рабочее время причем, значит что? Безработица, отсутствие инвестиций! Да можно хоть завтра, не выезжая из этой захолустной Паракорочки, замострячить целую газету и не сомневаться, что попадешь в точку! А поскольку в этом регионе критику власти издают минимально – проблему моей узнаваемости мы решим достаточно быстро. Так, ну и старый добрый вариант с нормальной водкой в день голосования пока не откидываем, потенциал для такого шага здесь, похоже, богатый!»

Кузнечко тайно гордился своим умением с полувзгляда увидеть всю ситуацию целиком, включая возможности управления этой ситуацией на будущее. И чаще всего он не ошибался, а действительно подкидывал клиенту интересные темы. «Нужен надежный человек, чтобы уже сейчас занялся подготовкой и раскруткой материалов!» – подумал Кузнечко и вышел из машины около невзрачного, но зато в яркой цветочной клумбе памятника Ленину, что стоял аккуратно перед зданием Городской Администрации.

Кузнечко взял свой тугой портфельчик, снова прокрутил в голове еще в Москве продуманный план, настроился работать «по ситуевине» и уверенной походкой, насвистывая, вошел в здание. Безошибочно ориентируясь в коридорах власти, он, как полагается, на верхнем этаже (вот интересно, почему у нас главные начальники в здании всегда на верхнем этаже?) быстро нашел дверь с табличкой «Приемная» и открыл ее. Подмигнул секретарше со словами: «Я к шефу, и ни кого к нам не пускать, красавица!» Растерявшаяся помощница не успела сказать даже слова в ответ, как Кузнечко уже закрывал за собой дверь

кабинета с табличкой «Петр Ильич Музыкаин. Глава городского поселения».

В кабинете за столом для совещаний сидело трое. Кузнечко ухватил взглядом молниеносное движение руки по столу одного из людей. Заметив среди чайной посуды несколько бокалов и кружочки колбасы на блюде, будущий губернатор понял, что здесь происходит тоже самое, что на улице, но в более кулуарной обстановке. Кабинет, надо сказать, был бедный, но чистый. В глаза бросалось только современное кожаное начальственное кресло за старым советским лакированным столом и огромный вышитый герб Паракорочки с датой основания прямо под двумя (что подчеркивало предусмотрительность хозяина кабинета) портретами бывшего и нынешнего Президента. Весь этот осмотр и выводы пронесли в голове у Кузнечко, как всегда, за доли секунды. Не давая опомниться огорошенным мужчинам за столом, он сразу приступил к главному:

– Мне нужен Петр Ильич, желательнее с глазу на глаз. Зовут меня Кузнечко Василий Сергеевич, я к вам из Москвы по государственным делам.

Один из мужчин поднялся, указал глазами на дверь коллегам – последние тут же почти бесшумно, словно облизывая стол, стулья и самого Кузнечко, просочились к выходу и исчезли за дверью.

– Это мои замы, решали тут вопросы, – сказал поставленным, властным, привыкшим командовать голосом Музыкаин, – присаживайтесь. Музыкаин обреченной походкой прошел от стола заседаний в свое модное кресло, указал Кузнечко рукой на стул перед выдавшим виды начальствующим столом.

Глава города не показывал ни малейшего страха перед неожиданным посетителем, скорее угрюмое понимание того, что перед ним не какой-то частный бизнесмен или землевладелец, что могло бы стать хоть чем-то интересным для него лично и города, а именно товарищ с портфелем по «государственным делам». Это был невысокий, жилистый мужик с шикарными густыми, с проседью усами. Загорелые, узловатые, с грязными ногтями руки говорили о том, что человек как минимум имеет огород и знает, что такое рабочий инструмент. Волевые выпирающие скулы и спокойный взгляд серых глаз выдавали в нем большой жизненный опыт, кулацкую хитринку и что-то там еще, ускользающее от понимания Кузнечко. В любом

случае на мелкого воришку с нищим бюджетом и алкогольной зависимостью мужик был похож меньше всего, компромата на него в особой папочке Василия Сергеевича не было, поэтому говорить с ним следовало максимально откровенно. И доверительно. «Доверительно, доверительно... как же эту морду кулацкую расположить-то так сразу?» – пульсировала в голове мысль.

– Петр Ильич, на самом деле у меня к вам дело, деловое предложение. Давайте я в двух словах сначала расскажу про себя...

Затем Кузнечко скромно, но очень весомо и убедительно рассказал о себе, не забывая называть всем известные в стране фамилии и организации. Для подкрепления своих слов он дал в руки главе для изучения несколько своих корочек: помощника депутата ГосДумы, члена Общественного Совета ветеранов Москвы и удостоверение советника одного из губернаторов далекого от нашей провинции края. Смысл его рассказа заключался только в одном: я серьезный человек большого полета по всем предвыборным делам и финансовому лоббизму, открытый, готовый разговаривать и никогда всякую чепуху не предлагаю. Закончил он свой короткий спич так:

– В общем, Петр Ильич, если мы с вами договоримся, я могу сделать вас известной персоной в московской прессе, например, по ходу предстоящих в регионе губернаторских выборов. Также в случае удачного сотрудничества я гарантирую вам как минимум быстрое продвижение на областной олимп власти в той роли, которую вы сочтете для себя самой интересной, ну, замгубернатора, например, почему бы и нет? Или депутатом областной Думы?

– Эх, мил человек, нашел, кому радужные картинки рисовать! – все еще с подозрением ответил глава. – Нас и тут неплохо содержат, да и не молод я прыгать-то по карьерам. Были бы гроши в кармане, да с главой района поменьше собачится, да чтобы Витька Клюка заткнулся бы до самого своего отпевания, так и не надо ничего больше...

Это был ключевой момент, Кузнечко мысленно высокомерно улыбнулся. Затем буквально за 15 минут он выяснил, что райцентр – это главный помощник главы района на всех выборах, а субсидий от района не дождешься, что Витька Клюка – личный враг, депутат городской Думы, который имеет в районе свой интернет-сайт, такой же поганый, как и он сам, пользуется, негодяй, покровительством областной оппозиции и пьет кровь главе каждую сессию. И вот

недавно как раз оскорбил на свою голову даже не его, главу, а все население и память, витиевато доказав в своих статейках, что советские партизаны во время войны в их районе имели как минимум 24 случая грабежа местного паракорского населения.

Слегка поддакивая, показывая свое участие уточняющими вопросами и вообще всячески создавая в кабинете атмосферу солидарности, Кузнечко пообещал за два-три дня решить вопрос с Ключкой и главой района. Настало время перейти к делу. Интуитивно чувствуя, что этот симпатичный москвич вот-вот начнет говорить собственно о том, ради чего явился, глава вдруг резко переменял весь ход беседы. – Мил человек, как там тебя, Василий Сергеич, если ты русский мужик, хоть и московский, да, глядишь, может, и вправду чем поможешь, так давай взбрызнем это дело! Иль откажешь? А иначе, какая откровенность и доверие? Может, у тебя там в портфеле диктофон какой? А выпимший человек, коли зло имеет, обязательно проболтается, не зря у нас говорят, что у трезвого на уме... Ну? Попробуешь амброзии?

Кузнечко с готовностью встал и потер руки, всем видом показывая радость, хотя внутри поморщился: и пить-то он не очень любил, а бурду всякую провинциальную не только не любил, но и, прямо скажем, опасался. Но чего не сделаешь ради большого проекта.

Они перешли за стол заседаний, уселись друг против друга, разделенные вдруг появившимся графином с бордовой жидкостью, блюдцем с толсто нарезанной колбасой и тарелкой хлеба.

– А выпить у вас тут, как я посмотрю, любят, весь город пьяный в рабочее время, Петр Ильич! Понятно, не в ваших силах, безработица! – сказал Кузнечко, глядя, как Глава разливает жидкость по стаканам. – Мне не полный, хорош, хорош...

Глава в предвкушении живительной дозы искренне и патриотично по отношению к своей малой Родине возразил:

– Василий Сергеич, да тракториста не найти, на большую зарплату, между прочим, сварщика из соседнего Пустозерска привозил! Поужжала молодежь в столицы, работать некому, а работы что брусники на болоте, работай не хочу! Любят выпить, конечно! Но только по особым случаям, у нас тут строго, я даже Товарищеский суд возродил во всех муниципальных предприятиях, ежели кто этого дела

хлебнет на работе или с похмельюги прогул совершит – сразу меры принимаем и чтобы ни-ни! Ну, чокнемся...

– Так, а сегодня что за праздник? – спросил Кузнечко, цокая языком от совершенно прекрасного, душистого напитка и пытаясь вспомнить вкус. – Б-а-а, Петр Ильич! Да я такой портвейн еще на втором курсе покупал через знакомую продавщицу в гастрономе! С тех пор и не встречал нигде! Где ж вы взяли такое чудо?

– В-о-о-от! Как можно не пить такой нектар народу, да еще когда на халяву! – Глава понизил голос, наклонился к гостю и продолжил: – У нас тут ликеро-водочный завод был в советское время, портвейн разливали. Как и все заводы, после перестройки его того, загубили в хлам, может, видели на въезде – по правой стороне развалины торчат! В-о-о-от, все, что можно было оттуда свинтить – давно посвинтили. А тут вспомнили мужички наши, решили еще прочесать развалины на предмет металлического лома, перекупщикам толкнуть, да нашли... железно-дорож-ну-ю ци-стер-ну! Глядь, а она полнехонька, пей не хочу, то бишь больше двадцати лет закупоренная и простояла! Вот как бывает! Ну, я, конечно, пытался это дело контролировать, да где уж там! Все тихо и незаметно разлетелось по частным канистрам земляков всего района, мне вон аж две фляги притаранили, уважают. И я тебе скажу, мил человек, бесполезно от такой амброзии людей ограждать, все равно пока не выпьют – не успокоятся, а вот ежели через колено, с цистерной этой, то не только губернаторские выборы, вообще можно сразу в отставку подавать, не будет жизни... Давай еще по бокальчику...

Кузнечко решил переходить к делу, пока после киношной ведьмы на дороге, беспризорной цистерны с советским портвейном, он совсем не утонул в провинциальной экзотике, да и сильно хмельеть очень уж ему не хотелось:

– А много ли, уважаемый Петр Ильич, из числа депутатов ваши люди? Надежные люди, которые выполнят вашу просьбу в том или ином рабочем вопросе?

– Да все, Василий Сергеевич! Все восемнадцать мои, кроме Клюки, чтоб ему пусто было, я ж уже лет пятнадцать на выборы хожу и своих вожу, те, кто были не мои – давно уже и не депутаты, хе-хе! Токо одним кулаком, иначе бардак и развал, как вот до меня еще было.

– Хм, то есть восемнадцать из девятнадцати депутатов от партии власти? – уточнил Кузнечко.

– Зачем все? – обиделся глава. – Что мы не понимаем про демократию и линию партии, что ли! Всякие депутаты есть, всех партий и даже два общественника, счас же модно общественников... Но все мои, все. А в чем вопрос-то? – Дело совершенно пустяцкое, но важное! Смотрите, Петр Ильич, скоро выборы губернатора. Сейчас побегут подписи депутатов собирать, чтобы получить право выдвинутся кандидатом в губернаторы. Я – тоже пойду, сам, с Москвой все согласовано, мне нужны пять подписей ваших депутатов, всего пять...

– Постой, мил человек, – возразил глава, изменившись в лице так, что, казалось, кончики его бравых усов грустно повисли вниз. – Меня лично действующий губер более-менее устраивает, и вообще вся Паракорочка за него проголосует, как я чую, процентов на семьдесят точно! Зачем ты меня, мил человек, под монастырь подводишь и перед главой района, и перед самим губернатором?!

– Петр Ильич! Дослушайте! Я ж все понимаю, я ж не враг, и никакого желания подводить вас – нет! Нет! Смотрите! Вы даете пятерым вашим депутатам команду отдать подписи за выдвижение Кузнечко, то есть меня, так? Самым разгильдяям, или неграмотным, можно из разных партий и даже ваших этих «общественников». Они потом говорят, что не разобрались или запутались в этой карусели с подписями и все! Вы в крайнем случае пальцем им погрозите, когда область вопрос задаст. Так и то не задаст! Смотрите, у действующего губернатора подписи будут – раз плюнуть, депутатов от партии власти у вас на четырех кандидатов в губернаторы хватит! И голосуйте за него сколько хотите!

Что касается ваших оппозиционных партий – им своих мандатов не хватит, значит, в соответствии с установкой Москвы на демократию и конкурентность – партия власти сама лично, как миленькая, будет помогать собирать подписи минимум, по моим прикидкам, трем вашим оппозиционным партиям. То есть оппозиция вообще не будет заморачиваться, за нее подписи соберут и на блюдечке принесут в Избирком. Понимаешь? Ты никого не подводишь, свою подпись ставишь за кого тебе скажут, при этом и мне помогаешь, и помогаешь

своему пока еще губернатору в выполнении установок Москвы, а плюсом еще и это...

Кузнечко положил портфель перед собой, ловко дернул молнию и достал стопку новеньких тысячных купюр и после небольшой паузы, убедившись, что глава на взгляд прикинул количество купюр, прикрыл деньги листком бумаги, на котором было напечатано «Расписка в получении пожертвований» и мелким шрифтом текст с пропусками для вписывания собственноручно.

– Никто в вашей провинции за подписи предлагать ничего не будет, это ты сам понимаешь. Я вхожу в твое положение, ты – в мое, и эта расписка, моя маленькая гарантия, для тебя – тьфу! Скажешь, что развел столичного лоха на новый спортгородок или инвентарь для Дома Культуры! Я не прошу тебя становиться предателем, это святое и непоколебимое для русского главы города, но при этом ты получаешь возможность сделать доброе дело для человека! Со всеми, со всеми перспективами помимо вот этого, – Кузнечко кивнул на бугорок купюр под распиской...

Настроение было прекрасным! Кузнечко вдохнул свежий майский воздух на крыльце администрации, протянул тут же стоявшему водителю Петровичу бумагу с фамилиями депутатов: «Продиктуешь юристу, как договорились, пусть выезжает, время – деньги!» Подошел к машине, стянул с себя одной рукой модный итальянский галстук, другой положил свой упругий портфель под переднее сидение, закрыл дверь джипа снаружи и, сунув руки в карманы, двинулся пешком по тротуару центральной улицы Паракорочки. «Петрович, я продышусь, разомну свои затекшие члены и сделаю пару звонков. Езжай поблизости, не оставляй машину, а то ты своим угрюмым бандитским видом скомпрометируешь будущего губернатора в глазах паракорочек, или паракоровцев... Или паракоровчан?»

Весело засмеявшись, продвинутый политконсультант Кузнечко с мыслями о том, что это не просто начало красивой схемы его вхождения в большое кресло, но и сенсация, политтехнологическое хулиганство, издевательство над той общественной системой, которую он сам же столько лет цементировал и сам же теперь, очень тонко, без войны и скандалов повергнет в пучину удивления. С первыми длинными гудками на той стороне невидимого провода он успел

мысленно добавить к цепочке размышлений: «Я вам покажу демократию с конкуренцией»...

– Алло! Турист? Ты мне нужен, есть работа! Где ты находишься? Это прекрасно! Ехать не так уж и далеко, выдвигайся... Опять нет денег? Что у тебя вечно нет денег? Какие бандеровцы? В милиции или в музее? А, пока в музее... ну перекантуйся чуток, вечером пошлю Петровича за тобой. Ты не меняешься, короче, без приключений никак! Приедешь уже с авансом в кармане, первые задачи скину на почту, считаешь в дороге! Чего ты вообще в Питер поперся? Какая девушка? А, ты до сих пор с ней только по интернету общался? Ну, ты клоун! Вернее в женском деле клоун, не обижайся, Вань! Найдешь, где переночевать? Все, телефон Петровича сейчас скину, это водитель и охранник в одном лице, он быстрый. Все. До встречи, Турист, очень нужен мне лично, не пропадай никуда, жду!

Все было по плану, дешевле, чем он опасался, при этом без бань, девок, гармошки и вонючей самогонки, которая не только в провинции, но и в столицах хоть и становится куда престижнее всяческих импортных напитков как здоровый продукт, но всегда вызывала у Кузнечко отвращение.

Даже если треть держателей депутатских душ из того списка, который он наметил, подпадут под его расписочки – все будет прекрасно и с хорошим запасом на всякий случай. Очень нужно теперь, параллельно, буквально за месяц накачать свое присутствие в регионе проблемами для действующей власти, тогда это автоматически поднимет его рейтинг узнаваемости до официального старта кампании и увеличит цену «мирной договоренности» за снятие, а это уже совсем другая цена в отличие от несчастной стопочки купюр в кабинете главы! «Определенно, выборы – самый выгодный грех человечества!» – пошутил про себя прожженный Кузнечко и... влюбился...

Недалеко от Кузнечко стояла прекрасная, совершенно свободная в движениях, звонко смеющаяся, с потрясающей улыбкой и лучистыми синими глазами молодая женщина! Ее золотисто-рыжие волосы, подстриженные «под каре», слегка развивались на майском ветерке, приоткрывая нежную лебединую шею. Сильные длинные ноги, красивая грудь, узкие, но женственные под тонкой талией бедра, и просто какое-то потрясающее свечение вокруг. В груди Кузнечко все

застучало и заныло, взыграло как когда-то очень-очень давно, наверное, еще школьной весной, и больше никогда не являлось в его хлопотной жизни. Конечно, у него было много женщин и даже пара гражданских жен года по три каждая, но к противоположному полу он совершенно искренне относился со всей профессиональной циничностью, как к некой регулярной форме собственного комфорта.

Кузнечко, как мог, взял себя в руки, попытался отдышаться. Девушка весело щебетала с определенно местными, неряшливо, на его взгляд, одетыми парнями. Будущий губернатор попытался вернуть себя в привычное состояние циничного инженера человеческих душ и мимолетом проанализировал внешний вид Богини. По одежде, дорогому маникюру, цвету и состоянию кожи, легкой косметике, стильной, но неброской облегающей одежде – он вполне мог бы ее встретить где-нибудь в Праге, Лондоне, на Мальдивах или в лучших московских ресторанах. В то же время по манере держаться, жестам, какой-то необъяснимой ауре – она совершенно не походила на столичную штучку или разбогатевшую на каком-нибудь богатеньком папике провинциалку. Да и парни эти, судя по их общению, наверняка местные одноклассники из детства красавицы...

– Зенки лопнут, чего пялишься? – вдруг вернул Кузнечко на землю резкий голос одного из парней.

– Успокойтесь, юноша, не вы же здесь девушка, не на вас смотрю, – совершенно уверенно сказал Кузнечко с интонацией, с которой говорят привыкшие властвовать люди или которые никогда, по крайней мере очень давно, не получали в ухо на улице. Он сделал несколько шагов к девушке и совершенно неожиданно для всего своего жизненного опыта сказал: – Милая девушка, простите меня ради Бога, вас, кажется, зовут Ирина, как я услышал? Я хочу сказать, только не смейтесь, что я люблю вас... Что я несу... Сразу полюбил, вернее... Не поймите превратно только! Выходите за меня замуж! Меня Василием зовут... Как вам сказать... Подождите! Не прогоняйте только...

Ирина внимательно своими огромными лучистыми глазами посмотрела на Кузнечко. Причем она даже не окинула его всего взглядом, совершенно точно не обратила внимания, как это обычно делают столичные красотки, ни на шикарный итальянский костюм, дорогие запонки, небрежно расстегнутую на шее дорогую сорочку, ни

на ультрамодные, буквально вчера из московского бутика, туфли Кузнечко, а просто с любопытством посмотрела в глаза. Василий был непривычно смущен и даже растерян, но отвести свой взгляд от этих синих лучистых глаз не мог. Через секунду ее любопытство снова сменилось безбрежной весенней веселостью – и Кузнечко понял, что сейчас раздастся веселый колокольчик смеха и озорных улыбок. Но раздался удар. Не в ухо, а прямо в челюсть Кузнечко.

Понятно, в принципе: посторонний для городка, внешне классово чуждый пижон, да еще при любимой Ирке так, походя, подколот нормального парня чуть не в собственном огороде.

Кузнечко устоял, хотя все закачалось перед глазами, инстинктивно дернул рукой, запоздало прикрываясь, краем глаза увидел сильную клешню второго парня у себя на лацкане и в ту же секунду вдруг – большую черную кожаную спину Петровича между собой и парнями. Посыпались удары, какие-то резкие и громкие слова, закрутился водоворот движений и возни вокруг.

На самом деле вся драка заняла меньше времени, чем ее описание, так как Богиня – как теперь мысленно всегда будет называть ее Кузнечко – громко вскрикнула и скомандовала «Брейк!», лично бросившись разнимать бойцов.

Кузнечко успел прийти в себя и громко сказал, опасаясь за юридические и политические последствия инцидента:

– Петрович, стоп! Не трогай их!

– Ниче себе, не трогай, – тяжело сопя, прорычал Петрович. – Кулаки как монтажки, не стрелять же их...

– Попробовай стрельни! – тяжело дыша и вытирая кровь под разбитым носом, ответил зачинщик драки. – Дроби в задницу ни разу не получал дуплетом? Козлы, блин...

– Мальчики, чтобы я вас через три секунды здесь не видела, завтра созвонимся, – сказала с железными нотками в голосе Ирина, подходя к Кузнечко и протягивая ему свой платок. – Простите, ради Бога, это я виновата! Только милицию не вызывайте, пожалуйста, эти охламоны со школы такие, но они хорошие люди, правда! Простите их, пожалуйста!

Кузнечко от близкого расстояния и голоса Богини снова почувствовал себя на седьмом небе. А когда она предложила зайти в кафе за углом умыться, привести себя в порядок и выпить чашечку чая

– он испытал счастье, несравнимое ни с каким другими видами счастья: от доступной женщины, большого гонорара или от блестящей победы на трудных выборах. Собственно, других видов счастья Василий Кузнечко и не помнил в своей жизни, разве что теплые материнские руки, и то очень смутно.

О чем конкретно они разговаривали в кафе история умалчивает. Богиня часто смеялась, с искренним интересом задавала Кузнечко уточняющие вопросы по ходу его многочисленных рассказов из жизни столичной тусовки. Кузнечко был счастлив, тоже смеялся и размахивал руками, чувствуя себя совершенно свободным и счастливым человеком в маленьком провинциальном кафе. Единственное от чего категорически отшучивалась Ирина – это серьезные темы о том, с чего, собственно, Кузнечко и начал свое знакомство.

Одна фраза Богини, которая доподлинно известна с того вечера – это как раз очередная попытка отшутиться от серьезного, впервые в жизни наполненного благородной страстью Кузнечко: «Да какая свадьба! Вы знаете, уважаемый москвич Василий, мне еще в восьмом классе одна бабулечка на улице нагадала, что стану я женой не меньше, чем настоящего Героя, или какого губернатора, или даже генерала! Вот поэтому, наверное, и засиделась в девках до такого возраста!»

Конечно, в такой атмосфере и состоянии Кузнечко юмора не уловил, а сидел как громом пораженный от услышанного! Приехать в провинцию с целью стать губернатором и в первый же день начать верить в любовь и судьбу, которая словно укрепляла его в планах и усиливала любовью как атомной энергетической установкой – это, кхм, не только странно, это совершенно гремучая смесь для головы политконсультанта, считавшего себя чуть ли не ловцом и управителем душ тысяч обывателей. Он и так был запредельно настроен на борьбу, теперь же чувствовал, что способен перевернуть землю, стать не только губернатором, но кем угодно, если этого пожелает Богиня. После такого совпадения Кузнечко готов был немедленно сражаться за власть, ему очень хотелось как можно скорее скинуть с себя тесный хитин технолога, эксперта и вообще вспомогательного, пусть и с известным люфтом безответственности, субъекта, стать героем и царем, стать достойным своей Богини.

Провожать Ирину не довелось. Она как дама обеспеченная села за руль своего авто, подаренного ее родителем, одним из самых серьезных людей во всей Провинции, и, весело помахав ему рукой, исчезла в сумерках вечера. «Хорошая тачка», – подумал Кузнечко и направился к скучающему в джипе Петровичу:

– Петрович, меня в гостиницу, здесь останусь, дела еще есть, а ты езжай-ка в Питер, привези мне Туриста, вот его телефон, дай ему вот эту сумму... И давай поскорее! Да, покорми его где-нибудь на трассе, что ли, наверняка оголодал со своими приключениями. По дороге пусть сидит в Интернете и работает по моему ТэЗэ, завтра будет докладывать свои соображения, предупреди его, времени нет...

* * *

Турист отключил телефон, продолжая стоять у загадочной картины в галерее Михайловского замка. Звонок старого товарища Кузнечко вывел его сумрачного, пограничного состояния сознания, которое он так любил, поскольку именно в таком состоянии в его голове рождались новые идеи и обретали ясность многие мучавшие его периодически вопросы мироздания. Турист тихо вздохнул, прямо почувствовав, как окружающее пространство перестало быть таинственным и наполненным чем-то особенным и важным. Зато вспомнил, что ничего не ел, что в карманах нет денег, не во что переодеться, некуда идти и какой-то там неизвестный Петрович приедет за ним только завтра, только под утро в лучшем случае. С такими мыслями он уныло побрел искать гардероб. На всякий случай еще раз оглянулся на картину: никто на него не смотрел и даже Тихвинская икона, на его теперешний взгляд, оказалась на творении старинного художника не такой яркой, как показалось вначале.

В совершенно пустом гардеробе одиноко висела все еще влажная куртка Туриста. Иван медленно снял ее с вешалки, думая, чем занять себя и куда пойти. Решение пришло как всегда неожиданное и правильное. Чем смотреть в витрины кафе на жующих и пьющих петербуржцев да туристов и мерзнуть в невосковой сырости, проще остаться здесь. Он оглянулся по сторонам, быстро юркнул под панель гардеробной стойки и забился под полку для ручной клади

посетителей. Здесь было, в принципе, тепло и сухо, и, несмотря на урчащий от голода желудок, Турист заснул крепким молодым сном.

Проснулся Ежихин от жуткого голода и от того, что попытался во сне повернуться с весьма затекшей на твердом паркете спины на бок и, естественно, треснулся головой о стенку гардеробной стойки. Замер, моментально вспомнив, где находится, и вслушался в дворцовую тишину. Никого не было, тишина была абсолютной, и даже уличные звуки большого города не проникали в помещение. «Ну, и хорошо, – подумал Турист, посмотрев на часы телефона. – Первый час ночи! Это ж сколько еще голодать до утра! Интересно, есть здесь всякие лучи, детекторы движения и прочие хитроумные сигнализации? Даже если есть, то в залах, а не в гардеробе же!» Тем не менее, несмотря на свою уверенность, Турист осторожно выбрался из своего убежища и на четырех точках, медленно направился туда, где ориентировочно находился холодильник доброй буфетчицы. «Клянусь, что все верну этой славной женщине! Клянусь! Лишь бы холодильник не оказался пустым!» – думал, смешно вихляя по коридору на карачках, словно старый неподкованный мерин, Турист.

Жадно пережевывая холодные гамбургеры и запивая их какой-то подозрительной, выдохшейся газировкой, Иван Ежихин обдумывал свое положение. Как такое могло произойти, что его, в принципе, безобидного приличного человека – повязали и чуть не бросили за решетку с какими-то нелепыми подозрениями.

А началось все в экспрессе «Москва – Санкт-Петербург». Вернее, даже не с этого, а с того, что его давняя подруга, которую он стеснительно обожал, ни разу не видев в живую, написала ему, что поедет прогуляться по весеннему Питеру, и наконец-то, появилась возможность познакомиться по-настоящему. Иван снял с карточки все свои запасы денег, купил дорогой ювелирный подарок, билеты на поезд и помчался в Питер. А в вагоне его соседями оказались два очень приличных, интеллигентных человека Арни и Серж, которые возвращались с вечера встречи институтских друзей позднесоветского года выпуска. Арни был прибалтом, Серж украинцем, Ваня – политтехнологом. В такой компании не могла не вспыхнуть долгая и яркая экспертная дискуссия о том, что происходило в Украине.

Через какое-то время, Ежихин понял, что ему так мягонько, интеллигентно, с легкой высокомерной иронией объясняют, какой он и

ему подобные россияне быдло и оккупанты в сравнении с продвинутой Европой, Прибалтикой и Украиной. Вдвоем на одного. Вот этого Иван с детства не любил природным своим и на удивление сохранившимся, несмотря на годы, чувством справедливости. Поумничать там на птичьем языке, в пух и прах дискредитировать вражеского кандидата на выборах, манипулировать общественным мнением в политической драке – это пожалуйста, на войне как войне, все равны, демократия и все такое. Но когда в его лице унижали страну, или даже не в его лице, а просто, когда его народ, историю, традиции мазали черной краской и выставляли виноватым перед всем миром – в Ежихине просыпалось темное генетическое имперское подсознание. И никакая его европейская, по сути и духу, образованность, никакой социальный опыт и его личные романтические идеалы демократии не могли противостоять этим могучим архетипам. Это все равно, что болеть против сборной России по хоккею, кем бы ты ни был и чем бы ни занимался – нельзя. Вот войдя как раз в такое состояние в поезде, Турист прекратил любезничать и очень жестко перевел игривую интеллектуальную дискуссию в жесткое русло:

– А ну-ка, хлопцы, достали планшеты, залезли в свои википедии и форумы и хоть одно доказательство в студию, что русские солдаты рубили украинских, польских, эстонских, немецких детей топорами, разбивали их головки об угол дома, прикалывали вилами к забору, вешали на колючей проволоке гроздьями вокруг деревьев и сжигали живьем? Хоть один факт! Слабо? – холодно, медленно с прищуром проговорил Ежихин.

Повисла неловкая пауза, собеседники переглянулись, смутились – то ли от неожиданно резкого тона попутчика, то ли от того, что понимали: Интернет ответить на вопрос не поможет.

– Вот только не надо сейчас парировать «миллионом изнасилованных немок», «дискурсивными практиками» или еще как-то пудрить мозги, как вы это всегда делаете. Ответьте на конкретный вопрос! – Ежихин собрался в комок, наклонился вперед и, больше не давая вставить ни слова в ответ, продолжил: – Может, вы мне расскажете о фактах детской работоторговли караванами финских младенцев? Или о столетних поставках с невольничьих рынков Москвы в Геную и Венецию маленьких турецких девочек, захваченных

в Османской империи? Или, может, вы знаете о чудовищных медицинских экспериментах красноармейцев над японскими, монгольскими и китайскими детишками? А хотите я вам сейчас с фотографиями, до самого вокзала, медленно, чтобы ваши хитрые и подлые головы до конца жизни запомнили, буду рассказывать и показывать все, что делали с детьми моей страны цивилизованные европейцы и прочие древние культурные нации? Хотите? А если ваши борцы за «незалежную Крайну» делали это, то разве стоит вся ваша вонючая бандеровская незалежность хоть одного трупика младенца, которого на глазах у матери взяли за ножку и размозжили головку об угол собственного дома! Все ваши «дискурсы» и «ментальная комплементарность» не стоят одного уголька Хатыни, и прикрывать организованный садизм чем угодно – обыкновенная подлость вечных искренних шлюх и добровольных рабов!

Разговор, в общем, на этом и остановился, интеллигентные однокурсники по институту встали, ушли в конец вагона и стали о чем-то шептаться. Потом Серж ушел в другой вагон и через какое-то время вернулся с хитрой довольной мордой. «Выпил, наверное, с нервишек», – подумал тогда Турист. А на вокзале, не успев даже выйти с перрона, к нему подошли два человека в форме, один встал чуть за спиной, второй попросил документы и предложил пройти во-о-он в то здание.

Теперь, находясь ночью под стойкой музейного буфета и жуя холодный гамбургер с кислой газировкой, Турист понял, что этот бандеровец чего-нибудь наплел про него милиции, может, даже террористом представил, а те и отработали сигнал. Надо было не бежать! Нет ведь! Он по своей обычной дурости и в предвкушении встречи с девушкой сначала подумал, что на перроне все равно никто стрелять не будет. Потом весело так представилось, как он рассказывает подруге, как лихо убежал от милиции, потом действительно рванул вбок и вперед, показав такой спринт, что и сам не ожидал. Правда, когда Ваня увидел бегущих наперерез сотрудников чуть не из каждого угла вокзальной площади и со всех перронов, он понял, что поступил опрометчиво. Его пару раз чуть не схватили, своей фигурой весеннего лося он кого-то сбил с ног. Документы с банковской картой в паспорте остались у сотрудника милиции, небольшую спортивную сумку с ювелирным подарком, зарядкой для

телефона и вещами он потерял, зацепив за какую-то стойку, разбил колено и каким-то дурацким, нелепым образом перелез через строительный забор и скрылся. До утра просидел под листом железа, слушая вой сирен и шум дождя, а утром тихонько, тихонько, держась в толпе, начал продвигаться в сторону центра...

Потом вспомнился Петропавловский собор, странное чувство, открытая золотая калитка у саркофага...

«Ох, блин! – вдруг подумал Турист. – Турист я или не Турист! Раз в спальне, где убили Павла, идет ремонт, значит, как раз сейчас туда можно попасть!»

Он деловито, аккуратно сложил обертки гамбургеров и пустую бутылку обратно в холодильник, взял с прилавка авторучку, написал благодарственную записку буфетчице с обещанием все вернуть в двойном размере, встал на карачки и медленно направился в сторону лестницы на второй этаж.

Проползая в бледном свете ночной иллюминации большого города мимо дворцовых окон, мимо знакомой уже стойки с объявлением о закрытом проходе и ремонте, Ежихин нечаянно громко икнул и замер в испуге. Трели сигнализации не последовало. Он еще постоял на четырех точках, прислушиваясь, поднял из своей лошадиной позы голову вверх... и одновременно с поднимающимися на затылке волосами увидел, как медленно и бесшумно перед ним открываются двери спальни Императора.

Из покоев лился мягкий желто-оранжевый свет. Ежихин почему-то не испугался, но как-то оцепенел, впал в прострацию, и даже нормальных мыслей, о которых можно было бы написать, в этот момент в его голове совершенно не было. Ступор. Вдруг из спальни раздался властный, энергичный голос:

– Милостивый государь, давайте уже без ваших шоков, умилений и страхов! Проходите-с, и не стойте в таком смешном положении, словно бусурманин какой в экваториальных широтах! Встаньте и заходите, право слово! У нас с вами еще утром произошел любовный контакт, не стройте же из себя впечатлительную фрейлину!

Ваня подскочил, вытянулся как перед каким-то страшным испытанием и по-прежнему с полным сумбуrom в голове вошел в дворцовую спальню.

Спальня была совершенно жилая и старинная, освещалась свечами в каких-то музейных подсвечниках, кровать в белье, зеркала, картины, разбросанные вещи – в общем, как очень крутой номер «под старину» в очень крутой гостинице. Но главное, по комнате взад-вперед ходил человек в парике, белой ночной рубашке до пят, рваной и измазанной огромными пятнами крови со стороны груди. Павел остановился и резко повернул голову в сторону гостя. Перехватил взгляд его округлившись от удивления, испуганных глаз и сказал:

– Да, да, забыл. Про парик не забыл, а про пятна крови даже и не подумал. Прошу прощения, сударь.

Император резкими шагами подошел к огромному, в белье и подушках ложу и взял камзол. Надел, поправил на груди, чтобы кровавые пятна не бросались в глаза, и медленно повернулся к Ежихину.

«Копия! Как на картинах! – впервые пробежала более-менее связанная мысль в голове Туриста, одновременно его начало трясти точно так же, как это впервые произошло в Петропавловском соборе. – Какая копия! Это Император! Покойник! Приведение!»

Замешательство в доли секунды – и Иван Ежихин в благоговейном трепете, по непонятным для него самого причинам рухнул на колени. Пока еще колени не громыхнули о паркет, в голове успела проскочить мысль о каком-то чудовищном розыгрыше из серии «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера», но тут же исчезла, потому как где-то в глубине души он чувствовал – все это, пусть совершенно безумная, но правда.

– Вставайте и проходите, я имею небольшой разговор к вам, и уж определено не в моей власти сделать вам что-то злое! – услышал Ежихин уже гораздо более спокойный и, как показалось, довольный голос Павла.

– Я думал, что старинные цари как-то по-другому разговаривают, не по-нашему, по-древнеславянски или по-немецки-французски, – почему-то именно с этого начал разговор Турист, поднимаясь с колен. – Простите, Ваше Величество за ночное вторжение. Но, кстати, мне так гордо и так интересно за такое приключение! Ух-х-х, меня уже распирает от любопытства! Неужели с улицы освещенной комнаты во дворце не видно? Неужели я чем-то достоин такой чести – видеть самого Павла!!!

Ежихин уже пришел в себя и действительно всем телом дрожал от выплеска адреналина, захлебывался от восторга, ужаса и таинственности происходящего. Такого приключения нельзя было даже вообразить себе еще час назад. Перед ним был самый несчастный Самодержец Всероссийский, которого, кстати, Ежихин давно уже пытался оправдать аж перед самим Кузнечко!

– Что вы! Ни в каком оправдании я не нуждаюсь, поверьте! У нас, вернее, у вас, совсем мало времени. И разговаривать я могу, уж поверьте, на любом наречии, диалекте и даже почти на любом профессиональном сленге. Насмотрелся и наслушался тут за два столетия, хоть по-французски, хоть по-научному, хоть как комиссар третьего ранга, который на пенсии долго работал здесь и любил разговаривать сам с собой. Впрочем, мы отвлеклись...

Павел опустил голову, прошел через всю комнату, встал у канделябра и, будто замерзнув, подержал ладони около горящих свечей.

– Мне весьма приятны ваши мысли и высказывания о моем царствовании, мне даже поначалу захотелось порасспрашивать вас. Но не надо только глупых сочувствий и жалких расспросов. Все-таки я император пропащий, оклеветанный. Нет в истории российской издевательств и анекдотов больше, чем анекдотов про меня. И глядя на мой любимый народ, я отдаю себе полный отчет, что этого исторического впечатления уже не переменить. Я и не хочу ни оправданий, ни мести. Достаточно с них моей мстительной выдумки с перезахоронением отца, когда на моих глазах каждый из его убийц через весь Петербург в обморочном состоянии плелся за истлевшим прахом моего родителя. Поэтому сразу отметем тему моего царствования и расправы со мной вот как раз на этом месте. Почему вы? Потому что, в отличие от редких ученых и искателей правды, вы в своей смешной, право, работе, думаете и ищите тоже, что искал и я. Секрет доброй и справедливой власти.

– Ага! – не выдержал Иван. – Желтый ящик для обратной связи? Это ваша технология, которой оказалось недостаточно, чтобы опереться на любящий вас народ!

– Глупости изрекаете, юноша! – Павел гневно остановил Ежихина. – Перебивать монарха, пусть даже давно почившего в бозе, недостойно и демократа! Дайте сказать! Я и сам пока не пойму, зачем

мне нужно поделиться своими мыслями, надеюсь, я не ошибся с адресатом...

Ежихин замер. Павел еще несколько раз, слегка чеканя по-военному шаг и опустив в раздумьях голову на грудь, прошелся через всю спальню.

– Понимаете, милостивый государь, – было видно, как император даже как-то волнуется, что ли. – Я с самого детства, отстраненный от государственных дел матушкой моею, имел возможность предаваться любым занятиям, лучшими из коих были не столько военные вахтпарады с верными гатчинцами и уж, конечно, не шпицрутены. Но прежде всего чтение и беседы с немногими близкими мне людьми о государстве, истории, великих царях и полководцах. Меня мучил своей несправедливостью окружавший мир. Убийцы отца – в почести и на свободе. Матушка, так искусно изображавшая из себя просвещенную императрицу, разоряла и угнетала русский народ в угоду кучке дворянских пройдох и карьеристов, большинство из которых ее же и обворовывали, не моргнув глазом. И в какую бы империю или королевство я пристально не вглядывался – везде я видел то же самое: угнетение народа своего, фальшь, интриги, тщеславие, алчность и жестокость. Уже до воцарения я понял, что по-другому никогда и не бывало, даже в самых древних царствах. А я хотел по-другому. Жизнь народа я хотел сделать счастливой, помочь всем христианам объединиться в любви и не дать рабству, алчности и тщеславию править всем миром, что сейчас и творится на всей Земле. И вот мой главный вопрос самому себе: можно ли править, властвовать в христианской любви и с чистой совестью?

Пусть это звучит несколько романтично, но вы-то, сударь, меня должны понять. Свой ответ именно на этот вопрос, именно что после меня – тщетно пытался найти каждый мой потомок, каждый держатель русского престола: и Александры, и Николаи до самой гибели династии. Очень быстро мне стала ясна тщетность моей попытки. Законы земной власти – вне законов Христа, как бы земная власть ни была набожна.

Русскую власть никто не может понять: ни индус, ни европеец, ни собственный народ. Поэтому она всегда загадочна и мистична, будто бы кремлевская стена – это не крашенный кирпич, а волшебный занавес, который отделяет обычный мир от мира волшебного и

таинственного. Поэтому русская власть или ужасна, или боготворима, но, как вы там говорите, не тех-но-ло-гична, а значит, долго без потрясений существовать не может... Почему? Потому что природа любой человеческой власти – порочна и греховна, а искренние цели и стремления русской власти – идеальны и божественны. Да, да! Вы не поверите! Нигде в мире царские чиновники не собирали налог на выкуп угнанных басурманами детей из рабства, нигде! И нигде Иерусалим под стенами столицы не строили, и коммунизм, и суверенную демократию, то ли не чудо...

Только русская власть на полном серьезе ставит перед собой совершенно божественные задачи и абсолютно моральные цели! Но искреннее сосуществование этих крайностей на одном престоле, когда нет откровенного первенства одной: ни Гоморры вокруг трона, ни чуда Третьего Рима – это как врожденная предрасположенность к самоубийству.

Павел остановился, задумавшись. Ежихин, боясь даже кашлянуть, с нетерпением ждал продолжения и мучительно пытался угадать ход мыслей царя. Павел, внимательно взглянув на Ивана, снова зашагал по паркету и продолжил речь:

– Можно ли не совершая подлостей, хитростей и жестокостей, пусть даже ради самых благородных целей, получить и потом удержать власть? Я не построил ни одного заговора против матушки-императрицы, несмотря на естественные мотивы такого желания со стороны брошенного, униженного, лишеного отца и престола сына. После воцарения все мои указы были направлены на благо простого народа, во умножение христианской любви и упреждение сатанинской ереси.

Петербургской публике тогда было очень смешно, до сих пор экскурсоводы ехидничают. Но если посмотреть как раз из вашего мира, смешного-то мало! В Европе Христос уже мертв, в России – предан, и никакие тысячи золотых куполов не вернут святую веру в тысячи безбожных душ! Вы смеетесь над моими указами о запретах модных шляпок, причесок и бантов, но сегодня глупая Мода и яркие Зрелища сделали рабами миллионы миллионов, и подчиняет эта Мода людей куда сильнее, чем любой средневековый тиран. Вы смеетесь, что я послал казаков в Индию против Британской короны, а теперь тихо ненавидите американских англосаксов, поняв наконец-то, что

России нет места в их английском мире! Вы испепеляли меня насмешками, что я пытался примирить хотя бы в отечестве нашем католиков, православных и староверов! А теперь с содроганием наблюдаете на предсмертные судороги европейских приходов и монастырей, с тайным страхом глядите на каждого встречного магометанина на улице и с негодованием клеймите лжепатриархов на Украине! Да, сударь, вы сами, право, как редкое явление, почти обо всем этом догадались... Поверьте, я нисколько не возвеличиваю себя, я просто попытался ответить на свой главный вопрос. Как мог...

Иван был увлечен монологом императора, он словно впускал в себя каждую фразу и лихорадочно старался понять сказанное. Конечно, дело было не в желтом ящике, конечно, дело было не в угадывании им добрых и пророческих мотивов Павла Первого. Дело было в чем-то другом. И вдруг он понял: главное – это его собственный старый вопрос, навязчивая идея об особой, честной демократической формуле власти в России и непобедимой технологии политических побед. Только что сама эта его идея была жестоко сброшена с пьедестала. Он чувствовал, что все его придумки и размышления на том уровне, который задает своим монологом Павел – ничтожны. Они, действительно, упираются в неразрешимый оксюморон русской власти: ее одновременного искреннего мессианства и жестокой повседневности самосохранения. Оставалась одна зацепка, и, пользуясь повисшей паузой, он спросил:

– Если по-православному тяжело править, по-советскому долго не возможно, может, получится по-демократическому? Просто пока еще не прижились нормально все эти выборы.

Царь впервые посмотрел на Ежихина с искренним недоумением. Сделал к нему несколько шагов так, что Иван вновь невольно начал рассматривать кровавые пятна на белье между отворотами камзола.

– Знаете что, майн херц, скажу вам секрет Полишинеля: никакой демократии никогда не было, нет и не будет. А то, что у вас там есть или, допустим, было в так называемой Античной Греции – это всего лишь способ обмана и успокоения тщеславия народных масс...

– Пусть так, но это не отменяет ее эффективности! Вот зачем вы мне все это рассказываете?! – забыв, что перед ним покойник, громко и возмущенно воскликнул Ежихин. – Что вы от меня-то хотите?

Павел улыбнулся, по-военному развернулся на пятках и медленно зашагал от Ежихина.

– Не кипя-ти-тись, – медленно и отчетливо проговорил Император. – Мне просто очень жаль, что вы напрасно тратите свое время на вся-ку-ю ерунду! Россия-матушка подошла к своему очередному главному испытанию в истории. Вся Великая Россия – может именно сейчас расцвести и спасти целый мир. Русские инженеры готовы придумать невиданное, ученые открыть невозможное. Армия – стать невиданной по силе и уважению во всей человеческой истории и, может быть, даже снова вернуть любовь Христа на грешную землю. Поверьте, я это вижу так же, как сейчас вижу вас. Но главная преграда и риск – это мой вопрос, вопрос русской власти.

– Я-то причем, Ваше Величество? – взяв себя в руки, спросил Турист. – Взяли бы лучше с каким президентом или губернатором поговорили на такие темы! Что я могу? Я понимаю, что ваш вопрос самый важный, но на него только академия наук ответит, и то не сразу, как я теперь понимаю.

– Не ответит! – Павел весело засмеялся. – Никогда! Ваши академии не верят в чудо, а Россия – это обычное, в моем-то уж мире точно, чудо, и ответ может явиться только чудесным образом. Даже вы, сударь, сами завтра будете всячески пытаться объяснить самому себе, что наш разговор – это не рядовое чудо, а какая-нибудь мозговая мутация, а потом снова начнете читать всяческие дурацкие книжки и проводить глупые научные эксперименты, строить доказательства.

– А что делать?

– Главное не потерять себя! Не убегать от судьбы, не забывать про наш разговор, а там мало ли как выйдет, дуракам, вообще-то, везет...

– Погодите-погодите, – вдруг заволновался Иван, чувствуя, что разговор подходит к концу. – Вы что-то знаете про меня такое? Или мне в чем-то будете помогать, ну, таком... Или мне что-то надо совершить, такое... И кто, простите, дурак-то?

– Нет-нет, Иоанн! – Павел несколько замялся. – Ничего я такого не знаю, кроме того, что ты можешь думать иногда по-особому и при

этом все равно любишь людей, что, поверь, очень редкое у вас встречается. И помогать я тебе при всем желании не смогу, я даже и не знаю, в чем именно тебе помогать. Понимаешь, тут, в нашем мире, который вы обычно не видите и выдаете за патологию нервной системы, все не так однозначно, понимаешь? Ну, тут как зеркало вашего мира, свои страсти, по крайней мере у таких, как я. Поэтому, давай, сам, сам, сам, может, еще и встретимся. Кстати, вон там плинтус отошел, видишь? Перстень там уже больше двухсот лет валяется, возьми, а то строители не сегодня завтра точно найдут...

Иван с большим напряжением ватными пальцами, потев и проваливаясь в какой-то жар, увеличил щель между плинтусом и стеной, просунул пальцы под паркетную доску и выцарапал небольшой, ажурный, с большим красным камнем перстень...

– Ух ты, похож чем-то на мой подарок, что в сумке на вокзале остался! – весело сказал Турист, поднимаясь и поворачиваясь к императору.

Перед ним была пустая, полуосвещенная уличным электрическим светом, в строительных лесах и беспорядке, полуразрушенная комната Михайловского замка...

II

Кузнечко проснулся хмур и груб. Не то чтобы постель в провинциальном мотеле его не устроила, не то чтобы Интернет не ловил, не то чтобы живот крутило или чего еще по части физиологии. Он даже с легкими мурашками по коже вспомнил первым делом Богиню, еще потягиваясь на гостиничной, типа люксовой полуторке со спинкой под Людовика XIV. Более того, радость от правильности и своевременности своего захода на губернаторские выборы первым делом возникла в его голове после первой ночи в такой, не по-московски странной, Богом забытой Паракорочке.

Впрочем, школа Кузнечко – это ого-го какая школа, и не таких видали. Поэтому он не пошел в душ, достал патриотично модный спортивный костюм «Bosco» из маленького и тоже очень модного баула-рюкзака, надел кроссовки и, закрыв номер, явно отличаясь от типичных постояльцев, упругой походкой бывалого спортсмена

прошел мимо ресепшена с красивой, но, похоже, неоднократно уже матерью при ревнивом муже сотрудницей в пуританской белой блузе.

Василий Сергеевич, действительно, с давних пор, чтобы не разонравиться женщинам и клиентам, заставлял себя бегать по утрам и по 5, и по 10, и даже иногда по 15 километров легкой, едва похожей на спортивную трусцой, не жалея ни часа, ни двух своего личного времени. Тем более что в процессе невинной полубеготни он успевал не только додумать достаточно коварные для рядового обывателя планы, но даже иногда искренне удивиться прекрасному творению Господа и местного мэра, в зависимости от парка или города, в котором он находился.

В этот раз Василий Сергеевич был хмур даже не из-за припухшей после вчерашней драки губы, наоборот, его распирало и где-то тихонько сладко томило от того вчерашнего удивительного чувства и от Богини, которая словно стояла перед глазами. Настроение было тревожным именно из-за сна. Он мучительно пытался его восстановить на свежую голову, видел в нем какое-то совсем не шуточное предупреждение, или, вернее, даже подсказку, но никак не мог вспомнить...

Волевым усилием Кузнечко выгнал из головы все подозрительные для образованного человека мысли о снах, подсказках, томлениях и даже о Богине. И выбегая уже из Паракорочки по обочине вчерашней трассы, приступил к планированию. Сегодня в соседнем Пустозерском районе отмечается день героической обороны железнодорожной станции поселка Пустозерск. Судя по лентам местных новостей, на каждый такой праздник обязательно заявляется оппозиция и губернская власть, чтобы под предлогом высоких чувств, которые в такие памятные даты открываются в сердце каждого россиянина независимо от политических предпочтений, напомнить о себе избирателям и принять участие в торжественных мероприятиях.

Сам сценарий празднования из районного Дома Культуры столичному гостю был глубоко безразличен, но вот попытаться после переговорить с лидером губернской оппозиции на выезде – задача дня для Кузнечко. Второй задачей, по возможности, он наметил себе разговор с главой района. Третьей, на вечер – все-таки попытаться созвониться и встретиться с Богиней, возможно, доехать до нее в столицу Провинции. Тем более что уже можно, с парой-тройкой

расписок, как он предполагал после вчерашней удачи, в качестве аргументов для разговора со столичными начальниками и областными политическими деятелями.

Но прежде всего он должен был встретиться с Туристом, нарезать ему задач и для начала отправить его к паракорскому либералу. Важно было показать Петру Ильичу скорость и эффективность работы с ним, Кузнечко, а через него уже дальше по всем остальным главам и депутатам пойдет нужная информация и слухи о нем, Кузнечко, как о возможном губернаторе. «В этом деле мелочей не бывает! – думал опытный политтехнолог, экономно передвигая, чтобы не устать, ноги. – Три-четыре ярких услуги правильным провинциалам – и через неделю готовая репутация во всей области, через две недели – очередь желающих порешать свои старые проблемы, через три – толпа предусмотрительно желающих познакомиться на всякий пожарный политический случай».

Кузнечко весело засмеялся в этот момент, представляя, как сегодня глава Паракорочки, наливая амброзии еще советского разлива по стаканам, тихим голосом заговорщика будет рассказывать своим замам и секретарше о вчерашнем визите столичного гостя.

Вокруг бегущего человека благоухала влажная, ярко-зеленая, прозрачная весна. На пустынной дороге только легкий шелест кроссовок об обочину и несмолкаемые птичьи трели из придорожных кустов. Влага, разлитая маленькими болотцами и лужами среди кочковатых полянок, казалось, кишела то ли головастиками, то ли еще какими гадами, которых периодически ловили клювами красавцы-аисты, нисколько не смущаясь ни бегущего человека, ни редких машин. Везде бурлила жизнь, весенняя суэта, радость. Бегущий человек подмечал все это, сам растворялся в этой жизни, радостно сливался с нею. И Москва, и выборы, и депутаты казались ему совершенно другим, чужим, ненастоящим и выдуманном миром. Настоящий мир – вот он, живой, яркий, простой. «Я понял! – думал Кузнечко, мысленно улыбаясь. – Мне всю жизнь пришлось быть в самодельном мире, не настоящем. Мы сами же его строили, тратили силы на его укрепление, сами же в нем жили, сами же его боготворили и отделяли от настоящего! Но боги, творцы-то из нас – хреновые, раз у нас нет места вот этому всему, нет места Богине, нет места хорошему портвейну и хулиганам – одноклассникам во дворе».

Вдруг он резко остановился и замер. Перед Кузнечко был тот самый поворот, тот самый пролесок, в который ушла вчера та странная бабка, в точности похожая на ведьму из старого фильма про Вия. Старые, черные и покосившиеся могильные кресты вдалеке, и все та же темная свинцовая туча, клубившаяся на горизонте там, где сходились тропинка, небо, кресты и зеленые клочья болотных перелесков.

Кузнечко стоял, словно окаменевший, рассматривал тропинку и могильную даль. Что-то вдруг незаметно, но очень существенно изменилось в окружающем пространстве. «Птицы замолкли! Тишина!» – понял Василий. В этот же миг он ясно вспомнил весь свой ночной сон, развернулся и быстрее привычного побежал обратно в направлении Паракорочки.

Сон на самом деле был прекрасен, если бы не эта чертова бабка. Теперь, на бегу, Кузнечко пытался сопоставить утреннюю пробежку, этот поворот на трассе, сон, драку и встречу с Богиней. Рационально объяснить не получалось, от чего ноги сами ускоряли бег. Ни птиц, ни благодушных аистов, ни буйства весенних красок он больше не замечал, мир вокруг превратился в чужой и опасный. Василий еще и еще раз прокручивал вдруг всплывший в голове сегодняшней странный сон.

Во сне он, совсем еще молодой советский студент, сидел в лекционном амфитреатре своего Политехнического института. Какой-то очень знакомый на вид профессор с кафедры научного коммунизма, чем-то похожий одновременно на Эйнштейна и Ломоносова, нервно размахивая руками, читал лекцию. За окном была в разгаре уже перестроечная весна, над доской в аудитории висела огромная, красно-бело-коричневая пенопластовая голова Ленина. Тут же, рядом с головой, белоснежными пенопластовыми буквами составленное изречение: «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна! В.И. Ленин». Причем в последнем слове не хватало сразу двух отвалившихся букв, от чего студенты уже вполне открыто хихикали, мол: «Истина ко.к. етна – не дает, не прогоняет», а на фоне перестроечных разоблачений советской власти во всех газетах, завхоз учебного корпуса уже как-то по-граждански храбро не торопился искать и клеить отвалившиеся буквы на свое место.

И вот этот профессор, периодически в широком жесте указывающий поднятой вверх рукой как раз на пенопластовую голову Ленина, вещал:

– Невозможно, коллеги, невозможно, не скрывая глаз от объективных научно зафиксированных фактов, верить всему этому чрезмерному советскому мракобесию, при всем уважении к нашей научной школе! Допустим, я не прав и конъюктурен, но разве можно изменить факты, открытые каждому, при минимально объективном исследовании? Вот послушайте!

Есть гипотеза, что кухарку можно и должно научить управлять государством. Она не умеет, конечно, но можно научить, она должна, по мысли Ленина, участвовать в жизни государства! Авторская мысль именно такова, а не вырванные из контекста работы Владимира Ильича вульгарные трактовки. И вот сейчас все эти «прожекторы перестройки» и «демократические платформы» пытаются донести до нас вовсе не что-то новое, скрытое железным занавесом от советских граждан, а всю ту же Ленинскую мысль о кухарке, но уже в обертке западной демократии! Это бред! – сорвался на тонкий фальцет профессор. – Это бред! Не получилось это у Ленина, не получится это у современных демократов! Почему?

Дорогие товарищи студенты! Послушайте! Если вы возьмете всю древнейшую историю и до наших дней, вы увидите, что власть берут, владеют ею, остаются в ней – только особые люди! В чем эта особенность заключается? Феномен властителя, подчеркиваю, дорогие товарищи, в любой эпохе и в любой цивилизации – это феномен не человека, но бого-человека, или, по крайней мере, непосредственного родственника Божества. Все в мире менялось, рушились империи и возникали новые, менялась мода, техника и быт человечества, женщины получили права, а наемные рабочие создали профсоюзы, но феномен власти оставался неизменным! Властью обличены люди особые, не совсем люди.

В первобытном обществе, в условиях родо-племенного уклада обладание сакральным знанием, доступом к духам предков – первое и главное, первое и главное, повторяю, условие обладания властью! Первобытные люди, как вы уже должны знать, это далеко не только дубинка и грубая сила, это сложнейшая система представлений о мире и жестких моделей поведения. Далее идем. В любом традиционном

обществе, и в рабовладельческом, и в феодальном, если по Марксу, эта моя мысль совершенно очевидна. Монархия в России освящалась помазанием и генеалогией, в Древнем Шумере, Египте, у ацтеков и инков власть и Божество практически одно и то же. Вы можете сомневаться на счет Европы – источника социальных трансформаций на планете, но взгляните в нее! Почитайте внимательно Гомера, кого вы там увидите – Героев, они же Цари городов и областей, то есть властители. А кто такой Герой? Кто такой Герой, я вас спрашиваю, а? Только тот, кто имеет прямое родство с богами – обитателями Олимпа и других потусторонних чертогов! К примеру, даже не самые главные герои Троянского эпоса. Кто такой Аякс Теломонид? Сын Теламона! А Теламон кто? Близкий друг Геракла, который в свою очередь сын самого Зевса и смертной женщины. Поэтому Гомер называет его по имени, и эти названные по именам товарищи из всего огромного греческого войска пользуются покровительством тех или иных богов. Все остальные, воины, слуги, кухарки – не достойны даже имени!

Сколько Одиссей плавал по морю в тщетных попытках вернуться на свой престол в Итаку? А с ним ведь команда спутников, земляков, боевых товарищей. Но за все их приключения Гомер не называет его спутников по имени! О чем это говорит, я думаю вам уже понятно!

Далее Евангельская Европа с ее Священными Римскими Империями и родословными королей чуть не до Ветхого Завета. Далее Новая Европа, казалось, само понятие Божественного – попрано и перестало быть значимым, великородная аристократия потеряла свое решающее значение в обществе и миром стала править ненасытная буржуазия и ее капиталы. Но во власти опять ничего не меняется! Инаугурации по масштабу, торжественности, величию – с лихвой заменяют мессу, а с помощью денег буржуазии добытчик власти или ставленник во власть – моментально обожествляется до героического Эпоса, будь это североамериканский эпос «Отцов-основателей», Легендарный Наполеон или Железный Бисмарк.

Далее. Европейский и в этом же европейском смысле российский опыт полного разрушения социальной системы до основания, с точки зрения вечного феномена власти – привели к противоположному эффекту. Гитлер, победивший на демократических выборах, превратился в Фюрера и арийского мессию, мумия Ленина вернула в современность культ Древнего Египта, Сталин стал Отцом Народа, то

есть абсолютно, в смысле первобытной культуры – стал божеством на земле, родоначальником, живым тотемом, чем собственно всегда и является властитель на самом деле.

Поверьте, дорогие товарищи, неважно, насколько названные правители хотели быть полубогами или живыми идолами в голливудском смысле, если говорить о современных капиталистических странах, это феномен власти, который вместо объективного изучения маскируется нашими и капиталистическими учеными в мертвые абстрактные конструкции. Только особые люди могут брать и обладать властью, это «не совсем люди», или в метафизическом смысле – Избранные.

Профессор замолк, переводя дыхание и светясь от счастья, что дожил до того времени, когда он читает лекции без согласования с партийной ячейкой кафедры. Оглядел полупустую аудиторию и спросил:

– Вопросы? Есть ли вопросы, товарищи? Не стесняйтесь.

В этой части сна у молодого студента Кузнечко внутри что-то щелкнуло, и он, глядя на пенопластовую голову Ленина, поднял руку и с места громко спросил:

– Какой тогда смысл работать над собой, делать карьеру, если я точно знаю, что, например, никакой я не Избранный и не родственник Зевса, а сын простого инженера с авторемонтного завода и учительницы начальных классов?

– Никакого! – резко ответил Профессор. – Если все в этой аудитории решат, что они Избранные и пойдут во власть – будет именно то, что началось сейчас в нашей стране! Попомните мое слово, нам нужно бояться не парадов суверенитетов в ослабевшей империи, а парада тысяч тщеславий, решивших, что они Избранные и время их Откровения как раз пришло! Возможно, вам это неприятно слышать и больно бьет в каком-то смысле по вашим жизненным мотивациям, но шансов у вас стать Избранным и в глазах миллионов небезосновательно властвовать – математически ничтожны. А по-другому, как я сказал выше, власть не обретается и не удерживается! Сама ваша мысль, что из сегодняшнего многомиллионного советского студенчества в будущем именно у вас есть шанс обрести власть – объективно ненаучна и полностью подтверждает мой главный тезис о,

если хотите, мистической компоненте реальной власти! Ну, или вы просто жертва пропаганды вроде «Американской мечты».

Студент Кузнечко особо ни в какой горисполком или тем более в Политбюро и сам не собирался, о чем во сне прямо подумал, и вообще задал вопрос, скорее, из любопытства. Но ответ Профессора задел его тщеславие, и пусть он никакой не Избранный, но уж точно не «такой, как все»: не обделенная умом и талантами личность. Поэтому он громко, на всю аудиторию произнес:

– То есть, опираясь на передовую биологию или на Библию, или на научно-марксистский лозунг о том, что все люди – братья, чтобы стать у руля государства, мне всего-то нужно докопаться в своей родословной до Адама, от которого произошли все люди, включая царей. Или до той обезьяны, прародительницы рода человеческого – чтобы можно было смело говорить всем, что я потомок и генетический родственник Древних Героев и даже третья вода на киселе китайским императорам! А после этого я имею, по вашей логике, все права, чтобы назвать себя Избранным!

– Вы передегериваете! – возмутился Профессор. – Концепции, которыми вы манипулируете в качестве аргументов – это интеллектуальный балласт в нашем вопросе, не имеющие отношения ни к вам, ни к реальной Власти!

Вдруг слева от Кузнечко раздался звонкий девичий голос:

– Профессор, а если бы вам сейчас вместо споров наш Вася показал фамильный Великокняжеский манускрипт или перстень сбежавшей от революции прабабки-графини? Или он бы остановил ядерную войну с Америкой, предотвратив аварию на каком-нибудь реакторе? Или он привез бы с олимпиады в Сеуле сразу три золотых медали? Или, допустим, нашел бы золото Колчака в Сибирской тайге и спас Советский Союз от поиска денег на закупку зерна в Канаде, вы бы поверили, что он, возможно, Избранный и подходит для вашего феномена власти?

Кузнечко повернул голову и увидел за соседней партией Богиню. Она посмотрела на него, подмигнула и звонко засмеялась своим обаятельным весенним смехом.

Вася одним ухом пытался расслышать ответ Профессора, но уже радостный вскочил из-за парты, чтобы протиснуться к прекрасной Богине.

Вдруг в аудитории раздался страшный грохот, все посмотрели на кафедру, за которой находился Профессор, и увидели, как рухнул и вдребезги развалился на части пенопластовый красно-белокоричневый Ленин со стены. Богиня весело смеялась, профессор, взмахивая руками, кричал в аудиторию: «Погодите! Я не закончил тему! Нам осталось еще разобрать универсальное правило десакрализации и смерти власти!» Откуда ни возьмись в аудитории оказалась старенькая уборщица с уличной метлой. Она стояла спиной к студентам у треснувшего портрета Вождя пролетариата и платочком вытирала слезы, что-то приговаривая и охая. Кузнечко попытался пробраться к Богине, и вдруг старенькая техничка с метлой повернулась в его сторону, грозя пальцем и обращаясь к нему скрипучим голосом: «Не слушай никого, Васятка! Все в твоих корнях! Есть и меч-кладенец, и ковер-самолет, и шапка-невидимка! Зачем тебе енти всякие реакторы ремонтировать и золото ентова Колчака искать? Оно давным-давно за кордоном, время только зазря транжирить!»

К концу фразы уборщица со своей метлой оказалась уже перед самым носом Кузнечко, и он с ужасом узнал ведьму из кинофильма про Вия, искусно замаскированную в форменный синий халат уборщицы. Он отпрянул от нее, развернулся и бросился бежать прочь из аудитории. Дверь оказалась так близко, что он, студент Кузнечко, не рассчитал расстояние, не успел затормозить и врезался скулой в угол двери...

«Той самой скулой, – подумал будущий губернатор на бегу. – В которую мне вчера врезали кулаком. Вот отчего я проснулся и не досмотрел сон!»

Кузнечко вбегал в Паракорочку полный благодарности своему ночному кошмару и очарованный своим новым открытием: «В наш проект необходимо внести коррективы! Я должен не только собрать подписи, зарегистрироваться и расторгнуться с Москвой или Губернией, я должен перестать быть каким-то там московским политтехнологом! Я должен стать особым человеком, с печатью высших сил и высшего предназначения, во мне они все должны увидеть Спасителя и Грозу, не просто так оказавшегося в Провинции! Только как-то это все надо обыграть. Вот бы прямо сейчас взять и притащить в область прямо сто, нет двести миллиардов, например, из Китая? Или из Японии! Нет, это через МИД все, сложно, кто я такой...

или попытаться? Придумаем! Ведь только вдуматься: не успел я собраться забрать власть – как уже столько непривычных странностей вокруг! В этой паранормальной провинции моя голова работает лучше, чем в молодости, объективно говоря. Тьфу-тьфу-тьфу».

За поворотом показался провинциальный мотель, рядом стоял его черный джип и, опираясь на него спиной, жмурился на солнышке Ваня Ежихин.

* * *

Иван зашел в свой номер провинциальной гостиницы, пересчитал солидный аванс от Кузнечко, устало сел на кровать, прилег, не раздеваясь и подложив руку под голову. Уставившись в потолок, попытался еще раз оценить ситуацию.

Завтрак со старым партнером и руководителем технологом Василием Кузнечко прошел, казалось бы, в обычной легкой и творческой атмосфере. Идея политконсультанту Кузнечко самому стать кандидатом в губернаторы – удивила Ежихина. «Политологов и технологов тысячи по всем регионам, хороших – сотни, а губернаторов всего-то восемь десятков на всю Россию, это ж другая совсем порода», – подумал он про себя, но, вспомнив про купюры от Кузнечко в своем еще недавно совершенно пустом кармане, Иван предусмотрительно промолчал. По мере его пояснений по предстоящей работе, надо сказать, вполне откровенных по старой дружбе, Турист увлекся и очередной раз получил удовольствие от того, как ловко Кузнечко придумал пройти «депутатский фильтр» и как минимум получить официальный статус кандидата в губернаторы. Первая расписка на пять депутатских душ, проведенная туда-сюда перед носом Туриста, на минуту привела Ивана в подзабытое чувство профессионального обожания своего первого наставника, его удивительной способности найти схему, в которой все довольны и никому, по большому счету, не обидно. При всем том – задача жестко решается так, как это нужно Василию Кузнечко.

Хорошо зная бульдожьё хватку своего коллеги, он моментально представил, как тот вложится в эту кампанию и какая грандиозная битва предстоит в несчастной Провинции, когда на дистанцию выйдет

Кузнечко и главным призом будет губернский престол. Турист даже без лишних расспросов, почти уже предугадывая, понял всю важность своей роли в процессе: «Ваня, ты должен за пару месяцев создать несколько громких и длинных скандалов в масштабах губернии, еще лучше – раздутых за пределы Провинции. В целом неприятно от этих скандалов должно быть региональной власти, и вызывать чувство опасности по всему второму эшелону местной власти! Чтобы провинциальные амебы встрепенулись и стали водить носом в поисках источника опасности. Параллельно – подберешь местные кадры для нашей избирательной кампании, это как обычно. Сразу много денег не обещай, присмотрись. Да, начни с некоего депутата Паракорочки Виктора Клюки. Он, похоже, из разряда Новодворских местного значения, поэтому договариваться с ним надо аккуратнее, все равно кинет. Но конструктивно и с намеком на долгую дружбу, сам знаешь таких. Желательно его борьбу от главы города перевести на что-нибудь более грандиозное, мировых масштабов, они на это с радостью клюют все как один, в общем, разберешься. И по обычной схеме, толкачи по размещению на сайтах в Москве те же, что и раньше. С местными журналистами сам наведи мосты. От кого ты, чей, зачем тебе это – никого не волнует. Со мной связь только по второму телефону, отчеты лично. Усек?»

До этого момента разговор был понятен Ивану и привычен. При всех сложностях с местным депутатским сообществом – шансы, безусловно, были, тем более если этим занимается лично Кузнечко, да еще и Кузнечко с деньгами (без денег он, собственно, никогда ничем и не занимался, но здесь деньги, судя по авансу, серьезные).

Но что-то, похожее на совесть или предчувствие дурных последствий в круговерти всех недавних приключений, дернуло Ивана вспомнить и бандеровцев, и Павла, и кожей ощутить царский перстень в кармане. И он, пытаясь перевести свою смутную тревогу в шутку, взял да сказал Кузнечко: «Да сделаем все по красоте, Вась! Главное, чтобы не приключилось как с великим политическим консультантом седой античности Платоном, когда он успешно давал советы до тех пор, пока не сел управлять какой-то там древнегреческой губернией...»

Далее Ежихин был поражен переменой, которая произошла с Кузнечко. Более того, он вообще ни разу не видел того в подобном

состоянии. После его невинной и дружеской шутки про Платона Кузнечко замолчал, о чем-то задумался, открыл рот, будто начиная говорить, но не начал. Встал, нервно заходил по почти пустому кафе. Потом повернулся, зло, именно зло, а не привычно высокомерно-снисходительно, улыбнулся и сказал: «А кто тебе вообще сказал, что я Платон? Или Остап Бендер? Или вообще, что я политконкусьтант? А?» Кузнечко трясло. И Иван, чтобы сбить невероятную для многих лет знакомства с человеком вспышку ярости, произнес: «Да я в целом про стартовый капитал, у тебя же и семьи нету, и для Провинции ты чужак, и времени осталось до кампании совсем не много». Но вместо перевода разговора в обычное русло плюсов и минусов, разбора многочисленных примеров и анализа подобных ситуаций в избирательных кампаниях разных лет и регионов, как ожидал Иван, его партнер взвился еще больше:

– А если я золото Колчака нашел? А если я спас реактор и предохранил мир от второго Чернобыля? А если я потомок знаменитого местного князя? А если точкой моей избирательной кампании у меня будет свадьба с прекрасной, обворожительной Богиней, которая по удивительной ошибке родилась и выросла в этой странной местности? Что ты знаешь обо мне? Я не Платон, Ваня, ни Макиавелли, а возможно, Избранный, потому что только Избранный...

Кузнечко прервал речь, словно испугался сболтнуть лишнего или потому что представил, как смешно он сейчас выглядит в глазах коллеги по цеху. Взял себя в руки, отвернулся от Туриста.

Жениться ради выборов как технологический ход был вполне в духе Кузнечко – размышлял глядя в потолок Ежихин – но про Избранного, да с такими горящими глазами – это уже слишком. Мысль Ивана раздвоилась. С одной стороны, он объяснил себе поведение друга обычным эффектом, когда неопытные политики, не успев победить, уже искренне видят себя со значком депутата, или в кресле градоначальника, или мысленно уже распределяют бюджет области и даже невольно начинают вести себя соответственно. Но эти политические чары и человеческую слабость сам Кузнечко обычно выбивал из любого кандидата с самого начала. С другой стороны, он вполне серьезно отнесся к его, Ежихинским, несерьезным вопросам, навеянным ночью, проведенной в Михайловском замке. «На кого ты будешь опираться в регионе? На кого-то же надо опираться, не можем

же мы вдвоем и нанятые местные ландскнехты рассчитывать на успех?» – спросил Турист, перед тем как разъехаться. Ответ был снова совершенно неожиданным, не в стиле Кузнечко: «На дружину будем опираться и примкнувшее местное ополчение! Как древние князья, или как Одиссей на свою команду, а все остальное, процедурно-демократическое, мы с тобой и сами не хуже местных знаем!»

«Или свихнулся, или мозги мне пудрит, – думал Иван, анализируя встречу, – сейчас вот поеду к этому Виктору Клюке, отвлекусь на местную рутину. Но вообще, мы с ним словно поменялись местами. Что жажда власти с людьми делает. С другой стороны, я его столько лет знаю, не может он просто так. Здесь какой-то хитрый план. Действительно, если посмотреть вокруг, то со всех сторон набирают силу различные политические фронты и ополчения. Интервью раздают «ночные гепарды» и «ордена милосердия», «православные опричники», организации «убитых подъездов» и полузакрытые «клубы посвященных мудрецов». Старые добрые партии, профсоюзы и бюджетники никому теперь не интересны! Точно хитрый план! И почему дружина? Я понимаю, что древние князья, захватив какой город, хотя бы и эту Провинцию, власть брали с помощью своих молодцов с мечами и держали эту власть на их же мечах. Взамен, особое отношение, «друзи», «дружина», потом «ближняя дружина» или «малая»? Все в одной горнице, совет держат, вместе решают... А если бы я ему про Павла рассказал?»

Ежихин почувствовал, что вот-вот от таких мыслей на гостиничной кровати захрапит. Поэтому собрался, резко встал, сделал короткую энергичную зарядку, взял планшет и сел изучать местные политические новости в Интернете, работы впереди было много.

* * *

Площадь перед вокзалом с надписью на фасаде «Станция Пустозерск» пестрела школьниками, пенсионерами и многоцветьем самых разнообразных политических флагов.

Совершенно спокойный, руки в брюки, в жидкой толпе прогуливался Василий, цепко выхватывая глазами привычные для его глаза скрытые пружины происходящего мероприятия.

Вот несколько флагоносцев одной оппозиционной партии, выполняя поставленную задачу, быстро развернув полотнища, бочком-бочком пытались застолбить площадку напротив импровизированной сцены митинга и скучающих до начала митинга телеоператоров. Полные немолодые мужики перестарались и перекрыли собой и флагами шеренги школьников, которые в свою очередь, радуясь солнцу, болтая друг с дружкой и глядя в смартфоны, особо не возражали. Но мощная учительница так шепотом рявкнула на ретивых партийцев, что те начали сдвигаться за спины детей.

Тут же другие ретивые политические волонтеры с натянутой улыбкой бросились по первой шеренге детей раздавать маленькие флажки-триколоры, заодно вручая по второму, правильному партийному флажку. Молоденький мальчик из отдела протокола губернатора подбежал к раздающим флажки, что-то сказал, выпучив на активистов глаза, и вместе с ними начал отбирать у несовершеннолетних партийные флажки, оставляя триколоры.

Третьи, наверное, считали себя самыми хитрыми – встали позади толпы и вдруг развернули флаги своей партии на пятиметровых телескопических удочках, тем не менее так прижавшись к задним рядам зрителей, что Кузнечко моментально отметил про себя, что в кадр с такими мачтами флаги точно не попадут. «Такие все грамотные стали, – с ухмылкой подумал про себя консультант. – Будто только с планерки Первого канала. Выгодную для себя картинку формируют, а как искренне прячут свои действия за улыбки и поздравления с праздником направо и налево!»

На самом краю площади стояли кучки солидных людей. «Вот эти нервничающие – точно районное руководство, ждут губернатора, а вон там, по-моему – тот, кто мне нужен. Ну да, негоже оппозиционному лидеру со всем народом стоять, ждать первое лицо области и теряться в одиночестве, когда все уставятся на приехавшего губернатора».

Перед Кузнечко вдруг вырос студент в партийном шарфике и равнодушно, с натянутой, как в дешевой маске, улыбкой, оттабаранил: «Здравствуйте! От всей души поздравляем вас с большим праздником всей пустозерской земли! Слава защитникам Пустозерска! Возьмите наш флаер, приглашаем вас на депутатский прием нашего лидера, который состоится в музыкальной школе сразу после торжественного митинга! Наш лидер ответит на все вопросы и выслушает каждого!»

Вложил в руки бумажку и исчез в направлении следующего зеваки. Флаер, по большому счету, соответствовал сказанному юношей.

Оппоненты заметили ход с флаером, и через полминуты перед Василием появилась женщина: «Ой, а извините, у вас нет лишнего приглашения на встречу с депутатом? Я свое потеряла». Василий, почти смеясь, протянул ей только что полученный флаер, который она с трудом, стесняясь и поворачиваясь к Кузнечко другим боком, попыталась впихнуть в туго набитый такими же бумажками карман.

– Погодите, – с напускной строгостью, инспекторским голосом сказал Кузнечко. – Хочу сказать, что на встречу с депутатом никогда не ходят по билетам или пригласительным! Это противоречит профессиональному смыслу самого депутатства, он рад будет толпе без всяких пригласительных и даже сам будет зазывать на улице прохожих! А вы своими действиями, только подогреваете интерес народа к встрече с оппозицией!

– Ой! – громко испугалась женщина и тут же шепотом добавила: – Мне же сказали так! Я делаю, как сказали! Простите... Вы, наверное, из областного исполкома...

– Я из Москвы, – нисколько не соврал Кузнечко, сказав это все тем же строгим голосом, чувствуя, что бедная женщина сейчас или упадет в обморок, или заплачет. – Лучше взять все собранные пригласительные и незаметно раскидать по площади, таким образом обращая внимание избирателей на мусор под ногами. Люди сформируют соответствующее отношение и к приглашению, и к депутату, тем более они сдуру туда его портрет прилепили.

Женщина уважительно закивала головой и пошла искать свое начальство. Кузнечко сменил диспозицию, еще раз обратил внимание, что людям действительно совершенно все равно и на флаги, и на флаеры, и на партийные шарфики, все щебетали о своем и ждали начала мероприятия.

Вдруг легкий, едва заметный шелест пробежал по толпе, какое-то невообразимое волнение и ажиотаж, словно переключатель, изменил атмосферу. Вокруг сделалось как-то торжественно тихо, и только легкий ветерок голосов: «Губернатор приехал, губернатор, наш главо-то района прямо рядом, рядом, смотрите! Этот старый пенёк с вокзала вьется вокруг...»

Крепкий седовласый губернатор, сливаясь в попутном движении с подоспевшими оппозиционными лидерами, со всеми здороваясь за руку по пути, упругой молодой походкой первым делом подошел к сидящим ветеранам. За ним следом все его попутчики тоже начали жать руки и гладить по плечу бабушек и дедушек, которых насчитывалось с десятков и их в ряд усадили перед трибуной. Раздался звук метронома и торжественный, но волнующийся и от того запинаящийся голос невидимой ведущей из местного Дома Культуры.

Кузнечко не стал смотреть торжественный митинг, выступление школьной хореографии, ружейный салют взвода почетного караула из местной мотострелковой бригады. Он понял, что с главой района не переговорит сегодня, тот совершенно точно ни на шаг не отойдет от Первого лица, а когда посадит его в машину, выдохнет и вряд ли захочет портить свою радость от успешной работы разговором с каким-то заезжим москвичом. Василий пошел искать музыкальную школу, попутно думая об этом явлении: изменении атмосферы, внимания, даже, казалось, воздуха в момент появления Первого лица. «Пусть не заметно, пусть на минуту, но это как по команде, у всех таких разных одинаково, словно кто щелкнул выключателем другого измерения: властитель приехал! Как в словах профессора во сне...» – размышлял Кузнечко, прогуливаясь по свежеподметенному тротуару с побеленными накануне бордюрами. И тут он вспомнил про давний, уже и позабытый момент из его жизни – инаугурация президента.

Он стоял среди множества приглашенных, выстроившихся вдоль красной дорожки в длинной Кремлевском зале. Место стояния у него было далеко от главного места таинства с Конституцией. Но и здесь, в проходном с двух сторон вытянутом зале, находилось множество знаменитых на всю страну лиц, представителей всех профессиональных цехов, фракций и отраслей. В позолоченной роскоши кремлевских интерьеров царила тишина, в воздухе почти физически чувствовалось напряжение. Все переговаривались очень тихо, сдержанно здоровались кивком головы со старыми знакомыми, то и дело поглядывая на большие экраны, где в прямом эфире должны были показывать президентский кортеж по дороге сюда, в этот зал, к этим золотым высоким дверям на входе и к этой красной дорожке. Вот два товарища, оказавшиеся разделенные этой самой красной дорожкой пытались о чем-то переговорить, вытягивая шеи. Вдруг один из них,

оглянувшись по сторонам, нелепо, испуганно перепрыгнул на другой берег, едва коснувшись своей начищенной туфлей красной поверхности, будто это было не ковровое покрытие, а огненная кипящая лента лавы.

Кузнечко прислушался к соседям, строго одетым мужчине и женщине, стоявшим рядом. Она говорила ему о том, что впервые на инаугурации, но ощущения очень знакомые, словно она не раз уже бывала на подобном действии. На экранах двинулись черные машины в окружении эскорта. «Я поняла, на что это все похоже! – вдруг зашептала на ухо мужчине спутница. – Это все похоже... на похороны, ну, в смысле атмосфера, поведение людей, сейчас вот он пойдет по дорожке, а мы все будем хлопать, словно провожая в последний путь, а потом все случится». Кузнечко вытянул шею к таким интересным соседям, чтобы не пропустить любопытный диалог. Мужчина приобнял ее за плечи и зашептал в ответ: «В каком-то смысле ты права, дорогая, если рассматривать похороны как обряд перехода в другой мир. Он тоже переходит в другой мир и после совершения обряда станет другим, совершенно особым человеком! Тяжела шапка Мономаха, только представь, каково ему совершать этот переход! Смотри, смотри»...

Василий вернулся из московских воспоминаний в провинциальный Пустозерск. В небольшом актовом зале музыкальной школы райцентра собралось человек сорок. Студенты, зрелые мужчины, несколько районных и городских депутатов и их помощников из столицы региона – из числа сопровождения и группы обеспечения областного исполкома. Они составляли большую часть аудитории. Местные избиратели были представлены тремя-четырьмя любопытными работниками самой музыкальной школы и пожилыми людьми, в основном женского пола.

Кузнечко присел в самый темный угол за спины женщин и закрылся партийной газеткой, которую тут же, на входе, вручали студенты всем входящим.

Время начала встречи с лидером оппозиции губернского масштаба уже затягивалось минут на десять. Василий представил, как сейчас за дверью получают нагоняй партийные аппаратчики за полупустой, и без того небольшой для такого солидного планового партийного мероприятия зал. «И стулья лишние не убрать, привинчены. Значит, и

от своей пресс-службы получают», – подумал московский политтехнолог. Словно в доказательство его слов по рядам пошли помощники с просьбой пересесть поближе, а на самом деле сделать хоть какое-то подобие массовой встречи с избирателями для партийного фотографа.

В зал спокойной, солидной походкой уверенного начальника вошел среднего телосложения в светлом костюме и партийном шарфике, с лихо зачесанной назад седой шевелюрой и лихими черными усами лидер, депутат губернской Думы, по совместительству единоличный руководитель провинциального отделения всероссийской партии традиционно непримиримых оппозиционеров. Все выдавало в человеке опытного публичного бойца, старого политического волка и грозного для партийных аппаратчиков начальника. «Все есть! Все, что должно быть у настоящего лидера, но какой-то комплекс неполноценности тоже есть, и вот ощущения тайны власти, даже минутного в аудитории нету! – зафиксировал Кузнечко, с прищуром разглядывая между спинами женщин своего будущего соперника. – Ну нету у него обаяния власти!»

Усатый, как прозвал про себя депутата Кузнечко, медленно, солидно и за руку поздоровался с сидящими на первых рядах людьми, пару раз грозно зыркнув при этом на тянущих ему из массовки руки однопартийцев. И начал речь:

– Друзья, земляки! Еще раз хочу поздравить всех со знаменательной датой! Город Пустозерск – наша гордость, а его жители – наше достояние и сокровище! Тем более горько сегодня вспоминать войну, когда бандеровский фашизм поднял голову на братской Украине! Гибнут мирные люди, дети...

Зал словно проснулся, ободрительный шепот, головы сидящих слегка закивали. Оратор понял, что правильно начал.

– Как такое могло случиться? За что воевали наши с вами деды? Каково им оттуда, – он поднял палец к потолку, – из Царствия Небесного, глядеть на все, что сегодня показывают по телевизору?

– А мой перечник и не смотрит! – вдруг звонким голосом перебила выступающего одна из бабушек интеллигентного вида. Похоже, у нее накипело и среди подружек и областных гостей по причине тайной гордости за своего «перечника» вырвалось наружу. – Не выносимо, говорит он мне, смотреть на это все, откопал... э-э-э,

нашел в лесу автомат с войны, нала-а-дил его, сма-а-зал. Говорит, пока хоть одну мразь, что народ сжигает, не порешу – в гроб не лягу! Требуется, чтобы я ему этот... рыбацкий костюм защитного цвета купила! Сво-ло-чи!

Голос старушки дрогнул, и она спрятала голову в платок. Тут же, не давая лектору отреагировать, раздался голос сотрудницы музыкальной школы:

– А мой Вовка сказал, что на север устроился и не звонит уже два месяца, как уехал! Года не прошло, как с армии вернулся и пропал, там он точно! Он с двумя мальцами сбег из дому, с которыми служил вместе, может, подсобите отыскать, товарищ депутат?

Поднялся гвалт, из которого сыпались личные советы, последние новости, искренние проклятья в адрес майдана и бандеровцев. Депутат попытался свернуть на другую тему, но никак не получалось, пока наконец другая старушка не встала и сама не обратилась к гостю:

– Мы тут с Советом ветеранов собрали, кто сколько может на лекарства нашим пенсионерам и на еду ребятишкам малым из Новороссии, все под запись, с ведомостью. Давайте вы тоже примите участие, товарищ депутат! Все равно же голосовать за себя будете просить, так же? Хоть добрую память о себе оставите!

– Конечно, поучаствую! Конечно, мои дорогие! Сразу после встречи, мой помощник пойдет с вами и сдаст денежку. Сколько смогу, не обессудьте, от всей души. Мы же – оп-по-зиция! Нас так власть зажала за нашу правду, что ни денег, ни работы у нас нет! – перевел все-таки оратор в нужное русло разговор. – Посудите сами, мы со своей пенсии нашим братьям последние копейки собираем, а эти толстосумы из власти брюхо свое набивают, миллионы тратят на свой пиар, на дорогие машины, отдыхи на Гавайях, на часы по миллиону долларов! Посмотрите, что в телевизоре показывают, что в Интернете пишут про этих кровососов народа.

В зале наступила тишина. Депутат понял, что пора говорить главное.

– Мы, наша партия выйдем на губернаторские выборы и положим этому беспределу конец в нашей губернии! Положим конец! Сколько ж можно! Сколько у вас пенсии и зарплаты, а? Сколько мы будем ждать ремонта этой замечательной Пустоцкой музыкальной школы, которой, – заглянул в бумажку в руке, – на следующий год исполнится

шестьдесят лет! Сколько еще мы будем отдавать последние кровные жуликам из ЖКХ? Доколе нам терпеть ямы во дворах наших домов! Так жить нельзя! В наших силах поменять это на честных демократических выборах. Я пока не агитирую и не называю нашего кандидата, – повисла многозначительная пауза, – но он появится совсем скоро, и я прошу уже сейчас вливаться в наше партийное ополчение!

Оратор профессионально завел сам себя, активно разводил руками и тряс кулаком в потолок. Речь лилась из него как бурный поток, захватывая аудиторию: то накрывая ее ужасом, то лаская теплотой соболезнования, то вдохновляя на акции протеста за справедливость. Однако народ, в отличие от самого оратора, особо не заводился. И когда лидер оппозиции предложил задавать ему любые, самые острые вопросы и просьбы, раздался стеснительный тоненький голос другой сотрудницы музыкальной школы:

– В нашем Пустозерске детский сад построили. А еще Иван Иванович, губернатор, когда к нам на музыкальную гостиную заезжал в апреле, у него тут дача недалеко, сказал, что наша школа уже стоит в бюджете на следующий год, извините. А вас я в прошлом году слушала, вы все то же самое говорили, и в позапрошлом, извините еще раз, пожалуйста.

– Эх, кумушка вы моя! – не растерялся оппозиционер. – Я скромно не стал приводить в пример ваш детский сад! Потому что мне стыдно, что у вас построили на весь район всего лишь один детский сад, а не десять! А не воровали бы – и школу вашу давно бы отремонтировали! Что ж вы такая наивная, несчастная жертва пиара власти! Если хотите знать, то за ваш садик вы должны благодарить, – лидер партии пошарил глазами по залу, – Петра Никифоровича! Вашего районного депутата от нашей партии!

Испуганный мужичок Петр Никифорович подскочил со своего места и заспанными глазами начал испуганно озираться по залу.

– Садитесь, Петр Никифорович, – ледяным голосом процедил Лидер, заметив заспанные глаза коллеги, и громко продолжил: – Это именно он, ваш депутат от нашей партии, скромно, но неоднократно поднимал вопрос о Пустозерском детском саде, я лично подписывал письма во все инстанции, угрожал акциями протеста, голодовкой и обращался к нашему лидеру в Москву! И если бы не я, нет, если бы не

все мы вместе с товарищами, не было бы у вас детского сада еще лет двадцать!

Раздались бурные аплодисменты со стороны помощников и неуверенные, из чувства «все хлопают – мне тоже надо» хлопки из рядов местных жителей. Тут же поднялась женщина из местных и, сориентировавшись в обстановке, начала длинную докладную жалобу на преступления районной и областной власти перед народом Пустозерска. От плохого отопления зимой в ее доме до ужасного качества вонючей самогонки, которую нелегально продает соседка Ефросинья пустозерским мужикам.

Вдруг с заднего ряда всех прервал спокойный голос Кузнечко:

– Вообще-то, Валентин Петрович, это правительственная программа по детским садам, и срочность, адресность финансирования строек или ремонтов защищает в Москве правительство Провинции, а вы даже в областной Думе к этим вопросам не имеете никакого отношения, кроме права на депутатский запрос, разумеется, так что вы людям только что наврали, получается...

Валентин Петрович (так, оказывается, звали лидера оппозиции) побагровел, затем быстро (все-таки опыт), подняв руку в направлении Кузнечко, громко прорычал:

– Провокатор! Засланный казачок от наших жуликов! Вот как власть обмазывает грязью последнюю оппозицию! Правда глаза колет? Проследите за ним, не выпускайте его, мы пойдем в суд!

– Да я и не убегаю никуда, я, наоборот, к вам, – спокойно сказал Василий. – Просто я удивлен: на последнем координационном совещании ваш куратор Семен Семенович давал несколько иные установки в региональные отделения, более того, мне он говорил, что селектор по кандидатам и рекомендациям на губернаторские выборные кампании вашей партии состоится только через неделю!

Кузнечко с удовольствием отметил про себя, что лидер оппозиции точно растерялся, понимая, в отличие от присутствующих, и кто такой Семен Семенович, и про селектор. Помощники разинули рты. Они не знали, что делать, смотрели поочередно то на Кузнечко, то на своего начальника. Кузнечко милосердно протянул руку помощи коллеге:

– Но вообще, как вы знаете, о вас очень высокого мнения в Москве, очень, вы – надежда партии, и люди вас ценят, прежде всего –

за вашу честность и открытость, что является залогом успеха в борьбе с этой насквозь коррумпированной машиной власти. Я подожду вас на выходе, извините, ради бога, что перебил, продолжайте, пожалуйста...

Кузнечко встал, медленно, в тишине цокая каблуками своих модных туфель, прошел между замершими помощниками и вышел на крыльцо музыкальной школы... Сидя на лавочке в рожице за музыкальной школой Кузнечко мирно беседовал с Валентином Петровичем. Видно было, что тот еще обижался, фыркая в свои шикарные усы, но после инцидента был очень внимателен к каждому слову заезжего московского гастролера. Наконец, решив, что ворон ворону глаз не выклюет, ответил:

– Есть у меня и тридцать свободных депутатских душ, и даже больше, и вы, конечно, правы, что губернатор поможет мне все подписи собрать, и деньги мне, вернее, партии на кампанию, конечно, понадобятся. Но зачем мне помогать конкуренту? Вы оторвете мои голоса на выборах и вместо, например, второго места у меня будет какое-нибудь третье. Вы же понимаете, насколько это важно для работы в следующие пять лет? А если в ходе кампании у меня появятся шансы победить? Вы меня можете лишить как раз недостающих голосов, лишить шанса на второй тур! Опять же цена вопроса, вы ж понимаете, что это оч-ч-чень серьезно... – деликатно забросил удочку на предмет поторговаться Валентин Петрович.

– Ваши голоса я не съем точно, кто я такой здесь у вас? Я же здравомыслящий человек, поэтому моя задача – суметь выдвинуться, обратить на себя внимание и договориться по другим совершенно вопросам, откровенно говоря, обратить на себя внимание Москвы. Сами подумайте, зачем московскому политконсультанту ваша убогая провинция, да еще отвечать за все это хозяйство! Нет, нет. Ну а про цену вопроса вы не переживайте.

Кузнечко легким движением руки, предварительно окинув взглядом вокруг, расстегнул и откинул крышку своего заветного портфельчика, лежащего у него на коленях. Валентин Петрович замер. И сам резко захлопнул портфель, навалившись на Кузнечко.

– Что вы себе позволяете! Мы же не в Москве! Застегните его, чтобы я был спокоен, – затем, оглядевшись, отдышавшись, Петр Валетнинович продолжил: – Значит так, давайте договоримся, я согласен, но расписку пишу не я вам, а вы мне! У меня в машине есть

список моих депутатов, я их всех знаю лично. Я выбираю вам тридцать мандатов, обвожу их ручкой. Вы с завтрашнего дня едете и берете с них подписи за свое выдвижение. А вы мне прямо сейчас пишете расписку, что обязуетесь как сторонник нашей партии с моей регистрацией в качестве кандидата перевести в Фонд моей поддержки – вот эту сумму.

Валентин Петрович достал авторучку и на своей ладони написал цифру, поглядел на реакцию Кузнечко, нарисовал плюсик и еще одну цифру – типа на телефон и бензин по подготовке депутатов. Затем плюнул на ладошку и быстро стер чернила.

– И имейте в виду, если вы мне не переведете то, о чем договорились, куда и как я вам скажу сразу же, то вдруг окажется, что все мои, то есть уже ваши депутаты ранее, до вас, дали подписи другому кандидату, а значит, ваши подписи окажутся недействительными, – уверенно и уже с чувством легкого превосходства сказал оппозиционер. – Договорились? Пойдемте в мою машину за списком...

– Договорились! – весело, почти смеясь, ответил Кузнечко. – С вами приятно иметь дело. Только, Петр Валентинович, если вдруг ваш стратегический депутатский резерв по независящим от меня обстоятельствам потребует вас самому по тем или иным причинам, то ваша сегодняшняя неловкость покажется вам детским садом, а все вот это, – Кузнечко похлопал по портфелю, – пойдет на то, чтобы вы стали даже не вторым, а последним номером на выборах и вылетели из своего партийного кресла по единогласному решению ваших московских старших товарищей. И, кстати, еще пять душ добавьте в наш с вами список, так сказать, за тот плюсик, что вы пририсовали на своей ладошке к первоначальной цифре...

* * *

Просмотрев личный «Сайт умных горожан» местного депутата Клюки под названием «Паракарочка-Авеню», в разделе «Криминал» Турист вдруг наткнулся на свежайшую, но очень короткую и неприметную в череде новостей об угнанных велосипедах, кражах на колхозном рынке и ДТП такую новость: «Группа подонков вчера

поздно вечером в переулке Курбского побила прохожего, возвращавшегося домой. Прохожий оказался депутатом В.С. Клюкой. Криминальный корреспондент Вихрев».

Турист быстро оделся и отправился встречаться по самому срочному из заданий Кузнечко. Всю дорогу до домика Витьки Клюки, адрес которого он нашел на сайте городской думы Паракорочки (Переулок Курбского, 6), Турист крутил в голове мысль о «дружине Кузнечко» и о ночном разговоре с Павлом, или не разговоре, а о сонном видении на почве стресса и голода. Окунувшись в такие привычные, без всякой чертовщины и мистики предвыборные хлопоты, он уже начал сомневаться в реальности вчерашней ночи и периодически представлял, где и как в ночном бреду в Михайловском замке он умудрился стырить или все-таки найти такой симпатичный перстенок.

По «дружине» у него вырисовывался только вполне актуальный общественный проект, который Кузнечко решил обкатать на себе в регионе, а затем предложить какому-нибудь клиенту развернуть на всю страну или часть страны. «А что! – рассуждал Ежихин. – Никому нельзя доверять, все всем не доверяют, одна и та же тусовка в каждой губернии бегаёт двадцать лет из партии в партию, из должности в должность, из редакции в редакцию, а тут свежие силы, общественники – дружинники, то есть сильные и лично преданные. Чем не опора? И так патриотично – наша провинциальная дружина. Мда... но бред это все, где ж таких преданных дружинников найти? Перекупают через полгода или сами лидера скovyрнут. Модно, но не понятно. И потом Павел сказал, что после него все вниз покатилося, туда, от чего ушли. А от чего ушли? Дружина в древности. Значит, обратно к дружине и князьям все и покатилося! Феодалные войны? Неоязычество? Племена? Нет, это мысль опасная и лучше ее не думать...

В домике жил вечный паракорский оппозиционер и личный враг главы города Виктор Клюка. Вот он, посмотрите, медленно, с гримасой боли, на раскоряку, почти не сгибая ног в коленях, спускается с кривого крылечка и идет отомкнуть калитку перед улыбающейся физиономией Ежихина. Несмотря на разочарование народной массы в либералах, на свой собственный мандат городского депутата, Клюка всегда набирал голосов.

Его секрет был связан, скорее всего, с тем, что с самых советских времен он числился знатным краеведом, хорошо знал все местные достопримечательности и очень искусно выдавал себя прежде всего не за политика, а за хранителя местной старины и паракорской идентичности в целом. То есть это был такой местный персонаж, без которого Паракорочка наверняка утратила бы важную черту собственного идейного своеобразия и неповторимости. Всем в городе был известен этот человек: с редкими длинными волосами, в старых квадратных очках в толстой пластмассовой оправе, из-за которых его глаза казались маленькими и хитрыми, с острым красным носом и тонкими, как будто обиженно поджатыми губами.

Однако главным и тайным мотором жизни Клюки была ненависть ко всему, что связано с властью. Все его краеведение в конечном итоге демонизировало власть того или иного исторического периода, все его статьи о страдающем под пятой азиатчины народе всегда заканчивались логическим и едва скрываемым презрением к самому же этому народу. Он искренне и сначала тайно ненавидел советскую власть, язвительно ненавидел власть Ельцинских демократов за то, что они, по его разумению, были сплошь липовыми перевертышами из КПСС, ненавидел власть путинскую, потом медведевскую, потом снова путинскую. Он был провинциальным англоманом и искренне сожалел, что в истории родного города не промелькнуло ни одного британца. Зато еще во времена Перестройки на страницах местной газеты он убедительно доказал, что сам Курбский, по его мнению, наипервейший диссидент и демократ России, бежал от тирана Ивана Грозного как раз через Паракорочку и скакал на лихом коне, между прочим, именно что по его родному переулку. Благодаря перестройке и активности депутата (тогда еще Горсовета) Клюки – Совпартшкольный переулок был переименован в честь первого диссидента Курбского.

– Вы кто, молодой человек? – скрипучим голосом спросил Клюка. – Что вам надо?

– Простите, я журналист из Москвы, много о вас слышал и раньше, а тут, будучи случайно проездом, увидел на вашем совершенно замечательном городском сайте эту ужасную новость! Вот, я вам даже лимоны, яблоки принес. Креативный класс должен быть солидарным и чутким друг к другу, иначе в нашей борьбе успеха не будет!

Было заметно по как бы от скромности опустившему голову Клюке насколько точной получилась лесть Ежихина. Начало было положено и через какое-то время они уже беседовали за чашкой чая на маленькой веранде. Беседа помимо цели войти в доверие имела вполне конкретный замысел со стороны Ежихина. Но поскольку либералы не умеют разговаривать даже об огуречных грядках, не касаясь ненавистного президента и глобальных проблем человечества, Ежихину было очень тяжело свернуть разговор на конкретные договоренности. Каждый раз ему приходилось начинать заново:

– Что же вы, Виктор Солонович (отца Клюки дед назвал Солоном в честь античного деятеля, что было формой завуалированного протеста против сталинизма), не хотите сделать заявление?! Вы от меня что-то скрываете! Это же политические репрессии, я уверен! Попытка задушить свободу слова! И вовсе не глава вашего городишки стоит за всем этим, а как минимум областная власть и псы режима перед выборами губернатора зачищают Провинцию!

– Понимаете, многоуважаемый Иван Федорович! Не сочтите за гражданскую трусость, при всем внутреннем согласии с вашей версией событий, есть обстоятельства, которые заставляют меня молчать об этом происшествии!

– Боже мой! – воскликнул Ежихин. – Да что же это за обстоятельства? Вас запугали?

– Меня не-воз-мож-но запугать! – выпрямив спину, гордо сказал Клюка. – Ни-ког-да! Ну... сказать откровенно, я был нетрезв, нет, нет, нет, вы не подумайте, я давным-давно ни с кем не пью, повсюду агенты, стукачи, исключительно один, дома и самую малость! Но вчера черт дернул меня выйти в ларек уже выпимши!

Видно было, как нравится Клюке идея стать жертвой областной власти, а еще лучше самого областного КГБ, как по-старому называл службу депутат, а еще лучше – жертвой самой Лубянки! Тем более что такая удача в лице московского журналиста выпадает не часто. Но упрямо стоял на своем отказе.

– Виктор Солонович, поймите, завтра будет поздно, нам ведь нужно еще снять медицинские травмы, они же наверняка есть, хоть внутренние какие кровоизлияния, гематомы или какие-то ушибы мягких тканей, нам натянуть хотя бы на средней тяжести! Кстати, куда

они вас били? На лице следов нет, к сожалению, хоть бы маленькая шишечка, мы бы ее подкрасили тенями!

– Да в том-то и дело, – почти вскрикнул Клюка. – Мягкие ткани! Один схватил мою голову себе подмышку, наклонив меня, а второй стоял и со всей силы пинал по этому самому мягкому месту! Понимаете? Я было согнул колени и попытался присесть, но снизу было еще больнее, как по футбольному мячику, я даже кричать не мог от боли! И показания я сразу же снял в больнице, такие вещи я не откладываю на потом: тре-щи-на! В кончике копчика!

Ежихин с огромным трудом сдержал себя, чтобы не заржать как конь. Быстро опустил голову к чашке чая и медленно сделал большой глоток, как бы показывая собеседнику, что он глубоко задумался об услышанном.

– А какая разница, по справедливости говоря, трещина или перелом? Никакой! Это уже точно средней тяжести! И синяк все-таки нарисуем под очки, для фотографии! Но в больнице! Я оплачу вам отдельную палату, пока обследование пройдет, пока то-се... Эка невидаль, Виктор Солонович, пендели! А что, это разве не насилие? Наоборот, с особой жестокостью, ногами! Я-то думаю, чего вы все не присядете никак уже больше часа! Значит так, пишем заявление в милицию, а я звоню коллегам в Москву, диктую новость, фотки отправим второй волной в развитие темы!

– Подождите! А с моими партийными коллегами в области нужно согласовывать?

– Ерунда, они вас на руках будут носить за такой информационный повод!

– А московские газетчики? Пока следствие, пока какие-то показания, да вдруг выяснится, что это и не чекисты вовсе?

– Виктор Солонович, я этими штуками занимаюсь уже кучу лет. Никому нафиг не интересно, кто вам на самом деле пенделей надавал, понимаете? Вот смотрите. Ваш областной босс будет вас использовать втемную для собственного рейтинга, проводя свое расследование, приезжая к вам с апельсинами и фотографом, понимаете? Он вам, наверное, скажет огромное спасибо и ни копейки денег не заплатит, а просто вашу боль будет использовать на собственный пиар перед выборами. Московские либералы ваш случай будут использовать исключительно, чтобы обвинить ненавистный режим, эти даже и

спасибо вам не скажут за очередной повод. Ваш губернатор Иван Иваныч, хоть ему этот скандал поперек горла будет и вообще он старой формации, но в пиаре-то все понимает! Если поднимется шум хороший, как миленький приедет к вам в больницу с апельсинами и милицией, чтобы пожать вам руку на телекамеру и сказать про свободу слова. Его враги и конкуренты на будущих выборах этим тоже, ясный пень, воспользуются и накинута уже на него, забыв и про вас, и про чекистов. Понимаете, да? Всем найдется тема по своему вкусу, а вы будете лежать себе в больнице, лопать апельсины и подсчитывать, как растет ваш рейтинг узнаваемости параллельно авторитету среди земляков даже не района, области или бери еще выше. Может, вас даже как жертву режима в Москву пригласят работать или куда за границу! Кстати, как вы думаете, за что вас? Нужен красивый повод...

Возбужденный Клюка, уже представляющий себя на обложках центральных газет, нервно покусывал губы. Потом лихо проковылял из сеней в дом и вернулся с районной газетой. Захихикал, рассказав о том, как глава прошляпил такую публикацию в районке, и дал почитать Ежихину. Это была статья о том, где он, депутат, ведущий городской краевед, презентовал итоги своего личного расследования и доказывал, что партизаны, по его подсчетам, грабили паракорцев в годы войны на двадцать процентов чаще, чем местные полиция.

Турист, читая, жутко расстроился, так все хорошо шло, а тут опять его темное генетическое прошлое. Он думал, что причиной покушения на жизнь оппозиционера они раскрутят какое-нибудь ЖКХ, разоблачение коррупции, преступное разрушение какого-нибудь памятника архитектуры и прочие привычные крючки оппозиции. Не, ну что за патология такая, любыми способами обделать свою же страну и слепить из предателей героев?

– Э-э-й, ау, Иван Романович! Я готов! Новость на моем сайте в вашем ключе уже висит в разделе «Политика», пусть все-таки эксклюзив с моего сайта будет, ладно? Областной координатор звонил, безумно счастлив, сейчас же выезжает ко мне в больницу! И платную палату, кстати, он сам оплатит, сказал не дать вам потратить ни копейки, из уважения и гостеприимства, видимо! Вы хотели меня сфотографировать, пойдете?

Перед Туристом стоял Клюка с коряво нарисованными синяками под очками, с пакетом, из которого торчали домашние тапочки, в

другой руке был плащ и справка из рентген-кабинета.

– Вы, пожалуй, Виктор Солонович, идите, я найду к вам в больницу, мне сейчас нужно несколько звонков сделать, я по улице погуляю.

– Хорошо, дорогой Иван Федорович! Я в палате сам селфи сделаю! Выходим, прошу вас, я дом закрою. Э-ге-гей, вернусь ли? Пожалуй, вы правы, молодой человек, – Клюка с легкой насмешкой глядел на Туриста. – Все всех используют втемную! Спасибо за идею! И вновь продолжается бой...

Клюка подмигнул Ивану и, насвистывая вечный мотив Пахмутовой, галантно раскланялся и отправился по переулку Курбского, между прочим, почти не прихрамывая.

Расстроенный Турист пошел в противоположную сторону. Он позвонил Кузнечко, который пришел в восторг от идеи и категорически запретил мешать Клюке. Потом он направился в тесную кафешку, что находилась аккуратно у автовокзала, и через полчаса уже во всех подробностях знал всю подноготную избиения от скучающей буфетчицы, которая с удовольствием нашла в его лице собеседника и свободные уши.

Оказывается, отец Кюки родился в оккупации в семье полица при комендатуре. Оставив мать с сыном в Паракорочке, он ушел с немцами, затем в Перестройку уже обнаружился в Лондоне, куда к дедушке успел слетать внук еще до его смерти. Поскольку он и все его родственники считались полицейским наследием, то наследники партизан никакого продвижения в социальном плане им не давали. Годы шли, память и противостояние постепенно сглаживались, обстоятельства забывались, и как раз подросла Перестройка. Виктор Солонович благодаря лондонскому деду стал главным франтом в районе, он ходил в фирменных джинсах, кроссовках и бейсболке, всегда жевал резинку и издавал свою краеведческую газету, в которой слово «Паракорочка-Авеню» было всегда напечатано модной в Перестройку латиницей. Потом, уже в середине девяностых, он с удивлением обнаружил, что его краеведческая продвинутая газета никому особо и не нужна, а его демократическое обаяние, в отличие от суровых братков и повсеместного бизнеса, уже никого не впечатляет. Так он снова оказался на выборах, теперь уже в городскую Думу...

– Чаво-чаво! Экий ты, залетный, тугоухай! – поясняла толстая, но добродушная буфетчица, не переставая ни на секунду лузгать семечки. – Говорю же тебе! Поджопников ему мальцы с нашего поискового отряду надавали, они здесь позавчерась хлебом затаривались на свою вахту, а один такой и говорит: «Бить не будем, козлищу, но задницу распинаем для науки!». Во как! А ты чаво-чаво...

Турист вышел из вокзального буфета, посмотрел на стоящие вокруг рейсовые автобусы, оглянул редких в век личного автотранспорта ожидающих пассажиров и, прочитав маршруты на фанерном стенде, не раздумывая, прыгнул в автобус, который отправлялся в столицу Провинции.

* * *

Дела вроде как шли неплохо: расписки по депутатским душам пухли в портфельчике Василия Кузнечко, без особого ущерба для веса самого портфеля-сумки с толстой и по всему периметру благородной серебряной молнией. Нет никакого смысла для сути истории рассказывать про все его встречи и переговоры с журналистами, политическими, так сказать, авторитетами губернии и даже... скажем честно, с чиновниками из политического блока губернатора Ивана Ивановича. Да, да! Все, кто имеет отношение к различным коридорам власти и держит, так сказать, нос по ветру, уже были в курсе амбиций достаточно авторитетного, как оказалось, для провинциалов московского политконсультанта, даром, что их в Москве да телевизоре – не счесть, и Кузнечко там далеко не в первой десятке.

Как и ожидалось, после первых и достаточно уверенных телодвижений Кузнечко провинциальный бомонд разделился на две части. Первые в ресторанах, на собраниях и прочих «на людях» говорили о том, что большего бреда они не видели и победить в их особой, не то, что другие регионы, провинции вот так с наскоку – невозможно. Авантюра с непонятными целями, и вообще – тайный проект самого же Ивана Ивановича. Вторые, говорили, что, мол, только так, по-гусарски, и можно что-то изменить, и если не сдуется политконсультант, то «хоть какая-то свежая кровь в нашем болоте».

И первые, и вторые, конечно же, судили в точности в соответствии со своими привычным амплуа политического порядка, заведенного в Провинции. А на самом-то деле все ждали, что скажет по поводу явления Кузнечко Иван Иванович и еще больше – Москва. Но эти столпы для ориентации политического класса как-то подозрительно и равнодушно молчали, ни одного сигнала и нахмуренной брови. Словно Кузнечко с его портфельчиком и участвовавшими скандалами находился не здесь, в Провинции, в период сбора подписей для выдвижения кандидатов в губернаторы, а, допустим, где-нибудь на Мадагаскаре или в каком Катманду. Будто бы его реальные, на бумажном носителе расписки реальной оппозиции и конкретных депутатов, даже некоторых союзных глав и мэров, сити-менеджеров и даже собственников волостеобразующих предприятий, на минуточку – это не какие-то финансовые документы, но комиксы по пятнадцать рублей на выходе из магазина.

«Понижают ставки, сукины дети! Ничего, знаем, плавали! Нас игнорировать – хуже чем подставляться!» – думал Кузнечко и надиктовывал своим сотрудникам и доверенным лицам в Москве всяческие гадкие новости из Провинции, причем уже особо не скрывая свой почерк в комментариях, размещая их, эти гадости, на своих партнерских сайтах, привлекая своих постоянных заказчиков, своих – на прикорме или неофитов – блогеров.

Тем не менее что-то было неясно и непонятно. Так Кузнечко работать не очень любил. Вернее как, неясности всегда, конечно, были на всех выборах, но главное было их красиво прокомментировать до и правильно объяснить после – заказчику в первую очередь. А здесь кому объяснять? Самому себе? Может, еще это непривычное для политконсультанта состояние любви к Богине, у которой он раз в три дня вымаливал встречу в кафе, тонко напоминая о насилии со стороны ее одноклассников, и все также улетал на небеса от ее смеха, улыбки и лучистых... нет, как он говорил, искрящихся глаз. То ли из-за какой-то смутной тревоги от легкости, с которой ему удавалось договориться с держателями политических акций в виде депутатских душ в самых даже удаленных и консервативных районах. Никто, главное, не упирался особо! Турист, его правая рука в этом деле, вроде старался, но тоже все больше внушал подозрения своими разъездами и вопросами. И даже водитель Петрович начал куда-то отпрашиваться в

свободное время. Хотя, пожалуй, в череде хлопот три встречи несколько напрягли его и заставили задуматься всерьез.

Первая. Один чиновник средней руки, предполагаемый информатор без риска для карьеры. Все красиво и убедительно продумано, как обычно. Чиновник из политического блока на первой конспиративной встрече в отдельном зале ресторана с отдельным выходом, как и ожидалось, «не поддержал – не отказал», тем не менее стало ясно, чем вообще в плане выборов там занимаются. А в конце посиделок вместо техничной отсечки, повторения легенды и отработки системы конфиденциальной связи в более тесном сотрудничестве, Кузнечко все испортил и нарвался на какую-то достоевщину с поповщиной, или нет, на исповедь вместе с проповедью, как-то так. Хотя, с другой стороны, нечего было угощать незнакомого человека сразу бутылкой нестыдного коньяка, а не заказывать в бокалах по пятьдесят...

Вот бред провинциального чиновника: «Вы поймите, дорогой Василий Сергеевич! Мне и другим моим коллегам абсолютно все равно, получится у вас избраться губернатором или нет. Я вот, например, встаю утром, смотрю новости и жалею от всей души начальника, аж плакать хочется. Его так даже родная жена жалеть не может, потому что я вижу и знаю больше ее, причем ежедневно. А то, что я знаю и вижу ежедневно – невозможно передать словами даже собственной жене. Потом, после планерок и разбора ежедневно новой толстой папки резолюций, планов, обращений, рекомендаций, запросов и просроченных ответов гражданам, примерно к обеду, начинаю жалеть уже себя, аж практически тоже в искренних слезах, но уже с элементами матерщины и молчаливой агрессии. А вечером, когда опять новости все просмотрю и заголовки сайтов – жалею уже всякого нашего брата от мала до Ивана Ивановича. И стыдно мне от такой слезной ротации, и ничего поделать с собой не могу.

Вы не подумайте, я не жалуясь на судьбу. Вы просто поймите, честно, поймите, что нам, чиновникам, хоть даже самым политически грамотным и муниципальным, хоть сельхозным и коммунальным, хоть каким – никакой радости от вас, претендентов на престол – нету. Вот заедете вы в кабинет Иван Ивановича на белой кобыле массовых настроений, прости господи, тьфу-тьфу-тьфу... И что? Утверждаться будете и никак иначе! А как вы будете утверждаться? За наш

чиновничий, понятное дело, счет и никак иначе, время такое. У нас во всей России в разряде негодяев, кроме чиновников да радикальных экстремистов, более никого теперь уже не числится, все остальные – общество и электорат, а значит, по определению – хорошие. А без негодяев, значит, утверждаться никак не возможно».

Помнится, в этот момент посерьезневший Кузнечко, пытаясь поменять тему разливом последних капель коньяка по бокалам, бросил, почему-то воспринимая все сказанное на свой личный счет: «Ну, н-не только чиновники и радикальные экстремисты, «пятая колонна» еще, которая против Крыма и п... п-п-о п-посольствам иностранным шакалит...» Чем вызвал обратную реакцию:

– Нет уж, Василий Сергеевич! Врагов прежде всего лишают права голоса и адвокатов на своей территории, а ваши шакалы каждый день на экранах, да в газетах, да каждый год на выборах изображают из себя закатанные в асфальт нежные ростки свободы. Будто это мы всей администрацией тайно на Болотную ездили, а не они, ей богу. Вы хоть одного консультанта или журналиста – адвоката чиновников на экране видели? То-то, и не увидите, потому что других негодяев у вас для народа нету. Ик... Так, значит, вы начнете утверждаться на нас перед ними, как только заедете в кабинет губернатора... У-у-уф...

А что будет, когда вы нас порубите, покровсаете, поразоблачаете и возбудитесь по отдельным представителям? Во-о-от, а я знаю. Все то же самое и будет-с! Заново-с. Потому что без нас – вы никто, а на наше место в наше-то время хоть по всей России с пряником пробегись, дураков – нету, вернее, есть именно что только дураки! Нету, нету, нету! Не обольщайтесь, уважаемый! Я вот уже под четвертым сижу, зачем? С моим-то стажем и связями? Исключительно из жалости и проклятой дисциплинированности? А нормальные-то разбежались давно, стыдно сказать, молодежь чиновничьи стулья на прилавок меняет, дожились. Это вам в кресле посидеть, благоденствием имя свое прославить, а нам реформация очередная, да народ все капризнее и придиричвее. Раньше, помню, без зарплаты на шестой месяц на дыбы вставал, а счас даже об яму во дворе штаны измажет и уже митинг организывает да президенту пишет. Мы с народом-то куда как ближе друг дружку знаем, чем с вами, демократически сме-ня-е-мы-ми. Понаразвели тут, понимаешь, демократию, с ног на уши все поставили: теперь паны, значит, дерутся перед холопами как на сцене,

но не сами, а кто больше чубов чиновникам поотрубает. Как вам в таком деле помогать-то?»

Кузнечко в том разговоре мягко, чтобы не портить отношения, конечно же, попытался возразить и указать на вопиющие случаи, на взятки, лень и всяческие корпоративы с госзакупками, на что был добит ответом провинциала: «Секундочку! А кто это все создал? Лазейки, конкурсы, интернеты? Дураку же было понятно, что со ста миллионами пользователей Интернета, «вопиющих случаев» будет в миллион раз больше чем даже со ста тысячами журналистов! А штаты чиновников и финансирование на эти вскрытые язвы в миллион раз никто не увеличит, наоборот – сокращение дармоедов подавай! Это же элементарная математика, школьная причем! Жаловаться, значит, за свои права и указывать на недостатки – возможностей у народа с каждым годом все больше, а нашего брата, который ответить должен каждому, с каждым годом – все меньше. А лазейки эти, конкурсы кто создал? Кто по целой бухгалтерии развел в каждой школе? По юристу в каждом детсаду? Мы, что ли? Может, мы еще и законы какие для себя сами лоббируем? Или все же вы? Которые трындели на каждом углу про европы с америками да язвы отечественной бюрократии со времен царей-горохов?»

Да нам в целом, по-среднему, так сказать, вы еще молоко за вредность законом должны определить, за работу в условиях информационного общества, так сказать, с возможностью прихватить масла, разумеется. Запомните, молодой человек, вдруг станете-таки губернатором. Сам по себе чиновник, конечно же, ненасытен, конечно же, слаб, поскольку трагически мудр и предусмотрителен по жизни, но в отличие от всего остального общества он-то как раз – дисциплинирован! Вот, к примеру, при Иван Иваныче – наш брат куда-а-а меньше берет или под себя чего подмахивает, куда-а-а-а меньше, чем при Петре Петровиче предыдущем, дай Бог обоим здоровья. А вы придете, так, глядишь, и растащим все, что можно, не специально, не со злобы антинародной или протеста какого – сугубо из подстраховки и выживания служивого класса, так и получится, попомните мое слово!»

Этот разговор в целом, несмотря на ценнейшую информацию о состоянии административных редутов конкурента, впервые сначала эпопеи сподвигнул Кузнечко к мысли о глупости бурного порыва

изменить свою жизнь. Впервые он, как Экклезиаст, где-то глубоко внутри себя, где невозможно и некому уже врать, подумал: а надо ли оно это кресло, и стоят ли все эти игры шапочки Мономаха? И не лучше ли, как бывало, комментировать шаги и действия губернаторов и депутатов за конкретный договор по твердым расценкам? Впервые его представления, знания, опыт по самой глубинной сути разошлись с теми, кого он раньше, честно говоря, и за людей-то не считал.

«Вполне возможно, административный саботаж организовать не получится, но с другой стороны, этот прожженный бюрократ прав, рвение чинов за Иван Иваныча, может, мне только на руку. А вдруг не рвение воров-чиновников, а искренняя работа с народом, который они, действительно, лучше нас знают? В любом случае что делать не с тупым и безотказным админресурсом, а с такими вот непонятными чиновниками во время кампании и тем более после – он не понимал. А Василий Сергеевич не любил темных пятен в полотнах собственных планов.

Второй момент. Избирком. Направился, значит, туда Кузнечко заявление писать и документы сдавать в установленный законом срок, в заключительный из возможных дней, естественно. Ясное дело, понимал, что в последний день будет ажиотаж и всяческая суета в связи с приходом главного кандидата Ивана Ивановича со стаей любопытных журналистов и срочными, до окончания рабочего дня отчетностями. Поэтому он пошел заранее, в суете просочился из зала заседаний в рабочие пространства и отправился бродить по коридорам губернской избирательной комиссии с папочкой документов в руках.

Как он интуитивно и предполагал, председатель комиссии, опора несменяемости власти, попался-таки ему в коридоре, моложавый, весь как на шарнирах, модный, вкусно пахнущий почти как в столичных офисах, бесконечно громко разговаривающий между кабинетами по толстому, старомодному сотовому телефону.

Кузнечко, находясь на расстоянии, но не теряя из зоны акустического восприятия, лениво читал стенды со своей папкой бумаг, телефоном и индифферентным видом, не встречаясь взглядом и не сталкиваясь, само собой. Обрывки разговоров его прямо умилили: «У меня только один начальник, товарищ полковник, Иван Иваныч скажет – успеем! Хотите успеть напечатать – к нему, а я госорган, финансов нету!.. Я тебе, Федорович, комиссию-то причешу – собрать

не успеешь, не держи меня за выездную урну, твою за ногу! Вводи, я сказал, чтоб состав у меня сегодня же был!.. Юрий Ильич, Юрий Ильич! У меня начальник – Москва, что вы на меня давите-то, а? Меня тупить, только язык мозолить, давай уж без разногласий!.. Так точно, так точно! Чего там, Москва умный – я дурак! Шучу. Поклон верховному... В их смете КОИБы только на города, райцентры пробивайте по своей партийной линии наверху!.. Я тебе, Володя, такую досрочку устрою, своих собрать не успеешь! Чтобы по Закону у меня все, и Главе на счет сигнализации от меня – персональный привет! Понял, да?.. Матвей Соломонович... Т-с-с... Матвей Соломонович! Вы меня еще разок вилами то приколите, приколите в своих боевых листовочках, а то мы как электорат все в глубоком сомнении на счет вашей политической эрекции! Не обижайтесь потом, за язычком-то присматривайте, ага, до встречи, до встречи, после дня голосования только, физкульт-привет!.. Мы ж тебя еле-еле согласовали, спасибо не булькает! Работай, работай, председатель, жду доклада...»

«Холерик, юрист с научной степенью, прохиндей, – сделал вывод Кузнечко из личного, так сказать, восприятия обрывков коридорных разговоров. – Наш человек!»

В конце концов, перед приемом документов председатель избиркома вдруг сам его узнал, сам подошел и, не обращая внимания на маску высокомерия, удивления и вежливого интереса к его, председателя избиркома личности, на лице Кузнечко, сказал: «Привет, Вась! Ты меня, если чего, не коррумпируй, сам понимаешь, все по закону, сам на Москву работаю, как понимаешь. Но если козыри какие в кармане есть – не затягивай! Народ у нас такой, долгий и непредсказуемый. С областными чиновниками не вздумай шашни водить, кинут, потом их за жабры возьмешь, как побегут они к тебе очередь на поклон – значит, все нормально у тебя, тут их и бери тепленьких. А вообще, красиво, конечно, красиво заходишь! Масштабу не хватает пока, но у вас, московских, все продумано всегда, знаем-знаем! И да, все проверь! Все проверь в своих документах! Не обижайся, если что потом, всех деру и буду драть по букве Закона! Сплошная уставщина нынче, никаких поблажек, Вась, ну, ты-то опытный, читал про тебя, уважаю... Пойдем сдаваться, быстренько

оформлю нормального кандидата и жду с подписями через две недели...»

В этом эпизоде истории Кузнечко сам себя впервые почувствовал студентом или даже школьником. Никакого плацдарма, даже зацепиться с краюшку ему просто не дали. Поставили перед фактом, и все наживки с привычными поплавками для избиркома, которые он мастерски, надо сказать, расставлял для десятков своих кандидатов во многих провинциях раньше – ему просто даже не позволил расставить какой-то чернявенький, моднявенький на шарнирах, но с твердой телепатической уверенностью председатель провинциальной избирательной комиссии...

Наконец, третий, врезавшийся комариным зудом в память политконсультанта момент. Он состоял в отвратительной беседе с главой одного, самого дальнего, непритязательного, и, на его взгляд, политически серого, бедного ресурсами для таких серьезных переговоров Старо-Истукановского района.

Там вообще, глава района, женщина, между прочим, взяла и встретила его не как кандидата, а, предварительно начитавшись его, Кузнечко, экспертных работ и комментариев, довела незваного гостя до такой степени бешенства своей деревенской прямоотой, что Кузнечко дал команду Туристу обнулить район в глазах Иван Иваныча и СМИ любыми способами. Впрочем, по порядку.

Женщина эта имела вид обаятельный, но не фешенебельный по столичным меркам, а деревенский, словно только что из под коровы с ведром сливок. Она не умела, как ее некоторые молодые коллеги модельной внешности в Госдуме, с придыханием интонировать: «Кане-е-ешно, па-а-нельный формат дискуссии был содержа-ательным, лидер партии ска-а-азал же о приоритетах, неужели непонятна-а-а? Надо ра-а-аботать всей страной!». Ну и там прочее бла-бла-бла про сферы, в которых они-то как раз ни бум-бум, но вроде как – курируют по всей стране, тщательно блюдя соответствующий внешний вид куратора, между прочим – ровно с таким же образованием, как у здешней главы, или даже хуже на самом деле. Но глава взяла Кузнечко не образованием, а сугубо практикой и верой в партию власти, более горячей и искренней по ходу, чем у все тех же московских однопартийцев:

– Вы мне, вашу идриттвою, чего же это предлагаете? Значит, я вам – депутатов, а вы мне – денег как бы на спортгородок, а мне потом в подушку плакать и в церкви грехи замаливать, что помогла болтанию во власти таких вот консультантов? Так, что ли?

– Чем же я-то вам не угодил? Мария Николаевна? Я, вообще-то, в детстве тоже коров пас, если что, несколько раз даже, на даче... В другой области...

– Слава богу несколько раз, а то с таким пастухом и коровы бы быками стали, а быки вместо того, чтобы телок покрывать, сплошь семинарами да конференциями занимались бы! Вы тут придумали рейтинг «Олимп Империи»? Вы, вы! А чо вы там пишете-то вообще? А? Теперь вот нам тут такие же рейтинги по районам пытаются вводить некоторые, ну не идиоты? Вы, вообще-то, головой думали, когда свою хренотень сочиняли, извиняюсь за грубое слово?

– Так, успокойтесь, что за тон! – властно-московским голосом попытался взять инициативу в разговоре Кузнечко. – Вы понимаете, что рейтинг формируется по совокупности экспертных оценок, на основе комплексного анализа ситуации в регионе по открытым и нашим собственным источникам! Это вам не «телок покрывать», а целая наука!

– Слушайте, балабол, вы мне по ушам, деревне, конечно, ездите. Но что такое ваши эксперты, если также, как и вы, промежду прочим, даже одного года не то что в районе, в областной власти не работали? И что такое анализ ваших СМИ? Вы же официальные не анализируете, как там, аффи-ли-рованные! То есть районку мою – ни-ни, а проезжающего какого туриста с похмелью, которого во все СМИ и ваши соцсети с твитерами растащили – берешь в оценку, так? Так! Он же как бы независимый, получается, хоть и тупой в любом моем вопросе! Понимаешь? Опять же моим жителям на твоего проезжающего болезного вместе со всеми твитерами начхать и то некогда, а вы его, значит – от имени народа. Ну, хорошо, Машка Сидоруха, местная и грамотная, так и она вдруг – глас всего районного народа, так, что ли? Вам же некогда со всеми поговорить, спешите все, кто, понимаешь, свистнул громче всех, того и услышали, а потом и забыли за ненадобностью, главное – рейтинги ваши красиво расписать, да? Такое ощущение, что и не надо вам разбираться-то! Из каких-то

своих мыслей двигаете там туда-сюда, а потом подгоняете под свои хотелки! Куда ж партия наша там, в Москве, смотрит-то!

– Мария Николаевна, дорогая, не обобщайте и не валите на меня ваши какие-то застарелые обиды, ей богу, все решаемо, все решаемо, поверьте, даже ровно в противоположную сторону, при желании! – попробовал задобрить даму будущий кандидат. Но дама-то как раз оказалась не промах:

– Почему обобщаю? Вот ваш рейтинг последний, два месяца назад, между прочим, с упоминанием моего района в причинах проседания нашей Провинции! Что вы пишете? «Слабая аргументация власти в дискуссии по проблеме экологических рисков на кроличьей суперферме... Развитие скандала вокруг неадекватного административного штрафа лидеру оппозиции Кухнеру»... Отсутствие внятной реакции на заявление общественников о коррупции в сфере выделения материальной помощи общественным организациям!» Вы чего, с Марса? У меня народ, если кто прочитает – ко мне бежит поржать вместо кинокомедии. Слава богу, большинству не до этого! А вот можно вам лично вопрос? Сколько на мой райцентр нужно гик заготовить на зимний сезон? Сколь это будет стоить в дровах, в мазуте, в угле? Когда окупится котельная на щепе Иван Иваныча, дай Бог ему здоровья, при собираемости шестьдесят процентов? И как мне местных мужичков в фирму сколотить на заготовку этой щепы, чтоб в соседний район копейку за щепу и доставку не платить? Вот пока не ответишь хоть на один вопрос, дальше не буду говорить! И-и-и? Ну, позвони своим экспертам-то? И-и-и? Тему не переводи! Сколько гик мне надо на район и где на них денег взять, а? А вот если заморозу народ зимой, так вы только руки потирать будете, что повод языки почесать появится да оценки ваши журналистам раздавать. И что ж мы молчим-то? И ведь живем же как-то, без таких умников! Скажи спасибо, что я тебя еще про пожарные водоемы не спросила, детские сады и эту, ин... ин-вестиционную приветливость!

Кузнечко был в ярости, но не мог ее излить на эту не в меру грамотную без всякого политического чувства и этикета главу. В сердцах он воскликнул:

– Маша Николаевна! Если вы такая умная и наши рейтинги вам не нравятся, то почему я, а не вы в Москве? И чего вы сами-то за свое креслицо так держитесь? Свой гешефт потерять боитесь? Вместо того

чтоб с гражданским обществом работать, за костные формы работы прячетесь, реакцию разводите? Не боитесь? Или вы считаете у вас тут нарушений накопать невозможно соответствующим органам, честные такие?

Вместо ответа глава посмотрела на него как на дурачка, встала, прошла мимо, захватив сумочку, и на выходе из кабинета сказала секретарше:

– Давай домой, поздно уже, я Зорьку доить, рассаду еще нужно выставить сегодня, а ты, Маша, свет везде погаси и двери в кабинет замкни...

Вот три эти непростых встречи чуть было не сломили Кузнечко. Его мучало, что его воспринимают как какого-то виновника всех сегодняшних трудностей, какого-то соучастника создания всей современной демократической России, с чем отчасти он даже был согласен. Будто ему как москвичу и политконсультанту за всех сразу, раз уж он здесь оказался, выставляют счет за эту демократическую Россию и гражданское общество, а он ни ответить, ни помочь не в состоянии. Профессия и биография Кузнечко преследовала его даже в Провинции, даже в новом статусе, словно не отпускала и мстила за попытку измены. В его злобном от таких повседневных практик мозгу даже возникла идея: создать отдельный вид административного наказания для московских коррупционеров и проштрафившихся чинов столиц – возглавлять поселения в провинции. Но быстро отказался от этой идеи именно потому, что предрек девяти из десяти таких ссыльных жуткую судьбу в отношениях с местным народом.

Единственный выход, в правоте которого он в итоге убедился – был подсказан его сном. Он срочно должен стать Избранным, стать загадочным и могучим, как Иван Иваныч, самим своим фактом существования должен внушать понятную и обоснованную надежду на лучшее. А чтобы быстрее найти вариант, как и с чем ему стать одинаково интересным и значимым для чиновников, избиркомов, районов и народов – Кузнечко решил еще разочек прокатиться в Паракорочку, в то самое место за поворотом, с полной уверенностью, что идея обязательно придет в голову именно там!

В суете встреч и хлопот все эти сны, любви, мистические страхи и повороты у райцентра казались с одной стороны бредом, но с другой стороны, именно та смутная тайна, какой-то бредовый меч-кладенец, о

котором говорила старая карга в машине, который решит сразу все эти глупые его разночтения с местной жизнью. Наконец, у него просто не было идей, как стать героем и законным претендентом на престол, о котором ему так убедительно рассказал Профессор в его чудном майском сне три недели назад.

Да, страх никуда не делся. Но азарт борьбы за власть и Богиню перевесил. Он жаждал стать губернатором ради нее и, между прочим, во втором туре в качестве главной бомбы сыграть с ней, с местной паракорской Богиней, свадьбу.

* * *

Турист сидел в уютном кафе «Блинчики», улыбался в экран телефона, быстро щелкая большим пальцем по экрану и одновременно кивая невпопад своему собеседнику, сидящему напротив. Учтливому, полненькому собеседнику, который вещал с придыханием и смотрел на него влюбленным взглядом, он уже слушал пятый раз за три дня, а вот в телефоне был отчет по его специальной акции «Культ личности», который он частями переправлял на телефон Кузнечко в виде фотографий со своими комментариями. Акция стоила сущие копейки, разлетелась по всему Интернету и за каких-то пару часов собрала кучу лайков и комментариев.

Суть была очень простой. Ежихин нашел альтернативного и регулярно пьющего скульптора, который согласился одну свою почти законченную работу для детской художественной школы (заказывали копию головы Афинского Фемистокла) переделать в полноценный глиняный бюст губернатора Ивана Ивановича. От Фемистокла осталась греческая туника на плечах, на которой с правой стороны теперь красовался какой-то футуристический орден – двуглавый орел на звезде. Хмурый губернатор смотрел сурово и прямо, и только современная узнаваемая прическа с зачесом, тщательно скопированная с фотографии, выдавала в бюсте современника, а не какого-то древнего патриция.

Для особо неразбирающихся в искусстве, Ежихин попросил пустить по нижнему краю подпись, на латинице, естественно: «Gubernator Ioan. Vox Populi». Эту глиняную голову с плечами,

туникой и орденом залили каким-то дорогушим лаком так, что через сутки бюст казался сделанным из голубого мрамора. С дачи скульптура за дополнительную бутылку армянского коньяку позаимствовали полутораметровую пластиковую колонну для вазонов с цветами. Районный координатор общественного движения «Дружина» был облачен в подобие кольчуги и плащ. В качестве экзамена на пост координатора он сумел привести к накрытому белой больничной простыней бюсту семь непонятных личностей с гвоздичками по три штуки у каждого и прямо рядом с администрацией Старо-Истукановского района под фонограмму гимна открыли памятник действующему губернатору, после очень короткого митинга, который заканчивался специально написанным стихотворением Ежихина:

И будет помнить весь район,
Как заезжал Иван Иваныч!
И сколько доброго нам сделал Он,
Не то, что Ельцин Николаич!

Двух разогретых гонораром чтецов со славицами в адрес губернатора и сам бюст моментально отщелкали на профессиональные фотоаппараты специально обученные случайные прохожие и блогеры. Какие-то служащие нервно выбегали из здания администрации, звонили по телефонам, подходили к координатору «Дружины» с какими-то вопросами и бумагами, но он лишь пожимал плечами. А затем развернулся, нечаянно звякнув тарой в пакете, который ни на минуту не выпускал из рук даже во время церемонии, и пошел домой. Полицейский нервно курил, пытаясь понять, зачем его оторвали от дел и приставили к этому истукану. Какой-то чиновник с портфелем в одной руке и простыней в другой несколько раз пытался подойти и накинуть на бюст материю, но с первым щелчком фотоаппарата, как от заградительных выстрелов, чуть не вприпрыжку отбежал от колонны.

Наконец, как докладывали Туристу его люди, где-то через два часа, когда уже только ленивый не написал о «позорном проявлении культа личности» в Провинции и о «новом Истукане в Старо-Истукановском районе», вернулась из области глава района, чуть не

плача подошла к бюсту, развернулась к немногочисленным журналистам и зевакам и сказала: «Поддерживаю инициативу наших очередных общественников, понимаю их благодарность за отремонтированный Дом Культуры и кочегарку, но не позволю, чтобы наглые голуби посмели гадить на нашего Ивана Ивановича, заберу к себе в кабинет!». Обняла губернатора, прижала его носом к своей груди, оторвала от колонны, и медленно понесла бюст в направлении Администрации.

«Такая красивая русская женщина! Даже жалко! – подумал Ванечка, раглядывая фотографии в телефоне – Чем она так Кузнечко не понравилась? Впрочем, я с ним согласен, предупредительный залп из всех орудий для местных авторитетов нужен, конечно! Главное, теперь донести до всех, почему “прославилась” такая красивая глава района».

Турист оторвался от телефона, взглянул на щебечущего собеседника и прервал его вопросом:

– Про памятник губернатору слышал, Федя?

Федя немножко надул губы, поскольку говорил он как раз о шумихе вокруг бюста в Старо-Истукановском районе. Но тут же снова поднял на него влюбленный взгляд и ответил:

– Говорят, глава района заявление подала в отставку, а ее чуть не вся областная администрация два года назад уговаривала на выборы пойти, кадров-то нету. Хотя я вот тоже не согласен, что нету! Уважаемый Иван Федорович, правда, что это имеет отношение к нашему с вами общественному движению «Дружина»? И когда мы уже начнем пиариться?

– Успеешь, Федя, напиаришься еще! Не просто имеет отношение, но вообще эта глава, по секрету говоря, не очень хотела помогать нашему лидеру. Об этом тихонько можно рассказать нашим координаторам в районах и дружественным общественным организациям!

– По-о-онял! – хитро блеснул своими маленькими глазками Федя, и тут же, не упуская момента, перешел к своей очередной маленькой просьбе. – А нельзя ли, многоуважаемый Иван Федорович, так сказать, для подтверждения наших партнерских отношений и больших намерений, подкинуть мне самую малость? Поиздержался немного, даже на телефоне, стыдно сказать, почти нету денежки...

Федя определенно надоел Ежихину. Толку от него было мало, суеты много, но как источник информации и канал распространения – лучше не придумаешь. Между прочим, именно Федя еще в первое знакомство три недели назад в этом же кафе убедил Туриста в правильности идеи Кузнечко создать движение «Дружина». Из слов видного и давным-давно, с начала девяностых занимающегося общественными проектами Феде, Турист понял очень многое. Во-первых, что Кузнечко и он сам абсолютно правы: нужно создавать общественное движение, а не раскручивать их малоизвестную партию. В провинции, оказывается, все партии и самовыдвиженцы уже понаоткрывали или возглавили организации и фонды с предвыборным намеком. Жилищно-бытовое движение «Коммуналка» и патриотическое «Ладушки», спортивные общество «Добро с кулаками» и экологическое движение «Лепесточек», клуб социальной взаимопомощи «Родичи России» и организация добровольных дорожников «Нет ухабам и выбоинам», и так далее, и так далее.

Все организации теперь были, как объяснял Федя, при деле, грантах и политических амбициях. Если раньше все некоммерческие движения делились на те, которые получают заграничные гранты и тех, кто не получают, то в последние годы ситуация поменялась. Теперь гранты получали от Москвы, от губернатора, от конкретных депутатов, министерств и других профильных федеральных ведомств. Если раньше общественники критиковали власть бесплатно или на деньги иностранцев, то теперь они еще более активно стали ее критиковать, поскольку родное государство не только подкидывало гранты, но и уделяло им внимание в средствах массовой информации.

От такого внимания многие общественники действительно распрямили спины, гордо подняли подбородки и сказали: «Мы есть соль земли, совесть страны» и еще «Мы здесь власть». Алгоритм существования таких общественников новой волны резко изменился. Теперь им стало тесно в рамках своего профиля, скучно проводить тихонько свои благотворительные акции или субботники. Поэтому они дружно начали изучать документы и копаться на сайтах администраций – искать поводы, чтобы громко и радостно возмутиться очередной несправедливостью по отношению к народу и обществу. Как только повод переставал быть жареным или интересным СМИ, они забывали про него и судорожно искали новый.

Теперь каждый главврач, директор автобазы, глава поселения, директор школы или какого-нибудь специализированного интерната, пусть даже самый заслуженный, да чего там, даже коммерсанты со своими новыми проектами, должны были для своей же безопасности договариваться с солью земли, гражданской совестью общества, чтобы избежать скандалов. «Новым общественникам» это, конечно, льстило, и многие смекнули, как выгодно, не становясь профессионалом и не неся никакой персональной ответственности, защищать народ и общество на многочисленных специально созданных площадках, форумах и в рабочих группах.

Почему-то Федя приводил ему именно таких, «Новых общественников». Турист даже подумал, что других, настоящих, с горящими глазами и скромных, которые могли бы стать лицом «Дружины», – уже и не бывает совершенно.

Впрочем, взамен Федя предоставлял подробную информацию об общественниках с тем, чтобы они никуда от Кузнечко и «Дружины», если что, не делись. Компромат, короче. Оказывается, что у защитников городских лужаек была своя такса для строителей и владельцев детских коммерческих аттракционов. Борцы с самогонованием в одной из дальних деревень имели свой самогонный цех, сивуху из которого борцы сами же и подкидывали во время своих рейдов. Защитники неимущих, круглогодично собирающие вещи для этих неимущих, через третьих лиц держали свой магазин подержанной одежды. План адресных рейдов по защите общественных пляжей был выработан в полном соответствии с расположением объектов конкурентов одного местного бизнесмена. Да что там говорить, если крупнейшее с советских времен объединение книголюбов тихонько толкало свою недвижимостью через ушлых посредников по коммерческим ценам, прикрывая свой экономический сепаратизм перед московским правлением демократией в организации и решениями большинства членов провинциального правления.

Однако компромат этот Ваню не радовал по той причине, что картина резко диссонировала с его скрытыми под личиной политического цинизма идеалистическими надеждами на демократию и справедливое общество. Наконец Турист сделал вывод о том, что теперь, в тепличных и привилегированных условиях общественники вот-вот станут чем-то не менее страшным, чем бюрократическая

система в недавнее время или разбалованные безнаказанностью дворяне после Золотого века Екатерины Великой. «Стоп! – вдруг резко сказал себе Турист, в то время как Федя продолжал болтать. – Они такие же, как дворяне, на привилегии и воровство которых замахнулся император Павел!».

Ежихин судорожно достал из кармана джинсов перстенок из Михайловского замка и, не обращая внимания на замершего напротив Федю, принялся рассматривать его, продолжая судорожно размышлять. Он неожиданно снова оказался в пограничном состоянии. Ему привиделся император Павел в своей спальне. В голове крутилась мысль, и казалось, что если бы только ее схватить – то все стало бы понятно, все непонятные кусочки мозаики сложились бы в одну ясную картину. «Тихо... тихо... Дворяне, золотой век дворян, обласканных Екатериной. Общественники, за каких-то три-четыре года ставшие особой кастой, обласканной властью... Власть приласкала, обратила внимание... поцеловала... Так-так-так!»

И, как это часто бывало, внешние обстоятельства вырвали Туриста из пелены мучительных догадок. В самый момент озарения между столиками кафе прошел человек и слегка задел плечо Туриста. Тот машинально посмотрел на него невидящим взглядом, снова уставился на руку с царским перстнем, потом резко повернул голову в сторону человека, неожиданно узнав его. Это был тот самый бандеровец Арни из поезда, который со своим дружкой наговорил про него милиции и, собственно, из-за которого Турист попал в скверную вокзальную историю. Между прочим, по-прежнему находясь без паспорта и, наверное, даже в розыске.

Ежихин сдержал себя, чтобы не разволноваться и не броситься к старому знакомому, достал портмоне, отсчитал несколько купюр Феде, отчего тот еще более преданно и влюбленно начал глядеть на Ивана, положил купюру на стол для официанта и молча, стараясь не привлекать внимания, встал из-за столика и направился к выходу. Перед дверью он глянул на столик в углу, куда присел его старый знакомый. Похоже, Арни не заметил его или не узнал, по крайней мере, в этот момент он, наклонившись к собеседнику, что-то шептал, одновременно передавая какой-то сверток ему в руки под столом.

«Шпион, что ли? – подумал Турист, вышел, огляделся и сел на лавочку под цветущей сиренью так, чтобы видеть выход. – Нет, нет,

нет! Нельзя его упускать из виду, сейчас вот посмотрим, в какой гостинице он остановился, а вечером попрошу Петровича сходить к нему в гости. Нет, я лучше посмотрю, в какой гостинице, а потом сделаю звонок в органы, скажу, мол, шпион ЦРУ и потенциальный диверсант! Верну гранату, козлу такому!».

Если бы знал Турист, как нечаянно близки к истине оказались его смутные подозрения. Но он не знал, поэтому сидел на лавочке под сиренью и ждал мутного и враждебного Арни, который его так подставил. А на самом деле он и сам уже больше недели находился под наблюдением. Органы, имея на руках паспорт Ежихина, без особого труда установили его местопребывание, дело о нем передали аж в ФСБ, которая, собственно, за ним, Туристом и следила в данный момент. Проблема заключалась еще и в том, о чем, конечно же, Турист знать не мог: Арни и так уже больше года находился под колпаком ФСБ, кроме того, за ним следили люди из отдела контрразведки, ничего не зная о людях из отдела Антитеррора, которые вели Туриста.

И вот эти все следящие за своими подопечными сотрудники органов вместе с Туристом глядели из своих укромных местечек на дверь кафе «Блинчики».

Интеллигентный Арни вышел из кафе, завернул за угол, подошел к старенькой неприметной «Шкоде» и неспеша огляделся. Затем вытащил из салона легкий длинный плащ защитного цвета, в каких обычно пенсионеры ходят на рыбалку, на голову аккуратно, посмотревшись в боковое зеркало, надел панаму защитного цвета, достал удочки без чехлов и старый, чем-то набитый рюкзак. Это добро он ловко и быстро примотал к багажной решетке на крыше. Теперь автомобиль выглядел как типичный экипаж заядлого рыбака, коих во всех районах Провинции водилось превеликое множество.

Турист заскочил в ближайшее такси, которых было не много в райцентре, но, на удачу Ежихина, пара таксомоторов стояли как раз рядом с кафе. Сказал водителю ласкающее слух: «Двойной счетчик! Вон за той «шкодой» с удочками! Только подальше от него, чтобы не заметил!». Лицо водителя не выражало ни радости, ни удивления, как будто езда по двойному счетчику с преследованием была для него обычным делом. Турист помолчал, потом добавил, специально зевая: «Это товарищ моего знакомого, взял кредит, а меня поручителем записал. Теперь не отдает, а меня прессуют... Хочу вот познакомиться,

посмотреть, чем живет хитрый жук, да поговорить по душам, глядя в глаза». Таксист так же равнодушно пожал плечами и прибавил газу.

Они выехали за райцентр, проехали несколько деревень и теперь двигались среди редких фур, судя по указателям, в сторону границы.

– Скоро погранзона, у меня пропуска на проезд нету, – все таким же скучным голосом проинформировал таксист Ежихина.

Тот промолчал в ответ, судорожно пытаюсь найти решение. Вариант поделиться своими подозрениями с пограничниками он отмел, поскольку сам не имел никаких документов на случай разбирательства. Обогнать «шкоду» и поговорить с бандеровцем, как называл про себя своего недавнего попутчика по поезду «Москва – Петербург», тоже отмел как сомнительный и не гарантирующий успеха шаг.

Пока Ежихин размышлял, «шкода» с удочками, метров за триста до шлагбаума приграничной зоны свернула на проселочную дорогу.

Турист выяснил у таксиста, что в километрах двух от развилки есть деревенька и дальше только болота и бездорожье, так что наверняка его приятель-должник едет на рыбалку на озеро «Хитрое», до которого от этой деревеньки максимум два километра. Ежихин щедро рассчитался, вышел из машины и в своих джинсах и модных кроссовках пошел по песчаной кочковатой дороге в сторону указанной деревни и озера. У таксиста он взял номер телефона, чтобы тот еще разок приехал за ним и за «двойным счетчиком», поэтому особо из-за своего одиночества не волновался.

Следящий за ним оперативник, встревоженный тем, что Ежихин отпустил такси и пошел прогуляться практически в приграничной зоне, связался со своим начальством и срочно запросил группу захвата. Группа захвата, она подразделение «Маски-шоу», неожиданно запросила приметы объекта: дескать, они и так в заданных координатах, и пусть, в конце концов, отделы между собой договорятся, кого нужно брать, поскольку сортировкой заниматься некогда.

Оперативники из отдела контрразведки крепко выругались на коллег из отдела противодействия экстремизму, поскольку они целый год готовили операцию по захвату иностранного шпиона с поличным, а тут какие то патлатые мажоры в модных кроссовочках, которые не по их части, путаются под ногами.

В итоге решили брать всех, если не получится мажора, то есть Ежихина, отсечь заранее.

И пока они все согласовывали и выясняли, как пересеклись две слежки и два дела, пока замаскированная группа захвата ждала в предполагаемой точке, а командир силового отдела пытался выяснить, зачем ему посылать еще одну группу захвата в то место, где со вчерашнего дня уже была засада, Ежихин был обнаружен. Арни подкараулил его на изгибе тропинке, и Ваня вдруг почувствовал дуло пистолета у себя под ребром.

Как это бывает только с иванушками-дурачками, Ежихин поначалу даже не испугался и громко заявил, что он догадался, кто его оклеветал и подставил на вокзале, что Арни «сволочь конченная» и русофоб, и что интересно это, откуда у него пистолет и не шпион ли он на самом деле.

После удара прямо дулом пистолета по зубам и команды идти молча вперед, Турист наконец-то испугался по-настоящему и прочувствовал, что его жизненный и политический туризм может совсем скоро навсегда закончиться. Он плелся по уже едва видимой тропинке, прикрывая рукой разбитые губы, дрожа от избытка адреналина в крови, и судорожно думал о том, что не рассмотрел нормально пистолет. Если тот с глушителем, то шансов, наверное, у него уже нет, если без глушителя, то не будет же враг шуметь выстрелами в погранзоне, а повода Иван ему не даст.

Зайдя в какие-то невообразимые болотистые буераки, Турист увидел вышедшего навстречу незнакомого человека, с которым Арни возбужденно, но полупшепотом переговорил на иностранном, совершенно непонятном Ивану, языке. О чем они говорили – неизвестно, наверное, о том, откуда взялся пассажир в лице Ежихина, и почему и откуда этот форменный Иван-дурак в уже насквозь мокрых модных кроссовочках с разбитым в кровь лицом взялся в этом болоте. Иван почему-то подумал, что они обсуждают, как потише его прикончить, тем более что незнакомец вытащил из кармана веревку. Вообще ему все происходящее казалось страшным детским сном, потому что он и представить себе не мог, что в 21 веке шпионы еще лазают по лесам через границу, устраивают какие-то тайные встречи. Почему-то он в такой неподходящий момент вспомнил сцену из старинного черно-белого фильма про обмен шпионов на мосту и с

горечью подумал, что он-то сам не секретный агент и не шпион, и никто его обменивать не будет.

Иван очень медленно, буквально по сантиметру стал отодвигаться от предполагаемых шпионов, которые очень быстро что-то раскладывали в подклады своих рыбацких плащей. Он приготовился к последнему рывку, понимая, что это не вокзал и не гуманные питерские милиционеры, что он наверняка получит пулю в спину, но еще меньше ему хотелось ждать, как барану, когда его начнут вязать или душить этой противной капроновой веревкой в руке незнакомца.

Вдруг, совершенно неожиданно для всей троицы, как из-под земли, под грохот свето-шумовой гранаты выскочили огромные амбалы и в доли секунды больно уложили всех на покрытые сочной травой болотные кочки.

Через несколько минут Ежихина поднял какой-то тип в гражданском, дал платок и со словами «Не боись, парняга, вытри морду!» спокойно отошел с кем-то разговаривая по телефону. Сидящих прямо на земле, на пятой точке шпионов оперативники снимали на две видеокамеры и, вытаскивая двумя пальцами содержимое их одежды, негромко и спокойно задавали какие-то вопросы. Двое из них оживленно разговаривали, периодически весело посматривая на Туриста. Два новеньких квадроцикла с длинными сидучками, на которых должны были оперативно довести шпионов до ближайшей дороги, продрались сквозь чащу прямо к задержанным.

Далее произошел неожиданный конфуз. Как только шпионов подняли с земли, по округе разнесся резкий и очень неприятный запах, а из штанин Арни потекло. Кафе «Блинчики» наверняка имело к этому опосредованное отношение.

Совершенно неожиданно эта рядовая и естественная ситуация вызвала прямо-таки скандал среди таких солидных и, казалось бы, дружных «вежливых людей». Оказалось, что вместе с оружием и спецсредствами никто не захватил с собой памперсов. Водитель квадроцикла прямо при всех пообещал уйти в отставку, если на его «новенькую чайку посадят истекающего засранца», мыть или переодевать пленника никто категорически не соглашался, все воротили нос. Никто не знал, как поступить.

Между прочим, неизвестно, что больше расстраивало такого интеллигентного и умного в купейных беседах Арни: что его поймали,

или что теперь никто не хотел к нему даже приближаться. В итоге, в нарушение всех инструкций и правил гуманного отношения к пленным, его решили привязать веревкой метров пяти к квадроциклу и ехать очень медленно, чтобы задержанный сам прогулялся до заставы. В этом решении было еще и важное нарушение утвержденного плана операции, поскольку задержанных нужно было вывести очень быстро. Поэтому все засуетились, быстро распределились и буквально через минуту начали движение по невидимой тропе, о которой, наверное, знали только пограничники.

Что касается Ежихина, то для него все закончилось очень даже ничего. Дело в том, что следивший за Иваном сотрудник отдела контрразведки, рассказал, как тот мужественно все высказал под дулом пистолета шпиону, а сотрудник отдела по борьбе с экстремизмом уже позвонил и убедился в том, что Иван действительно ехал с этими двоими в поезде. Сотрудник контрразведки очень заинтересовался спутником Арни и с благодарностью пожал руку коллеге за информацию. Сотрудник по экстремизму, в свою очередь, поблагодарил за обещанную служебную докладную и запись наружного наблюдения, где Ежихин под пистолетом и получает по зубам от врага отечества. Самому Ежихину на радостях оба посулили благодарственное письмо и командирские часы, если получится, и даже пообещали проводить до заставы. Однако Иван, отказался, уточнил, куда прийти за своим паспортом и штрафом за ту постыдную беготню на вокзале, и пошел, слегка прикрывая разбитые, запекшиеся губы ладонью, обратно по едва видимой тропинке, по которой его, еще недавно трясущегося от страха, привел Арни. Ивана до сих пор была дрожь после пережитого, и приходиться в он начал только на обратном пути.

Турист шел так долго, что потерял счет времени. Он переваривал события прошедшего дня, пока вдруг не обнаружил, что уже вечерет. Он прибавил шаг, потом побежал, на бегу понимая, что пошел совсем не по той тропинке и что даже по телефону не сможет объяснить таксисту, куда за ним подъехать. Впрочем, неожиданно оказалось, что связи нет, а телефон почти разряжен. «Главное, что живой!» – оптимистично подумал Иван и снова побежал.

Минут через пятнадцать Ежихин совершенно неожиданно выбрался из кустов на разбитую, проросшую буйной зеленью дорогу,

или даже не дорогу, а едва заметные в зарослях грунтовые колеи. Перед ним было поле, а с другой стороны, по грунтовке направо – деревенька и косой выцветший указатель: «Д. Тихвинка». «Надо же, Тихвинка, что-то родное, русское, значит, границу не перешел», – подумал успокоившийся Иван и вдруг ни с того ни с сего вспомнил про картину в Михайловском замке: «Вынос Тихвинской иконы Божьей Матери». И сразу вспомнил о той догадке, которую он не успел осмыслить в «Блинчиках», вспомнил про общественников, дворян Екатерины и почти что найденную тогда на утренней встрече закономерность – открытие, которое, как ему казалось, он всю жизнь искал. И именно с этой мыслью он почувствовал на плече чью-то очень легкую, как листва, руку и увидел перед собой в точности такого же как в замке, но застегнутого и без ночной рубашки Павла Первого.

– Вам нужно обсушиться, сударь, и отдохнуть! Добро пожаловать к нашему походному бивуаку! – весело глядя на Туриста, чеканя каждое слово, негромко произнес уже двести лет назад убитый самодержец...

III

Кузнечко, по мере приближения к заветному повороту перед Паракарочкой, все меньше и меньше горел желанием пройтись по тропинке, по которой ушла в лес странная бабка, которую они с Петровичем подбросили в первый день визита в Провинцию, где Кузнечко планировал стать губернатором через несколько предвыборных месяцев.

Петрович как обычно молчал, немножко наклонившись по старой привычке к рулевому колесу. Кузнечко анализировал ситуацию, и она ему по-прежнему не нравилась, в первую очередь каким-то странным игнорированием кандидата, который за три недели пребывания в регионе сумел практически полностью обеспечить себя подписями депутатов и заодно всколыхнуть политическую атмосферу региона.

Мысленно он уже был в горячей фазе кампании и перебирал весь свой опыт с тем, чтобы выбрать оптимальный вариант наращивания рейтинга среди населения. Как раз население политконсультант, если быть честным перед самим собой, считал своим слабым местом. Во-

первых, потому что с народом он сам особо не общался уже много лет, хоть и анализировал его настроения по различным социологическим отчетам и аналитическим запискам. Теперь же ему предстояло с этим народом встречаться, что называется, один на один. Первая его встреча с местными рядовыми избирателями в день знакомства с Богиней до сих пор напоминала о себе болью в челюсти. Во-вторых, ему действительно нужно было какое-то ошеломительное чудо, чтобы народ успел узнать и полюбить такого варяга, который ни одного года не жил в провинции.

Даже если он вдруг привезет Аллу Пугачеву, даже если он дойдет до каждого со своей яркой предвыборной газетой, даже если в хлам дискредитирует своих конкурентов, включая Ивана Ивановича, все это, как чувствовал Кузнечко, не гарантировало ему любовь и голоса избирателей. Даже волшебная идея свадьбы с Богиней, этот восторг, когда и по любви и на пользу дела, – вишенка на торте кампании, финальная точка, своеобразный мистический акт породнения его, Кузнечко, с Провинцией. А Богиня? Богиню, чтобы за оставшееся время довести до венчания, тоже нужно было как-то удивить. Одно дело два-три раза в неделю чай попить в кафе и давать себя поцеловать в щечку на прощание трясущемуся от желания и восторга Кузнечко, другое дело дать согласие на свадьбу.

Получается, и ее голос нужно было сначала завоевать. Поэтому как ни верти, но Кузнечко должен был стать героем для любимой и надеждой, Спасителем с большой буквы для тысяч избирателей. А быть героем, как все понимают, штука рискованная. «Значит, придется искать, значит, надо идти за этой бабкой, как бы смешно это ни выглядело, все равно других вариантов пока нет», – подумал Василий, выдохнул, и открыл дверцу джипа, вставшего аккурат на том же месте, где выходила так удивительно похожая на киношную ведьму старуха.

– Петрович, заселяйся пока в гостиницу и будь на связи, как освобожусь – позвоню, – сказал делано веселым голосом политконсультант.

– Василий Сергеевич, может, я с вами? Мало ли, кто по лесу шастает? Да и зря вы к той бабке-то, холкой чую, что она ненормальная, околдует или сглазит, Василий Сергеевич! – разразился непривычно длинной речью молчаливый водитель.

– Ну и темнота ты, Петрович! Езжай говорю в гостиницу, я как прогуляюсь – отзвонюсь. Это в тебе говорят древние страхи и мифы на генетическом уровне. А потом вы обижаетесь, что темным народом манипулируют злобные политики. – Кузнечко засмеялся. – Ты еще через плечо поплюй и скажи «Чур меня»... Ехай уже давай...

Кузнечко хлопнул дверцей автомобиля и решительно пошел по тропинке, убегаящей от дороги все в такие же, как и три недели назад перелески ядовито-болотного цвета, только ноги на едва видимой тропе окутывала и цепляла буйная июньская растительность.

Василий Сергеевич прошел через старое заросшее кладбище с покосившимися и кое-где завалившимися крестами и плитами. Никаких потусторонних страхов и предчувствий в нем не возникло. Солнце периодически закрывали белые кучерявые облачка, вокруг трещали кузнечики, воздух был наполнен ароматами разнотравья. Он шел уже не меньше часа, но ни признаков жилья, ни людей, ни тем более бабули ему на глаза не попадалось. Только смешанный лес становился вокруг все гуще, и все больше еловых лап торчало перед лицом путника по мере продвижения вперед.

«Так, надо заканчивать с этим детским садом и дурацкими предчувствиями! Все, пора домой. Выпить глинтвейну в гостинице и спокойно посидеть в Интернете будет куда полезнее...», – подумал консультант и решительно развернулся в обратном направлении. Пройдя метров 50, Кузнечко замер в состоянии, близком к шоку: никакой тропинки перед ним не было.

Даже намек на тропинку не было нигде, куда бы он ни бросился. Ну, дальше все понятно: испуг, прострация, неверие, тряска телефона, который показывал отсутствие связи. Затем Кузнечко начал судорожно извлекать из глубин памяти сведения, полученные на школьных уроках и из прочитанных в детстве приключенческих романов. С какой стороны слышен шум машин? Как залезть на самое высокое дерево? Нет ли где-нибудь линии электропередач? Как по муравейнику и по мху на деревьях найти север? А еще солнце садится на Западе, и можно разжечь костер без спичек и набросать туда зеленых веток для большого дыма, и сделать убежище на дереве, и прочее, прочее.

Естественно, лазать по деревьям уже было страшновато, по высоко стоящему солнцу в просветах зеленых крон ничего нельзя было понять, а если даже найти север по муравейнику, то где

Паракарочка по отношению к этому северу? В общем, Василий от всех рецептов отказался и быстрым шагом, почти в панике просто пошел туда, где было меньше деревьев с кустами и пройти было легче, постепенно осознавая, что если он никого не встретит или не появится связь в мобильном, сам он спастись не сумеет. Вместе с этой мыслью впервые за долгие годы в его голове появилась мысль о Боге и себе самом – мелком и бесполезном микробе в огромной вселенной. Не то чтобы он был атеистом: и Пасхальную службу с мэром посещал, и у батюшек благословение просил после встреч на избирательных округах, и даже жертвовал на общую свечу вместе с коллегами и кандидатами перед днем голосования. Но вот мыслей о Боге не возникало, даже подаренный матерью нательный крестик давным-давно куда-то засунул, так что за десять минут своего блуждания по провинциальным дебрям так и не вспомнил, куда.

Как будто специально, чтобы не дать таким необычным мыслям развиваться в голове Кузнечко, совершенно неожиданно откуда-то сбоку повеяло дымком. Василий Сергеевич замер, пригнувшись, и тут же, все забыв, с детской радостью побежал на запах, попутно проверяя в карманах наличие заветных денежных купюр, которые нужно будет дать охотникам, дровосекам – или кто там еще среди белого летнего дня костры жжет – чтобы они подбросили его хотя бы до ближайшей дороги.

Все оказалось, на первый взгляд, еще лучше. Перед Кузнечко открылась полянка, с краю которой, словно прижавшись спиной к лесу, стоял высокий бревенчатый домик, заросший зеленью и полутораметровыми кустами почти до самой высокой двери, а из трубы шел дымок. Политконсультант в пять прыжков пересек поляну и оказался у крутой деревянной лестницы в дом, поставил ногу на первую ступень и громко, дружелюбно, даже весело крикнул:

– Дома хозяин-то? Можно войти уставшему путнику?

Ответа не последовало, зато озноб пробежал по позвоночнику и смутная, но сильная, почти до тошноты, тревога неожиданно охватила Кузнечко. Он слегка наклонился к лестнице, развел кусты руками и увидел то, от чего ему стало так страшно, что волосы зашевелились на затылке. Избушка стояла на двух зеленых, безобразно поросших пластами моха и грибами, словно бородавками, столбах, которые

длинными пальцами корневищ напоминали гигантские куриные лапы...

В следующее мгновение Василий резко обернулся и только сейчас заметил колья по периметру поляны, на которых, как сахарные, белели отполированные дождями и ветрами черепушки лошадей, коров и каких-то других животных. Догадка была настолько очевидной и однозначной, но в то же время настолько дикой и невозможной, что оцепеневший Кузнечко не мог даже тронуться с места, чтобы убежать.

– Фу-фу-фу, каким-то ненашенским духом в заповедных местах пахло, – вдруг услышал Кузнечко скрипучий старческий голос из избышки. Одновременно с таким же противным скрипом отворилась дверь, и в проеме нарисовалась во всей красе та самая бабуля – совершенно киношная ведьма с прищуренным глазом и немножко большим, чем в фильме «Вий», носом. – У-у-у, явился соколик, не запылится! Ну, заходи, заходи, коли приперси...

Василий поперхнулся из-за совершенно пересохшего горла, замычал сначала, но потом взял себя в руки, понимая, что теперь убегать вроде как не красиво, да и некуда. Наконец в голове пролетела первая разумная мысль: ножки у избышки все-таки не куриные, это просто высокие пни деревьев, вроде. Бабки бывают разные, в Москве тоже каких только не встретишь, а этой точно тут не перед кем красоваться. Тем более при тяжелом натуральном хозяйстве! Черепушками она наверняка непрошенных гостей да зверей отгоняет, не строить же старухе самой забор на целую поляну. И вообще, он ее в машине подвозил и ничего, даже спасибо сказала. А раз выезжала куда-то из леса, значит, за пенсией или за лекарствами, значит нормальный системный человек и даже наверняка избирательница.

– Спасибо, бабушка, не знаю, как вас зовут. Хотел заглянуть на минутку, дорогу узнать, а то заплутал...

– Как, как зовут... А то ты не догадался, добрый молодец? – скрипела бабка проходя вглубь избы и раскачиваясь сгорбленной спиной в грязных лохмотьях перед глазами Кузнечко. – Баба-яга и есть, натуральная и природная. Счас тебя накормлю, напою, в бане попарю да рассказывай, что за дело пытаешь...

Кузнечко пригнулся под косяком и оказался в темной, прокопченной но просторной избе с пучками каких-то трав по стенам. Половину комнаты занимала белая чистенькая печь, из мебели – лавки

да стол, по углам какой-то деревенский скарб и спящий филин на жерди под потолком. Кузнечко присел на краешек лавки, не спуская глаз с копошащейся в посуде Бабы-яги, и не нашел ничего лучше, чем спросить:

– А что, уважаемая, э-э-э, Баба-яга, у вас и паспорта нету? И без пенсии проживаете, без социальных пособий? Хм, извините, если чего неправильно спрашиваю.

– Эх, до чего Русь-матушку довели, – Баба-яга перестала суетиться и пристально посмотрела единственным зеленым глазом на Кузнечко. – Мало того, что русского духа от ихних телес не учуют, пока не принохаешься, так и на голову совсем ослабли. Немцы и есть. Сожрать тебя, что ли, Васька?

Кузнечко постепенно осваиваясь, все вспомнил: и зачем он искал бабушку изначально, и что вообще-то ему через три дня уже подписи в Избирком сдавать и начинать активную фазу кампании, и почему он хотел стать губернатором, и как он любит Богиню.

– Не знаю, бабушка, как сказать, но если можешь, помоги мне победить на выборах губернатора и жениться на Богине, вернее, на Ирине. Девушка тут такая есть, я с ней в Паракорочке познакомился...

– Так у тебя ж полная котомка денег, неужто еще какая помощь требуется? – Как-то кокетливо, хитро и в тоже время словно злорадствуя ответила Яга. – Один только вопросик, соколик: тебе все-таки корону царскую или Иришку? Ко мне даже Иван-царевич с двумя просьбами не обращался, не говоря про Иванушку-дурачка. Жадные вы там стали, страсть какие жадные, али совсем не соображаете, чего самим хоца! Впрочем, хоть ты и задом наперед все просишь, однако же я тебя выслушаю, авось и помогу, не совсем ты еще пропащий, раз Ирка тебе так полюбилась. Да и долг платежом красен, ты ж меня не бросил на дороге, подвез в своей вонючей коробчонке до родного леса...

В общем, чудеса чудесами, но человек существо такое, что если сразу умом не тронулся, то к любой обстановке привыкает. Вот и Кузнечко совсем освоился, у него даже опять, как после памятного сна, в котором он спорил со старым профессором, появилась мысль о своей исключительности. Он с чувством, обстоятельно начал рассказывать Яге о том, что такое выборы, почему он хочет стать губернатором, как ему нужно стать героем для какого народа, который должен отдать ему

свои голоса на выборах. Попивая бабкин из глиняной кружки чаек с непривычно резким, но вкусным запахом, политконсультант объяснял Яге:

– ...И вообще, кто в нашем мире герой и властитель? Не в твоём лесу, а у нас там, в цивилизации? Тот, кто «Не верь, не бойся, не проси!», и все нормально будет: подвиг, деньги, харизма!

– Эхе-хей, эхе-хей! Не Иван-царевич ты, конечно, и не Иван-дурак тем более. Чугунок. Черенок от метлы, такой же непотребный. Как же так можно: и не верить, и не бояться, и не просить? Да тебе не царствовать, тебе учиться надо, на выбора он собрался...

– Не, ты, бабушка, конечно, вся такая ненормальная, мудреная, но я тебе по науке объясню. Формула «Не верь, не бойся, не проси» – это именно что для героев, понимаешь? Герой, он со времен древней античности отличается от обывателя, это другой человек. Обыватель как раз «верит, боится, просит», на то он и обыватель, народ по-твоему. А герой – противоположность обывателю. Герой всегда получает власть, весь вопрос, какие подвиги ему совершить для этого придется. Одна проблема у меня получается. Почему герой берет власть? Потому что он от самих богов ведет происхождение! А если он без родословной, то не факт, что он избранный – ему подвиги нужны, чтобы его обожествили как следует, и тогда власть его будет. В общем, в смысле политтехнологий мне маленькое, но очень убедительное для местного народонаселения геройское чудо необходимо, понимаешь, бабуля?

– Ох, сынок-сосунок! На-у-ка! Ге-ро-и! Обы-ва-тели! «Не верь, не бойся, не проси!». И вот чего я с тобой разговариваю? На выбора он собрался. Не будил бы ты во мне каннибалку, а? По-твоему объясню, по-басурмански, раз ты русского языка не понимаешь, пока щи в печи томятся...

Баба-яга хлебнула чайку, закатила глаза к потолку избушки, будто что-то разглядывая на нем, сложила сухие, словно из переплетенных черных веревок, руки на грязный передник и продолжила в неожиданной для Кузнечко манере:

– Коммуникации власти и народа обусловлены, в том числе, культурными архетипами. Модель коммуникации вырабатывается веками и слабо подвержена существенным деформациям извне. Элементарные социологические наблюдения и анализ опыта

поколений позволяют без труда вычленить социокультурную логику и формулу этой коммуникации. Например, в русской цивилизационной повседневности:

– власть не любит, когда с ней спорят, власть любит, когда ее просят;

– власть любит, когда ее просят, но не любит, когда просят много;

– власть не любит, когда у нее просят много, но любит за маленькую помощь получать большую благодарность.

Следовательно, реальная поведенческая инструкция: не спорь, не жадничай, благодари...

Енто мудрость для народу, по твоему, для о-бы-ва-телей, он так с вами и поступает, чтобы объегорить таких, как ты, да получить с паршивой овцы хоть шерсти клок перед выбора́ми. – В этот момент страшная бабка одним своим зеленым глазом пронзительно посмотрела на гостя. Кузнечко невольно съежился под ее властным, почти физически осязаемым взглядом, впервые поверив, что такая и правда сожрать может. Яга снова обратила взгляд к потолку, прищурилась, и продолжила: – Эта базовая поведенческая модель мирного сосуществования народа и власти в России оказывается сильнее любых институциональных форматов и демократических процедур вводимых и (или) насаждаемых в ходе многочисленных модернизаций...

В обчем, сынок-сосунок... – В этот момент Баба-яга встала и начала копать в удивительно чистой и белой, в сравнении с окружающей обстановкой и ею самой, русской печи. – В обчем, ежели ты, балда неотесанная, считаешь, что Царь-батюшка или воевода какой, или даже самый заштатный депутатишко весь такой загадочный Герой для народа, то любой Иван-дурак тебя победит на выбора́х. Потому как Иван-дурак дурацких журналов не читает, экспертов всяких толстолобых не слушает, а секрет сердцем чувствует... Потому что он ради своей ненаглядной три пары сапог стопчет, три кафтана изорвет, к черту на кулички залезет, а потом за это еще и полцарства нечаянно получит, ну или целое, енто смотря как ему повезет вернуться...

– Мировая бабка! – выдохнул будущий губернатор. – Так помоги мне, бабушка, хоть по-твоему, хоть по-какому!

– В баню я тебя не поведу, милоч, не готовый ты ишо, а помочь – помогу, помогу. – Баба-яга еще раз внимательно заглянула в глаза Кузнечко так, что он себя почувствовал вывернутым наизнанку. – Совсем ты ничейный в жизни, ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса. Ни христианин, ни язычник, ни русский, ни немец, ни деньгами жизнь меришь, ни правдой. Ну, может хоть перестанешь дурью своей маяться, вот тебе клубок, попьешь чайку счас, чашечку щей моих навернешь, потом еще запьешь, и за клубочком, за клубочком, он тебя и приведет куда надо...

Политконсультант взял в руки мягкий шарик грубых шерстяных ниток, покрутил его, понюхал, совершенно не понял, как этот комочек его может куда-то привести, положил его в карман и довольный, обнадеженный, принялся чаевничать со старухой, тем более что чаек с каждым глотком казался все вкуснее.

В дружеской атмосфере чаепития Кузнечко все больше и больше нравился старухе, а она ему. Он, забыв про выборы, принялся выяснять, как такие волшебства как шапка-невидимка, меч-кладенец, ковер-самолет возможны в природе и разве можно этому шарикку доверять? Баба-яга смеялась скрипучим старческим смехом, по-доброму обзывала его дубиной стоеросовой и объясняла так, чтобы понял человек с мозгами и образованием среднестатистического жителя современного мегаполиса. Он так и понял для себя: шапка-невидимка – это когда человек вдруг начинает понимать, что на самом деле люди думают и хотят. Будто рядом стоял и подслушивал. Волшебный клубочек – это пространственная интуиция. Меч-кладенец, меч-кладенец... Про меч Кузнечко так и не запомнил, и потом, как ни ломал голову, не мог вспомнить...

* * *

Иван подскочил на месте метра на полтора вверх и вбок, уже во второй раз увидев императора всероссийского Павла собственной персоной. Застонал, сел на траву, зажмурил глаза, снова открыл, снова зажмурил, снова открыл и сказал, разговаривая сам с собой. «Не исчезает! Ну, не может же быть! Это же психическое расстройство. Второй раз! Главное понять, что я не сплю, не сплю и не брежу!»

Иван медленно поднялся, не сводя глаз с императора, бочком подошел к тоненькой березке у самой обочины и со всей силы ударил по стволу рукой. Взвыл от боли и упал в траву, зажимая ударенную ладонь в коленях. «Не сплю! Так, дважды три? Шесть. Имя-отчество Кузнечко? Василий Сергеевич! Время года? Лето. Бабушку родную как звали? Прасковья Андреевна! Да в уме я, в уме!»

Ежихин снова подскочил, залез в карман узких джинсов и достал перстенок с красивым бордовым камушком. Камушек ярко переливался в лучах вечернего солнца. Иван вопросительно посмотрел на Павла.

– Вот видишь, Иоанн! Я же говорил тебе во дворце, что ты на следующий же день после нашей встречи будешь думать про сны, галлюцинации и мозговые патологии! Милости прошу к костру, ты и вправду озяб!

Павел резко, по-военному развернулся на месте и направился к поляне с костром. Иван поплелся следом, все еще не веря своим глазам. На скатерти, расстеленной прямо на траве, в красивой серебряной посуде стояли закуски и большой, изысканный, украшенный богатым узором кофейник.

Голод победил в Ежихине страх перед непознанным. Набив урчащий от голода желудок по любезному приглашению царя и сделав первый глоток ароматнейшего кофе, обжигающий разбитые губы, он уже не сомневался в реальности происходящего. Иван с огромным любопытством разглядывал императора всероссийского, сидящего на пеньке как на троне – с прямой спиной и сложив ладони на трость.

Разговор теперь шел легко, словно между старыми друзьями, но Иван не забывал об уважительности.

– И нисколько не нужно за вами следить, майн херц! Это вообще не про нас! Как же вам объяснить-то сие обычное свойство мира? Слышали про ноосферу? Эфир? Вот вроде того, от вас пошел замечательный и очень интересный для меня импульс, тем более перстень – это, как бы вам растолковать, нечто вроде ваших мобильных – всегда ловит и источает сигналы, проводник... Право, сударь, не в этом дело! Я глянул, а тут с вами такое творится, да еще и около такой памятной для меня деревеньки! Я даже почувствовал к вам что-то вроде сердечной дружеской жалости, ей-богу! И вот я здесь! Хочу поговорить с вами про вашу мысль, она любопытна во всех отношениях!

Иван сделал очередной глоток кофе из чудесной фарфоровой чашки, заулыбался и весело подхватил разговор:

– А деревенька эта, ваше величество, вам памятна тем, что она Тихвинка, а значит, связана с Тихвинской иконой, как у вас в замке на

картине! Правильно же? А вы меня в прошлый раз Иваном-дураком обозвали. Мы тут тоже не дураки, понимаем, кое-чего!

– Экий ты умник, Иоанн, – засмеялся Павел. – Так, да не так! Чем важна связь Тихвинки со святым образом Богородицы? А? Пустое, значит, твое понимание получается, проку от него никакого нету! А дело все в том, что здесь два раза чудесный образ Богородицы был! До Тихвина и потом, когда его в страшную войну немцы при отступлении вывозили! А церковь здесь на деньги моего правнука Николая перестроили, и люстру он сюда из серебра подарил, это я ему сам во сне подсказал. Там еще список с иконы есть, и всегда был, очень сильный, такой же как в Тихвине, но никто про него не знал. Он, закопченный весь, висел справа от алтаря, и до сих пор висит. Его один партизан, из местных, даром, что коммунист и безбожник, от немцев спрятал, потом на место повесил...

– Тебе, царское величество, что за дело до этой иконы? – незаметно для самого себя перейдя на «ты», заинтересовано выпрашивал Иван, чувствуя искреннюю симпатию к привидению. – Может, там какая тайна, или сделать чего надо? Ты не стесняйся, я все, что захочешь, для тебя сделаю, хотя ты и помер давным-давно, по-нашему!

– Что ты, Ванятка! Какая тайна! Я же знал, что Тихвинская икона поможет России, думал, что речь о моем несчастном правнуке Николаю – святом мученике! А получилось, что она помогла Сталину под Москвой! Не зря ее на самолете вокруг Москвы кружили в сорок первом. Ух, и страшная же война случилась тогда, даже у нас все ходуном ходило и стонало, а видел бы ты, что в блокадном Ленинграде творилось, деточки невинные... – Павел склонил голову и задвигал желваками, словно пытался скрыть от собеседника дрогнувший голос и слезы на щеке. – Впрочем, сударь, переменим тему! Что ты там, Ванюша, про дворян моих и твоих общественников начал думать с утра в харчевне?..

Да, картина была странная. Представьте себе: летний вечер, поляна в диком лесу, вдалеке черные покосившиеся крестьянские избы деревни Тихвинки, а на поляне сидят друг напротив друга Иван Ежихин в модных джинсах, рубашке и кроссовках и император в военном камзоле, парике с буклями и в треуголке. Легко и непринужденно, улыбаясь и жестикулируя, они увлеченно беседуют на

фоне русской природы о судьбах Родины. Как говорится, нашли люди друг друга, будто каждому из них в своем времени, до этого костра, и поговорить по душам было не с кем.

– ...Понимаешь, Павел Петрович, какое дело. Я все думал, думал, над твоими словами, что мы сейчас, вернее, Россия именно сейчас может стать самой справедливой, самой богатой и вообще самой лучшей страной во всем мире! Но главная проблема – это русская власть. Карма какая-то, как ты в тот раз сказал? «Склонность к суициду». И что секрет русской власти в учебниках не найдешь. Думал, думал... Почти что-то загорелось в голове, и вдруг сбил меня этот бандеровец!

– Иван, Иван! Ты думал про своих общественников, что они теперь новая опора власти, хоть даже они саму эту власть и грызут, опричнина такая, а меня сгрызли дворяне, матушкина аристократия! И-и-и?

– Правильно! Так... – сказал Ежихин, изо всех сил напрягая память. – Только не опора, а прохиндейство какое-то, и что с того?

– Так я и говорю! И что с того, Иван! – Что мне, этих казнокрадов и лентяев дальше целовать надо было? Я же видел, куда они ведут империю! Я же тебе говорил, что сама история подтвердила со временем мою правоту!

– Не-е-ет! Твое величество! – возразил Иван. – Ты еще другое говорил про русскую власть! Что по сути она правильная, мессианская, а в повседневном каждодневном труде утопает в страстях и грехе, иначе не удержаться ей, оттого и катастрофа! Так что зря не поцеловал никого, зря!

С последней фразой глаза Ежихина заблестели, он вскочил со своего пенечка и заходил перед костром, держа перед носом указательный палец.

– Поцелуй власти... Поцелуй власти... Понял, Павел Петрович! Понял! – есть закономерность, хоть до тебя, хоть при тебе, хоть в наше время!

Император с интересом приготовился слушать, откинулся на ствол дерева и, положив трость поперек коленей, улыбнулся и произнес: «Прошу-прошу, а то опять забудешь. Рассказывай, Иоанн, без промедления!»

Иван еще помолчал, сосредотачиваясь, и начал:

– Вот в чем весь секрет русской власти, дорогой мой Павел Петрович! Спасибо тебе за мысль! Весь секрет в том, что хоть князю, хоть царю, хоть президенту нужно на кого-то опираться, чтобы его власть не вызвала сомнения у народа. Потому что на одной только силе власть никогда долго не держится, ни-ког-да!

– Оч-ч-чень глубокомысленное и оригинальное начало! – пошутил император, но, увидев как Ежихин затряс указательным пальцем, бледнея от напряжения, не стал продолжать.

– Короче! – выпалил Ежихин и, уже не останавливаясь, протараторил всю концепцию. – В Киевской Руси, если у князя была дружина – то никто не сомневался, что это князь! Он советовался с дружиной, с ней воевал, с ней дань собирал. Короче, без нормальной дружины и князь – не князь, и государство в смуте. Главный политический инструмент и опора, так сказать. Так ведь нет? Смекнули об этом родственнички. И у каждого своя дружина, свои пограничники во владениях, а у поцелованной дружины собственное мнение! И все, пропала Русь! Феодалная раздробленность и развал державы.

Возродилась Русь Москвой. Мол, плавали, знаем, дружин не надо, а всю эту братву из князей – в боярство, да под царскую руку. Продвинутое сословие, богатое, думу опять же умеет думать. И царю польза, и народ спокоен! Так нет же, поцелованное боярство возомнило себя явлением великим и значительным. И началось: то царь хороший – бояре плохие, то царь не настоящий, одни заговоры, саботаж, смуты и волнения. И что? Сгинула Московская Рюриковская Русь, сгинула безвозвратно.

Твои, Павел Петрович, предки – Романовы – похитрее оказались, земские соборы не распустили, бояр из пищалей не расстреляли, но все равно себе опору искали. И нашли! Стрельцов понаразвели, приласкали, и все в Москве, в Москве! И слобода им отдельная для всех полков, и довольствие нарядное, и земли в центре города! Мол, не бояре, а служивые и регулярные, да и свои в доску – цареву войско и опора! И что? Возомнили себя стрельцы уж и почетнее старых бояр! Политикой занялись и с царями торговаться начали! Так раздухарились, что прадед твой, Петр Алексеич, с самого детства от одного упоминания стрельцов трястись начинал! В итоге в стране

разброд до самого «Утра стрелецкой казни» и шрам в народной памяти на века!

Петр Великий тоже в этом направлении думал. Как на иностранцев не опирайся, а власть в России на них долго не удержишь! И вот нашел же себе опору! Табель о рангах и чиновников ввел, все четко и по регламенту! Вся страна чиновничьим охватом насквозь сцепилась. И что? Помер Петр, и без его железной дубинки началось: волокита, бюрократия, согласования... Болото! И снова поиск, дворцовые перевороты, гвардейцы, иностранцы, все перепробовали, пока матушка твоя выход не нашла, опору!

И начался «золотой век дворянства»! Народ стонет, а служивое сословие подвиги совершает! Новороссию в дом вернули, Крым, Речь Посполитую успокоили и поделили неоднократно, Финляндию освоили, и крепка власть стала, и даже знаменита на всю Европу! Чем все закончилось? Возомнили о себе, возгордились! Дали, пардон, Павел Петрович, тебе табакеркой в темечко за сомнения, да так, что бедный сын твой так и сказал: будет при мне как при матушке Екатерине. А что в итоге? Это же поцелованное да обласканное дворянство монархию чуть и не свергло в декабре 1825 года.

Долго власть потом опору искала: армия на поселениях, тайная канцелярия, помещики, дворяне – все не то! Вот тут и нашли! От обратного! Мол, земские люди, образованные провинциалы и есть соль земли и опора империи! Давай с ними школы строить и дороги, врачей в уезды приводить и общественные заведения созидать! Столько хорошего успели сделать, о судьбах Родины споря! Только вся эта земская интеллигенция, разночинцы и мещане не долго опорой и двигателем были, мало хозяйственных вопросов им стало, поцелованным, политику подавай! И сказали себе: мы тут главные! И встали они думу себе требовать, волнения устраивать, и рухнула империя в итоге!

Красные – передовые люди оказались! Интеллигенцию в утиль, заодно со стрельцами, дворянами, депутатами государственной думы. Ленин так прямо и сказал: важнейшее из искусств – кино. Сталин добавил: и литература! Вся партия, комсомол, рабочий класс и рядовые колхозники на этом важнейшем искусстве такие чудеса возрождения показали – весь мир вздрогнул! Китайцы «Как закалялись сталь» в школах учили, американцы слово «спутник» вызубрили, полмира

молодежь отправляло в Союз учиться. Писатели да режиссеры поцелованные в элиту превратились, чище партийных функционеров! И что в итоге? Правильно! «Мы здесь самые совестливые, мы здесь власть». Полилось из кинотеатров да со страниц правдивых романов как жить нельзя – и нате вам перестройку, и опять конец империи, смута и войны!

Теперь вот что? Общественность и волонтеры – сила и опора, совесть и соль земли нашей!

В общем, кого русская власть ни поцелует из благих намерений, от тех потом смута и приключается! Сначала славные дела для государства Российского – потом проблемы. Такой вот, ваше величество, алгоритм! А ты, получается, выбился из него, весь простой народ решил поцеловать. Так не бывает...

Павел внимательно слушал, закрыв глаза. Повисла пауза.

– Взял бы я тебя к себе в камергеры, Иоанн! – начал говорить Павел. – Хорошо с тобой, искренний ты человек. Не пойму только, зачем ты тогда создаешь общественное движение «Дружина»? Это ведь что получается, если ты прав, то наступает какой-то момент, когда опора государства не хочет быть опорой, а хочет смены власти, так?

– В принципе, так... – напрягся Иван, удивленный тем, что император с таких высоких и интересных теоретических материй переключился на его повседневную работу по выборам Кузнечко. – Что-то происходит, и им становится вдруг мало, тщеславие, или жадность, или разочарование какое-то наступает...

– Так как же оно не наступит! – гневно перебил Ивана его величество. – Ежели ты, сукин сын, сам же их в политику для прикрытия твоего заезжего консультанта и тащишь! Власть еще поцеловать не успела, как следует, а такие прохиндеи, как вы с Кузнечкой, коих тысячи, уже наперед интриговать и развращать начинают!

– Так все же сейчас так делают! Чисто технологически! – начал оправдываться растерявшийся Ежихин, вдруг увидев свою деятельность со стороны и ужасаясь собственному цинизму на фоне только что озвученной им самим же трагедии русской власти. – Это же выборы! Где ж мне деньги тогда на хлеб зарабатывать?

– Ты за всех-то не прячься! – сурово возразил Павел, прохаживаясь взад-вперед перед догорающим костром. – Помирать то,

поди, сам будешь, или тоже на Божьем Суде на других ссылку сделаешь? Всю созидательную силу народа на свои мелкие страсти переводите!

– Что ж мне теперь, от работы отказываться? – растерянно произнес Иван. – Я же тут еще жениться собрался, пять лет стеснялся девушке предложение сделать, а тут так повезло, местная она... А деньги Кузнечко, что я уже потратил? А может, эта «Дружина» и правда что-то хорошее сделает, вперед Провинцию поведет... Если денег, конечно, кто даст... А мне-то что делать, Павел? Мне-то что делать со всем этим дальше?

Иван поднял голову и... никого не увидел. Догорал костер, тишина, только легкий шелест листвы на ветру и комариный гул над ухом.

Иван грустно выдохнул, как будто с другом расстался, повертел в пальцах царский перстень, поднялся, затоптал угли и, погруженный в свои мысли, отправился в сторону деревни. Светлый июньский вечер разгорался закатом. На душе было противно. Он впервые не в отвлеченных рассуждениях, а на себе самом прочувствовал всю противоречивость политики по-русски. Его светлые тайные помыслы про добрую и справедливую власть никак не совмещались с мелким, циничными и, положа руку на сердце, подленькими предвыборными проделками. И все это касалось не каких-то высоких политиков и начальников, определяющих политическую ситуацию в стране, а вот его самого, лично.

Вдоль дороги тянулись скособоченные избы с заколоченными через одну ставнями, кое-где, подальше от улицы, попадались солидные домики, отделанные сайдингом и окруженные дворовыми постройками. Разбитая асфальтовая дорожка вела к советской одноэтажной школе из белого кирпича. У забора стоял старый мотоцикл с люлькой. Ленивые собаки на улице не обращали никакого внимания на незнакомца, с разных сторон доносилось то бляение, то кудахтанье и гогот домашней птицы, а с одной стороны слышалось сытое и такое же ленивое, как все вокруг, мычание. Тихвинка была маленькой, но живой деревней.

Улица привела бесцельно бредущего Ежихина на развилку, за которой стояла небольшая каменная церковь с колокольной. Иван и ее не заметил бы, погруженный в свои мысли, но ухо уловило пение из

открытой двери храма. Шла служба. Он еще раз посмотрел на телефон, который по-прежнему показывал полное отсутствие связи, подумал, улыбнувшись, что один раз он уже зашел в храм в Петропавловской крепости. Тем не менее на службе он не был давным-давно. И так ему стало вдруг спокойно на душе, что он, не раздумывая, вошел в храм. Встал в сторонке и растворился в литургии.

Храм освещался только свечами, но в полумраке хорошо было видно всех присутствующих. Пара тетушек, они же певчие, в уголке, пара мужичков лет пятидесяти в рабочей одежде, молодая женщина в просторном ситцевом платье и белом платочке с ребенком на руках, интеллигентного вида мужчина в летних брюках и стильной просторной льняной рубашке, скрюченная древняя старушка, всем телом опирающаяся на посох, и все. И, конечно, бородатый батюшка, прозрачный, тонкий с каким-то мягким, нежным голосом, который словно окутывал Ивана, уносил в неведомые дали.

Судя по всему, служба заканчивалась, священник отошел в уголок к маленькой «трибунке», как про себя назвал стойку с Евангелием Иван. Тут же к нему выстроилась очередь и батюшка начал исповедовать прихожан. Почему-то мужички уважительно мялись, словно уступая очередь дачнику в льняной рубашке. Тот подошел, наклонился к трибунке и полупшепотом начал исповедь, прерываясь иногда, чтобы выслушать то ли вопросы, то ли какие замечания священника.

Иван не сводил глаз с происходящего, он почувствовал, что присутствует при каком-то таинстве, о котором и не догадывался раньше. Он вдруг начал понимать, что поставить свечку и поклониться иконе – это далеко не все, для чего нужна человеку церковь.

Дачник встал на колени, батюшка набросил ему на голову покрывало, прочитал молитву. Дачник поднялся, поцеловал крест и руку и, словно стал выше и легче, отошел от батюшки, уступая место следующему. И казалось, от священника отходит какой-то другой, светлый и легкий человек. В полумраке лицо дачника показалось Ивану знакомым, но, увлекшись, он продолжал внимательно наблюдать за исповедью других прихожан, вдруг почувствовав, что и сам хочет вот так же: подойти одним человеком, отойти другим. Но в какой-то момент он понял, что «ни ступить, ни молвить» не может, что

говорить, не знает, как причащаться после исповеди, не представляет, и вышел из храма.

Иван был зол на себя и на свои непонятные, совершенно новые ощущения. Однако он взял себя в руки, огляделся и присел на лавочку под яблоней, тут же в ограде храма, чтобы все спокойно обдумать, а затем уже искать ночлег.

Тем временем служба закончилась, прихожане, стали выходить из храма. Последним вышел дачник вместе с бабушкой. Ежихин чуть не упал со своей лавочки, потому что в дачнике он в первую же секунду совершенно безошибочно узнал Ивана Ивановича, губернатора Провинции.

* * *

Василий Сергеевич очухался под незнакомым старым, покосившимся забором, штакетины которого были черны от времени и кое-где покрыты зеленым мхом. Если бы месяц назад кто-то сказал солидному эксперту в московском офисе, что он будет грязный спать в самом прямо смысле под забором – он, мягко сказать, был бы удивлен. Не говоря о том, с кем и в каких обстоятельствах ему приходилось общаться в такой скучной и заурядной, как казалось из Москвы, области. Но сейчас он уже ничему не удивлялся и даже наоборот, где-то в глубине души чувствовал, что именно такой странной Провинции и не хватало в его жизни раньше.

«Вроде у Бабы-яги не было забора!» – первым делом подумал Кузнечко, садясь на траву. Голова была ясной, тело отдохнувшим и бодрым, только обувь и штанины брюк ниже колен перепачканы рыжей грязью. Последнее, что он помнил – бабкин смех и кружку с чаем, но зато все, что было раньше – совершенно отчетливо, в мельчайших подробностях. Рядом с собой он увидел клубок ниток, что дала ему веселая старуха. Политконсультант поднялся и огляделся вокруг. За покосившимся забором стоял старый покосившийся дом с кривым крыльцом, убогость которого подчеркивала висящая на одном гвозде спутниковая тарелка под самым коньком. Вдалеке стояла еще пара таких же деревянных домов, но людей за их поросшими крапивой оградами видно не было.

Политконсультант быстренько все еще раз вспомнил, решил ничему больше не удивляться и даже не выяснять какой сегодня день, резво встал и открыл калитку в заборе. После первой же пары шагов из окна раздался громкий возглас: «Стоять на месте! Кто такой будешь?». Из окна высунулась лысая голова с всклокоченными седыми остатками шевелюры над ушами, на которых еле держались душки круглых, как у Бери, старинных очков. Кузнечко развел руки в стороны, как бы показывая, что пришел с добром, широко, как мог, улыбнулся деду и закричал, думая, что тот наверняка глуховат:

– Меня волшебный клубочек к вам привел, дедушка! Я к вам от Бабы-яги, а вы наверняка Леший, правильно?

Повисла неловкая пауза, а глаза у деда стали по пять копеек. В следующее мгновение голова исчезла и тут же высунулась вновь, но уже вместе с руками, в которых дед держал старую берданку, направленную прямо на политконсультанта:

– Иди как милоч, своей дорогой! Топай, топай! Во-о-он туда иди! – дед показал дулом направление пути. – Иди и продолжай орать, чтоб нашли быстрее!

Теперь как громом пораженный стоял Василий. Ни разу в жизни он не встречал такого приема, да и ружья-то, честно говоря, ни разу в жизни в натуральной обстановке не видел. Он залепетал, как мог:

– Простите, меня Василий Сергеевич Кузнечко зовут! Тут какая-то ошибка, я, наверное, все перепутал, мне в райцентр надо, или хотя бы на трассу выйти! Я правильно понял, что дорога там, куда вы мне показали? Простите, еще раз, мне ж документы в избирком сдавать надо, а я тут. Ничего не понимаю! Я вообще не местный, из Москвы...

– Ага, а я конкистадор из Аргентины! Нет там никакой дороги! – сердито, но с интересом сказал дед. – Там, если прямо все время идти по логу – интернат!

– Какой интернат? – еще больше удивился Кузнечко.

– Какой, какой... Психо-неврологический, понятное дело! А ты не оттуда что ли?

– Нет, вообще-то, не оттуда...

– А чего блажишь, как сумашедший, и дурачком прикидываешься? Обзываешься... Какой я тебе леший, я вообще-то Семен Георгиевич Цапля...

– А похожи на Лаврентия Павловича Берию, – не удержался политконсультант.

– Правда? Вот! Уважаешь Берию? – обрадовано спросил Семен Георгиевич.

– Это крупная историческая личность, заслуживающая самого пристального внимания... – пытаюсь уловить ожидания деда, уклончиво ответил Кузнечко.

– Заходи, заходи Вася! Василием же ты назвался? Чего стоишь то с дороги, поди, устал. Самовар счас заправим, чайку попьем... – Дед вдруг посмотрел на свою берданку, которую все еще направлял на гостя, засмутился и быстро убрал ее куда то внутрь дома. – А-а-а, тьфу ты, пугалку от волков держу, один же тут кукую. Заходи, заходи, товарищ Василий.

Дед оказался совершенно замечательным и гостеприимным. Оказывается, по профессии он был военным фельдшером. Причем его отец, царствие ему небесное, был родом из сибирских кержаков – заслуженный подполковник НКВД – МГБ в отставке еще со времен Хрущева. Берию лично видел. Домик был как раз отцовским, а на лето сюда заселялся сын и вел отшельнический образ жизни в некогда большой деревне. Отшельником он стал исключительно из сознательной оппозиционности по отношению ко всем политическим партиям сразу. Есть такие люди в народе, которые, несмотря на годы, прочитали политических книг больше, чем на кафедрах политологии читают, внимательно следят за политикой и всегда имеют собственное мнение по любому вопросу. Проблема, по обывательскому и в тоже время компетентному мнению Цапли, заключалась в том, что правящая партия так и не стала КПСС, а оппозиционные партии или предали заветы отцов-комсомольцев, или стали предательскими вовсе. Вот Цапля и отказался от своих политических увлечений и ежедневных споров с соседями, несмотря на весь свой авторитет в микрорайоне и депутатском корпусе города и на свои многочисленные точные прогнозы по предвыборным кампаниям.

Когда у самовара они выяснили, сколько у них общего, Семен Георгиевич начал усиленно подливать гостю чая. Ему хотелось всячески удержать интересного собеседника подольше за столом, над которым висел старый черно-белый портрет Иосифа Виссарионовича.

– Я, понимаешь, Василий Сергеевич, много чего здесь надумал, в одиночестве-то. Не прав я был раньше, ох не прав. Ведь не в партиях дело-то, не в красных и белых, понимаешь? Зло и в тех, и в тех можно найти. – Цапля уважительно посмотрел на висящего Сталина, затем перевел взгляд в красный угол, где висела икона Спасителя, и перекрестился. – И хорошее можно найти, конечно, и у одних, и у других. Мне кажется даже, что они в чем-то одно и то же, русское. Просто всех со всеми драться заставляют, понимаешь?

– Нет, Семен Георгиевич, не понимаю, – подув на чай в блюдце, снисходительно и вежливо ответил Кузнечко. – Я все-таки уверен, что выборы – лучше гражданской войны, что демократия – лучше хождения строем. Ничего лучше выборов человечество не придумало.

– Так и я так раньше думал, Василий Сергеевич. Но вы там, в Москвах своих, только про это и вспоминаете, а ужасные последствия самих выборов – ни-ни, словно вторую половину мозгов куда-то подевали.

– Ну, поясните свое мнение, Семен Георгиевич, – с некоторой скукой, только из уважения к хозяину, ответил политконсультант.

Хозяин уловил нотки недоверия и превосходства в голосе московского гостя. Наливая Кузнечко третью чашку чая и перейдя от возмущения «на ты», дед громко начал спор с зазнайкой.

– Выборы, Василий Сергеевич, это тебе не хухры-мухры, понимаешь? Выборы – это ого-го, какая штука! Походи по земле-то! Все дерьмецо, что в людях накапливается – р-р-р-раз, и наружу! Все всем врут, каждый каждого дурит с благородной физиономией, спорят до хрипоты, деньжат зарабатывают, кто поумней, а кто поглупей – просто так, бесплатно, старается. А те, кто не хочет в этом участвовать, тех все равно смалят телевизором и разными газетками, и опять – до хрипоты, до колик в печенках...

– Я ж тебе говорю, дед, лучше «все дерьмецо наружу», зато конкуренция! Жизнь кипит, и самые лучшие идеи в предвыборных спорах незаметно открываются и всплывают...

Дед крякнул, посмотрел на Кузнечко, как на агитатора или мошенника:

– Вот дерьмецо и всплывает в спорах твоих! Тут же с другого угла смотреть надо! Я ж тебе как изнутри объясняю! Вся жизнь зависит от выборов, вся. Это разве правильно? Не от надоев с коровы, не от

заводов с магазинами, не от учителей с врачами, а от выборов. Вот какая зараза эти выборы, все колом встает пока кого-нибудь не выберут, а как выберут не того – еще больше все колом встает! Учителя, значит, сразу учить начинают не поймешь чему, коровы не доятся, стройки перестраиваются, и финансы в расстройстве...

– Правильно, дед, так и должно быть, выбирают-то власть, депутатов всяких, губернаторов, президентов! – перебил Кузнечко. – Выборы – единственная форма участия народа во власти, от выборов зависит, какая будет власть, какая стратегия и программа развития той или иной территории...

– Да ну тебя... Стратегия, программа... – Цапля недовольно зашамкал посиневшими от напряжения губами, будто подыскивая на языке нужные слова. – Вот запомни: главное на выборах – не кто хороший или кто плохой. Все мы не ангелочки. Главное, что каждый обещает то, чего он совершенно не знает и не может обещать. То есть каждый обещает бу-ду-ще-е, а знать его и тем более обещать невозможно, если ты, конечно, не ангел Божий. Исайя говорил: «Скажите, что произойдет в будущем, и мы будем знать, что вы боги». Тысячи кандидатских претензий на звание божества, вот что такое выборы! Но это еще полбеды. Каждый же кандидат должен других кандидатов обязательно изобличить как мошенников, иначе они про свое будущее еще искуснее и лучше наврут. А что потом происходит, когда один другого объегорит и затопчет? Правильно, обида и чувство мести, вот они потом и гадят друг другу, подножки ставят, народу гадости друг про друга наговаривают, и так до следующей предвыборной драки! И так бесконечно! В общем, выборы – способ расщеплять даже не партии, а весь народ, все «общество», как еще мой дед говорил, мы же живем в постоянном расколе... Это в европах и америках, за кого ни голосуй – все один огурец, а у нас – драка и смертный бой. А как только не драка, как только все договорено и поделено между партиями, как в европах, – сразу недоверие, подозрения и всякое подполье. Вот тебе и все выборы.

Кузнечко поймал себя на мысли, что не понимает, на каком основании его здесь все учат и глаза ему открывают. Он никого об этом не просил, курсов повышения квалификации не заказывал, а его, опытного специалиста, в какой-то нелепой и ненаучной манере морочат и переворачивают с ног на голову все, что наработывалось

годами. Кузнечко расхотелось продолжать разговор, он даже едва не вспыхнул и не начал объяснить этому народному политологу, что не он, Кузнечко, а сам Цапля живет в его мире, по его правилам, и думает о том, о чем Кузнечко и ему подобные этому деду и всем остальным думать велят. Тем не менее, посмотрев на самовар и портрет Сталина, честно себе признался, что в чем-то Цапля прав, в чем-то он даже сильнее его, несмотря на все искусство профессионального и богатого «охотника за голосами». И тетки на встрече с лидером оппозиции, и молодежь, которая драться к нему полезла за Богиню, и, самое странное, главы городков и целых районов – чихать хотели на его правила и такие успешные, казалось бы, манипуляции. Все они жили по каким-то своим, неведомым ему законам общежития, в которых есть место забытым цистернам портвейна, себе на уме чиновникам, безрассудной начальнице Старо-Истукановского района, безумным отставным фельдшерам, и даже Бабе-яге. Кузнечко решил сворачивать разговор.

– Семен Георгиевич, а у вас тут тоже мобильная связь не ловит?

– Отчего ж не ловит, – сказал Цапля, воспринимая уход гостя от темы как свою личную победу и косвенное подтверждение истинности своих выводов. – На чердак полезай, к слуховому окну на той стороне дома, там чуть-чуть можно позвонить. В сенях лестница, только осторожнее на чердаке, ноги не переломай. И по центру, по матице ступай, а то, не дай бог, проломишь мне потолок в избе. А я пока еще кипяточку сварганю.

Кузнечко вышел в сени, осторожно полез по старой скрипящей лестнице на чердак, чихнул от пыли, обильно покрывавшей наваленный на чердаке хозяйственный скарб. Вдруг, пройдя буквально пару шагов по чердаку, он увидел палку с блеснувшими в лучах из чердачного окна узорами. Присмотрелся, наклонился, и в его руках оказалась пыльное и грязное лезвие то ли сабли, то ли палаша, то ли узкого меча – около метра длиной, с богатой резьбой и ненашенскими закорючками.

У Кузнечко затряслись руки, от волнения он задышал, как паровоз, присел на корточки и принялся рассматривать искусную работу наверняка очень древних и, похоже, даже не русских мастеров. «Вот тебе и Баба-яга, вот тебе и клубок ниток!!!» – прямо вслух выдохнул Кузнечко. Он, совершенно не понимал, зачем ему этот меч,

что с ним делать, но такое удивительное совпадение было похоже на сказочное чудо. Он подошел к чердачному окошку, принялся рукавом оттирать меч, все больше и больше убеждаясь в его древности, высокой рыночной стоимости и музейной ценности. В это время телефон действительно поймал сеть, и начал отчаянно пикировать и вибрировать, принимая СМС о множестве пропущенных вызовов.

Впрочем, Василий не обращал на них никакого внимания. Вместо этого он достал пиликающий телефон и принялся фотографировать старинное изделие. Затем сбросил фотографию своему старому знакомому и набрал его номер. Разговор получился сумбурный и с помехами, но в целом, Кузнечко понял, что есть легенда о похожих пропавших мечах императорской династии Цин. Якобы часть из них отыскивали в разных уголках мира, и они давно хранятся в Пекине, а другие, похожие на этот, считаются утерянными. Стоимость артефактов было сложно переоценить, тем более что для Поднебесной это были не только музейные экспонаты, но очень легендарные и даже священные штуки. Кузнечко уже хотел для профилактики объяснить знакомому, что увидел современный ценник на рукояти, и извиниться за ошибку, как раздался характерное потрескивание и уставший за долгое время без подзарядки телефон отключился.

Политконсультант сидел перед окошком на корточках с мечом в руках не в силах шевельнуться. Мысль лихорадочно работала. Если бы это была правда, то все его вопросы с регионом и выборами решились бы на раз-два! Он не удержался и невольно представил себе многомиллиардные вливания Китайской народной республики в экономику Провинции, гастроли Пекинского театра, новые автобаны и международный аэропорт, визиты на высшем уровне и вручение ему лично высшей награды Китая на главной площади Паракорочки, и еще огромный красивый плакат на въезде в регион: «Провинция – побратим Китайской республики! Даешь московский размах народу области!».

Василий тряхнул головой, как бы стряхивая наваждение, поднялся, прижал к груди свою находку и подошел к лестнице. Сел на чердаке, свесив ноги на ступеньки, и громко закричал:

– Семен Георгиевич! Семен Георгиевич! Вы меня слышите?

Дверь открылась, и в сени вышел Цапля.

– Что-то ты больно долго звонишь-то Василь! Я тут еще два вопроса с тобой хочу обсудить, чай готов, еще и варенья с подпола достал! Слезай, давай!

– Дед, скажи мне, пожалуйста, чего это у тебя тут за сабля какая-то ржавая пылится? Буденовская, что ли? – стараясь говорить как можно беззаботнее и скрывая волнение, спросил Кузнечко. – Запнулся об нее, палец на ноге отшиб...

– Ох ты, горе какое, шибко ногу-то побил? Ходить сможешь? – засуетился дед. – Хотел же хлам с чердака выкинуть, руки все не доходят!

– Да не, не сильно. Откуда ржавчина-то эта? – повторил вопрос Ежихин, твердо решив не спускаться, пока не выпросит ли, нельзя ли купить эту штуку у хозяина.

– Да отцовская! Он же в Манчжурии несколько раз был по спецзаданию, вот как-то раз и привез. А как его при Хрущеве турнули с МГБ, так он расстроился, достал ее, поставил около печки, и давай ею то капусту шинковать, то жерди рубить, ух, острая была. А потом, перед тем как запить по-черному, забросил ее на чердак, и берданку эту туда же забросил, и какие-то еще свои все штуки, и больше туда ни разу не поднимался до самой смерти. Саблю эту он китайкой называл, я мальцем помню, и говорил, что даже китайский царь ее на ремне носил.

– Семен Георгиевич, отдай ее мне! Или продай не задорого, все равно ржавая! – выдохнул из себя Кузнечко. – Пожалуйста, очень прошу, своему папе покажу, он обожает китайское холодное оружие...

Кузнечко вдруг стало стыдно, чего он раньше за собой не замечал, и перед своим отцом, и перед Цаплей, и перед Бабой-ягой, как ни странно, за свое вранье. И он добавил:

– Вернее как, мне просто очень надо...

– Так забирай на здоровье! Неспроста же она тебе под ногу залезла! Но давай так, поговори со мной еще хоть часик и забирай! – не раздумывая ответил Цапля. – А лучше так и вообще оставайся до завтра хотя бы! Мне ж тебя о стольком еще расспросить надо, когда ж я теперь живого москвича встречу, да еще и политического!

Кузнечко слетел с лестницы и крепко обнял Цаплю, не отпуская от груди теперь уже свой, такой неожиданный, меч-кладенец.

Иван размахнулся и со всей силы, наверное, уже в десятый раз всадил тяжелый колун на длинной рукояти в сучковатую чурку. Глаза щипало от пота, с кончика носа капало, футболка была насквозь мокрой. Вокруг чурки высились горки разнокалиберных поленьев, половина из которых по размеру подошли бы только для топки промышленной кочегарки. Рядом лежала куча щепы, сколов, ошметок коры. Колоть дрова Ивану показалось делом азартным, но не таким легким и ловким, как это показывают в старых фильмах.

– Что ж ты, милоч, чурку колешь поперек сучковины? – с легким смешком спросила тетя Маша, незаметно подошедшая к Кузнечко сзади и наблюдавшая за помощью постояльца. – Повдоль сука, повдоль коли... Во-о-от, видишь!

Одинокая тетя Маша, дородная пожилая женщина пятидесяти – шестидесяти лет, в просторном ситцевом платье в цветочек и убранными под платок волосами пустила Туриста в избу на ночлег и вторые сутки пыталась получить от постояльца хоть какую-то выгоду, заодно развлекая себя разговорами с городским человеком.

– Разве можно такой чурбан в середку долбить без перерыва, Ваня? Погляди, сердцевинка подгнившая, а вокруг древесинка крепкая, стукнуть надо с одного краешка, потом напротив, с другого, и все! А ты мне щепы на самовар целую гору накуролесил, экий ты не приспособленный к жизни, одно слово городской! И не гладь ее, как бабу, резче, резче колун бросай, не силой рук бей, а своим весом...

Иван в сердцах бросил на траву колун, чувствуя себя уязвленным женским наставничеством, и сказал:

– Да я вообще читал, что дрова в деревнях зимой заготавливают, а никак не в июне, тетя Маша! Что вы меня все стыдите!

– Ух ты, обиделся! Ну, присядь, отдохни, устал ведь. Вон в крынке морсика тебе принесла. Давай покажу, давай, давай колун...

Тетя Маша взяла тяжелый колун, развернула едва не самый большой чурбан, медленно подняла орудие над головой, и резко, с выдохом, подавшись вперед, бросила острую железную болванку. Через три-четыре минуты на месте чурбана лежала кучка аккуратных поленьев. Особенно поразило Ежихина, что наколов из чурки узеньких, сантиметров десять-пятнадцать, пластов, тетя Маша брала

каждый и, придерживая одной рукой заготовку, другой ловко отщелкивала колуном полешки, ни разу не попав по пальцам и не промазав. Затем тетя Маша, тяжело дыша, прислонила деревянное топорище стоймя к чурбану, смахнула рукавом капельки пота со лба и присела, громко выдохнув, рядом с восхищенным ее дровяным искусством Иваном.

– Грамотный ты, Ваня, правильно все про зиму и дрова говоришь. Только кто ж мне эту кучу зимой-то раскол бы? Внук в армии нынче служит, сын помер три года назад, соседа Лешку неудобно просить, и так за полцены дров натаранил, на две зимы хватит, а у него свое хозяйство да ребяташки. Я уж сама, как-нибудь, потихоньку. Силы не те совсем. Думала, тебя Бог в помощь послал, а ты уже и литовку мне сломал, и хряка напугал, да еще выпустил беса в огород, калитку же запирасть надо, когда хлев чистишь... Ладно хоть загнать помог обратно... Дров опять же с тобой не заготовишь... Ну, да ладно, давай дальше рассказывай! Как же ты так ее любил без единого свидания-то? Во, дожились с этим интернетами...

Иван в пятый раз за два дня рассказал тете Маше, как познакомился в Интернете, как влюбился, как общались целый год, как поехал знакомиться в Питер, как от милиции убежал, как чудом оказался здесь и наконец встретился с любимой. Как на прогулке вдоль летней теплой ночной реки поцеловался с ней первый раз и, пьяный от ее губ, предложил пожениться.

В этом месте тетя Маша, краснея от стыда, пыталась разузнать подробности и наводящими вопросами смущала Ивана.

Но Иван как раз в этом месте своего рассказа начинал думать о том, что его потеряла и невеста, и Кузнечко, что работа стоит, а уже наступило время подачи депутатских подписей в избирком, а значит, время старта публичной избирательной кампании. Одновременно его мучила ясная мысль: никакими выборами и кампанией Кузнечко в том числе он заниматься уже не будет никогда. Начиналась какая-то новая жизнь, совершенно другая, словно заново родился. Лишь стыд перед многолетним партнером Кузнечко, неизвестность с любимой и свадьбой, непонимание того, чем теперь заниматься в жизни, сверлили душу где-то внутри и не давали насладиться деревенскими буднями.

– А ты не бойся ничего, Ваня! – словно читая его мысли, сказала вдруг тетя Маша. – Я вот тоже, между прочим, никогда не думала, что

здесь окажусь, да еще одна останусь. А ведь я когда-то на фабрике в городе работала, в самодеятельном ансамбле участвовала, на вечернем училась на технолога, да еще на танцы в дом культуры «Ударник» бегала. Красивая была-а-а, все парни мои были, пока Коленьку своего не встретила, царствие ему небесное. А сейчас вот сяду на крылечко на зорьку гляжу и все вспоминаю. Так совесть грызть начинает, и такой стыд накатывает, хоть с утра прямо к бабушке беги каяться. – Тетя Маша запястьем смахнула слезу и вдруг совершенно другим, веселым голосом продолжила: – А дура-то какая была! Ванька, ты не представляешь! Думала, что танцы, самодеятельность да фабрика – самая что ни есть жизнь! Сама себе завидовала! А нет, Ваня, жизнь – то она вон какая! Чудо Божье вокруг разлито, а мы и не видим, не бережем И радоваться разучились совсем, другие люди все как средство для нас: чем с них поживиться да какое удовольствие получить, вот и весь интерес! А человек ведь чудо Божье, или для урока, или в награду другому человеку посылается. Ты вон, поди, тоже не просто так ко мне прибился! Бог привел. Если б не гроза и ливень, так и не прибежал бы на ночлег проситься...

– Теть Маш, а дорога точно одна из деревни? Точно дней пять не проехать будет?

– Да точно, Вань! У нас же тут болотина, в советское время сколько денег на нее, на дорогу эту, угрохали: засыпали, засыпали, а болотина и есть болотина. Разве что заболает кто или помрет, так глава волости Тимофеич вездеход возьмет и приедет. А сейчас чего, здоровы вроде все, слава Богу, гости себе спокойно, твоя зазноба тебя не потеряет. Иван Иванович, кстати, сказал бабушке, что совсем скоро связь будет, можно тогда и по сотовому твоему звонить. Это ж и мне теперь надо на этот мобильный накопить, буду сватье да внуку в армию названивать! Ну, пойду в избу, приходи обедать-то через полчаса, щи уже в печи томятся. – Тетя Маша встала, одернула платье и не спеша направилась к дому.

Ежихин остался сидеть на бревне, снова вспоминая скоротечный разговор с губернатором около Тихвинской церкви. Сам разговор, к удивлению довольно откровенный, хотя и не долгий, он списал на воздействие церковной службы и исповеди, поскольку в его представлении губернаторы – это люди все-таки люди ненормальные, загадочные и недоступные даже для политехнологов, хотя и со

своими слабостями. Ежихин тогда не нашел ничего лучше, как начать разговор с извинений за главу Старо-Истукановского района, которую он прославил на весь интернет, и перед которой почему-то ему было особенно стыдно после разговора с Павлом у костра.

Иван Иванович вначале был немногословен. Он слегка удивился – мол, и тут нашли, но все же привычно ожидал услышать от незнакомого человека на улице или какую-то срочную просьбу, или гадость, или лесть. Однако Турист ничего не просил.

После сумбурных извинений за главу района и глиняный памятник ему же, Ивану Ивановичу в Старо-Истукановском районе, губернатор удивился еще больше и нахмурил бровь, ожидая чего-то неприятного от этой неожиданной встречи.

Но Иван сам не знал, что ему нужно от хозяина Провинции, и нес всякую околесицу. Как это часто бывает, он начал говорить то, о чем губернатору, по его устоявшемуся мнению, должно было быть интересно. Профессиональная деформация сделало свое дело, Ежихин совершенно машинально исходил из того, что любого губернатора больше всего на свете интересуют его собственные выборы, рейтинги, пиар и впечатление о нем самом в Москве. Обо всем этом Ежихин и говорил, неся всякий вздор, который, конечно же, очень диссонировал и с его собственным состоянием, и с окружающей обстановкой. В частности, он спросил, почему при таких спорных позициях Ивана Ивановича в большинстве экспертных рейтингов, в храме не было пресс-службы или заранее подготовленных блогеров. Иван Иванович слегка поморщился:

– А что, просто так нельзя губернатору в храм прийти?

– Можно... – смутился Иван. – А зачем? А-а-а, вы считаете, что ассоциация с Церковью вам в минус пойдет? Вроде бы у вас такая консервативная область. Опять же, проблема новизны в глазах избирателя: избиратели вас давно знают, привыкли, а образ «кающегося губернатора» был бы, наверное, свежим и ярким, нет? Тем более в таком захолустье, в деревенской церквушке, ну, вы меня понимаете же, Иван Иванович.

– «Кающегося губернатора»? А «карающего», нет? Не свежий? – С серьезным лицом то ли огрызнулся, то ли отшутился Иван Иванович, словно предупреждая этими словами собеседника о том, чтобы тот держал себя в рамках.

– Спорно. Христианский образ кандидата все-таки интереснее, тем более это так контрастировало бы с обычной политической грязью и провокациями в избирательной кампании... – несколько грустно пояснил свой экспромт Ежихин, представляя, что они с Кузнечко, да, впрочем, и другие кандидаты будут вытворять в борьбе за народные симпатии.

– Послушайте, – ответил Иван Иванович. – Я понимаю, что, наверное, так и нужно рассуждать. И я сам, как вы понимаете, далеко не ангел беззубый, но исповедаться-то хоть бы можно без журналистов и пиарщиков... И без вас тоже? Нет? Или вы сейчас побежите новый памятник «кающемуся губернатору» отливать?

Турист, что бывало с ним редко, никак не мог понять Ивана Ивановича. С одной стороны, он был действительно уверен, что власти предержавшие, вроде него и Кузнечко, к институтам церкви относятся со здоровым цинизмом, ну, максимум как к идеологической опоре для удержания этой самой власти. С другой стороны, он собственными глазами только что видел исповедь, не имеющую никакого политического смысла. А на фоне собственного вдруг возникшего желания самому исповедаться все вообще стало сумбурным и непонятным. Такое ощущение, что Ежихин начал раздваиваться еще у костра с Павлом, а в храме этот новый Ежихин, решительно потребовал себе места в голове и душе Туриста. Он снова в доли секунды пролистал в памяти все прочитанное и открывшееся ему про власть раньше, и попытался взять себя в руки:

– Иван Иванович, мы с вами знаем, какие бывают попы, с какими доходами, автомобилями... – Иван смущенно посмотрел на стоявшего рядом прозрачного батюшку, с интересом наблюдающего за разговором. – Ну, про многих знаем, все нелицеприятные факты о церкви в СМИ невозможно оспорить, разве этого не достаточно? Что там лично у вас, тем более у вас, после этого душа-то может требовать?

Иван Иванович поморщился, потом, словно о чем-то догадавшись, спросил:

– А вы-то сами давно исповедовались и причащались?

– При чем тут я-то? Для меня православие – часть моей страны, истории, но не закрывать же теперь глаза на явные несоответствия, и не смешно ли при этих несоответствиях ждать каких-то чудес и

спасения души? Вон, недавно, сам видел, подъезжает священник на таком джипе, какой не у каждого директора рынка есть, пузо как бочка, и продирается этим пузом между прицерковными нищими, те ему суют свои ручонки, кланяются, а тот и не поглядит на них! Все ж все видят, не слепые...

– А вы-то, молодой человек, сами давно исповедовались? – повторил Иван Иванович. – Что ж вы все за всех радуете со стороны, обвиняете, а сами без причастия годами ходите. Это же как пищу ругать не попробовав.

– Давно! – ответил Иван. – Но вы же не думаете, что я, допустим, исповедаюсь и сразу р-р-раз, и изменю свою позицию, перестану замечать факты и читать газеты?

– Да замечай ты, что хочешь, – перешел «на ты» губернатор. – Может, хотя бы вопросов глупых задавать не будешь, а может, и людей нормальных обижать перестанешь. Меня можно, я лицо подрасстрельное для общественного мнения и таких вот политтехнологов и журналистов, а вот где мне теперь толкового человека на роль главы района найти... Послушай, отец Василий, очень прошу, сделай исключение, исповедай человека, пусть утром причастится, если он хочет, конечно...

Иван Иванович махнул рукой, словно расстроенный всем этим незапланированным и неприятным разговором, троекратно облобызался с батюшкой, и пошел за церковь, где на небольшой зеленой лужайке стоял его большой полноприводный джип с водителем...

А Иван уверенной походкой пошел за батюшкой в светящийся изнутри горящими свечами храм исповедаться и показать всем, что религиозный обряд – это всего лишь религиозный обряд. И обряд этот не имеет никакого отношения к объективной оценке фактов.

Дальше с ним произошло то, от чего даже сейчас, сидя на бревне в обнимку с тетью-машинным колуном, Турист чувствовал, как в груди разливается что-то странное и теплое, как спирает дыхание и, словно в храме, все окутывает запах ладана и воска.

Пока отец Василий читал молитву и ставил уже убранный «трибунку» с Евангелием в свой уголок, ноги Ивана наливались свинцом, а в голове судорожно кружили мысли о том, что говорить, в чем признаваться, за что просить прощения. Батюшка о чем-то его спросил, мягко, словно видел мысли и смятение Ивана, Иван что-то ответил. Потом он понял, что пора подходить, что нужно поцеловать Евангелие и рассказать все, за что ему было стыдно.

Тело вдруг стало совершенно чужим, непослушным, он физически ощущал его сопротивление, а хоровод мыслей в голове набирал устрашающую скорость. В этом круговороте вдруг оказалось все: страх, любопытство, непотребство, самомнение, самоуничтожение, стыд, желание разрушать и заплакать, прижавшись к кому-нибудь сильному и доброму, как к маме в детстве. Он прикоснулся губами к теплому Евангелию, заставив себя усилием воли наклониться, и остался в таком положении. Надо было говорить, но челюсти будто скрутили стальной проволокой, а грудь со страшной силой сжимала металлическая арматура.

В это момент он успел удивиться тому, что абстрактные слова и безобидные ритуалы, оказывается, вызывают осязаемые ощущения, какую-то почти физическую борьбу неведомых сил внутри него самого. Иван с огромным усилием разжал челюсти, уже просто стыдясь перед священником, что пауза так затянулась, и сказал:

– Матерьюсь... как сапожник. – Иван лихорадочно перебирал грехи, пытался их хоть как-то сформулировать и произнести вслух, пока рот опять не скрутило сталью. – Иногда... вот... славы захотел... Родителей бросил... Забрал его деньги без отчета...

Слова, как камни, с грохотом вываливались из его рта, словно переваливаясь через неведомую преграду, перегородку где-то на уровне гортани, голос был совершенно чужой, грубый, низкий. Вдруг батюшка что-то уточнил, что-то сказал, Иван что-то ответил и, словно плотина сломалась внутри. Слова полились вместе со слезами, он уже и не говорил, а словно через этого прозрачного батюшку без остановки, после долгой разлуки, разговаривал с кем-то вроде мамы и папы в младенчестве: любящим, сильным, теплым, родным. И можно было ничего не стесняться...

А потом была страшная гроза, ливень, всполохи в летней ночи, а Ежихин все ходил и ходил вокруг церкви под теплым дождем,

счастливый и легкий, вдыхал в себя душистый воздух и радовался жизни так, как не радовался, может быть, с самого детства.

Утром после причастия, снова пытаюсь хоть как-то себе объяснить причину и природу радости, заполонившей и душу и тело, отвечая на поздравления незнакомых деревенских прихожан «с причастием!» словами благодарности и улыбкой до ушей, он нечаянно узнал, что выехать из деревни в ближайшее время из-за ночного дождя невозможно...

– Эй, мечтатель! Иди давай щи хлебать! Ты бы лучше дрова так колол, как мечтаешь на бревне: мордаха счастливая, и размяк на солнышке! – звала тетя Маша с крыльца. – Ты представляешь, Вань! У Лешки-то соседа тоже постоялец, откуда не возьмись, нарисовался! Пять тысяч с барского плеча за ночевку отвалил! Повезло же ему, а у меня – ты! Ну, ничего, это его Бог наградил, что он мне дров в полцены притаранил, я ему так и заявила!

Тетя Маша по-доброму засмеялась и исчезла в избе...

* * *

Наверняка читатель уже догадался, что к Лешке, соседу тети Маши, прибился не кто иной, как Василий Сергеевич Кузнечко.

Он вышел из леса уставший и еле волочащий ноги, обнимая завернутую в мешковину китайскую саблю, по едва видимой тропе, что была когда-то проселочной дорогой между деревнями. Направление и ориентиры в виде оставшихся кое-где старых деревянных опор линии электропередачи ему показал Цапля. На прощание Семен Георгиевич настоятельно рекомендовал Кузнечко плюнуть на выборы и переехать к нему в деревню, хотя бы на лето, сунул бумажку со своим городским адресом и телефоном, по-отцовски обнял и попросил обязательно ему сообщить, пригодился ли китайский меч-кладенец или нет.

У первого же большого дома с огромным количеством дворовых построек, звуки из которых сливались в один животный оркестр, он выяснил, что ехать дальше не на чем, а до трассы пешком идти часа три по раскисшей после грозы дороге. Кузнечко достал пятитысячную бумажку и попросил еды и ночлега.

Лешка был настоящий кулак. Деньги сразу взял, а спать проводил в баньку. Зато пригласил к ужину. Хозяйка вкусно накормила гостя с хозяином, сама периодически вставая из-за стола, чтобы подойти по той или иной детской нужде к многочисленным и разнокалиберным ребятишкам.

Проснувшись утром бодрым с хорошим настроением, Кузнечко вышел из баньки и, не обнаружив нужника в поле зрения, зажал под мышкой свой заветный сверток и засеменял в конец приусадебного огорода между рядов уже цветущего картофеля к раскидистой черемухе, что росла перед хозяйским сеновалом. Не успев справиться утреннюю нужду, он совершенно неожиданно заметил человека в соседнем огороде, который с тяпкой наперевес окучивал картофель. Человек показался ему очень знакомым. Консультант, приседая к земле, сделал несколько шагов к соседскому забору, словно пытаясь снизу увидеть лицо уткнувшегося в картошку человека с тяпкой. Никаких сомнений, это был Турист собственной персоной.

Кузнечко затащил Ежихина за стог прошлогоднего черного сена, который стоял аккуратно между огородами одинокой тети Маши и настоящего кулака Лешки. Посмотрел оценивающим взглядом на смешную выцветшую футболку и старинные армейские штаны, которыми снабдила Ивана сердобольная хозяйка. Затем улыбнулся и торжественно, со своим привычным легким чувством превосходства сказал Туристу:

– Что ты тут делаешь и какие там шпионы помешали тебе заниматься в данный момент не картошкой, а моими выборами в городе – мы потом разберемся. Сейчас некоторые новые вводные...

Кузнечко осмотрелся по сторонам и с торжествующей улыбкой начал разворачивать мешковину, в которую был завернут старинный китайский палаш:

– Кресло губернатора у нас в кармане, Турист! У нас в кармане! Ты не поверишь, конечно. И тебе потом никто не поверит, но все равно я расскажу, расскажу, только тебе! Вот что это, по-твоему? Все равно не догадаешься. А это реликвия китайских императоров, подлинник, символ власти и силы, который вывез из Манчжурии один провинциальный энкаведэшник лет семьдесят назад!

Консультант, не выпуская из рук артефакт, сунул его под самый нос Ивану.

– Реликвия, очень круто, конечно. Что угадывать-то, если ты сам все рассказал? – ответил еще не пришедший в себя после такой неожиданной встречи Иван. – И причем тут кресло губернатора Провинции?

На самом деле Ежихин думал о том, как сказать своему давнему партнеру, что он выходит из проекта и ни общественной организацией «Дружина», ни самой предвыборной кампанией заниматься больше не будет.

Довольный Кузнечко расхохотался, хлопнул Ивана по плечу и начал аккуратно заворачивать меч в материю, параллельно поясняя суть и сразу же переходя к планированию.

– Это, Ваня, не что иное, как меч-кладенец, и помогла мне его добыть не кто иная как Баба-яга. Сказки читал? Вот так оно все и есть! Да, да, не смотри на меня так. Это меч-кладенец, который поможет мне стать властителем местного болотного царства и взять в жены прекрасную царевну, по-нормальному говоря – стать губернатором Провинции, пока что! Не веришь – не верь! Слушай...

– Да верю, я верю! – перебил его Иван. – Это ты не верил, когда я тебе про императора Павла рассказывал, в музее, ночью. Просто ты сам же сказал про сказки! Только в сказках всегда побеждает добро. Я теперь почти уверен, что так, как ты говоришь, не может получиться! Какое добро может в предвыборной кампании? Какой из тебя добрый молодец и спаситель отечества или какой Василисы Премудрой? Вась, ты меня прости, но ты же обычный политтехнолог, ты же... нет, и я тоже... ну, все мы немножко... – Иван подбирал слова, чтобы не обидеть Кузнечко. – Все мы немножко циники, чуть-чуть мошенники, в общем, добро и добрые сказки – это же ведь не про нас... Какие уж тут сказки...

– Иван! Ты бредишь! – Кузнечко еще раз расхохотался. – Пойми, этот меч – все равно что золото Колчака найти. Он может вернуть славу целой стране, и какой стране! Великому Китаю! Да они нас так отблагодарят, что впору думать не об этой несчастной Провинции, а о чем-нибудь повыше! А главное, что на выборы пойдет не просто какой-то там политконсультант Кузнечко, а личный друг Китайской республики, предполагаю, что еще и какой-то кавалер или рыцарь Поднебесной, причем с такими деньгами для экономики Провинции, которые ей за всю историю не снились! Вот это будет фортель для

всех! Наконец, теперь я совершенно уверен, что Богиня... Ну, одна местная девушка... Точно согласится на свадьбу, и я женюсь на ней, как будто я женился на самой этой области, за две недели до дня голосования! Ах, какая будет свадьба, какая будет свадьба, Иван! Еще никто так глубоко, символично, с такой, как говорится крышей и ресурсами, не выдвигался на губернаторский пост, причем в обход Кремля! Москва только рада будет!

Вот видишь, я все продумал! Сейчас мы пешком выдвигаемся до трассы, там ловим такси или попутку. Я сдаю подписи депутатов с юристом, ты по всей области вешаешь плакаты «Кто такой на самом деле Кузнечко?», чтобы через неделю все висело! Я тем временем мчу в Москву, провожу встречи в китайском посольстве, а дальше ты просто ждешь новостей во всех мировых СМИ. Как подать это здесь – отдельно проинструктирую, и да, готовь посвящение наших людей в нашу «Дружину» на мече-кладенце, я сам копию закажу в Москве. И не скупись, чтобы масштаб и сценарий был голливудским!

– Наверное, все так и получится, ты человек талантливый и везучий, – медленно ответил Иван и сделал паузу, собираясь с мыслями и мысленно проверяя себя на предмет готовности остаться тем новым Иваном, которым он совсем недавно себя почувствовал. – Я выхожу из проекта, Василий Сергеевич, не только из вашего, совсем выхожу. Извините, аванс верну, как насобираю, простите меня.

Повисла пауза. Кузнечко словно переваривал услышанное и не мог переварить. Все что угодно он был готов выслушать с улыбкой и пониманием от Ивана, давно привык к его странностям, но только не это! Он внимательно посмотрел в глаза Туристу, понял, что он не торгуется, не блефует, не находится в стрессе и не пьян.

– Хорошо. Один вопрос. Почему? – Холодно, словно потеряв всякий интерес к Туристу, спросил Кузнечко.

– Не объяснить так сразу, Василий Сергеевич, – смутившись и морщась, словно от зубной боли, ответил Иван. – Понимаете, такое ощущение, что мы с вами решаем свои задачи, вроде бы по правилам, вроде бы даже с благими целями... Вон вы тоже про инвестиции в Провинцию говорите... Наверняка что-нибудь хорошее сделаете... А на самом деле мы разрушаем, дробим, ссорим, соблазняем. И я, и вы, и тысячи других таких же... Поймите, я ни вас, ни себя не обвиняю, не оправдываю никого, и даже не знаю как на самом деле надо... Сколько

таких по все стране проснутся с утра и захочет в депутаты. И Провинция эта, она по своим законам живет, тысячу лет жила и еще столько же проживет... Она сама позвала бы вас, Василий Сергеевич, или Москва призвала бы... Чего вы сами-то лезете? Вам скучно стало консультантом работать, но разве это повод сотням тысяч жителей голову морочить? Ну, можно короче сказать, только вы не обижайтесь на меня: совесть проснулась, вот и ухожу. Даже деньгами самого себя соблазнить не получается...

Кузнечко стоял и с прищуром слушал Туриста. Ни разу не перебил его, только завернутый меч запихал себе поглубже под мышку и сунул руку в карман. Потом молча развернулся, сделал несколько шагов, вернулся опять к стоящему неподвижно Ивану, подошел к нему вплотную и произнес речь.

Ему очень хотелось, чтобы после этой речи Турист схватился за голову, включил мозги и побежал за ним. Чтобы потом, как в первую их встречу за чашкой кофе на первых выборах Ежихина, с восторгом внимал каждому слову Кузнечко и фонтанировал идеями, горячо и поумному обосновывая каждую. Консультант где-то в глубине души чувствовал, что этого не произойдет, но ему очень хотелось что-то сказать Ивану, чтобы тому стало обидно, чтобы он пожалел о своем решении, чтобы он снова был поражен его циничной, изящной и точной мыслью.

– Иван, когда жила-была Баба-яга – а я с ней встречался лично, когда строили пирамиды и уже старели великие тысячелетние цивилизации, понятия «совесть» просто не было. Что такое две тысячи лет христианства в отдельных странах для истории человечества? Совести не было, а понятие «власть» было всегда, всегда и везде! И ей, власти, плевать на твою совесть. Нет, она, конечно же, может взывать к твоей совести, когда ты ей нужен, но власть живет по своим законам. Власть может вобрать в себя совесть, пользоваться ею, но совесть не может в себя вобрать власть. Знаешь, почему? Потому что сама по себе власть – это всегда грех и претензия на божественность, а совесть с грехом в обнимку жить не может. Я знаю, ты считаешь и всегда считал меня бессовестным, не таким нравственным, как ты. Но я, в отличие от тебя, никогда не прикрывался идеалами какой-то там русской демократии и справедливости. Я, наверное, делаю гадости, но зато сам

перед собою не оправдываю их благими целями. Так кто из нас честнее?

Скажу больше. Мир движется по своей логике, на которую ни ты, ни я повлиять не можем. Все движение мира – это разъединение. Разъединение племен, народов, потом разъединение государств, разъединение общества, разъединение религий, разъединение соседей, разъединение сначала большой патриархальной семьи, потом разъединение самой семьи, теперь с Интернетом и развитием медицины разъединяется сам человек, он уже сам не знает, где он, где не он, где реальность, где иллюзия. Это – главное, и то, что пока оно не сильно коснулось этой убогой Тихвинки, ничего не означает, доберется обязательно. Это движение всего мира. Где здесь совесть, Иван? И никто лучше таких, как мы с тобой, не может временно объединять и адресно разделять, никто. Мы – авангард мировой логики, орудие истории.

Вся аномалия России заключается только в том, что ее исторический и природный опыт выживания связан с объединением. Но и она не может остаться в стороне от логики мира. Мне тут один пенсионер по фамилии Цапля на прощание привел слова кого-то из стародавних православных святых: «Демократия на земле – ад, на небе – Царствие». И что с тех пор поменялось? Ни-че-го! Логика и смысл мировой игры нельзя заменить совестью!

Когда весь мир окончательно разъединится, мы достигнем той точки, с которой когда-то все началось на заре человечества, тогда снова будет править миф и те, кто этот миф оберегает. Властвует тот и только тот, кто видит движение мира и возглавляет его! Я – вижу, иначе со мной не происходило бы то, что произошло, и не было бы в моих руках этого чуда, которое, честно говоря, нужно мне лишь на три месяца, понятно зачем! Ты со своей проснувшейся совестью двигаешься назад, ты устарел, не успев прозреть! А я сяду в седло власти. Ты будешь с теми, которые всегда просят, а я буду среди тех, кого всегда просят.

Кузнечко замолчал, выдохнул. Вгляделся в Ивана. На его лице была улыбка, словно все услышанное он давным-давно осмыслил и отверг.

– Бывай! – сказал Кузнечко, развернулся и пошел от черного прошлогоднего сена в сторону центральной улицы, чтобы выйти из

деревни.

* * *

Кузнечко шел не оборачиваясь быстрым шагом по центральной улице к выходу из деревни, туда, где вдалеке виднелся дорожный указатель с названием населенного пункта.

Он никак не мог смириться с таким ударом со стороны давнего партнера, объективно понимая, что ему сложно будет быстро найти замену. Внутри у него все клокотало и рвалось к отмщению. Отмщение он почему-то видел довольно гуманным: послать Туристу личное приглашение на инаугурацию за размашистой собственноручной подписью. «Главное теперь, – просчитывал Кузнечко, – сдать подписи и уехать в Москву с бесценным мечом». Нужно было успеть хотя бы созвониться с основными держателями депутатских душ, с которыми он заключил сделки. Нужно было успеть встретиться с председателем избирательной комиссии, еще раз проконсультироваться, показать свою лояльность и уважение к этому продвинутому юристу, чтобы все прошло гладко.

Но не успел консультант окончательно переключиться на рабочие вопросы, как вдруг услышал рев двигателя на предельных оборотах, и из леса в сторону деревни вылетел чумазый внедорожник с цепями на колесах, весь в грязи и комьях земли с травой. Через секунду он узнал свой собственный джип, на котором верный Петрович привез его в Провинцию. Сердце радостно екнуло, Кузнечко остановился с улыбкой на лице и мыслью о том, что удача все-таки – его родная сестра.

Джип, словно узнал хозяина, радостно дернулся, переполз последнюю ямину и на полном газу полетел к Кузнечко.

– Василий Сергеевич! Слава богу, живой! Я всех на уши поставил, правда, мы вас совсем в другой стороне искали! – весело тараторил Петрович, сгребая шефа в охапку своими ручищами. – А еще Иван пропал, не дозвониться! Паракорские таксисты сказали, что в эту сторону пошел от трассы и ни слуху ни духу, а вы тут оба значит! Слава богу! Говорил, же что не надо к этой ведьме ходить! Ничего себе, крик в семьдесят километров!

Петрович непривычно много болтал, что объяснялось, конечно же, его радостью. Вдруг он отвернул голову от Кузнечко и опять широко заулыбался, словно пританцовывая на месте:

– Вот и второй нашелся, абориген в армейских штанах! Иван, а ты-то почему сбежал? – Петрович протянул руку подошедшему Ивану и затряс ее.

Турист молчал, не смотрел на Кузнечко, но видно было, что он тоже очень рад Петровичу.

– Петрович, поехали обратно, время! – жестко сказал Кузнечко и пошел к забрызганной грязью дверце джипа.

Иван отошел и поднял руку, прощаясь с глядевшим на него Петровичем.

– А Иван? Вань, ты чего, здесь остаешься? – спросил растерянный Петрович, словно только обратив внимания, что «братцы-технологи», как он их называл, не смотрят друг на друга и не разговаривают.

– У него совесть проснулась, Петрович, ему с нами не по пути, он уволился. Поехали, – громко сказал Кузнечко у открытой двери автомобиля.

Петрович было развернулся к машине, потом, остановился, насутился и замер.

Кузнечко почувствовал, что его ждет плохая новость.

– Василий Сергеевич, раз такое дело, я тоже сразу скажу, пока не поехали... Я тоже увольняюсь. Тут водителей и военных много, и я вам из Москвы ребят могу посоветовать. Мне просто некогда теперь стало работать.

Кузнечко стоял как громом пораженный. Петрович, амбал с парой горячих точек и спортивным техникумом в анмнезе, который за рулем, в кабаках и на стрелках со своими клиентами потратил времени больше, чем за всю свою жизнь на книжки, этот увалень прямо сейчас, при Ежихине, подкладывает ему такую свинью.

– А у тебя что проснулось? – еле сдерживая гнев, спросил Кузнечко. – Тоже совесть? Ты ж кроме баранки и пистолета в жизни ничего не держал, ты на что жить-то будешь? Или тебя, может, кто из местных перекупил? Так ты скажи!

– Обижаете, Василий Сергеевич, вы же знаете, что я никогда и никого не предавал, – обиженным, но все равно добрым голосом сказал Петрович. – Я детишек тренирую в клубе. Сначала сам пошел

размяться, потом одни, другие, я сам не пойму, чего они ко мне липнут. Директор клуба предложил тренером стать, сказал, что такого, этого... какого-то Песталоцци... в жизни не видел!

– Что-о-о-о? – Не веря своим ушам, переспросил Кузнечко. – Кем ты будешь работать?

– Детским тренером, Василий Сергеевич! Что ж мне, всю жизнь теперь на ваши умные рожи смотреть, мне тоже хочется пользу приносить. Знаете как приятно, когда к тебе родители подходят и спасибо говорят. Недавно одна мамка мне даже коробку конфет принесла. Мне же с детства конфет не дарили...

– Та-а-ак! А мамка, конечно же, одинокая и очень красивая! – Сказал умный и видящий Петровича насквозь Кузнечко.

– Красивая, – покраснев и опустив глаза, ответил Петрович. – А мне нравится с ребяташками, и деньги там особо не нужны, тренировок много можно взять, еда в столовой не дорогая, жить там же буду, во флигеле клуба. Вы уж меня извините, Василий Сергеевич, но я вас сейчас доведу, машину помою, повожу даже, пока вы замену найдете, и все...

Разговор прервал гул двигателя. Из леса все на ту же дорогу выполз чумазый до крыши трактор МТЗ-80 с прицепной телегой. В телеге болтались два измученных человека, державшихся за борта прицепа. Водителя в кабине почти не было видно из-за грязи на стекле. Все молча, как замороженные, наблюдали за движением техники. Трактор переполз последнюю ямину, выбрался на поляну, телега подпрыгнула, оттуда донесся едва слышимый, но понятный без вслушивания отборный русский мат. Машина, выпустив из трубы клубы черного дыма, со скрежетом переключилась на девятую повышенную и резво подъехала к собравшимся.

Кузнечко сразу узнал парней в телеге – это были те самые одноклассники Богини, с которыми он подрался в Паракорочке. Внутри опять шевельнулось что-то неприятное, на долю секунды закружилась голова. Парни лихо, как через забор, держась одной рукой за борт телеги, спрыгнули на землю. Один сразу подошел к собравшимся и деловито, словно старый знакомый, пожал каждому руку. Второй направился к кабине трактора, открыл дверь, показал кулак невидимому трактористу и тут же, улыбнувшись, протянул руки, помогая выйти... Богине.

Она была все так же прекрасна в своей походной, но подчеркивающей все достоинства красивой женщины одежде. Богиня почти бегом бросилась к людям. Надо сказать, что шум уже привлек внимание местных жителей, и несколько человек стояли чуть поодаль, наблюдая за происходящим.

Кузнечко улыбнулся, сделал шаг навстречу Богине, протянул руки, но она пронеслась мимо него, на ходу бросила суровым решительным голосом «Привет!» и подошла к Ежихину. Постояла, посмотрела ему в глаза и залепила звонкую пощечину, потом еще одну. Ежихин опустил голову, не шевелясь, не отклоняясь, словно не зная, что делать. Через секунду Ирина со слезами обняла его за шею, начала целовать, и никого не стесняясь, ругать Ивана:

– Скотина, остолоп, гад! Как ты додумался один ловить шпиона! Папа сказал, что тебя едва не убили, спасли в последнюю секунду! Как ты посмел заблудиться в грозу! Как ты посмел бросить меня!...

Глаза Ежихина намокли, ему было и приятно, и стыдно, и вообще он уже забыл, что получил пистолетом по зубам и чуть навсегда не остался в лесу. Тихонько обнял Ирину, спрятал лицо в ее пахнущие весной волосы и молча, счастливый, слушал претензии.

Кузнечко тем временем оперся на грязный капот своего джипа. Ему было дурно, мир рушился, и даже меч-кладенец выпал из подмышки в траву у колеса. Он сообразил, что именно про нее рассказывал Ежихин, понял, почему Ирина встречалась с ним раз в неделю, смеялась над его предложением руки и сердца и даже не давала поцеловать себя. Он вспомнил про выборы, про сорвавшуюся свадьбу перед днем голосования, про слова Бабы-яги о том, что не мешало бы определиться, чего именно хочет консультант. Тут же вспомнил про меч, наклонился, схватил его, взял себя в руки и громко, со злостью, спросил:

– Богиня! Ты же говорила мне, что выйдешь за муж не за посредственность и нищетограда, а за героя и властителя, как минимум за губернатора! Почему ты выбрала его, а не меня?

Богиня отпустила Ежихина, не отходя от него, развернулась и посмотрела на Кузнечко. Взгляд был невыносим. В нем были жалость, удивление, разочарование, доброта, гнев, стыд и даже улыбка одновременно. В одном взгляде. Бывает же такое. Кузнечко отвел глаза в сторону. Богиня сказала:

– Василий Сергеевич! Вы простите меня, что я отшучивалась в ответ на ваши ухаживания, а не отказала вам сразу! Правда, мне очень стыдно, но мне было неудобно за моих одноклассников-охламонов!

Ведь я знала, что если вы захотите, то засудите их. И вообще вы хороший человек, хоть и совсем разучились любить. А про героя я не обманула. Мне нагадали и все сбылось! – Ирина посмотрела на Ивана. – Как может человек совершенно не бояться за свою жизнь, поймать особо опасного резидента, без подготовки, без знаний? А ты знаешь, Ваня, там дело, благодаря твоему рассказу про поезд, не закончилось! Я и сама бы не узнала, но когда ты пропал, я попросила отца помочь! Ты бы знал, в каком он был шоке от нашего с тобой знакомства!

Ирина залилась своим задорным непередаваемо красивым смехом, так что все вокруг, включая все подходивших жителей деревни, представили себе выражение лица ее папы.

Кузнечко был раздавлен. Он словно постарел за двадцать минут. Но в этот момент по полю, немного с другой стороны, где дорогой даже и не пахло, загудел старенький, выдавший виды вездеходик, на каких советские геологи ездили по болотам Сибири в поисках нефти.

Появление очередной единицы техники стало совершенно неожиданным для всех участников истории, кроме местных жителей. Раздались возгласы: «Тимофеч тарантайку свою завел... Глава волости! Почту везут... Может, случилось чего?»

Вездеход остановился у крайней околицы, из кабины вылез глава волости Тимофеич – крепкий мужик лет шестидесяти, с шикарными усами и в кепке набекрень. С другой стороны бодро, но аккуратно, чтобы не запачкаться, выскочил председатель областной избирательной комиссии. Глаза Кузнечко расширились. Но председатель – модный, в джинсах-трубочках, вельветовом пиджаке на светлую рубашку, с тоненькой полоской галстука – первым делом подошел к жителям и огласил хорошую новость:

– Привет, бабоньки! Все себе телефоны мобильные купили? Иван Иваныч сказал, что до выборов вышку вам тут поставят! Сам слышал на совещании, так что с вас за хорошую новость квас, яишенку, сальца и хлебушка вашего самолепного, если не жалко, конечно...

Председатель избиркома, не обращая больше внимания на Тимофеича и оживленно загомонивших жителей деревни, подошел к Кузнечко, попутно за руку поздоровавшись со всеми, в том числе приобнявшись с одноклассниками Ирины.

– Василий Сергеевич, а я к вам! Был на совещании в районе, узнаю, что вы, возможно, в Тихвинке, вот, приехал лично, раз вы не идете к Магомеду!

Кузнечко был не похож на себя. Чередой новостей, а теперь еще и визит председателя избиркома превратили его, не старого еще, хищного, умного «охотника за голосами» в беззащитную, безвольную жертву каких-то невидимых и неизвестных охотников на охотников. Кузнечко не мог открыть рот, а председатель бодрым, вежливым, энергичным голосом продолжал:

– Как же так, игнорируете комиссию! Мы вас ищем, звоним, я сотрудников своих напрасно тираню, а вы здесь! Порыбачили хоть? Здесь такой окунь, мама моя-а-а!

Председатель ловким движением положил на грязный капот автомобиля папку, раскрыл ее и прокомментировал:

– Ознакомьтесь, постановление об отказе в регистрации! Основание, как я и предупреждал вас, Василий Сергеевич: сокрытие от избирательной комиссии информации, препятствующей регистрации кандидата! Справку о судимости вы не предоставили, а она есть! Мы вынуждены отказать вам в праве участвовать в избирательной кампании в качестве кандидата.

– Какая судимость? – закричал Ежихин, подойдя к машине. Ему было очень жаль Кузнечко, который на его глазах превращался во что-то похожее на старый, сморщенный овощ. – Это беспредел какой-то!

– Не надо так разговаривать со мной! Посмотрите, ДТП с тяжелыми последствиями. Да, судимость погашена давно, но информация не предоставлена! Прямое нарушение федеральной нормы! Я здесь ничем помочь не могу, закон суров, но это закон! Распишитесь, пожалуйста...

– Че ты так пресуешь мужика, – возмутились одноклассники Ирины. – Накинулся на человека! Нормальный мужик, давай как-то решать, помочь надо, жалко человека!

– Совсем ничего нельзя сделать? Точно-точно? Может, посоветоваться с юристами и найти какой-то вариант? – поинтересовалась Ирина, которой тоже вдруг невыносимо жаль стало этого, по большому счету чужого, но так безнадежно страдающего и на ее глазах потерявшего почву под ногами человека.

Кузнечко молча, сгорбившись, отвернулся от всех и побрел по дороге обратно в деревню, забыв свой китайский меч на траве у колеса джипа.

Все стояли и молча смотрели ему в след. Через какое-то время его догнала тетя Маша, остановила, обняла одной рукой за шею, другой протянула горячую тарелку, накрытую полотенцем:

– Не переживай, сыночка, на вот пирожок, только с печи, скушай, скушай, родной! И вот у меня тыща есть, в заначке держала – возьми! Возьми, возьми! Тебе сейчас нужнее!

Тетя Маша сунула в одну руку Василию Сергеевичу пирожок, в другую затертую тысячную бумажку и еще раз обняла его за шею, глядя своей большой теплой ладонью по голове.

Необходимое послесловие

Вот, собственно и вся история про выборы, которая закончилась, не успев начаться. Стоит ли говорить, что Иван с Ириной поженились, а Ивану вручили именные командирские часы за помощь органам госбезопасности. Стоит ли говорить, что проблемы с деньгами на свадьбу и долгами Кузнечко Ежихин с легкостью невероятной решил с помощью царского перстня, за который ему неизвестный коллекционер заплатил столько, сколько Иван никогда не зарабатывал на выборах. Говорят, что коллекционер тот пожелал остаться инкогнито, но внешне очень походил на Павла Первого, только в современном костюме.

Стоит ли говорить, что про Кузнечко еще долго ходили самые нелепые слухи: то ли он сидел за свои долги в тюрьме, то ли его видели в Институте восточных языков на кафедре истории Китая, причем вместе с пенсионером Цаплей.

В общем, нет никакого смысла рассказывать про других участников истории, да и мало что у них изменилось в жизни. А вот что делать со всем остальным, ума не приложу. Это что же получается, два человека так погрузились в вопросы власти – и оба из нее исчезли, по всей видимости, безвозвратно. Провинция подарила им столько необычных встреч, мыслей и догадок, сколько у них, пожалуй, за всю жизнь не было. И, спрашивается, зачем? В чем, простите меня, смысл

этой записанной на диктофон и слегка отредактированной хроники? Впрочем, сдается мне, что проявятся они еще оба, ох, проявятся! Ведь зачем-то рассказали мне эту историю, дали записать, разрешили напечатать! Лично я, увлеченный ей и посвященный во все ее чудесные перипетии, тешу себя только тем, что история «охотников за голосами» на самом деле еще не закончилась...

Чиновник Авдий

Павел Ибрагимович Фукс шел с работы и думал о себе и о себе подобных. Он был коренным российским чиновником, потому что, кроме как в Турции по горящим путевкам, нигде не бывал, а чиновники-гастарбайтеры – явление, мыслимое только для ООН, Евросоюза и прочих надгосударственных контор. Он был чиновником XXI века, потому что поступил на службу сразу после миллениума и был с Интернетом «на ты».

Работал Павел Ибрагимович Фукс начальником одного из комитетов в администрации славной Старо-Пупинской области.

Сначала, еще до царя Гороха, это был просто город Пупинск. Какой-то старинный князь заехал на гору, окруженную девственными и почти таежными лесами, поднял, как монументальный памятник, руку, но не вперед, а вверх, растопырив пальцы латинской буквой V, и на секунду задумался. Через секунду он громко сказал первое, что пришло в голову под взглядами верных однополчан-дружинников и вроде бы соответствовало торжественному моменту: «Сие место есть пуп земли, то есть Пупинск, и будет оно зело прекрасно и многолюдно. Рубите, короче, острог». И ускакал в леса ловить бескультурных аборигенов и облагать их справедливой княжеской данью на строительство славного города. Затем то там, то сям стали появляться новые Пупински: Новопупинск, Великий Пупинск, Нижний Пупинск, Пупинск-Залесский, Пупенштадт и Пупинобад. Самый первый, естественно, стал Старо-Пупинском, но пупинчане с самого сопливого своего возраста помнили, что истинный Пуп Земли – это они и их город, что и отстаивали смертным боем во всех внешних сношениях с другими городами, весями и зарубежными туристами.

Павел Ибрагимович, как коренной типичный пупинчанин, был в безопасных обстоятельствах искренним и эмоциональным человеком. Он шел со службы медленно, потому что не хотел дома смотреть телевизор и выходить в Интернет, а другого ничего после работы он делать и не умел, и не хотел, и не мог. Поскольку он был не очень главный чиновник, он уставал, ему приходилось много работать. Зато, конечно, он меньше огребал всяких чиновничьих неприятностей.

А не хотел Павел Ибрагимович смотреть телевизор за вкусным горячим ужином, который ему приготовит горячая и единственная – не как у среднеазиатских коллег – жена, только потому, что по телевизору, конечно же, будут очередной раз разоблачать чиновников. И главное – кто? Другие, самые главные чиновники! И даже их Самый Главный, с чьего портрета ежедневно смахивают пыль в каждом кабинете, за которого вся их чиновничья братия, собственно, и не жалеет живота своего в ежедневном служении. И вот Самый Главный, конечно же, не забудет в очередном сюжете сказать гражданам об очередных мерзопакостных явлениях в абстрактном чиновничестве. А потом очередного – на экран да на растерзание в блоги и форумы. Настроение от такой политики у Павла Ибрагимовича в последние месяцы становилось все хуже и хуже.

«Уйти с работы, что ли? Как такое возможно?» – думал он и мысленно обегал памятью людей, людишек и человечещ, которые встречались ему в ежедневных трудах и которые не имели такого, кхм-м, ярлыка – «чиновник».

«Это ж разве на них Самый Главный обопрется в замыслах и делах своих?! – поежившись, словно от холода, подумал чиновник. – Это ж тогда надо будет на Колыму ехать, к тетке по отцовской линии, дай Бог ей здоровья, – в тайге спастись».

Тем временем Павел Ибрагимович уже стоял в прихожей собственной квартиры. Вынырнув вдруг из погружения в самого себя, он увидел перед собой супругу Алевтину Семионовну, белокурую и симпатичную, на зависть коллегам, женщину, которой сразу же с порога решительно заявил:

– Жена, я ухожу с работы.

– С банкета, что ли? – втягивая на ходу воздух в направлении мужа, спросила жена – чмок.

– Нет, трезвый – чмок, – ответил механическим поцелуем муж. – Даже в кабинете ничего выпить не осталось, вчера Модест Иваныч последнюю конфисковал, с квартальным отчетом бедняга встрял так, что без бутылки ни-ни. На грани срыва мужик, а Москва ждать не будет...

– А что случилось? Выговор? Шефа сняли? Документ потерял? Губернатор чистку проводит? Опять журналисты? – нараспев уже из

кухни перечисляла жена вечные дамокловы мечи всех чиновников, наливая ароматный борщ в его любимую семикаракорскую тарелку.

Безотказный прием не сработал, от вкусного запаха веселее Павлу Ибрагимовичу не стало.

– Да чего ты, я серьезно. Надоело все: честно работаешь, не честно – никакого уважения. Наоборот, чем ближе Великие Выборы, тем больше нашего брата кошмарят. Людям говорить, где работаешь, неудобно, смотрят как на ворюгу и кровопийцу. Долбанный зомбоящик, гадкий Интернет...

– А ты им говори, что даже на море жену с детьми отправить не смог, я уж не говорю о том, чтобы дачу купить, – попыталась смягчить разговор возлюбленная со студенческих лет супруга, заодно ненавязчиво напомнив благоверному о еще свадебном обещании соорудить собственную дачку.

– Всем не объяснишь, да многие никуда и не ездят дальше своих пяти соток на десятом километре... Да и без толку, кто нашему брату поверит? Вся наша литература за двести лет, все эти тонны макулатуры от родных интеллигентов и наемных агентов, все Западное полушарие и даже Самый Главный в последнее время – все тычут в нас пальцем как на прокаженных. Бес-по-лез-но. У-хо-жу!

Супруга знала, какое бывает выражение глаз и всей физиономии у ее мужа в тех случаях, когда он ни капельки не врет. Да и вообще, любила она его настоящей женской и человеческой любовью, несмотря на всех-всех-всех, и на Западное полушарие в том числе. Поэтому Алевтина Семионовна напряглась, глаза ее стали смотреть пристальнее, губы поджались, руки застыли с ножом и чашкой под салат:

– Так, а место уже подыскал? – мелодичный распев в его голосе сменился звенящей сталью. – Желательно никак не с меньшим жалованием. Дорогой, Вовку пора в школу вести, забыл?

Как раз мимо прошмыгнул Вовка вместе с орущим породистым британцем. Правда, визг благородного британца, стараниями отпрыска Павла Ибрагимовича, больше походил на истошные вопли дворового кошака. Чиновник вежливо попросил старшую дочь забрать несчастное животное и заняться наконец чтением русских народных сказок и английским языком с братцем, кого назвали в честь Того

Самого, а он, шельмец, кроме футбола и кота изучать категорически ничего не желает.

– Да найду работу-то, – продолжил Павел Ибрагимович, не желая отдавать жене инициативу в разговоре. – Чего ты, знаешь ведь меня, да и кадровый голод везде как-никак.

– А квартиру ипотечную тоже «как-никак» выкупать будешь? Или на улицу жить пойдём?

Сейчас начнется то, о чем Павел Ибрагимович старался не думать. Вместо трогательной семейной беседы о несчастьях средненького человека в бездушной системе выходила грубая, приземленная и сугубо прикладная ссора. И началось. Он выслушал все семейно-бытовые аргументы хозяйки и несколько замечаний морального плана про ответственность перед детьми, переживающих родителей и тещу-сердечницу, а напоследок – про то, как быстро люди становятся зажавшимися свинтусами.

Таяла надежда на наваристый борщ с холодной стопкой водки перед полутораметровой плазменной панелью телевизора, купленного на сэкономленные санаторно-курортные деньги, впереди ждали только страдания. «Вроде страданий Адама и Евы, изгнанных из Рая, – подумал Павел Ибрагимович – Ну или вечно стреляющих на бутылку и не платящих за коммунальные услуги супругов Сидоровых этажом ниже – тьфу-тьфу-тьфу...» И уже вслух сказал как отрезал:

– Так, дорогая, ужинать и спать, собаки лают – караван идет, утро вечера мудренее, вечером деньги – утром стулья. В конце концов, я, может, еще вообще останусь. Мне вон Модест Иваныч еще поляну накрыть обещал после своего квартального...

Знакомство с Авдием

Павел Ибрагимович долго ворочался, уснуть не получалось. Приступ ненависти к работе, жалости к себе и собратьям-чиновникам после атаки благоверной разгорелся в ночном мраке с новой силой. В груди бродил неприятный холодок, мышцы в разных частях тела периодически непроизвольно сокращались, особенно при взгляде на луну, которая настойчиво норовила заглянуть в глаза чиновнику через окно спальни.

Поскольку Павел Ибрагимович был человеком регулярно думающим, он решил рационально и спокойно обмозговать свою тревогу и дискомфорт, тайно надеясь, что скучный и размеренный анализ, как в студенческие годы перед экзаменом, отправит его в царство Морфея. Потом он решил, что думать будет лучше в кухонном креслице, в котором он любил неторопливо попивать кефир.

Как только Павел Ибрагимович добрался впотьмах до кухни, устроился в креслице и привычно протянул руку к выключателю светильника – в лунном свете рука показалась худой и бледной как у покойника – неприятный холодок вдруг пробежал по его спине, волосы на затылке беспричинно шевельнулись, и он на секунду замер с протянутой рукой. «Нервы!» – мелькнуло в голове, и он решительно включил ночник. Забыв на долю секунды о предательском холодке, Павел Ибрагимович машинально потянулся другой рукой к холодильнику, но тут увидел... И пока одна рука машинально пыталась достать коробку с кефиром, вторая, реагируя на увиденное, медленно легла на грудь.

– Е-мае, я же вроде закрывал дверь – выдохнул Павел Ибрагимович, чувствуя как язык сохнет во рту и холод разливается в груди – Вы... ты... Как там вас? Вы тут откуда, собственно? – пролепетал хозяин квартиры и, как бы отдавая дань всему виденному в кино и прочитанному в книгах, тихо-тихо добавил: И по какому праву, промежду прочим на территории частной собственности, можете хранить молчание, бр-р-р... – Павел Ибрагимович громко выдохнул и, как с похмелья, затряс головой.

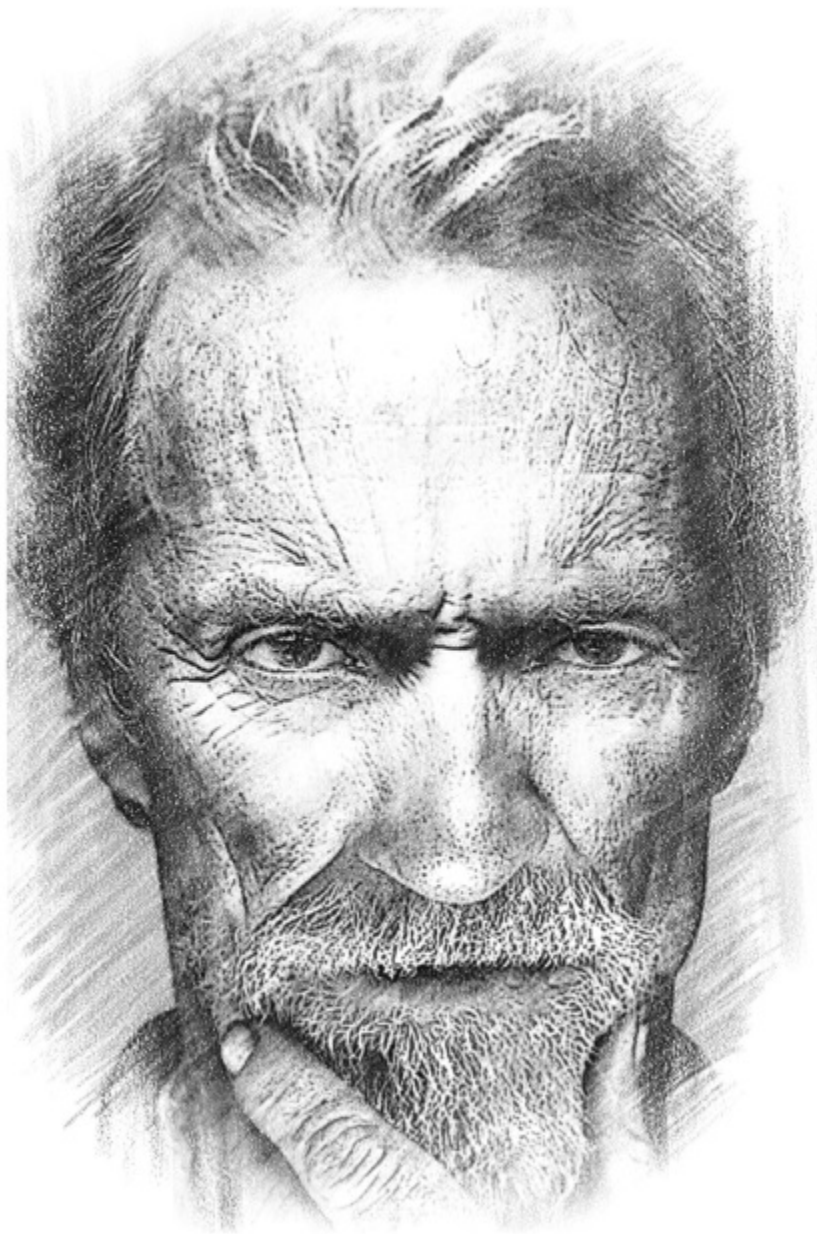
К необъяснимому зрелищу тут же прибавился необъяснимый голос:

– Отрыгнутое вашим мозгом в состоянии шока прекрасно показывает, чем этот мозг напичкан на самом деле. Меня зовут Авдий. Не волнуйтесь, многоуважаемый Павел Ибрагимович, и потише, Алевтина Семионовна спит чутко, в отличие от ваших пока еще здоровых деток.

Перед Павлом Ибрагимовичем сидел какой-то странный тип. Вроде весь такой настоящий старичок в непонятной гимнастерке, но при этом в джинсах и обуви, очень напоминавшей лапти. Только лапти как будто не такие, как в школьном музее, где первый и последний раз их когда-то очень давно видел Павел Ибрагимович. «Джинсы

хорошие, – машинально отметил он про себя. – Как у меня, даже с пятном на том же месте».

– Меня зовут Авдий – вывел Павла Ибрагимовича из ступора старичок. – Рассказывать вам свою историю я не намерен, все равно пока ничего не поймете. Считайте что я этот, как там – ну, типа старика Хоттабыча... э-э-э, не-не-не, не надо думать о трех желаниях и даче в Холюнкино!

Павел Ибрагимович вспыхнул от стыда, дернул плечами, мол, вырвалось. Тем самым он окончательно вернул себе самообладание, понял, что бить его не собираются и чего похуже тоже пока не светит.

«Но откуда он знает, о чем я думаю!? И как он проник в закрытую квартиру!? Тихо-тихо-тихо!» – пронзила мозг государственного служащего новая ужасная мысль. Неприятный потусторонний холодок

вновь пробежался под ложечкой и шевельнул волосы на затылке. Одной рукой Павел Ибрагимович как бы невзначай потер шею, убедившись между делом, что нательный крестик на своем месте. Другой рукой больно ущипнул себя за ногу, отчего даже громко икнул. «Все, не сплю, значит это нечистая, – сделал невежественный вывод чиновник. – Неужели бывает! За что? Боже мой, боже мой!».

Вся жизнь в доли секунды пронеслась в голове отца семейства, и пелена жалости к самому себе, Алевтине Семионовне, детям и теще-сердечнице подступила к его воспаленным глазам.

– Да возьмите себя в руки, милейший! Никакого отношения к бесам и ангелам, всецело уверяю вас, я вовсе не имею! И ваши желания исполнять, голубчик, равно как предсказывать будущее и ходить по воде я совершенно не способен! Так, по мелочи, конечно, организовать чего, или дело какое обставить... Видите ли, милостивый государь, я всего лишь живу давно и знаю, что думают люди на самом деле. Честно говоря, и от этих способностей я с удовольствием отказался бы, но не могу при всем желании! Впрочем, об этом как-нибудь в другой раз. Давайте к делу.

Павла Ибрагимовича, ошеломленного сначала мистическим появлением незнакомца, а затем его благородным обхождением, обуяло жуткое любопытство:

– Какое дело, погодите, вы – кто? Как вы сюда попали?

– Меня зовут Авдий, я же сказал тебе, человек! Ты не глух, – властно ответило видение, перейдя на «ты». – Все остальное долго объяснять. Пока можешь считать меня самой крупной удачей в своей жизни, ну или самой... Да, остальное неважно, если захочешь, я стану главной удачей твоей жизни, которая выпадает раз в сто лет крайне ограниченному кругу тебе подобных. Считаю, что я – материализованная душа всех чиновников и уполномоченный куратор северо-восточной зоны ноосферы, согласно Регламенту, спущенному Небесной канцелярией... Ну, говорю же, не поймешь.

– Какой регламент? Какая душа? Вы ученый?

– Говорю, не поймешь! – с досадой повторил старичок и что-то недовольно заворчал, кряхтя и устраиваясь поудобнее на кухонном диванчике. Я предлагаю вам, всемилостивейший Павел Ибрагимович, контракт! Вы отдаете мне во временное пользование, в аренду, так сказать, свой язык на полгода, как вы изволили выражаться давеча – до

Великих Выборов, а я выполняю любое ваше желание по истечении этого срока, если вы сами на тот момент захотите что-нибудь пожелать! В качестве бонуса – бесплатное образование в течение вышеуказанного периода, память вашу я зачищать не буду, это не мои методы. Вам будет, о чем вспомнить после. Согласны? Соглашайтесь, соглашайтесь, что тут думать, не будьте трусливым, непонятливым и мелочным человеком, терять вам на самом деле нечего и беречь, собственно, тоже!

Павел Ибрагимович был в очередном шоке. В голове взвились и закрутили хоровод образы Воланда с обложки DVD-диска, иллюстрации к «Фаусту» из школьной хрестоматии и почему-то орущая гоголевская паночка на плечах бурсака с лицом похожим на его собственное, лицо Павла Ибрагимовича Фукса.

– А ни у кого другого нельзя оторвать язык в аренду по контракту? – с трудом выговорил он.

– Не надо ничего никому отрывать! Я ж перед вами, милейший, не янычаром и не инквизитором явился, и серой от меня, – Авдий демонстративно громко втянул в себя воздух вокруг, – совершенно не пахнет! Я просто буду говорить вашим языком, причем только на работе, исключительно в рабочее время, голубчик мой! – снова вежливо-благородным тоном закончил Авдий.

– Но... Но почему я? Может, я хочу остаться трусливым непонятливым и мелочным человеком, может, я вовсе и не понимаю, для каких целей вам именно мой язык! Может, в конце концов, вы меня обманете! Ведь вы же сами, промежду прочим, сказали, что не умеете, как Хоттабыч или Джинн, желания исполнять!

«Боже мой, боже мой, неужели это я говорю о джиннах и хоттабычах!» – подумал про себя госслужащий XXI века и продолжил уже вслух:

– К тому же у вас вон и свой язык имеется, а иначе как вы со мной говорите?!

Фразу Павел Ибрагимович закончил более твердым голосом, почувствовав, что оказался в привычной колее понятной борьбы понятных интересов в понятных переговорах.

Авдий тяжело вздохнул, опять что-то поворчал, вздохнул еще раз, и сказал:

– Ладно, моральный подкаблучник, позор великого Чина, несчастный наследник великих предков, слушай.

Сотворение Авдия

– Видишь ли, когда случилась вся эта история с Грехопадением, меня еще как бы не было, но так получилось, что я все помню. Всевышний гневался и на Адама, и особенно на Еву. Эдем в тот момент был страшен. Этих двоих, понятно, отправили на грешную Землю, Змия лишили ног и прокляли, в общем, это все даже ребенку известно. Однако один примечательный, для меня, по крайней мере, момент совершенно выпал из всех ранних и поздних источников.

Дело в том, что Змий, будь он не ладен, соблазнил Еву не яблоком, а речью, речью, понимаете, Павлуша? Яблоко здесь вторично, как и дерево познания добра и зла... Змий (вернее, Лукавый в теле несчастного гада, будь он еще трижды неладен) начал разговаривать с Евой, объяснять ей что-то, заигрывать, короче, заинтриговал ее своим *словом*. А, как известно, вначале было *слово*, но только оно было эксклюзивным инструментом Господа, а никак не змиев и прочих тварей.

Авдий отхлебнул откуда-то взявшийся в его руках кефир и посмотрел на молодого чиновника, как бы удостовераясь в том, что тот его слышит:

– Адам, сотворенный, понятное дело, по образу и подобию, тоже разговаривать умел, но абсолютно не представлял до инцидента со Змием божественную мощь *слова* и не пользовался им, как инженер штангенциркулем. А Змий воспользовался, наделив божественный инструмент еще и своей дьявольской силой, на что и обратил внимание в своем гневе Всевышний. Как обратил, ты спрашиваешь? В-о-о-от, об этом источники как раз умалчивают. Господь Отец наш ударил молнией в пасть гадине и вырвал язык ее. Кстати, именно из-за этого инцидента змеи – да-да, весь змеиный род, до сих пор не могут издавать звуков, кроме шипения, а кончик языка у них раздвоен – шрам, так сказать, от древней электротравмы. Естественно, Лукавый теперь очень редко пользуется в своих лукавых целях змеиным телом. Однако пресмыкающимся от этого не легче.

Павел Ибрагимович, уже улетевший всем своим астральным телом в райские кущи и увидевший эту трагическую сцену так ясно, будто сам находился рядом, воскликнул:

– Так вот почему зоологичка в седьмом классе мне про змеиный язык не ответила!!!

Авдий подсобрался на диванчике, негромко презрительно фыркнул, впился глазами в глаза отца семейства и продолжил:

– Причем тут змеи, зоологички! Зри в ко-рень, человек! В чем вся трагедия с людьми заключается, и почему Господь так расстроился из-за змеиной провокации? Конечно, не из-за того, что люди нарушили его запрет, дети вон постоянно запреты родителей нарушают, но их, как правило, максимум ремнем отпотчуют. Дело в том, что люди (до сих пор, кстати) чаще всего не способны постичь суть жизни, но зато они в совершенстве научились пользоваться главным инструментом и средоточием этой жизни – языком. Короче, получили вполне себе божественную возможность творить хоть целые миры, хоть какие-нибудь разбойничьи коллективы. Потеть себе на огороде, ужинать молча при лучине чем Бог послал да носки детям штопать – этого, конечно, вам, богоподобным, мало. Естественно, рай с таким населением перестал бы быть раем. Пришлось бы срочно избавляться от проектов перестройки рая, райского плюрализма и райских дискуссий по модернизации системы отношений в раю. При всей любви, при всей любви...

Но и люди, смутно помня свое происхождение и свою историю – сами по себе, без контактов с небом, жить уже не могли. Вон, Вавилонскую башню начали строить, зачем, спрашивается? За каким таким богоподобием и величием им это понадобилось? Сейчас никому даже в голову не пришло бы с такой мотивацией башни ваять, сел на самолет, поднялся, все вопросы снял, и трать силы на что-нибудь другое. Однако, именно после этой истории Господь сделал людям первую прививку от «божественного помешательства» – дал им сотни различных языков. Не берусь разгадывать замысел Божий, однако именно тогда он заодно спланировал первый антиглобалистский проект, что и привело к появлению независимых стран, обществ, цивилизаций (как и войн, собственно, но дальше я не берусь думать о Его замысле).

Авдий выдохнул и отхлебнул кефиру, наслаждаясь смутными догадками и жгучим любопытством сидящего напротив человека:

– Да, да, глобальное человечество мерзко Господу изначально, поскольку это человечество сразу начинает ощущать себя равным

Отцу своему и напоминать своими вавилонами Создателю о том, как не смог он своих детей уберечь при себе. А самое главное, вы, человечешки, хаосом своих миллионов тщеславий сразу начинаете создавать угрозу космосу, ибо разрушаете и ад и рай своим нескромным богоподобием и дерзновенными амбициями.

Павел Ибрагимович с открытым ртом, как загипнотизированный, слушал. Авдий сделал очередной глоток кефира, смешно по-стариковски почамкал губами, посмотрел на чиновника, и вновь продолжил:

– Так вот. Остаток змеиного языка, отрезанный божьей молнией, между тем, так и валялся у Древа познания добра и зла. Поскольку в Парадизе зловоние и разложение не допустимы по определению, лежал он себе под деревом не одну сотню лет, пока Всевышний, как раз после вавилонской истории, случайно не наступил на него, прогуливаясь по райским кущам. Поскольку языку, чтобы чувствовать вкус, руки-ноги не нужны, все это время он впитывал в себя, что мог впитать от тихо стоящего рядом Древа. А поскольку недалеко валялось и то самое надкусанное яблоко с вечно свежей слюной и духом твоих прародителей, язык впитал в себя вкус и суть человеческой природы.

Господь увидел язык, взял его, обмазал глиной и вылепил нечто, похожее на Адама (наверное, все же он скучал по человеку в раю). Поскольку язык в качестве скелета не тянет, и вообще язык с костями – дело невообразимое, глиняный человечек получился пластичный и тонкий. В общем, это был я. Да-да, я, собственной персоной...

Вдохнув в меня жизнь, Господь сказал: «Хочу тебя послушать». Это, как всегда с Господом, было совершенно неожиданно и выбило меня из колеи. Я сам ожидал услышать что-то о задачах и смысле своего сотворения, а пришлось говорить мне, да еще кому говорить! Потом уже я подумал, что все же я не из уха медведя, а из языка змия, и говорить для меня более логично, чем слушать.

В общем, я несколько растерялся, о чем жалею до сих пор, ибо мои слова стали моей судьбой:

«Господи, – сказал я, – мне очень жаль, что неволью я открыл ворота в ад для детей твоих! Их аромат от надкусанного яблока воистину божественно чист, только мне кажется, что они, в большинстве своем, не помнят, что сотворены по образу и подобию Твоему, и очень редко в своем богомерзком творчестве вспоминают о

наказании своем – смерти. Да и вообще, честно говоря, все дружно думают о Тебе аккурат перед тем, как помереть. Вдалеке от Тебя люди не поймут жизни и всенепременно изничтожат друг друга и весь род свой в грешных страстях и тщеславии. Ты любишь их, а я вижу в них больше плохого: их божественные способности (владение Словом от Тебя) и грешные страсти (от Лукавого) делают их беззащитными перед самими собой. Лишь единицы среди них поймут Твою сущность, ибо остальные, по Твоей же милости, большую часть жизни только и будут делать, что добывать свой хлеб насущный трудом тяжким. А в редкие свободные часы тратить мысли и способности свои в основном на то, чтобы придумать: как меньше трудиться и получать свой хлеб насущный без пота. В общем, не вижу я возможности для исправления рода человеческого на их земной каторге.

А всего-то, Господи, не было у тебя в Эдеме специального Архангела, который бы предупредил людей об ответственности, своевременно пресек действия Змия и доложил тебе о возможном ЧП».

Так я говорил Господу, потому что Он сказал мне говорить. С каждым словом я осознавал, что несу всякие банальности и сам я не понимаю всего величия Замысла Его и наказания Его роду человеческому. И сказал мне Господь Слово, и больше я его ни разу не слышал и не видел, и свершило Слово Его судьбу мою на тысячи лет.

«Отныне звать тебя будут Авдием, не сыном, но слугой моим, но знать тебя будут лишь некоторые, и будешь ты жить вечно рядом с людьми на земле, но не станешь ты человеком. И не будешь ты рядом никогда ни со Мною, ни с Дьяволом. И не будешь ты никогда знать замысел мой и принимать решение за любого из потомков Адама моего без его собственного согласия. И не будешь ты учить, как и в каком царстве земном подобает жить племени людскому, но будешь ты отныне и до скончания века делать так, чтобы род человеческий не погубил сам себя, чтобы мог управлять он собой и не допустил хаоса по неразумению и страстям своим собственным. Так отправляйся на землю и помни о воле моей».

И низверг меня Господь на Землю...

Павел Ибрагимович сидел в своем креслице, как каменное изваяние, с широко открытым ртом. В его несчастной голове не могла уместиться мысль о том, что он говорит с тем, кто разговаривал с

Богом. Еще больше его разбирало какое-то новое, неведомое до этой ночи чувство вселенской ясности и гармонии с миром.

Авдий, перестав говорить, поерзал очередной раз на диванчике, как бы собирая самого себя, чтобы не растечься. Он внимательно, без тени иронии или злости заглянул в глаза Павлу Ибрагимовичу.

– А дальше?! Что было дальше!? – воскликнул тот.

– Дальше, дальше, – проворчал Авдий. – Что вы кричите под утро, Алевтину Семионовну разбудите, милостивый государь. Ей я точно не смогу ничего объяснить, ибо она круглая дура в этих материях...

– Дура, дур-ра, – жарко зашептал Павел Ибрагимович, – но добрая и ласковая, иногда. Господь с ней, умоляю, продолжайте дальше, очень вас прошу! Ведь утренние петухи вас, как лица нейтрального, не касаются? А мне на работу идти еще не скоро!

Авдий пристально посмотрел на Павла Ибрагимовича. Что-то в этом человеке появилось такое, что заставило его вспомнить об аромате надкусанного райского яблока.

– Думаю, я не ошибся в вас, хотя судить еще рано. Что вы хотите за контракт в качестве аванса?

Павел Ибрагимович ощутил такой энергетический заряд в эту ночь, ему открылся такой огромный абсолютно новый материк мыслей, которые раньше лишь смутно, в подсознании, терзали его по ночам, что теперь он не сомневался: из дальнейшего рассказа Авдия он поймет все, что отравляло ему жизнь своей неопределенностью и бесформенностью, но имело огромную важность. Он совершенно уверенно и не раздумывая сказал:

– Я хочу продолжения рассказа, арендуйте мой язык, я ваш! – И, секунду подумав, по семейно-чиновничьей привычке добавил: – А потом исполнение какого-либо желания, но исключительно для моей Алевтинки. Мне нужен только рассказ!

Павлу Ибрагимовичу показалось, что его слова вызвали чуть заметную улыбку Авдия. Без всякого намека на сентиментальность, уставший, слегка сочувствующий взгляд все наперед знающего старого профессора истории из прошлой далекой студенческой жизни чиновника. Это было последнее, что видел Павел Ибрагимович в эту ночь: гимнастерка и джинсы растворялись, а большие глаза старика впились в Павла Ибрагимовича. Язык слегка пощипывало и покалывало тысячами иголок...

Приключения Павла Ибрагимовича начинаются

Утро было тяжелым. Павел Ибрагимович проснулся по своему биологическому будильнику, как всегда, ровно за пять минут до невыносимой трели будильника электронного, который, весь обшарпанный от регулярных полетов с тумбочки, стоял рядом с их семейным ложем со стороны хозяина. Три мысли, путаясь в голове, заполонили его разум. Первая – что с ним случилось ночью, сон или все же это было? Вторая – что случилось дальше с людьми после Грехопадения, и какова тогда, объективно рассуждая, роль Авдия во всемирной и отечественной истории? Наконец, если контракт был, то не слишком ли быстро он согласился на непонятные, по большому счету, бонусы. От продолжения рассказа проку не много, как бы еще в психушку не забрали, если где кому ляпнешь. А с бонусом для жены как бы и вовсе «Золотая рыбка» не приключилась. Он так и представил свою Алевтину в виде всенародно известной старухи: «Дурачина ты, простофиля, не сумел взять выкупа с Авдия!».

Павел Ибрагимович тяжело вздохнул, решил никому ничего не говорить и поднялся с постели. Алевтина Семионовна накручивала бигуди. Проходя мимо в направлении кухни, откуда уже пахло яичницей с помидорами, муж привычно поздоровался с женой: «Добдгое утгдо, дагадгая». Остановился, ощутил, что рот занят чем-то большим, чем обычно. «Добдгое утго», – попытался он еще раз. Прижал ладони ко рту и пулей бросился в ванную. Прямо в его чугунной ванне в сюртуке, котелке, но в тех же ночных лаптях и с тростью в руках развалился Авдий.

– Павел Ибрагимович, ночью вы совершенно утомили меня своими расспросами, не успел предупредить: пару дней вы будете привыкать к новым ощущениям. Ничего страшного, поменьше говорите дома, а на работе, согласно контракту, я вас подстрахую. Придумайте что-нибудь и выходите из дому, видите, я уже давно готов к чиновничьим будням.

В дверь ванной комнаты уже стучала супруга:

– Павел, Павлуша, что с тобой? У тебя ангина, дорогой, или зуб воспалился? Вызвать скорую?

Супруг быстро и молча собрался, не завтракая, вышел из квартиры промычав, как мог, на пороге, что у него сегодня важное

совещание: «Догодгие мои, опаздгдываю!». И убежал. Вслед раздалось что-то возмущенно-обидное от жены, по поводу того, что ему, помимо своего больного желудка, совершенно не жалко и дочь, которую некому завезти на занятия, и она из-за такого несознательного папаши останется дома. А Вовку наедине с котом, само собою, нельзя оставить ни на минуту. И вообще все это крайне подозрительно и возмутительно с его стороны, с чем, в принципе, Павел Ибрагимович был искренне согласен...

Всю дорогу на работу Павел Ибрагимович с ужасом думал о сложившейся ситуации. Старенькая черная тонированная «тойота», доставшаяся ему вместе с персональным водителем от самого зама губернатора, петляла по утренним провинциальным пробкам. Павел Ибрагимович пытался понять, что ему предстоит пережить в новых обстоятельствах. Ничего хорошего не вырисовывалось, как ни крути.

Когда в очередной раз его водитель с начальственными номерами привычно подрезал какого-то обывателя на стареньких Жигулях, лениво выругавшись по поводу чайников на дорогах, Павлу Ибрагимовичу захотелось жестко матюгнуться. Вовремя остановившись, он вспомнил свой утренний конфуз. Потом подумал о тяжелых временах, камерах видеонаблюдения на дорогах, проезжающих мимо провокаторах с синими ведерками и журналистах, которые естественно в ближайшие полчаса выложат в Интернет и его машину и его личную биографию. «А водила, пролетарий, так его раз так, представитель народа, даже не поймет, из-за чего я его премии лишу. Зато обидится, как пить дать, и начнет распускать по автобазе дурацкие слухи о злобных начальниках – чиновниках-бюрократах».

«В принципе, два-три дня обойтись без разговоров не так уж и сложно, – продолжал обдумывать свое положение чиновник. – Да хоть неделю, нашему-то брату!» Но, как назло, именно сегодня и завтра ему предстояло говорить самому, и говорить не просто так. Оценивать его будет самый главный и строгий судья – впереди прием граждан. И ведь не отменить – люди записывались заранее, это новая мода – экстаз пиара с ручным управлением, мол, как хотите, но с народом должны общаться регулярно. «Тьфу-тьфу-тьфу, – подумал Павел Ибрагимович. – Авось пронесет и не будет у Первого вопросов по моей части в эти дни!»

Молчание – золото! Это ж наш брат придумал, до последних времен работало, да еще как!

Вот секретарше, например, вообще ничего говорить не надо. Глянешь на нее ласково, улыбнешься уголком губ, а она уже все поняла. И чаю принесет, и сплетни последние расскажет, и про бумажные долги напомнит, пока чай на стол ставит. И на совещании – сиди себе и многозначительно кивай, когда на тебя смотрят, или делай вид, что гениальные мысли докладчика дословно записываешь, ах мол, как умно говорит, как умно! А если, например, поручение какое, то ставишь резолюцию на документе, тщательно и покрасивее расписываешься, и все, чего говорить-то. Так ведь время другое теперь, совсем другое. То приемы заставляют личные вести, то по скайпу общаться, а то, глядишь, и телефон свой служебный заставляют на сотовый замкнуть, чтоб всегда и лично быть на связи.

Эти новшества Павлу Ибрагимовичу были обычно в радость, это было его, так сказать, конкурентное преимущество перед бронтозаврами, но сегодня он об этом жалел.

– Ибрагимыч, не грузись с утра, – раздался голос Авдия с соседнего сиденья. – Каждый чиновник предпочитает не говорить лишнего, ибо его слово – не его, а государево. А значит, всегда остается риск, что либо о государе плохо подумают из-за чиновника, либо государь о чиновнике плохо подумает. Страх этот естественный и связан только с тем, что чиновник – не государь и единолично решения не принимает. А вот если он говорит вслух и публично, то говорить приходится исключительно самому, своим личным языком, подставляя под удар и себя и государя. И заставлять вас публично говорить, конечно же, противоестественно и противно природе чиновника, но ведь заставляют. Пытаться с помощью говорения строить чиновничью карьеру – тоже противоестественно, это ты неправильно делал, неправильно.

Водитель совершенно не обращал внимания на второго пассажира. А может, просто не видел его.

Клара Петровна Листикова

Под портретом Самого Главного за столом не слишком большого столоначальника все шло неплохо. Павел Ибрагимович Фукс уже немного расслабился и начал мычать под нос какой-то дешевый мотивчик из «Дискотеки 80-х». Он даже представил, как секретарша спросит, можно ли войти посетителю, а он скажет неразборчиво, но утвердительно: «ыгы» – и величественно кивнет головой с первыми проблесками серебра в шевелюре. Потом долго и внимательно будет слушать (людям приятно, когда их слушают начальники). Потом возьмет жалобу, покивает для убедительности, разведет руками, пожмет руку и скажет: ничего-ничего, на той неделе, на той неделе... Следующий, следующий проходите...

В это время в кабинет бочком-бочком протиснулась забавная старушенция в огромной измятой панаме, в каких-то невероятных юбках и с большим полиэтиленовым пакетом, в котором, похоже, была толстая папка документов. Прямо с порога на чиновника обрушился подготовленный поток слов:

– Павел Ибрагимович, вы поймите, я пенсионерка, Клара Петровна Листикова меня зовут, и не какая-нибудь там неграмотная. Я в документах все понимаю и не позволю себя обманывать! – говорила пенсионерка вытаскивая на стол бумаги из бездонного полиэтиленового пакета. – Я писала Президенту, писала в партию, писала губернатору, писала в райисполком, то есть в район, вернее в управу, тьфу, запуталась в ваших названиях. А секретарь района, промежду прочим, просто мне мстит, и в этом вся загвоздка! Я на него во время выборов жалобу в газету написала, работала агитатором у другого кандидата, мстит точно, шельмец такой, уже два года! А у меня пенсия не как у Абрамовича, мне мои четыре тысячи принципиально важны, прын-ци-пи-ально!

По мере появления бумаг – переписка с чиновниками, судебные решения, вырезки из газет, бланки официальных ответов с различными штампами и печатями – настроение у Павла Ибрагимовича ухудшалось. «Профессионалка! – уважительно думал Павел Ибрагимович – такая мертвого из гроба поднимет. Наверняка что-нибудь с управляющей кампанией или льготами».

Клара Петровна продолжала свою историю, вдохновленная молчанием высокого собеседника:

– Я, между прочим, еще малолетняя узница, ветеран труда, жертва политических репрессий, ну то есть родитель, царствие ему небесное был жертвой сталинского террора и я, значица, тоже жертва. Я почетная работница потребкооперации, имею грамоты как ветеран труда. За вашего Самого Главного голосовала, между прочим! Да вы же нас уже совсем не цените. – Голос посетительницы задрожал, глаза увлажнились. – Чинуши, чинуши и есть!

Чиновник искренне пообещал себе, что если просьба хоть немного выполнимая, выйдет на район с гневным звонком (крайний способ, но самый быстрый из арсенала чиновников). Но как раз в этот момент язык внутри Павла Ибрагимовича начал жить своей жизнью. С огромным удивлением чиновник вдруг понял, что он говорит, но говорит кто-то другой, а он сам искренне хотел бы помолчать в эту минуту:

– Вы мне очень понравились, и мне очень и очень вас жаль, такие как вы, именно вы, безусловно, достойны самого искреннего и большого уважения и помощи со стороны власти всех уровней!

– Ну что вы, что вы, Павел Ибрагимович, неужели хоть кто-то... – Бабуля залилась краской, как девочка. – Вот и я говорю, хоть какое-нибудь к нам внимание, столькова натерпелися в жизни, а тут... Так про главу-то, подлеца недорассказала...

Но не успела бабушка начать увлекательнейшую, по ее мнению, историю многолетнего политического противостояния с главой района, как язык Павла Ибрагимовича, вернее, Авдия пресек ее:

– А почему вы именно ко мне на прием записались? – ясно и разборчиво, мягким, но не допускающим возражений тоном произнес Павел Ибрагимович. – Я же не совсем по ЖКХ...

«Во дает! – думал в этот момент сам Павел Ибрагимович – от моего имени так и шпарит, какую-то ерунду причем!» Он ощутил непонятную и сильную тревогу внутри, где-то между животом и грудью. Он даже подумать не мог, каково ощущать себя, когда кто-то другой говорит твоим языком то, что ты не хотел сказать. Еще страшнее оказалось ожидать, что в следующую минуту он, то есть язык, выдаст против воли хозяина тела! Ему невольно вспомнились дискуссии с одним сумасшедшим профессором о том, что люди всегда говорят не свои слова, не свои мысли, и даже не ради своих собственных целей, за исключением, разве что целей самых

примитивных – поесть-поспать. Со всей чудовищной ясностью он понял этого профессора, пока ждал следующей фразы собственного чужого языка:

– Впрочем, впрочем, я догадываюсь, Клара Петровна. Во-первых, ваша знакомая из семьдесят седьмой квартиры сказала, что есть такой комитет, что возглавляю его я, что ко мне вы еще не обращались и что по слухам взяток я пока не беру, так?

– Истинный крест, так и есть! Так и есть! Откуда вы знаете? – подозрительно прищурилась Клара Петровна и непроизвольно оглянулась назад.

– Не-нет, КГБ тут не при чем, не переживайте, прошу вас. Просто в документах у вас увидел адрес знакомый, сталкивались на досуге с вашей соседкой. Скажите, а эти счетчики, которые вы установили, но показания которых не учитывали при начислении коммунальных платежей в ваших расчетных квитках, вы устанавливали сами?

– Конечно, что ж мне, сортировать, что ли, установщиков? Посуди сам, сыночка, висит объявление, мужики пришли, сделали, а мне что догадаться что ли, что не те? Два года не ставили на учет, ироды проклятушие! И главное, в суде я говорили, говорила, писала-писала, за два года...

– А жилье, конечно, приватизировано?

– Конечно, – немного обидевшись сказала старушка. – Что ж мы, хуже людей, что ли!

– А перерасчет так и не делают, безобразники?

– Ни в какую, сынок, уперлись клухи жирные, расселись как королевы и гоняют сироту, узницу концлагерей, как...

– Четыре тысячи по вашим подсчетам с вас взяли несправедливо?

– Три тысячи восемьсот сорок без этого месяца, так за два года уже!

– Несправедливо.

– Я и говорю – чи-нуши!

– Возьмите деньги, прямо сейчас.

Рука Павла Ибрагимовича, повинувшись команде языка, полезла во внутренний карман пиджака.

– ???

– И все

– И все?

– Конечно, и все, выкиньте свой пакет...

Клара Петровна почувствовала какой-то подвох и, глядя за рукой Павла Ибрагимовича, подозрительно спросила:

– За что?

– Как «за что»? За неучтенный счетчик!

– А вы? У меня для вас отблагодарить ничего нету, промежду прочим...

– А у меня тоже бабушка, тоже узница, может, и ей какой добрый человек со счетчиком подсобит. Все люди братья, должны помогать друг другу.

Последняя фраза сработала как пароль, и Клара Петровна неуверенно протянула руку к деньгам.

В этот момент сам Павел Ибрагимович кипел внутри весь до последней нервной клетки. Он думал, что этот Авдий полоумен, что он распоряжается его, кровно и без откатов заработанными деньгами, что ему надо было идти к Модесту Ивановичу и раскулачивать его почем зря. О том, что Авдий фундаментально не прав, что если так делать со всеми – все полетит в тартарары, потому как люди хлынут с протянутой рукой, потому что тогда совсем не нужен никакой порядок и наступит хаос. Наконец, почему именно эта, первая попавшаяся старушка, которой и самой не грех сходить исповедоваться, получает подарок в его кабинете? Он же вроде не дурак вчера ночью был, неужели он этих простых вещей не понимает?!

Во рту кололо, и руки, как будто подгоняемые этими коликами, быстро отсчитывали из бумажника чиновника необходимую сумму. Между тем, по мере исчезновения денег в невероятных юбках старушки, язык Авдия под прикрытием Павла Ибрагимовича продолжал свое дело:

– Один момент, Клара Петровна.

Старушка, не веря своей удаче и тому, что ей придется теперь жить без привычных кабинетных хождений, услышав последние слова, напряглась. Павел Ибрагимович наклонился вперед и таинственным полусшепотом проговорил:

– Никто, слышите, ни одна душа не должна знать о том, что это я помог вам! Слышите? В этом кабинете ни-че-го не было! И чтобы вы поняли, что я не шучу, скажу вам: если вы хоть кому-нибудь назовете фамилию Фукса, все ваши соседи будут знать, что вы ночью, тайно прирезали себе две сотки на дачном участке за счет вашей больной

соседки Прасковьи Дмитриевны! Отчего, кстати говоря, у вас радикулит и обострился, не в вашем возрасте заборы-то двигать.

– Ни на-а-да, ни на-а-да! Павел Ибрагимович! – краснея, теперь уже от стыда, заголосила старуха – да он ей этот участок уже и не нужен, а мне помидорки посадить, внучку, внучку посылаю помидорки, а он их так любит, так любит! Бес попутал, Павел Ибрагимович!

– Ну что вы, Клара Петровна, я исключительно из-за серьезности моей просьбы, нельзя нам с такими делами светиться, не поймет общество, понимаете? В общем, только фамилии не называйте, ради вашего же блага! А внучек, кстати, к вам на днях приедет, обязательно приедет проведать... Только.... – Язык замер сам себе, нечленораздельно причмокивая, как будто разговаривая с самим собой. – Квартиру на него не спешите оформлять, мой вам совет, не надо оформлять на него квартиру, так-то, Клара Петровна.

Старушка, вдвойне ошарашенная враз решенной проблемой и новостью о приезде внука-оболтуса, медленно пятясь и машинально немного кланясь, словно боясь спугнуть свою удачу, выплыла из кабинета Павла Ибрагимовича.

Логотерапия Авдия

Павел Ибрагимович, проводив глазами старушку, резко подпрыгнул на месте, обернулся и начал метаться по кабинету. На лице его застыло выражение страшного гнева, скорее, это был разъяренный бык на корриде, чем не осторожный и рассудительный чиновник. Когда он увидел в своем только что пустовавшем кресле Авдия в его дурацком сюртуке, да еще и с ногами в лаптях на столе (как раз на красной папке с надписью «Входящие»), терпение его лопнуло и он ринулся к нему. Но в кресле никого не оказалось, зато из-за спины, от стола заседаний раздался ленивый голос:

– Павел Ибрагимович, но ведь нельзя быть настолько жадным! Неужто та десятка, которую вы, давеча прилюдно и медленно, чтобы все увидели, сунули пьяному бомжу у церкви, для вас более разумная трата, чем несколько купюр за двухлетние страдания бедной узницы и

почетной работницы потребкооперации? Это ж вам куда как больше зачтется там, на самом притом верху.

– Да пгдичем десь деньги! Да ты, да вы, да что вы твгадите-то! Это непдгавильно! Уфф... отгдайте мне мой ядзык...

– Да не переживайте вы, право слово! Не напрягайтесь, я быстренько развею ваши возмущения, и давайте еще поработаем, там товарищ за дверью, я прямо чувствую, будет интересно и вам понравится! Присаживайтесь.

Авдий усадил Павла Ибрагимовича под портрет, ловко просочился между ним и столом к телефону, нажал кнопку и сказал секретарю, чтобы к нему, то есть Павлу Ибрагимовичу, никого пока не пускали.

– Все-таки про деньги вы не обманывайте, вам жаль свой родимый пустой бумажник... – уверенным тоном начал Авдий.

Павел Ибрагимович замотал головой, как будто соглашаясь, затем помотал, как будто не соглашаясь.

– Кстати, вам пришла СМС. Ответственно заявляю, учет ваших трат я самым тщательным образом веду, а у вас еще есть, согласно контракту, финальный бонус, который вам, конечно же, не помешает к концу года вместе с полугодовыми премиями и компенсацией за неиспользованный отпуск.

Павел Ибрагимович открыл сообщение, параллельно немного обрадовавшись сумме, которая действительно набежит к концу года, и немного расстроившись словам о «неиспользованном отпуске». Сообщение выглядело так: «Кредитная линия Авдия: 3840 руб. 00 копеек. Срок погашения по курсу при наличии желания кредитора – 31... 201... года. Небесная канцелярия, исх. № 777001». Чиновник действительно по прочтении как-то размяк и расслабился, однако радости новость не прибавила, особенно это непонятное «при наличии желания кредитора». В областной канцелярии так писать было не принято. Авдий тем временем продолжал:

– Во-вторых, вас возмутило следующее, дражайший Павел Ибрагимович: почему, собственно, именно вы раскошеливаетесь, а не те балбесы (ваши коллеги) которые не хотят пошевелить пальцем у себя в районе? Ну, или те, которым, как Модесту Ивановичу, по вашему мнению, грех жалеть денег на старушек в силу их нелегальных, так сказать, доходов?

Павел Ибрагимович, сокрушенно и активно закивал головой, сгорбился и еле слышно, как обиженный ребенок, всхлипнул.

– Поймите, чиновник не имеет никакой возможности отгородиться от других чиновников в своей ответственности перед обществом. Разделение функций и компетенций он ошибочно переносит из внутренних сношений на коммуникации с внешним миром. Привычка показывать непосвященным гражданам пальцем на ответственного за вопрос или тему другого чиновника – это естественная патология системы, скоро сами поймете.

Я, конечно, мог бы подстроить так, чтобы чиновники в районе исправили постановления вашей, кстати, администрации, вышли с инициативой на свое районное собрание ну и вообще, немножечко попотели бы над этим прецедентом и перерасчетом. Ну, или я мог бы устроить легкий шантаж вашему приятелю Модесту Ивановичу, чтобы он не забыл стать благотворителем, так сказать, в данном конкретном случае. Но это, простите, не моя функция. Голубчик, у меня нет права решать кто хороший, кто плохой, кому и за чей счет помочь ради чьей-то справедливости, с этими вопросами, пожалуйста, к Господу, ну или хотя бы к губернатору. А у меня с вами контракт ради совершенно иных целей. Вы лучше, Павел Ибрагимович, навестите эту бабушку, когда ее родной внучек с ее же письменного согласия в дом престарелых сплавит, чтобы квартиру родной бабки присвоить. И про счетчик этот внучек не вспомнит, наоборот, будет публично возмущаться, что пенсию за родную и пока живую узницу-труженицу получать ему злобные чиновники не позволяют...

Павел Ибрагимович опять слушал с открытым ртом. Признаться, о таких тонких материях применительно к посетителям ему думать не доводилось. «И действительно, – вопрошал он самого себя, – что есть истина-то? И ведь это еще надо понять – кто кого на самом деле разводит. Хочешь как лучше, а получается по-черномырдински».

Авдий сделал паузу, и ровно в тот момент, когда госслужащий закончил свою мысль известным афоризмом, продолжил:

– Наконец, вы, сударь, гневно подумали, что раз уж я заставил вас сделать это благородное дело, то почему о вас никто не узнает, когда все вокруг только и делают, что пиарятся на всякой ерунде и не за свой счет... Так?

Павел Ибрагимович медленно кивнул, заинтересованно глядя на старичка в сюртуке. Чиновник пока еще переваривал информацию про «хитрого внучка».

– Здесь все как раз очень-очень просто: это для вашего же блага. Не надо вам пиариться, не положено. Вы чиновник, а не политик, вы часть машины власти, но не власть. Колесо от автомобиля не может возжелать рекламировать себя отдельно от всей модели, своего владельца и своего непосредственного предназначения. То, из-за чего вы вчера вечером страдали, ваша личная реклама не изменит. В политических целях вас и ваших коллег все равно будут выставлять козлами и в «зомбоящике», как вы вчера выразились, и в газетах, и в Интернете, и в речах Самого Главного. Давайте умнее сыграем, ну или просто не мешайте мне...

Павел Ибрагимович опять чувствовал себя раздетым, как будто его раздели при народе, благо народа не было. Он поежился, становилось жутковато, но интересно, как в детстве. Было приятно, что Авдий говорит именно ему такие интересные вещи, но смысл игры, в которую он уже ввязался, оставался непонятен. Павел Ибрагимович чувствовал, что его захватывает неведомая игра Авдия. А тем временем дверь в кабинет отворилась и вошел пузатый, хорошо одетый человек с маленькими быстро бегающими глазками:

– Сидр Матвеевич Бломберг, маленький бизнесмен и большой патриот. Позвольте войти в кабинет власти и порядка как в родимый отчий дом свой, дорогой Павел Ибрагимович! – громко и радостно прогремел на весь кабинет очередной посетитель...

Сидр Матвеевич Бломберг. Наш герой неоднократно слышал про этого городского бизнесмена, более того, он сам проживал в квартире, построенной его фирмой. Нормальный такой делец, толстенький, подвижный с вечно бегающими глазками, с острым, как говорят, языком и вечным резким запахом одеколona. Переживая всемирный финансовый кризис в масштабах своей отдельно взятой фирмы, Бломберг начал активно участвовать в правительственных программах. Говорят, что он неплохо вышел из кризиса за счет государственных денег на социальное жилье ветеранам, военным и сиротам. Про него ходили странные слухи, что обладает товарищ удивительным даром решать любые вопросы в любом кабинете мэрии – с помощью то ли гипноза, то ли черной магии, то ли каких-то

специальных психологических приемчиков. Единственный человек, фирма которого смело начинала строительство до завершения всех процедур, согласования проекта и оформления земельных участков. Красавец, в общем, настоящая опора России!

«Или в области собрался строить, или на пьянку позвать хочет, – подумал Павел Ибрагимович. – Только я ему хрен помогу, пока он мне по гарантии вздувшийся до безобразных волдырей линолеум в детской не поменяет!»

Между тем Бломберг уже уселся в кресле напротив, закатил глаза на портрет за спиной чиновника, подобострастно вздохнул, перевел преданно-томный взгляд на Павла Ибрагимовича:

– Я познакомиться, долго вас не задержу. Понимаю, понимаю, сколько у вас дел и вопросов государственного значения, как сложно и трудно вам держать страну в единстве и в едином порыве модернизации всей России-матушки. Слышал о вас только хорошее, а народ-то – лентяи, а нашего-то брата бизнесмена порядочного все меньше и меньше...

От собственных верноподданнических чувств и слов Сидр Матвеевич начал заводиться в приступе государственного патриотизма, голос стал повышаться, одна рука легла на грудь, вторая – с ключом от неплохого, как понял чиновник, «мерседеса» – на стол. Павел Ибрагимович, вернее его язык продолжал хранить молчание. А посетитель продолжал:

– Исключительно мечтаю позвать вас на маленькое мероприятие, посвященное именинам моего крестника. Познакомимся поближе, закусим, ведь настоящие патриоты должны быть вместе, вы согласны со мной? Вокруг творится непонятно что, мир встал на уши, но мы, например, работаем абсолютно вбелую, абсолютно! Вы – чиновник, страж государства, так сказать, я – предприниматель, плачу налоги государству. И должен платить только ему, согласны, да? Помните, в девяностые какой бардак был? Но ведь справились, благодаря таким как вы и я, согласны со мной? Взгляд у вас какой-то грустный, надо отдыхать, дорогой Павел Ибрагимович, непременно отдыхать от трудов праведных! У меня отличный массажист, кстати! В общем, я не буду вас долго задерживать, приходите на именины крестника, там в спокойной обстановке и пообщаемся. Все, пойду. А вы, кстати, можете взять с собой кого пожелаете, семью, или кого из коллег.

Бломберг с улыбкой начал подниматься со стула и уже протянул, как старому знакомому, свою толстую волосатую руку Павлу Ибрагимовичу, как язык того начал издавать звуки. В этот момент туча закрыла солнце и по кабинету пробежала тень, а форточка окна громко хлопнула от сквозняка.

– А чего вы такие плохие дома строите, Сидр Матвеевич? Гастарбайтеров не оформляете, гарантийный ремонт не делаете. У меня вон в комнате линолеум на дыбы встал, сколько раз звонил, одни обещания.

Бломберг на секунду замер с протянутой рукой, затем медленно опустил обратно в кресло. Глаза на секунду стали жесткие и колючие, но на секунду. Затем он бросил взгляд за окно кабинета, ехидно улыбнулся и растягивая слова сказал:

– Понимаете, э-э-э, уважаемый Павел Ибрагимович, как бы вам это объяснить, э-э-э...

Бломберг изучал то пейзаж за окном, то лицо начальника комитета и не мог понять: вымогает тот взятку по-крупному или всего лишь намекает на халявную замену линолеума в квартире. Или он вообще просто необстрелянный дурак, наслушавшийся речей про борьбу с коррупцией и желающий выслужиться. Неприятное предчувствие закололо где-то в правом боку, в области печени. Так ничего и не разглядев в ясных васильковых глазах чиновника, Бломберг прибегнул к обычному приему:

– Слушайте, я к вам по-человечески, а вы «плохо строите»? Может, заедете ко мне в офис, а? Поглядите мои награды, дипломы с многочисленных выставок, где были такие люди! – Бломберг театрально поднял палец вверх и повысил голос: – Ты хоть понимаешь, что тут говоришь, нет? Слышь? А ведь за базар надо отвечать, надо отвечать, уважаемый, ты согласен со мной? Ты что думаешь, что Сидр Матвеевич последний человек? Вы все думаете, я только бизнесом занимаюсь? Вы тут что, считаете, что там я не в штате? – Бломберг на этих словах эффектно, как артист, перевел толстый волосатый указательный палец в окно, показывая на большое серое здание с той стороны проспекта. – Ты хоть понимаешь, что сам губернатор приезжал ко мне на открытие дома для пенсов. Еще есть вопросы, а, как? Че мы замолчали?

Павел Ибрагимович внутренне сжался в комок: «Мать моя женщина, – думал он, – ну на ровном месте проблемы создает, что за человек, тьфу, язык. Хоть бы он линолеум попросил заменить и замирился с этим прохиндеем, хоть бы замирился, елки-палки». Но язык продолжал свое черное для Павла Ибрагимовича, дело.

– Ну, раз вы мне угрожаете, я не пойду к вашему крестнику на именины и не познакомлю вас с Модестом. И наоборот, я прямо сейчас позвоню ему и скажу, чтобы он на пушечный выстрел не подпускал вас к своему телу, тем более не вздумал делать звонки в мэрию по вашим квартирам. Всего доброго.

Теперь в комок сжался Бломберг. Он, открыв рот, смотрел на чиновника и пытался понять, как он вычислил его интерес к Модесту Ивановичу. «Ах, пройдоха, как я повелся на его линолеум. Матерый волчара, матерый, надо что-то делать», – так думал Бломберг глядя на чиновника. Павел Ибрагимович между тем сам перешел в наступление. Железным и спокойным голосом он произнес:

– Значит так, голубчик, или вы мне говорите, зачем вам Модест Иванович и я вас знакомлю с ним безо всяких гостей и пьянок, или мы с вами прощаемся. Только при этом имейте в виду, что прокуратура уже в курсе по поводу ваших липовых документов на стройматериалы из Кабардино-Балкарии и по поводу дольщиков на улице имени знаменитого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова. Впрочем, у вас еще есть время решить свои вопросы.

Павел Ибрагимович ликовал, глядя как у предпринимателя округляются глаза и спесь исчезает с холеного лица: «Задай ему еще, Авдий, пусть этот нувориш меня запомнит, как следует, пусть гад, посмотрит на честных госслужащих». Бломберг медленно перевел взгляд на серое здание за окном, затем на Павла Ибрагимовича, затем взял в руки карандаш (боец, ничего не скажешь, боец) и сказал:

– Мне нужен звонок Модеста Ивановича мэру, а вы с ним большой дружбе, по слухам. Ваши коллеги в городе слишком много стали просить. Я хочу работать с областью.

– Сколько вы откатываете квартир?

– Четыре квартиры с подъезда в панельке и по две в монолите.

(Павел Ибрагимович присвистнул про себя от такой информации, и сразу вспомнил про свою мечту о даче в Холюнкино)

– В органы обратиться, нет?

– Нет, нет, нет, мне здесь жить, мне проблемы не нужны, вы ж понимаете, – жестко отрезал бизнесмен.

– А сколько готовы отдавать?

– Ну, если останется зеленый свет в оформлении, потяну по одной с подъезда, ну по две, в панельке.

– Стройка большая зависла?

– Четыре двенадцатиэтажки, по пять подъездов.

– То есть сорок квартир готовы отдать?

– Ну, лучше меньше, конечно, понимаете, только-только из кризиса начали выбираться.

– Если не получится?

– Удачливый бизнесмен Бломберг перестанет быть удачливым, там еще долги кое-какие. Но погибать буду с музыкой. Что там еще за прокуратура, Павел Ибрагимович?

– Какая прокуратура? А-а-а, да от кого-то слышал, может, наврали...

Павел Ибрагимович в этот момент уже набирал прямой Модеста Ивановича:

– Орден и повышение ждешь? Да ладно, хитрец, хоть бы сказал. Мне тут сорока на хвосте принесла, что после долгой и кропотливой работы межведомственной комиссии под твоим чутким руководством впервые за последние двадцать лет сразу сорок семей работников культуры получают новое жилье и, мол, это только первая ласточка. Да еще во Всероссийский год работников культуры! Говорят, в театре труппа уже пьяная и что по «Первому» даже покажут. Губернатор еще не хвалил? Везет же тебе, как ты с этими бизнесменами договариваешься, не понимаю... Ну, бывай, Модест!

Павел Ибрагимович положил трубку, и посмотрел на удивленного Бломберга.

– Вам все понятно? Собирайте своих рекламщиков-пиарщиков и озвучивайте.

Бизнесмен медленно кивнул, в глазах появилась хитринка и азарт, на всякий случай он спросил:

– Никому не даю, а документы все равно пройдут?

– Пролетят, Сидр Матвеевич, пролетят! Вы лучше готовьтесь к вниманию со стороны журналистов и власти, одеколон смените, и вообще, не забудьте, как патриот во всей этой громкой истории про

патриотов-чиновников. Нет, мне квартира точно не нужна, не надо, и вообще, вас у меня на приеме – не было, я понятно сказал?

Сотворение Apparata

Измотанный и утомленный приключениями на работе Павел Ибрагимович в трусах и майке на цыпочках пробрался на кухню, включил ночник и увидел в своем креслице Авдия, попивавшего кефир. У него было много вопросов к нему. Но Авдий прижал палец к губам и заговорил первым:

– Я помню свои обещания. Слушай.

И начал я, бедный, болтаться среди людей. Надо сказать, я прекрасно понял Всевышнего, когда он сгоряча наслал вселенский потоп на человечество: злость, грязь, страсти, короче, грешные вы, грешные. И ведь ни чего с этим не поделаться, если иметь в виду большую часть бедных гомосапиенсов. А мне как-то все равно, ни тепло, ни холодно, брожу по свету и думаю: ну как в этих условиях задачу, поставленную Господом, возможно решить? Хорошо ему, р-раз, и потопил всех, кроме избранных. Так и то – эффекта хватило совсем не надолго. Да и сам Он отказался от таких грубых и масштабных экзекуций. Или вот, скажем, возьмет и явится миру в своем Посланнике, пристыдит человечество крестом, на пальцах, можно сказать, объяснит, как любить должно, и уже по всему миру люди ему земные резиденции отстраивают. Храмы то есть. Ай, это позже будет...

Так-с, вот. Оппонент его тоже не спит, эксплуатирует слабости человек, да так эффектно, что все послы Господа извращаются, людишки в ересь и смуту входят. Мне-то при таком раскладе как поступать? Как обеспечить, чтоб они сами себя не поубивали, пока Господь с графиком Армагеддона не определился? Чем, простите, отчитываться? Да еще не судить никого, не миловать, и вообще не вмешиваться в разборки добра со злом.

Сел тогда я в пустыне на креслице каменное, задолго еще до Христова пришествия, налил себе верблюжьего кефиру и задумался, прям как ты на своей кухоньке. И пронеслись у меня перед глазами все царства и племена и роды человеческие того времени. И увидел я

вдруг в далеком поселении, где-то севернее китайских племен и чуть южнее Сибирского болота человека рядом с каким-то царьком. И подавал этот человек царьку горшок в спальню и кувшины с водой, получал свой мешок бобов еженедельно и больше ничего не делал. Понимаешь, ничего, и так года три. Я подумал – слуга как слуга, но чем-то не похож на других слуг. Присмотрелся и удивился: они разговаривали! Царь с рабом своим о чем-то там шептались! Что за извращение! То есть, значит, занес горшок, рассказал о жите-бытье, посоветовал, что царю послам сказать да что на ужин съесть и ушел. Ну, думаю, интересно. Слуга – не слуга, не родич – а слушает, без меча и силы – а привечаем, не мудрец-шаман – а уважаем. И тут в моей глиняной голове родилась идея, благодаря которой у меня все хорошо с отчетностью в Небесной канцелярии.

Паша, не смотри так на меня, в те времена такая халявная работа была чем-то из ряда вон, а тут еще такое взаимное доверие!

Дело в том, что люди хотят (я это на своем первом же веку понял), чтобы их любили, уважали и слушали другие люди. Тщеславие – это то, ради чего люди могут даже какое-то время истязать себя работой, рисковать жизнью или отказываться от еды. Почему именно тщеславие? Да потому, что это самое главное, хотя извращенное, бессознательное выражение вашего богоподобия и генетической памяти об Эдеме. Главным способом удовлетворения тщеславия – люди это тоже быстро смекнули – явилась власть. Во-первых, распределяешь, кому, чего и сколько (ну и сам в потреблении не стесняешься). Во-вторых, судишь и милуешь (ну прямо как мини-господь). В-третьих, обманываешь себя типа всенародной любовью детей своих неразумных.

Одна загвоздка вышла, собственно, та самая из-за которой люди с божественным языком отправились, как штрафники, на грешную землю. Потенциальным «богам» (царям земным) оказалось мало места даже на огромной и непознанной в то время планете. Чего люди только потом не придумывали: и науку, и искусство, и религии, и ремесла, и отшельничество, и разбой, чтобы хоть в чем-то, хоть где-то почувствовать себя Богом, Творцом, Вершителем. Тщеславие – источник прогресса, Паша, и главный грех, ты запомни это.

Во всем древнем хаосе страстей и желаний не было одного элемента – предохранителя, который мог бы обеспечить устойчивость

человеческому роду. Не было специальных людей, которые бы санкционировали, доносили, контролировали, несли персональную ответственность и планировали работу царя и за царя. И тем самым делали бы его власть прочной и долговечной, а жизнь рода человеческого – понятной и спокойной.

Я было обрадовался, что нашел такого персонажа, обратил из внутреннего созерцания свой взор на этого сибирского царька и его необычного слугу и расстроился. Царька оплакивали многочисленные жены, а слуга стоял связанный перед другим верзилой.

Я сразу туда, являюсь к нему в темницу и натурально спрашиваю: что ты, мол, не насоветовал своему начальнику про этого конкурента? Он в испуге обозвал меня каким-то страшным словом, пал ниц и как на духу объяснил. Вот, мол, служил верой и правдой, ходил к самому царю, а был всего лишь равный среди низших и безоружных, да еще и обзываем и бит нещадно в пьяном угаре по праздникам. Поддался на подлый соблазн царева брата и показал ему родник, из которого воду царю приносил и в который, конечно же, благородный братец подсыпал яду. Теперь, значит, у его трех жен пять премиальных мешков риса от нового царя, а его самого вместе с детьми мужского полу казнят.

Мне, конечно, захотелось плевать от таких дешевых манипуляций с премиальными мешками и гордыней слуги, но ведь слуга-то был не обычный. Делать нечего, познакомился и заключил свой первый контракт с настоящим человеком. Звали его Чин, что значило на их языке что-то вроде «дубовый зад» или «железный копчик».

Всю ту ночь тысячелетней давности я показывал ему его собственное ничтожество и скудоумие, удивляясь глупости бывшего царя: тот ведь советовался с Чином как с родичем или жрецом, да еще по секретным вопросам. На следующий день Чин, точно по моей науке, попросил стражников хоть одним глазком увидеть нового царя, а когда его привели в царские покои, сказал:

– О великий из величайших царей всей равнины от гор до моря (это, понятно, такой льстивый заход, ибо все царские владения можно было разглядеть с царского крыльца без бинокля). Дай мне лишь один шанс, и я тебе пригожусь. Выполни мою просьбу, о великое солнце моей ничтожной души.

Авдий с довольным видом подсобрался в креслице Ибрагима Петровича и продолжил:

– В этот момент я не удержался и организовал два раската грома среди ясного неба и поставил подножку их главному шаману. Царь счел это за высший знак и обещал выполнить последнюю просьбу несчастного Чина, про себя сожалея, что горшок и кувшин в его спальню заносить в силу кадрового дефицита пока некому. Чин (вот смысленый человек был, в отличие от тебя) в этот момент смиренно опустил голову и таинственным голосом попросил остаться с царем один на один. Шаман с братьями и женами вышли. А Чин, припав к уху властителя, жарко зашептал:

– О великий царь, возьми меня, выйди ко всем и скажи: «Вот мой главный горшочник. И кто обидит этот почетный чин – меня обидит! А кто худое на него задумает – тот на царство мое худое задумал. А кто ослушается его в делах по воде и пище моей – тот меня ослушался!». – Как сделаешь это, подожди до завтра, и если не казнишь – скажу другое слово тебе.

Из-за грома и споткнувшегося шамана, а еще больше из-за шанса выйти из кадрового тупика, царь согласился. «Чин дал, чин взял, – думал он. – А что, очень даже интересно, это ж ведь ни у одного царя до края Великого Болота нет такого подчиненного: главный горшочник! (в этот момент царь испытал приятную негу от чувства собственной значимости и всемогущества).

Сделал царь так, как нашептал ему Чин. На второй день увидел он, что народ кланяется шельме и каналье Чину по дороге к царской резиденции, руки к нему тянет, мол, скажи царю о нужде нашей. И в гости приглашают, и девок незамужних под его взгляд подталкивают.

Вот дошел Чин до царя и молвил бодрым и преданным голосом:

– О великий царь, солнце мира и подобие божества! Ты подарил мне самый счастливый день моей жизни, о котором раньше я и мечтать не смел! Царь чуть хитро улыбнулся, вспомнив о темнице и желании казнить подельника по госперевороту. А Чин продолжал:

– Буду верно служить тебе до самой смерти и детям положу служить детям твоим! (царь благосклонно кивнул своей царской головой). Выполни мою вторую просьбу! (солнце мира слегка напряглось и с интересом посмотрело на главного горшочника). У тебя ведь еще много братьев, а преданный Чин всего один! Мне можно

доверять больше, чем любому простолюдину, или твоему брату, или третьей теще, ибо я обязан только тебе одному. Но я слаб и тщеславен, и ты это знаешь! Выйди на крыльцо и скажи всем: «Вот мой главный горшочник, но служба его тяжела и опасна! Будет у него старший горшочник, младший горшочник и надзиратель за царским родником. А еще будет главный советник по надзору за пищей, которого будут слушать все повара в нашем славном царстве. И каждый будет получать с руки моей, и будет низший слушать высшего, а высший отвечать за работу низшего! И каждый будет стараться по чину своему, а иначе по соответствующей процедуре будет направлен в сельское хозяйство, а чин займет более достойный из стада моего!»

Подумал царь о непредвиденных расходах, засомневался, хотел было уже отказать новоиспеченному вельможе, но тут я, хитрый Авдий, еще раз изобразил раскаты грома, легким ветерком пронесся над царским ухом и потусторонним голосом едва слышно шепнул Царю: «Зачем слабому царю то, что все равно растащат завтра потихому, или отберут более сильные, или дети пропьют по соседним странам?»

«Действительно зачем? – подумал царь вслух. – Я тут езжу с воинами, дань с горных дуболомов собираю, оставляю свои казны и продовольственный фонд без присмотра, опять же болтаются вокруг моего царского жилища разные родственнички, никакого порядку! Решено, буду лучше десятую долю на вас тратить!»

И сделал царь, как просил его Чин.

На третий день Царь после первого же доклада должностных лиц узнал про свое племя, родственников, себя и внутривосточную обстановку в царстве больше, чем за несколько лет объездов и боевых походов. Например, он выяснил, кто незаконно пьет из его родника (корова родной тетки царевой племянницы), что повара немытыми руками вытаскивали мух из его блюд. И еще узнал массу полезной информации, в том числе о недовольстве и мятежных помыслах среднего брата своего. Родственничка он тут же после совещания отправил под присмотром отдельного походного горшочника, назначенного из милости к брату, покорять южных дуболомов, заодно наградив его званием главного царского фельдмаршала. Родное племя преисполнилось трепета и почтения перед великим царем, которому подчинялось столько великих начальников и вельмож. При этом в

народе много говорили о новом, доселе неизвестном слове – «порядок», и сравнивали царя сразу со всеми древними истуканами из священного болота.

Царь, впечатленный таким количеством оперативной информации, эффективной профилактикой очередного бунта и возможностью есть, не боясь яда или мух, на третий день сам вызвал главного горшочника к себе в покои:

– За два дня я стал более велик, чем все мои предки! Я стал более многочисленен, чем вся моя многочисленная родня. Я готов дать тебе десять премиальных мешков бобов и риса, но, может быть, у тебя есть еще какое-нибудь желание?

– Есть – тихо сказал Чин, – самая сложная и простая просьба. Назначенные тобою чины со временем привыкнут и освоятся, откроют для себя новые горизонты жадности и гордыни. Или придет намного более сильный, и они испугаются и предадут тебя.

– Но я буду лишать их чинов и ставить новых! – перебил слугу доисторический деспот. – Делов-то, ведь я буду знать о всех их шагах и помыслах больше, чем каждый в отдельности!

– Но царство твое теперь будет расти и укрепляться, порядок легко победит хаос соседних племен, и ты не сможешь сам следить за всеми и за правильностью приказов высших низшим. Вижу, чинов появятся тысячи.

– Тогда что мне делать?

– Выйди третий раз на крыльцо и призови жрецов к себе (они, кстати, весьма обижены последними событиями), попроси их научить главного горшочника письму и запрети учить письму всех иных. Потом скажи при них: «Кесарю – кесарево, а Богу – Богово» (да я сам не знаю, что это означает!). Ты им – они тебе, и детям накажи, и внукам, чтоб так и жили, до самых времен, когда появится какая-то там наука и низвергнут богов (не обращай внимания, мне сказано, что это будет не скоро).

Скажи так, и когда научат они меня письму, поручи мне подготовить следующие документы:

1) Историю божественного происхождения рода твоего от самого потопа и сотворения Священного Болота – и многие убоятся творить тебе зло и наводить смуту.

2) Поучения о правильном бытии правильных юношей, которые будут изучать божественную историю твоего рода и придумывать новое для укрепления царства твоего, ну или хотя бы верно служить тебе. И не будет у тебя кадрового вопроса и мучительного поиска новых горшочников и фельдмаршалов.

3) Ну, и самое главное, первый должностной регламент для главного горшочника да несколько инструкций для младших чинов. И в любое время ты сможешь по этим инструкциям сам проверить дела любого, и по закону наказать, промежду прочим...

– И долго ты будешь писать это все? – спросил царь, удивленный мудренными речами. – До завтра сделаешь?

– Сделаю за год, мой государь, – сказал Чин в низком поклоне. – Только ты, высочество мое, не дуркуй без меня и слово свое же не нарушай.

И сделал царь на третий день, как сказал главный горшочник, и призвал к себе жрецов-шаманов, и велел им под страхом смерти все сделать так, как сказал его любимый Чин, при этом не забыв пообещать десятину за рассмотрение и освящение на Священных истуканах будущей Божественной истории его царского рода. «В общем, не доводите меня до святотатства, – пригрозил царь шаманам и повторил неведомое: – Кесарю – кесарево, а Богу – Богово. Я вам для Бога, а вы мне для государства, и чтобы ни-ни у меня».

Павел Ибрагимович сидел, вперившись взором в Авдия, который как обычно ворочался, собирая себя в креслице.

– Так и что, написал Чин регламент? И что стало с ним и царством?

– После выполнения условий контракта он стал великим Чином, отцом всех чиновников. Получил, что захотел и стал безымянным отшельником – нарочито зевнув, сказал Авдий.

– И что же он получил, что он попросил по контракту? – с любопытством в воспаленных глазах поинтересовался Павел Ибрагимович.

– Я ж говорю: стал безымянным отшельником, как и захотел. Давайте, идите спать, голубчик...

Авдий начал медленно растекаться и таять в кресле, и только стакан с недопитым кефиром одиноко остался стоять рядом...

– Погоди, погоди, Авдий! Как так, он за предательство попросил пять мешков риса, а за создание государственного аппарата и, по сути, спасение племени и всего человечества от хаоса пожелал... ничего не пожелал? Как это понять? Ответь, я ж не усну!

– Уснете, милейший, не пытайтесь меня шантажировать своими семейными методами, – растворяясь в кухонных обоях, сказал Авдий. – Я же не Алевтина Семионовна, впрочем, как-нибудь сами спросите у него, сами...

Тревожные недели Старо-Пупинска

Дни в суете пролетали незаметно. Чужой язык вел себя гиперактивно, Павел Ибрагимович похудел, осунулся и все время о чем-то думал. Жена его не понимала, и он почти перестал разговаривать дома. На тумбочке у кровати вместо обшарпанного будильника появились какие-то книжки. По ночам, если не было Авдия, Павел Ибрагимович забирался в Интернет и часами сидел на кухне. По выходным он чувствовал себя совсем одиноко и в смутных тревогах не находил себе места. Зато когда начиналась рабочая неделя, он за час приезжал на работу, изучал документы, смотрел какие-то справочники и что-то печатал на рабочем компьютере. Алевтина Семионовна ночью в постели до самого сна теперь рассказывала ему очередные слухи, вдруг заполонившие город и три муниципальных района поблизости от Старо-Пупинска.

А слухи ползли странные и загадочные. Якобы среди чиновников появилась секретная организация, которая тайком от всех помогает Самому Главному навести порядок в Старо-Пупинской области. Что все члены этой тайной организации имеют у себя под мышкой тайный знак – татуировку в виде змеи, обвивающей компьютер. Приемные всех уровней наполнили толпы жалующихся и просящих, канцелярии всех ведомств не справлялись с количеством обращений граждан.

По Интернету шире всего разошлась версия о том, что это оппозиция вместе с американцами под Великие Выборы придумала новую схему вместо оранжевых технологий: внедрили своих агентов на государственные посты и теперь, по радиокоманде на сверхвысоких частотах, они начали действовать.

А среди пенсионеров самой популярной стала версия о том, что сам президент сделал себе пластическую операцию и устроился в областное делопроизводство, и что он каждую ночь по секретной линии звонит своим помощникам в Москву и говорит, кого наказать и что сделать. Между делом он тайком лично замеряет, справедливы ли размеры земельных участков пенсионеров и правильно ли начисляются коммунальные платежи.

Благодарный за обещанную квартиру и вечно пьяный местный сценарист написал пьесу «Государев муж и сорок бездомных поэтов» и театральная труппа радостно готовила премьеру сезона, в перерывах всем коллективом бегая на стройку Бломберга. Конечно, пьеса получилась больше про житие работников культуры, чем про государевого мужа, и даже бизнесмен-патриот Бломберг был показан в ней более колоритно, чем чиновники, однако шуму эта постановка наделала много. Как отмечали наиболее вдумчивые литературные и театральные критики, оказалось, что кроме того, что чиновники сплошь жулики и черствые люди, о них ничего и никому больше неизвестно. И как их показать в благодарном свете, если примеров тому в отечественной и мировой литературной традиции нет? Для решения этой художественной задачи культурная общественность города даже организовала отдельную творческую лабораторию, пригласив в нее столичного мастера слова Сорочкина.

Один профессор истории из местного пединститута велеречиво рассуждал на камеры о традициях масонства в России и реинкарнации «опричнины с человеческим лицом».

В конце концов, уже через полтора месяца все хорошее, что случалось в регионе – от хорошей погоды во время городского праздника в честь годовщины освобождения города от набега Тугарина, до новой лампочки в подъезде, от уголовного дела на районного бухгалтера до отремонтированной крыши пенсионерки Петровой В.А. – стали считать делом тайной чиновничьей организации.

Политические партии и депутаты всех уровней были в ярости, сначала они безуспешно пытались объяснить населению, что, мол, вот это все мы, лично, проверьте. Затем они единогласным решением увеличили бюджет на свой пиар и попытались соревноваться с анонимной серой массой чиновников. А всенародно выбранный мэр

Пупинска даже завел себе фотографа – симпатичную девушку в короткой юбке, снимавшую каждый шаг мэра на зависть коллегам. После того как в прессу попали фотографии мэра в обнимку с активистками движения «Ночные бабочки», сделанные по требованию шефа после седьмого торжественного мероприятия в день, девочку-фотографа уволили. Взяли мальчика. В конце концов партийцы и депутаты стали загадочно улыбаться и уходить от вопросов журналистов, посылая им через подмигивания и загадочные ухмылки сигнал о том, что они де, конечно же, тоже в теме с «анонимными чиновниками» и только долг перед своими партиями не позволяет им в этом признаться.

Один только бессменный со времен Леонида Ильича, но демократично переизбираемый лидер коммунистов Петрович брызгал слюной на немногочисленных митингах пенсионеров, которые после этих митингов обычно тайком заходили в церковь, чтобы поставить за упокой души вождя мирового пролетариата и заодно получить батюшкино благословение. Он доказывал на этих немногочисленных митингах, что все происходящее – происки власти и мировой закулисы накануне выборов, что кровопийцы не способны делать добро трудовому народу и надо быть начеку. Между тем сам Петрович не удержался от соблазна и позвонил, как он выражался, в ЖЭК. Покричав в 10:45 утра в трубку «Доколе!», после обеда он с удивлением увидел рабочих в оранжевых жилетках, которые устанавливали новый домофон на двери подъезда и вкручивали лампочки на лестничных площадках его бывшего обкомовского дома улучшенной планировки.

Дело в том, что периодически после долгих заседаний красного горкома с возлияниями и пением «Интернационала», в перерывах, так сказать, классовой борьбы, Петрович часто разбивал себе колени в темном подъезде. А однажды был нещадно обруган тусующейся в подъезде молодежью его избирательного округа за то, что неуклюже попытался повязать пионерский галстук не совсем трезвому студенту филфака Анискину Ю.П. После всех этих оказий он, как черт ладана, боялся собственного подъезда: долго собирался с мыслями, глубоко дышал, чтобы казаться трезвым, и с великой осторожностью открывал дверь.

Бедолаги из партии власти пытались безуспешно провести поток решенных вопросов граждан и добрых дел через собственную приемную и даже взывали к партийной дисциплине своих членов из числа муниципальных и государственных служащих. Это не спасло их политический рейтинг, а традиционная критика со стороны народонаселения просто сдвинулась с привычных труб, подъездов, крыш, дворов и дорог на другие темы. Теперь «партию власти» общественность упрекала в напряженных отношениях с китайскими товарищами и американскими правозащитниками, в климатических катаклизмах и в проигрыше национальной сборной по футболу команде Папуа – Новой Гвинеи. Оппозиционный Интернет по-прежнему называл их дармоедами. Усилия прорежимных партийцев были тщетны, а непонятный, бесформенный и неуправляемый ураган безликого чиновничьего рвения закручивался с устрашающей силой. Чиновникам иногда казалось, что кто-то невидимой рукой обставлял их дела так, что вопросы решались быстро, взаимовыгодно, и, самое удивительное, без нарушения должностных инструкций, циркуляров и сроков рассмотрения.

Павел Ибрагимович чувствовал, что вся администрация работает на пределе своих возможностей. Начальники отделов требовали от начальников управлений увеличить штатное расписание, а начальники комитетов докладывали заместителям губернатора о невозможности подготовить отчеты в срок. Чиновников стала валить эпидемия переутомления и простудных заболеваний на фоне ослабленного иммунитета. Мелких служащих все реже замечали по выходным среди толп отдыхающих граждан с шашлыком и пивом. Многие чиновники стали бояться брать взятки, и даже Модест Иванович после вручения ордена начал задумываться о политической карьере, а посему с откатами теперь осторожничал. И только хорошее расположение духа на этом фоне самого губернатора удерживало столоначальников от повальных увольнений.

Павел Ибрагимович кожей чувствовал надвигающийся коллапс, но понимал, что остановить это уже не возможно.

Назар Соломонович Подмышкин

В один из рабочих дней наш герой... Нет, надо говорить «наш чиновник», ибо или герой, или чиновник, третьего не дано. В общем, наш чиновник присутствовал на очередном круглом столе, посвященном развитию муниципалитетов и культуре местного самоуправления. Апокалипсические и оптимистические доклады общественных организаций, подготовленные на гранты отечественных и зарубежных грантодателей, были скучны и традиционно бессмысленны до безобразия. В последнем перерыве, когда большая часть участников уже просочилась в гардероб, как сбегающие с последней лекции студенты, к Павлу Ибрагимовичу подошел один из журналистов и предложил распить с ним по чашечке кофе.

– Лучше пива – сказал Павел Ибрагимович, посмотрев на часы – на работу сегодня уже не вернусь.

Они прошли в буфет, заказали пиво и фисташки. Павел Ибрагимович сел и о чем-то сразу задумался. Журналист кашлянул для приличия, наклонился к нему и сказал:

– Назар Соломонович...

– Что? – встрепнулся Павел Ибрагимович

– Назар Соломонович Подмышкин, журналист демократической оппозиционной интернет-газеты «Новости Икс», политический эксперт, социолог, культуролог, публицист и правозащитник, наверняка вы обо мне слышали.

– Не-а, я не по политике, это другое ведомство, – лениво ответил Павел Ибрагимович.

Подмышкину стало как-то неприятно внутри, но он решил не подавать виду:

– Я давно за вами наблюдаю. Вы ведь не муниципалитетами занимаетесь, хе-хе-хе, я ж понимаю.

– Не муниципалитетами? А чем же?

– Вы же входите в это тайное общество чиновников и вы там далеко не последний человек, – игриво хлопнув по плечу чиновника, закончил Назар Петрович с широкой, в половину маленького лица, улыбкой.

– А вам не кажется, что все вокруг сейчас только тем и занимаются, что строят фантастические версии о причастности нашего брата к этому, кхм, ордену пера и ноутбука?

– Кажется, но я знаю точно, и хотел бы с вашей помощью выйти на руководителей подпольной организации. Поверьте мне, благодарность будет соответствующей, от всей души и всего цивилизованного сообщества.

– Зачем вам на них выходить? – Павел Ибрагимович почувствовал покалывание в языке, это означало, что Авдий заинтересован разговором, а рабочий день еще не закончился.

– Ну, поймите, я же журналист, я хочу первым об этом написать... Ладно, по глазам вижу, что не верите, буду с вами откровенен, так сказать. Дело в том, что вся эта история кем-то мастерски режиссируется, я нюхом чую! И самое главное, что не понятно, на чью политическую мельницу, так сказать, польется вода.

– А если ни на чью?

– Полно вам, батенька, хе-хе-хе, по-олно! Вы ж понимаете, вы лишаете хлеба все партии, так сказать, они вас ненавидят, моя тоже, между прочим. Ваша тайная контора лишает общество политики, вы ж и так выборы превращаете в непонятно что! Более того, рано или поздно вы начнете мешать губернатору, о нем и так уже говорят меньше, чем о вас, а за это по головке не поглядят.

Назар Соломонович, шупленький темненький диссидентик непонятного возраста и семейного положения, тайно считавший себя самым умным политическим экспертом в регионе, в России (совсем тайно) и даже в мире по ряду вопросов, наслаждался эффектом, которые произвели его слова на него же самого. «Хорошо, сказал, очень хорошо, жаль, что не в Москве, или не у губернатора», – подумал он, делая крупный глоток из кружки.

– Вы кто? – продолжал Назар Соломонович, вытирая ладонью с губ пивные капли. – Чинуша, пшик, сегодня есть, завтра нет, винтик в жестокой, бесчеловечной государственной машине. Неужели вы думаете, что можете позволить себе какое-то собственное, хоть немножечко ком-пе-тент-но-е, так сказать, мнение по политическим вопросам? Хе-хе-хе, вы же, медведи тамбовские, кроме своих столов и начальников видеть ничего не способны. Не обижайтесь, но это напрямую вытекает из вашей профессии. Я вам могу предложить нечто другое, вам этого никто не предложит, никто...

– Не понимаю, о чем вы говорите, но предлагайте, – сказал Павел Ибрагимович, делая крупный глоток из кружки. – Думаю, что столоначальники для вашей партии не представляют интереса, как и ваша партия с правозащитными замашками и любовью к демократическим истерикам неинтересна нашим столоначальникам, хотя бы в силу страха перед Самым Главным.

– Нам все интересно, не заблуждайтесь, хе-хе-хе... В последние месяцы подтвердилась гипотеза одного нашего эксперта. – На этих словах журналист скромно потупил глаза в пивную кружку и продолжил: – Родилась идея, так, идеечка, хе-хе... Вы – чинуши, единственный класс который в начале XXI века сохранился как класс, социальная база, сеть. Ничего не осталось. Ни крестьянства, ни рабочих, ни интеллигенции, ни оппозиции, ни горожан, ни селян, ни бедных, ни богатых, ни молодежи, ни пенсионеров. Теперь это пустые слова, за которыми ничего нет, хотя многие этого еще не поняли. Есть только оторванные от корней сообщества, корпорации, кланы, группы и группки по интересам и то, в основном, виртуальные. Это было не трудно сделать, в глобальном-то мире. В глобальном мире мы смогли создать чиновников Земли, не связанных с государством и Его традицией. Идея Apparata Авдия оказалась вполне пластичной, хе-хе-хе

Назар Петрович говорил теперь горячо, его слова иголками впивались в Павла Ибрагимовича, потемневшие глаза сверлили собеседника, голос становился все громче и носился по бару неестественным эхом. За окном ударила одна из последних летних гроз, полумрак бара, казалось, наполнялся бордовыми пляшущими тенями. Павла Ибрагимовича яркой вспышкой и холодком по коже

поразила мысль: «Откуда он знает про Авдия и Аппарат?!» Назар Петрович тем временем продолжал с напором:

– Остались только чинуши, да образованные, да единообразно выстроенные, да вас много и вас не победить, пока есть государство. Мы с вами и не воюем, мы вас давно победили: зачморили, застрашали, сделали посмешищем и объектом зависти. Всегда в этой стране думали и будут думать, что вы – препятствие для нормальной жизни людей и развития страны. Никому и никогда мы не позволим сказать, что вы – система самосохранения и последний рубеж между миром и хаосом! Осталось чуть-чуть – вашими руками привести нас к власти и уничтожить вас вместе с вашим государством. Это будет не трудно сделать, поскольку каждый из вас слаб и грешен в отдельности! Оставшись единственным социальным классом, вы, в силу своего происхождения и своей истории, никогда не осознаете себя силой, политическим игроком, субъектом истории! Вы никогда не сможете встать в ряды воюющих на стороне добра или зла, вы машина, железо, которое даже не чувствует себя средоточием жизни в стране и главным защитником русской цивилизации. Вы обречены, хе-хе-хе...

Как-то так совпало, что в этот момент особенно сильно врезал гром, люстра под потолком заискрилась фонтаном и погасла, стало еще темнее, а бар наполнился бордовой темнотой, в которой светились холодным светом только глаза Назара Соломоновича. Его немного трясло, казалось, он говорит не сам, что тысячи мини-динамиков со всех сторон транслируют вдруг ставший торжественным и зловещим голос. У Павла Ибрагимовича кружилась голова, внутри все похолодело, а язык во рту горел, заполняя огнем весь рот и гортань. Он слышал команды Авдия встать и уйти, он даже понимал, что через десять минут, после окончания рабочего дня он останется в этом кошмаре уже сам по себе, без помощи языка Авдия. Но он не мог пошевелиться, он был разбит, а его тело не подчинялось его командам. Назар же, с пеной на губах как у лыжника на марафоне, выглядя совершеннейшим психопатом, нечеловеческим страшным голосом продолжал:

– Ты правильно пишешь в своем компьютере о партиях и новых чиновниках, ты должен открыться всем, мы приготовили для тебя огромную интернет-сеть таких же, как ты, чиновников, твоих будущих последователей, ты перестанешь быть служащим, тебя выкинут на

улицу, но ты станешь Героем и поведешь в союзе со мной Новую партию к власти! Я научу тебя всем тонкостям политической игры, ты войдешь в историю, ты будешь богат, ты приведешь своих последователей в Глобальный Аппарат! Но сначала ты вступишь в партию Назара Соломоновича, ты прямо сейчас вступишь в партию Назара Соломоновича Подмышкина!

На столе перед собой Павел Ибрагимович увидел партийный билет неизвестной ему партии, почему-то на нем было много-много разных государственных флагов, его, Павла Ибрагимовича, фотография и место для подписи.

Чиновнику становилось все хуже, тошнило, голова ничего не соображала, и только одна мысль мелькнула ясно: «Опять контракт? Ну и методы у них, неужели пиво отравленное!?».

В эту секунду горящий язык Авдия разжал сведенные челюсти Павла Ибрагимовича и раздался громовой голос Авдия:

– Здесь пахнет серой! Изыди! Ты нарушаешь Небесный Регламент Ноосферы, ты посмел давить на волю творения Его! Я буду вынужден подготовить служебную записку!!!

В этот момент вспыхнул свет в люстре. Через пустой бар, задрав голову с седыми клоками бороды на люстру, проходил старенький отец Иона из храма Александра Невского. Он также участвовал в круглом столе по проблемам местного самоуправления и выступал с докладом на тему: «Взгляд церкви на фактор местной православной общины в реализации 131 ФЗ». Доклад был больше похож на проповедь, а обсуждение скатилось к проблеме газификации храмов в Палково-Зуевском районе. Он шаркал через бар, путаясь в длинной рясе и придерживая свой рабочий головной убор одной рукой:

– Э-эх, Царица Небесная, ну как же так можно? Э-эх! Ей-богу пожарные акт составят, ей Богу. Говорил Петровне, чтоб чинили проводку, ежели вот закроют, где я на Святое Рождество семинаристов соберу? Ну, где? На все воля Божья, на все воля Божья, но зачем пожарных до греха доводить?

В это время батюшка досеменил до столика, внимательно своим улыбающимся лучистым взглядом осмотрел собеседников. Сделал два шажка к Подмышкину. Ласково погладил его по голове, перекрестил и сказал:

– Назарушка, как вспомню тебя мальчонкой с матерью в храме, твои глазенки любопытные, улыбку детскую, разговоры наши чистые – сердце радостью наполняется, храни тебя Господь, приходи в воскресенье к нам с попадьею, чайку попьем, мамку твою, Царствие ей Небесное, вспомним, помолимся...

Старичок зашаркал дальше, а Назар как-то весь обмяк, расслабился, моментально опьянел и заплакал пьяной слезой. Павел Ибрагимович потерял сознание.

Великий Чин

Алевтина Семионовна была в том редком состоянии русской женщины, когда под руку лучше не попадаться никому, хоть Голиафу, хоть армейскому спецназу. Дети тихо сидели в своей комнате, соседи за тонкими панельными стенами старались ходить на цыпочках, и все убавили звук у своих телевизоров. Одному Павлу Ибрагимовичу некуда было скрыться, поскольку, открыв глаза, он сообразил, что находится дома, в трусах и носках, в своей постели. И бежать ему некуда, за окном поздний вечер, а причина русского женского бунта на семейном корабле – он сам.

Жена, энергично убирая его разбросанные по всей комнате шмотки, удивлялась, как она его не заметила из кухни и как можно было так нажраться. Ее гипотеза относительно благоверного была проста, надежна и убойна как автомат Калашникова. Он (Павел Ибрагимович), второй месяц не приносит полную зарплату, домой ничего не покупает, с ней почти не разговаривает, на работу уходит рано, приходит пьяный, да еще переписывается «эсэмэсками» с какой-то «небесной канцелярией» (наверняка, по версии жены, с секретаршей из Первой приемной или Финуправления). Вывод о тайной любовнице очевиден, а она, загубившая ради его карьеры и детей себя «всю-превсю» без остатка жизнь, оказалась «полной душой», что верила такому подлецу, искусно изображавшему из себя добропорядочного чиновника и семьянина. Она это так не оставит и мало ему не покажется, в союзе с тещей она устроит ему веселую жизнь и обязательно закатит сцену прямо у него на работе, пусть, мол, все знают, с кем они работают.

– Как ты могла такое подумать! – произнес Павел Ибрагимович большим голосом классическую фразу, прекрасно понимая, что крыть ему нечем и что это как раз тот случай, когда приходится получать действительно на пустом месте, за себя и за того парня.

– А что я должна была подумать?! – не менее хрестоматийно и артистично сказала Алевтина Семионовна, и добавила: – Подлец, кто такая «Небесная канцелярия»?!

Во втором часу ночи, выскользнув из постели с еле-еле успокоенной народным мужским приемом и счастливо посапывающей женой, Павел Ибрагимович решительно направился на кухню. Авдий уже ждал его и, как обычно, не теряя времени начал отвечать на вопросы:

– Да, это тебе я налил кефир, садись. Да, это был Лукавый, собственной персоной. Он знает, что ты пишешь в своем компьютере. Да, я тоже знаю, но это не мое дело, и нашего контракта не касается. Да, многое из его слов – правда, но из маленьких правд он собирает большую ложь. Нет, никто не сделает тебе плохо, если ты сам того не пожелаешь. Да, я буду рядом. Нет, после меня ты можешь стать вновь никому не интересным, а можешь пойти к Отцу Ионе. Нет, создание новой партии чиновников – не обязательно сатанинское дело, но признаться, чертовски скользкое в данный момент истории. Я не обязан отвечать тебе на вопрос, с какой целью я все это заварил. Цель одна, ты же помнишь историю, а конкретная ситуация в тысячелетиях, время и место – это мое дело.

Авдий замолчал. Павел Ибрагимович, так и не издав ни звука, замолчал еще собраннее. Он залпом выпил свой стакан кефира и впервые в жизни не заумно, но очень умно и понятно высказал свою мысль, чему сам был удивлен до глубины души:

– Становясь на путь, который я считаю справедливым и добрым для всех других и для страны, вольно или не вольно я попадаю зону интересов добра или зла, точнее их обоих, и тогда я становлюсь игроком, раскрываюсь и подставляюсь, и тогда я должен начать свою войну или игру...

– Так... – медленно кивнул Авдий

– Но я не могу стать игроком в этой шахматной партии, поскольку должен выполнять распоряжения того, кто выше, и следить, как исполняют дела те, кто ниже. Я не могу оценивать эти распоряжения и

не могу давать распоряжения сам, значит, я не могу быть игроком на доске добра и зла, хаоса и космоса, жизни и вечной жизни.

– Так...

– А если я все-таки начинаю сопоставлять работу со своим представлением о добре и зле, я ломаю систему?

– Примерно так. Сам выбор блага для людей, а не для тебя самого, не важно, что ты посчитаешь благом, выбивает тебя из системы. И ты уходишь в другую жизнь, либо тебя уходят и это нормально, поскольку созданный Великим Чином Аппарат вне добра и зла. Более того, ты можешь глубоко ошибаться в оценке замысла и решений Аппарата, не владея всей информацией и вообще, не будучи Богом.

– Авдий, но ведь сам Аппарат тогда – благо и добро!

– Нет, всего лишь оригинальное выполнение технического задания Господа, и все. Когда во главе Аппарата деспот, когда Аппарату ставят задачи политики (или думают, что ставят), когда из Аппарата выходят Игроки, то жизнь людей меняется. Аппарат обладает своей логикой, своим коллективным бессознательным, но это всего лишь форма, берега для реки, остров или предохранитель для чьей-то воли. На него вообще, согласно первым инструкциям Чина, никто не должен обращать внимания, это у вас тут все наоборот...

– Авдий, но ведь люди страдают именно от чиновников, от аппарата, от волокиты!

Авдий впервые показался немного обиженным. Он посмотрел в глаза Павлу Ибрагимовичу и сказал:

– Ты чего, совсем тупой? Мы третий месяц с тобой смотрим на этих людей, ты видишь их суть и внутренности. Они ничем не лучше чиновников, только хуже, потому что их не сдерживает страх возможной, а на самом деле неизбежной ответственности за каждое свое публичное слово, за каждый рубль, за каждую подпись. Тебе-то зачем верить Подмышкину? Петрович достоин чистого и светлого подъезда? Бломберг достоин славы патриота-государственника и мецената? Ваш местный вечно пьяный сценарист с пьесой «Государев муж и сорок поэтов», которая хуже сериалов, достоин литературной славы и новой квартиры в Год работников Культуры? Тщеславный до безобразия и одиночества Подмышкин достоин возглавлять региональное отделение оппозиционной партии? С точки зрения Аппарата и логики самосохранения общества – да, все они достойны, а

с точки зрения блага, добра, Божьего суда и нравственных страданий – большой вопрос, большой вопрос, причем не мой...

И потом, нет ничего страшнее на земле, чем люди лишенные страданий, соответственно – со-страдания, а значит, любви. Без страданий вы – племя зомби, толпа наркоманов или скопище биологических роботов.

Павел Ибрагимович переваривал услышанное, и невольно в цепочке своих мыслей вышел на Чина:

– Так из-за этого Чин отказался от бонусов по контракту и ушел в отшельники?

– Сам спроси...

– ???

– Я же тебе обещал, ну, поверни голову...

Вместо стены и окна позади себя Павел Ибрагимович увидел мрачный свод пещеры, которая, по идее, висела на уровне одиннадцатого этажа многоэтажного панельного дома. «Голограмма, что ли, или спецэффекты какие?» – подумал современный российский чиновник. Он оперся на то место, где должна быть стена его кухни, и грохнулся на каменный пол. Во время полета он успел перепугаться, а когда приземлился, почувствовал холодную каменную крошку на губах и тупую боль в колене. Подняв голову, Павел Ибрагимович увидел каменное креслице, в котором, подобрав ноги, сидел Чин. «Надо же, я таким его и представлял из рассказа Авдия», – пробежала мысль в голове, напрочь заслонив собой недоумение по поводу одиннадцатого этажа и необъяснимости происходящего.

Он встал, отряхнул свой домашний халат, не оглядываясь и ничего больше не уточняя, направился к первому в мировой истории чиновнику:

– Чин, а почему ты отказался от бонуса по контракту, вернее, стал отшельником вместо того, чтобы, не попирая чести главного горшочника, честно получить себе дачу в каком-нибудь древнем Холюнкино, иметь много мешков риса, набрать себе дополнительных молодых жен?

Чин с удивлением посмотрел на Павла Ибрагимовича, и по его взгляду натренированный Авдием молодой чиновник без слов понял вопрос. Понизив голос, слегка наклонившись и едва заметно подмигнув, он сказал:

– Я к вам от Авдия, по личному вопросу.

Чин в ответ едва заметно кивнул и жестом пригласил Павла Ибрагимовича садиться на другое каменное сидение, один в один похожее на его первый рабочий стул в отделе муниципальной статистики.

– Давно у меня не было гостей от Авдия, пожалуй, со времен создания Лиги Наций, давно-о-о. Чем-то вы ему приглянулись, Павел Ибрагимович. Непонятно, непонятно. – Чин взглядом изучал гостя. – Трусоват, не гений, дисциплина хромает, а-а-а, самокопатель, пытаетесь страдать за чиновничество, да вы русский! Хуже не бывает. Сложно мне с вами придется, спрашивайте и уходите.

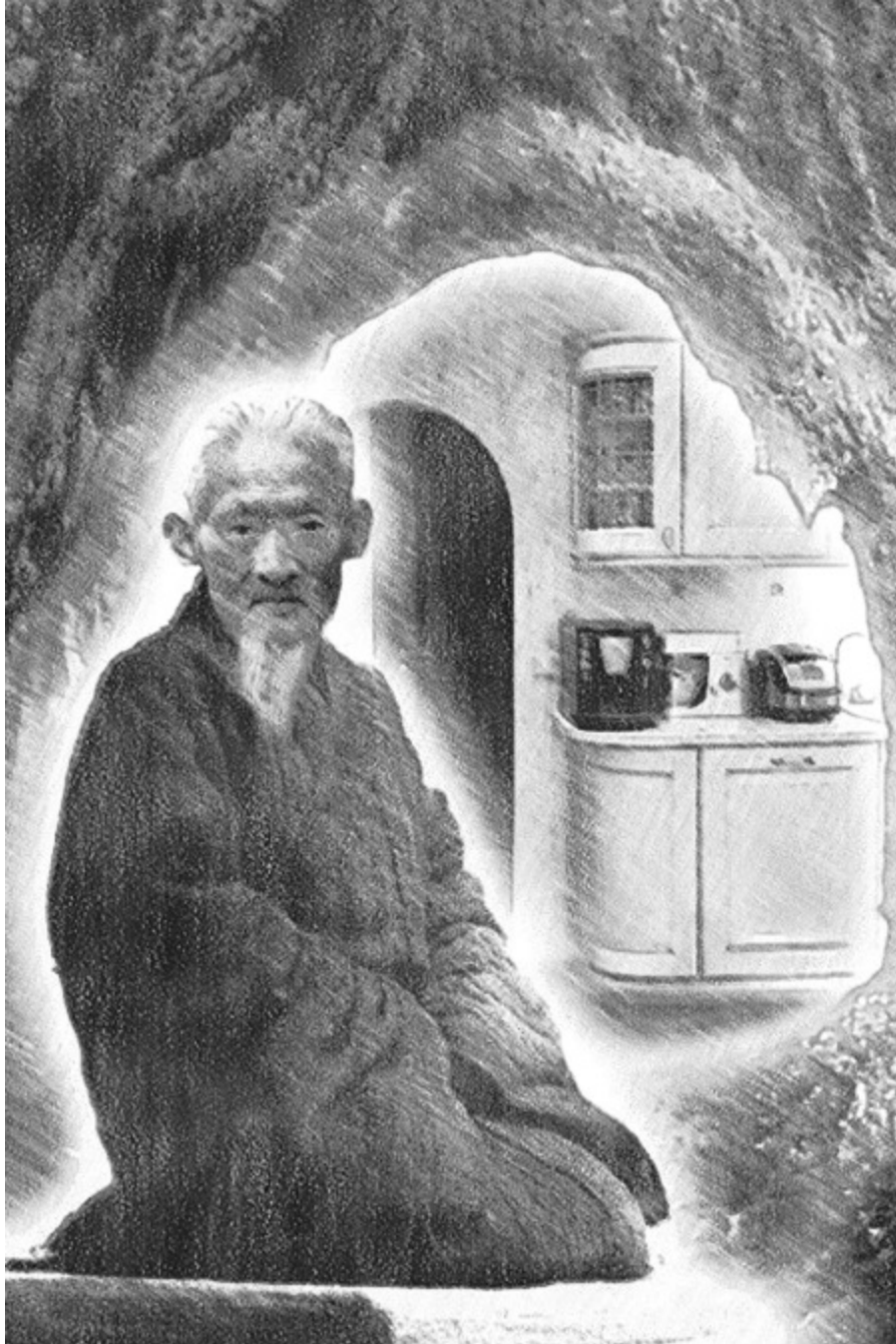
– А почему «хуже не бывает»? Я такой же чиновник, как и везде, ваше потомство, так сказать, – немного обиделся за Родину Павел Ибрагимович и добавил зачем-то: – Имею диплом Академии Госслужбы.

– Не обижайтесь, про русских – это не моя История, это история Авдия, у него и спросите. А вы что-то про бонус говорили?

– Ну да! Почему вы по контракту вместо вознаграждения выбрали пещеру и одиночество?

Родоначальник чиновников немного пожевал челюстями, подсобрался, почти как Авдий, в своем креслице и сказал:

– Вы говорите «не попирая чести». Я не знал слова «честь», оно мне было неведомо так же, как слова «принципы», «достаточно», «преданность», «служба». Но я их придумал, когда писал наставления и первые регламенты.

Когда я увидел, как юноши в царских школах писцов впитывают эти слова, как жрецы взяли мои регламенты и создали свой жреческий аппарат и поместили своих божков в специально придуманную на основе моих идей иерархию, когда я увидел, что мой царь обленился и даже перестал сам собирать дань с дуболомов – я испугался.

Я понял, что участвовал в создании самой главной системы человечества – системы его самосохранения и профилактики хаоса. Я

точно знал, что отныне все царства, религии, армии, политические, как вы говорите партии, даже союзы писателей-реалистов и научные общества химиков-естествоиспытателей будут создавать свои аппараты и опутывать нормами и правилами своих членов. Они будут возмущенно говорить: «Чижиков сядьте на место, ведь ваш вопрос в разделе «Разное»». И перегоревший за два часа коллегии Чижиков не успеет связать двух слов, потому что регламент выступления в разделе «Разное» будет прописан «до пяти минут». Зато мир избавится от очередного глупого и несвоевременного эксперимента, или, наоборот, потеряет рискованный шанс для прорыва...

– Ну, так чего вы испугались-то, Чин? – спросил заинтересованный, но не забывший вопроса Павел Ибрагимович.

– Если бы ты вот так перебил меня где-нибудь в Китае... – Чин возмущенно задвигал челюстью – пойми, русский, прямой ответ не всегда ясен, ты хочешь понять, или достаточно ответа «испугался»? Тогда всего доброго. И чему тебя там Авдий учит, никакой должностной субординации...

– Прости, Чин, прошу тебя, продолжай!

Поизображав еще, впрочем, совсем не долго, из себя обиженного, Чин-Чин продолжил:

– Когда я понял все это, я был поражен делам своим (вернее, делам нашим вместе с моим спасителем Авдием). Я понял, что верзила-царь не достоин этого подарка, что он даже не понимает, что я сделал для него, он даже... В общем, я захотел возглавить все сам, создать империю, понастроить специальных трудовых лагерей для дуболомов и закрытых спецшкол для царских писцов, я даже уже озвучил идею великого переселения всего племени от Великого Сибирского болота в район Северно-Восточной Африки. Я возжелал, теперь уже имея все основания для этого, стать богатым, великим и войти в историю без этого царственного мусора.

Но однажды во сне я увидел, как мне приносит отравленную воду мой лучший ученик, как он переписывает божественную историю царского рода, как правятся мои регламенты, как погибает Великий Аппарат, потому что все думают только о нем, вожделеют только его, хотят быть только им.

И тогда я сделал все чтобы стереть память обо мне, закинул несколько мыслей о государстве, власти и политике наименее тупым и

наиболее амбициозным ученикам, способным жить вне Apparata, но не вне власти и цивилизации. И все, после этого Авдий выполнил мое главное желание по контракту, и меня уже никто и никогда не мог найти...

Павел Ибрагимович напряженно думал:

– Так, значит, ты стал отшельником не из страха за свою жизнь и не из желания стать бедным и праведным, а ради того, чтобы сохранить Apparat?

Чин впервые улыбнулся:

– Умеет Авдий подбирать клиентов, ты смышленный. Но я все равно считаю, что зря он связался с вами, русскими. В принципе – да, ты прав. Ведь я сам убил бы неокрепший Apparat, своими руками уничтожил его, но нет ничего тяжелее для человека, сотворенного по подобию Божьему, чем губить созданное им самим дитя.

– А зачем, Чин, ты что-то там закинул про власть и государство своим наименее тупым и амбициозным ученикам?

– Очень просто. С тех пор во всех цивилизациях люди писали про богов, про власть, делали нравоучения царям, придумывали всякие идеологии и дурацкие военные прожекты. Даже устраивали на этом деле неплохой бизнес, пытаясь сорвать куш с богатеньких властителей за очередные рукописи о секретах эффективной политики государя. Но зато мы, чиновники, Apparat, с тех пор всегда оставались в тени, добросовестно выполняя свою задачу. Ну, кроме вас, конечно, русских.

Все, уходите, а то через минуту вы и на самом деле полетите со своего одиннадцатого этажа.

Христос и Авдий

И был я доволен в то далекое ветхозаветное время, ибо все было организовано и все было в меру. Организованные войны, организованные работы, соблюдение правил жизни и табу оказались под двойным контролем аппарата государя и аппарата жрецов. Зверь саморазрушения и садизма был загнан в безопасную для человеческого рода глубину. Периодически он, конечно, вырывался, но после бунта бунтари создавали новый Apparat, чаще всего, даже не меняя персоналий в штатных расписаниях. Иногда бунт вырывался в мир в

виде творчества или новых знаний, что тоже доставляло немало хлопот, но Аппарат придавал этому потоку безопасную размеренность и поступательность. В конце концов, постепенно в регламентах были придуманы специальные предписания и нормы, которые выпускали человеческую стихию в строго предписанных местах и в специально отведенное время: бои гладиаторов и чемпионаты по футболу, вече и парламенты, публичные дома и общественные бани, различные хеллоуины и ночи на Ивана Купалу.

Я все реже и реже вмешивался. Аппарат стал жить своей жизнью, если он терял чувствительность или плохо выполнял свои функции, то уничтожался и воспроизводился вновь в более адекватном времени и власти виде. Главное, что ни у кого после свержения Аппарата не возникало даже мысли строить что-то другое, первым же делом бунтари-победители начинали... распределять портфели.

Даже величайший и умнейший из людей Платон, который почти все понял про Бога, богоподобных людей и память об Эдеме, даже он не увидел нашей мастерской маскировки. Он не захотел быть вне добра и зла, истинного и неистинного и придумал, по его мнению, справедливое и правильное государство. В нем, естественно, не было чиновников. Он видел в государстве только ремесленников, воинов и мудрецов. Мудрецы, на его взгляд, и есть топ-менеджеры общества. Я был возмущен и насторожен, я уже видел, как мудрецы грызут друг другу глотки, проводя все время в дебатах о правильных путях развития. Пришлось подкинуть Платону идею построить его государство в натуре, в виде опытно-экспериментального образца, так сказать. Проект с треском провалился, у гения возникли серьезные личные проблемы. Мне даже было его немного жаль, но поверь, Павлуша, ничего личного – работа. В конце концов, его чуть подпорченное в веках и в головах обывателей реноме идеалиста самому Платону уже никакого дискомфорта не доставляло.

Все вроде складывалось хорошо для меня. Но, как всегда, невозможно предугадать Всевышнего: ветхозаветные времена закончились, и пришел Христос с его благой вестью.

Я был в шоке от действий Господа, я просился к нему на прием через всех знакомых архангелов, я хотел совершить самоубийство в знак протеста, но только зря растянул себе шею и потерял три дня, болтаясь в петле.

В конце концов, я ушел в ту пустыню, из которой впервые увидел Чина, воздел руки к небу и начал горячо жаловаться Господу. Не помогло. Тогда я сел в свое креслице и три дня сочинял служебную записку и заявление заодно. Вот этот документ дословно:

«Господи, знаю, что ты все знаешь, но мне-то как быть? Ведь Христос, Сын Твой, по всем параметрам попадает в категорию сотрясателей системы и будет восприниматься чиновниками и жрецами как угроза. Аппарат при всем желании не сможет увидеть в нем Сына Твоего и отнестись к Нему с должным почтением. Все будет наоборот, и я страдаю от этого. Его станут преследовать, против Него будут организованы кампании, Ему не построят на бюджетные средства дом для проповеди, не выделят достойную квартиру, не помогут с информационным обеспечением и не организуют набор учеников. Что делать мне несчастному, неужели я, богомерзкий, создал машину против Тебя?»

Может, ты так все и задумал, а я лишь ничтожная букашка, неспособная влиять на замыслы Твои. Но, я скажу больше, я обязан предупредить! И обыватели, и чиновники не в состоянии понять Его, а если поймут – не смогут жить как Он! Любовь, в отличие от пороков, страстей, милосердия и даже добра невозможно регламентировать, нормировать и сформулировать в виде понятных для всех подданных и граждан рекомендаций к действию. Люди будут жаждать от Христа чуда Твоего, помощи в заботах о хлебе насущном, в болезни, в горести и в опасности. Но как они будут любить? Что есть Любовь, Господи? Она – добро, она – это Ты. Но Ты – там, а люди – здесь, любить им будет еще тяжелее, чем Христу. Ты можешь потрясти их, ты можешь дидактически безупречно научить их, но как они с этим постоянно смогут жить на земле? Зачем им такой груз индивидуальной ответственности и индивидуальной свободы? Они сбегут от нее и собьются в толпы, где не надо открываться и за них все решено или самими умными, или самими главными!

Возможно, я лезу не в свое дело, Господи! Но только что я увидел, что Его хотят распять! Боже мой! Если даже он воскреснет, я боюсь, что его возведут в культ, ему будут кланяться, просить еды и выздоровления – это я вижу, но смогут ли они любить друг друга,

хоть чуть-чуть так, как любит их Христос!?! Или я не знаю людей! Впрочем, я из языка змия, я не человек и вообще не способен любить, но если все же получится и они полюбят друг друга, тогда не нужен Аппарат, не нужны чиновники, место арбитра и предохранителя вне добра и зла займет Любовь. Любовь будет таким организующим началом, ограничителем и регулятором, что никакие аппараты и регламенты станут просто не нужны!

В общем, Господи, я не смогу смотреть, как государство преследует Христа и христиан! Любовь в Регламенте и Аппарате не нуждается, дай же мне отставку, прошу уволить меня по собственному желанию.

Авдий, раб Твой».

Я твердо решил уволиться, мне впервые было сложно и горько, я так вымотался, что уснул прямо в креслице, это был мой первый в жизни сон. А когда я проснулся, то увидел на своем заявлении резолюцию Всевышнего: «Отказать!». На штампе небесной канцелярии стояла дата: 33 год от Рождества Христова.

На обратной стороне документа с резолюцией Всевышнего я обнаружил другую резолюцию, чему был немало удивлен:

«Многоуважаемый Авдий, прекратите истерику. Решайте свои задачи и не лезьте в компетенцию других ответственных уполномоченных. По поводу ваших вопросов про людей, по существу имею сообщить следующее: люди, испытавшие любовь, будут помнить об этом. Важно не то, чтобы они любили ближних на протяжении всего своего земного пути – мы понимаем, что это несовместимо с их греховной природой. Важно, чтобы они это почувствовали хоть раз и к этому стремились. Стремление к любви и осознание своей греховности само является важным результатом и смыслом на пути воссоединения Отца и детей его. Считаю целесообразным Вам, подумать над вышесказанным, принять меры и сделать все от вас зависящее в рамках своей компетенции, чтобы сохранить учение Христа в максимально приближенном к Истине виде.

С уважением,

Руководитель Небесной Канцелярии,

уполномоченный Максимус».

Напряжение нарастает

Между тем, до Великих Выборов в благословенной Старо-Пупинской губернии оставалось каких-то несчастных две недели. Сама кампания шла не ахти как. С доморощенными кандидатами население встречалось вяло. Брошюрки и другие агитки во множестве заполнили почтовые ящики и придомовые территории, дворники устраивали засады на агитаторов тех кандидатов, которые им, дворникам, не приплачивали. Даже «предвыборная чернуха» не заводила электорат, после долгих лет демократии знавший своих старых перечников как облупленных и без всякой «чернухи».

В противоположность улицам и общественным собраниям, обстановка на кухнях и в Интернете накалилась, что называется, добела. Все гадали, кого поддержит тайная организация анонимных чиновников, а заодно разоблачали как фальшивки публичные выступления того или иного главы района или доверенного областного начальника в пользу партийцев. Надо сказать, что и сами чиновники крайне неохотно стали давать публичные комментарии, поскольку сразу же подвергались обструкции в Интернете. Многие из них, привыкшие к обходительному обращению, лести от подчиненных и мату сугубо со стороны вышестоящих должностных лиц, не выдерживали и посылали невидимых Интернет-оппонентов в места не очень благозвучные, за что потом бывали нещадно поруганы еще больше. Но уже публично и с участием вышестоящих начальников. Вышестоящие начальники, в свою очередь, использовали конфузы по примеру Самого Главного, то есть как бесплатную возможность снискать народную любовь, заработать имидж добросердечного заступника всех граждан, а заодно показать уже своим вышестоящим начальникам как усиленно и трепетно они относятся к новой моде виртуального отчета, виртуального контроля и виртуального приема виртуальных граждан.

Между тем, в Интернете образовалось популярное сообщество анонимных «чиновников младорусского стиля», состоявшее, судя по количеству матерных выражений а-ля «заря Интернета», старому

«албанскому» и запредельным амбициям по модернизации всей Богом хранимой Старо-Пупинской области, преимущественно из лиц до сорока – сорока пяти лет.

На попытки добропорядочных блогеров выяснить истинные лица виртуальных чиновников, а также их должности и служебную компетенцию, они отвечали категоричным отказом. Тогда сотни интернет-хомячков устроили пошлый визг по поводу того, что это вовсе и не чиновники, что чиновники «все суть лохи» и невежественная причина всех бед всей России, делая при этом ритуальные ссылки на авторитет иностранных и отечественных экспертов, особенно на господина Подмышкина. «Анонимные чиновники» не поддавались на провокации и свято помнили о том, что реального человека виртуально и по жизни принести в жертву на плаху чужого пиара гораздо легче, чем анонима. Они опубликовали собственную систему опознавания «свой – чужой», чем упрочили свой авторитет среди пользователей и в узкопрофессиональных кругах ветеранов разведки.

Все было очень просто, как в старых советских романах о шпионах. Назвавшему себя чиновником задавали вопрос, на который мог ответить только человек, постоянно работающий в недрах Администрации. Что написано на кирпиче под сиренью во внутренней курилке Администрации? (ответ: «Замест. Петрова – козлице») Кто из сотрудниц правового комитета всегда носит каблуки не менее 8 сантиметров? (ответ: Маруся Дредноут). Где обедают аппаратчики первого заместителя, когда тот в командировках? (ответ: в его комнате отдыха). Какое прозвище имеет заместитель начальника отдела финансового планирования Мария Матвеевна Морковкина? (Ответ: Эмэмэм). Вопросов было обычно несколько, и если новый интернет-адепт не отвечал сразу хотя бы на некоторые, его с позором изгоняли из сообщества как провокатора.

Интернет-сообщество анонимных чиновников росло не по дням, а по часам, стремясь вырваться по географическому охвату за пределы области. Авдий, периодически вбрасывая туда свои анонимные мысли (строго в рабочее время и пальцами Павла Ибрагимовича), тихонько приговаривал: «Ну, да-а-а, ну да-а-а! Надо же, действительно как накипело-то, как накипело! Ну, да-а-а!».

Все добропорядочные избиратели следили за тем, как обсуждаются их проблемы в сети и добросовестно пересказывали увиденное менее сознательным и темным избирателям, которые никак не могли сладить с современными технологиями.

Однако в этой разрастающейся как снежный ком истории стали проявляться первые никем, кроме Павла Ибрагимовича, не видимые признаки больших неприятностей.

Пока все-все-все срочно пытались решить свои проблемы с лампочками, пенсиями, начислениями и льготными поездками к местам гибели репрессированных родственников, а также гадали, за кого призовут голосовать новые чиновники (чиноносцы, по терминологии Павла Ибрагимовича), незаметно стало расти напряжение среди обычных, как правило, более старших чиновников (чинососы, по его же классификации).

Обиженный снижением уважения и почитания со стороны подчиненных, высшего начальства и посетителей Модест Иванович, несмотря на орден за квартиры для культработников, после долгих согласований опубликовал в областной газете «Красно-Белый Путь» обширное интервью под названием «Старая гвардия. Есть еще порох в пороховницах». В ней он очень аккуратно, чтобы сильно не обидеть различных начальников, но фундаментально высказался о полной нелепости превращения чиновников из почетного класса слуг государевых и опоры России-матушки в обслуживающий персонал, этаких сотрудников сферы услуг для населения. Модест Иванович заявил, что лично он с этим мириться не собирается, что в областную администрацию, не говоря о районных, трудоустроиться стало легче чем в обувной магазин, что опытные чиновники уходят, что да, было плохо, но вот увидите, скоро станет куда хуже. Модест Иванович даже не побоялся сказать то, о чем по политическим соображениям никогда не говорят, то есть о зарплате 90 % чиновников, которые уже четыре года не видели повышения жалования и которые совсем поизносились в сравнении со старыми добрыми временами. В заключение он намекал на свое скорое увольнение по собственному желанию, а также на тайное предложение возглавить региональное отделение некой партии.

Интервью не получило широкого резонанса, так как «Красно-Белый Путь» читали немногие, однако для всех следящих и около

власти шатающихся этот текст стал сигналом к действию. Появилась оперативная информация о появлении тайного штаба «Старая Гвардия» из числа представителей недовольной номенклатуры, которая тоже решила сделать тайный знак под мышкой у своих членов. На нем были изображены скрещенные перо и меч, перехваченные в перекрестье змеиными кольцами, а в качестве девиза по кругу давались слова приснопамятного Александра Первого, он же Александр Победитель: «При мне все будет по-старому, как при матушке Екатерине!».

Помимо наметившегося корпоративного раскола в среде государевых чинов, Павел Ибрагимович с тревогой отмечал и тревожные тенденции среди граждан, по мере раскрутки маховика чиновничьего рвения, запущенного Авдием.

Однажды у подъезда его подкараулил Сидр Матвеевич Бломберг, который, прикрывая темными очками огромный фингал, слезно просил о помощи. Он рассказал, что коллеги по строительному бизнесу на юбилее начальника управления капитального строительства устроили ему темную, приговаривая, чтобы он, Сидр Матвеевич отучался выбиваться из буржуазного коллектива и ставить дружественные строительные фирмы в неловкое положение. С другой стороны, он уже месяц не появляется в своем офисе, так как около него круглосуточно дежурили интеллигентного вида, но крайне возбужденные личности, называющие себя библиотекарями, массовиками-затейниками, заведующими сельскими клубами и даже почетными работниками народной самодеятельности, а также родственники всех этих товарищей. Все они часами и втайне друг от друга готовы рассказывать ему о своих заслугах перед отечественной культурой и будущими поколениями, критиковать бесталанных коллег и угрожать написать на сайт Самого Главного, если Сидр Матвеевич не даст им отдельную квартиру.

Откуда ни возьмись, появились пикеты инициативной группы граждан «Нет автобанам в городе!». Эту «Группу верных матерей» возмущал тот факт, что их дети после активного ремонта дорог стали гонять с бешеной скоростью, устраивать ночные гонки, как в безнравственных голливудских фильмах. К тому же редкие лежащие полицейские демонтировались этими же чадами с русским размахом, а чиновники и милиция не понятно куда смотрели.

Совсем обнаглевшие журналисты от оппозиции стали, размахивая конституцией, возмущаться тем фактом, что школьников из семьи Шариковых из Чермет-Омочинского района не возят в школу на специально оборудованном автобусе в соседнюю деревню, а предлагают какие то «чиновничьи подачки» в виде пришкольного интерната. Созданное инициативное общественное движение «За братьев Шариковых» настаивало на том, что братья и их законные представители, то есть их родители фермеры Шариковы, безусловно, имеют право выбора между отремонтированным на деньги партийного главы района пришкольным интернатом, велосипедом и специально оборудованным школьным автобусом.

Последний случай не получил сколько-нибудь общественно-значимого развития, поскольку глава районной администрации, с подачи Павла Ибрагимовича, часть денег местного ПАТП перевел частному перевозчику, что оказалось в три раза дешевле автобуса, и братьев стали подвозить к школе на такси. Общественность, уверенная в крохоборстве чиновников, возмутилась было экономией на детских автокреслах, но после публичной попытки усадить братьев в эти кресла, отказалась от дальнейшей дискуссии. В итоге, в силу испорченных отношений с завистливыми одноклассниками, резко снизившейся успеваемости и конфликтов с водителем из-за регулярно проливаемого на заднем сиденье молока от коровы Зорьки, чета Шариковых письменно попросила избавить их детей от такси. Отец семейства даже публично пообещал «набить сусала до кровавых соплей вот этими вот крестьянскими намозоленными кулаками» тем, кто затеял эту историю. При этом он громогласно рассказывал, как сам ходил в школу за десять кэмэ, благодаря чему был чемпионом области по лыжным гонкам, за что, по нынешним-то меркам, мог бы как сыр в масле кататься и получать деньжищи за олимпийские успехи. Движение «За братьев Шариковых» после экспрессивных намерений сурового крестьянина сразу же прекратило свое существование.

«Так или иначе, – думал Павел Ибрагимович, – просто так это все не рассосется, ой, не рассосется...»

Прогулка с Авдием

Был на редкость погожий осенний вечер, без ветра, дождя, без низких и давящих на здоровую психику мокрых и мрачных туч. После работы Павел Ибрагимович с наслаждением брел по старинной и тихой части Старо-Пупинска в направлении дома. В качестве высшей милости партнеру кампанию ему составил Авдий, в старомодном сюртуке и с зонтиком вместо трости. Смеркалось, говорить не хотелось вообще – так своим обаянием погрузил их в себя осенний город. До дня голосования, а значит, до окончания срока контракта была еще целая рабочая неделя. Первым не выдержал тишины Павел Ибрагимович.

– Как чудесно вокруг! – сказал он, глубоко вдыхая экологически чистый воздух провинции – и это чудо создано Богом и людьми совместно.

Он остановился и задрал голову на купола древней церквушки. Ее силуэт в последних лучах заката казался произведением кого угодно, только не жителей Старо-Пупинска с их вечным, при всех властях и во все времена, ворчанием, неустроенностью, жалобами, наветами, жадностью, выгодой, вороватостью и пьянством. Павел Ибрагимович пояснил свою мысль не отреагировавшему на его первую реплику Авдию:

– Ну, другие ведь раньше люди были, не то что мы! Глянь вон, старая башня, наши предки ее строили, сражались в ней, а сейчас там сортир и ходить страшно – темнота.

– Раньше еще страшней было, – отозвался, демонстративно зевая Авдий – в двадцатом веке там писали комсомольцы, потому как в ближайшем клубе рабочей молодежи «Ударник» сортир вечно не работал. В девятнадцатом веке прямо внутри устраивали пикники на французский манер и тоже писали, потому как общественных сортиров не было в принципе, а во всех близлежащих нужниках у частных домов держали московских сторожевых. В восемнадцатом веке здесь еще стояла рота гренадер, чудо-богатырей суворовских, которых как поставили до проезда «Ампира трицы Катеринушки», так и забыли снять. Эти молодцы во-о-он у того входа назначали свидания мещанским дочкам, которых, не долго думая, прямо в башне и склоняли к замужеству. А днем без всякого зазрения совести перед историей памятника фортификационной доблести, старо-пупинцы потихоньку растаскивали на хозяйственные нужды башенный камень.

Да и когда строили сей шедевр, – после паузы не спеша продолжил Авдий – в стародавние времена здесь такие страсти кипели, что не приведи Господь узнать об этом местным экскурсоводам. То смертным боем дрались при подсчетах свозимых черными людишками камней, то ловили на производственном браке, когда солому с мусором вместо камней внутрь стены забивали, то «лутшие люди» смуту творили за то, что подати на строительство башни ложились на их бизнес непомерным бременем. И «плач стоял по всей земле старо-пупинской ровно три дни и три ноченьки». Впрочем, Паша, если сможешь, думай про старую Башню и славное прошлое как обычно, так жить легче...

Павел Ибрагимович почему-то верил всем фактам, изложенным Авдием, но настроение от этого нисколько не ухудшилось. Он подумал, что даже башня, которую, как товарную девку, дергают последние лет тридцать общественники-культурологи, демократы, патриоты и чиновники в целях политической борьбы за голоса избирателей, бюджеты и просто из человеческого тщеславия – даже башня – мудро не обращает внимания на суету вокруг себя, а любит осенним закатом.

Павел Ибрагимович посмотрел внимательно на Авдия и с улыбкой сказал:

– Авдий, ты просто не любишь людей! Совсем не любишь, ты со своей циничной пронизательностью видишь в нас только плохое, и в чиновниках, и в обывателях, и в бизнесменах, и в работниках культуры!

В это время, пошатываясь и приговаривая слегка заплетающимся языком: «Пятница-развратница, папка дожидайца, бегом, Петька, домой, домо-о-ой!» – с боковой дорожки перед философствующими чиновниками вырулила дама с ребенком. Вполне прилично одетая, с сигаретой в одной руке и детской ручонкой в другой она вела наспех, но со вкусом одетого малыша лет четырех-пяти. Видимо, не удовлетворившись скоростью ребенка, она сделала подряд три затяжки, швырнула бычок под ноги, взяла мальчонку на руки, крепко поцеловав его прямо в губы, и молодой, слегка пьяной рысью, заспешила по дорожке. Видимо, домой.

– Вот коза! – заявил Павел Ибрагимович – я б своей Алевтине за такое так вставил бы! Чему эта мамаша ребенка научит? Мусорить, пить, курить? А ведь потом будет приходиться к нашему брату

чиновнику, жаловаться на низкую зарплату, отсутствие льготных лекарств для детей и, главное, без зазрения совести кричать о мусоре, бардаке и зажравшейся власти! Вот где нужна административная комиссия, в конце концов, с поличным брать, и в газеты!

Павел Ибрагимович, вновь стал чиновником, забыл об осени и закате и искренне расстроился за своих коллег и типичных земляков-

обывателей. Авдий только ухмылялся, слушая его, а под конец вздохнул и сказал:

– За что вас любить? Это вы не любите людей, то есть друг друга. Вы любите только то, что далеко от вас, как мифическая башня с благородными предками или осеннее солнце на закате. Эта мамаша – Кривцова Евдокия Петровна 1985 года рождения, как ни странно, та самая продавщица, что полгода назад на Юрьевской стороне трех детишек из пожара вытащила, потом в больнице с ожогами лежала. И в газетах она уже была, только, естественно, с вашим мэром в обнимку, и заголовок там был «Простая нравственность простых горожан». Людей я не люблю, ты прав, – продолжал слегка обиженно ворчать Авдий, – чего мне вас любить-то, вы сами друг друга сначала полюбите, а потом мне говорите «не люблю!», нет у меня такой задачи, нету...

Апостол для Apparata

Наливая и подавая кефир для Авдия, Павел Ибрагимович спросил:
– Слушай, все-таки терзает мне душу этот Чин. Я его вроде понял – и про детище его, и про тайну Apparata в истории, но чего он так на русских-то? Чего ради ты с нами, русскими, «зря связался»? Сдается мне, что ты не успеешь дойти до этого в своей Истории. Контракт у нас с тобой закончится, а я останусь с твоими делами в Администрации, да еще и с неоконченной Историей! Пожалуйста, Авдий, расскажи, а? Я так думаю, что после Христа Apparata не погиб, а наоборот, развился, да?

– Почему ты так решил? – спросил Уши

– Да потому что наш брат до сих пор жив, а ты здесь сидишь, и никто чиновников не упразднил! Ты, наверное, помог Apparату признать Христа, и Господь чиновников вместе с тобой оставил в покое, или наоборот отправил в командировку на север Евразии, так?

– Нет, не так, слушай...

После резолюции небесной Канцелярии я долго сидел, как истукан, и думал. Потом придумал. Огляделся, оценил обстановку: все было ровно так, как я и предполагал в Служебной записке. Чиновники и прочие законники нещадно преследовали христиан по уголкам

бесконечной Римской империи. Те прятались, проповедовали тайно, превратились в типичное подполье с непонятными перспективами. Все шло к тому, что люди скоро забудут о жертве и Благой Вести Христа, как обычно забывают сделанное им добро без расписки по обязательствам.

Первым делом я провел кастинг среди последователей Чина и детей Apparata. Тогдашние писцы и чиновники, не в пример нынешним, во взглядах были суровы, консервативны и очень боялись проверяющих из Рима. А молодым и фанатичным христианским общинам не было дела до денег, власти и вообще, систему они как-то самоубийственно игнорировали. Лед и пламень прям.

Мне нужен был человек смысленный и системный, как Чин, но умеющий любить и верить неистово, как ученики Христа. Без такого человека, решил я, это доброе христианское дело превратят в секту и медленно, без нравственного эффекта для человечества уничтожат. И что тогда, новый потоп? Или суперметеорит и все сначала? Это была поистине невыполнимая задачка, но я не отчаивался. В конце концов, чего мне бояться, если Небесная Канцелярия официально согласовала мое участие в этих процессах?

Так и получилось. Некто Савл, распаленный собственноручным избиением христиан, получил солнечный удар в пустыне по дороге на очередное избиение в Дамаск. Там ему явился Бог и вежливо попросил не гнать христиан, ибо он гонит самого Господа.

Оклемавшись, будущий Апостол Павел (а это был именно он) так впечатлился, что не просто уверовал, но и смог понять суть божественного явления Христа, неполноценность своего образования и ложность Apparata с точки зрения любви. Собственно, я это уже пережил к тому времени и всего лишь мягко посочувствовал человеку. Не смотря на то что Павел в одночасье стал безработным подвижником и очередным христианином, мне удалось пообщаться с ним в рамках своей компетенции, не влезая в смежные и неподотчетные мне вопросы.

Смысл моего общения был ясным и коротким. Я лишь поделился своими опасениями. Я сказал:

«Неужели ты думаешь, что сам Господь явился к тебе только для того, чтобы ты стал очередным христианином? О, несчастный Павел, тебя просто избыют, как избивал ты сам. Ты будешь рад, как и другие,

принять смерть за веру Христову, но людей миллионы, а ты один, какой прок от твоей смерти для христианского дела? Неужели истина Христова уйдет с последним из вас? Если нужно Писание, то нужен и бюджет на его тиражирование, если нужно нести людям истину, то нужны те, кто будет это делать дольше, чем до первого выхода на площадь или до первого доноса. Если это истина от Господа нашего единого, то нельзя делить народы на своих и язычников, а значит, нужен штат и школы для переводчиков и защита от дикости языческой. Где возьмешь ты все это, бывший гонитель, а ныне сам гонимый? Не лучше ли тебе подумать хорошенько, прежде чем голову твою отрубят язычники, и сделать больше для веры твоей, чем ты можешь сделать сам по себе?»

В общем, расчет оказался правильным. Люди системы бывшими не бывают, они не умеют решать задачи иначе как системно. И Павел – до чего гениальный человек – сделал то, о чем все ваши современные сектанты и продюсеры и мечтать не смеют. Он, как у вас говорят, «раскрутил» Христианство на всю планету и на тысячелетия вперед! И ведь как гениально оценил ситуацию!

Во-первых, он начал создавать сеть и поддерживать связи между ее ячейками. Так использовать почту до него никто не догадался: он и проповедовал с помощью писем, и знакомил коллег друг с другом, и договаривался о встречах, делясь планами. Это был первый шаг к церковной организации, которая должна была обеспечить, выражаясь казенным языком, «специально созданные организационные и материальные условия для сохранения, поддержания и распространения истины, любви и веры Христовой, а также для принятия своевременных мер по сбору, анализу и распространению информации о божественных знамениях и чудесных фактах».

Во-вторых, он совершил чисто аппаратный ход: по-новому поделил человечество – на христиан и не христиан. С его подачи становились неважными национальность, культура, социальный статус, одновременно, открывались ворота к Христу для всех народов. «Язычники – тоже божьи дети», – сказал Павел и забрал их в лоно Вселенской Церкви.

Наконец, он объяснил в своих сигналах наверх, что Христианство понимает начальников как ставленников Бога и ничего не имеет против Аппарата, дайте мол, спокойно проповедовать, а мы за вас тоже

помолимся, поскольку это по-христиански и это часть веры нашей. Напоминание о первом договоре царя и жрецов по поводу десятины и потенциально плодотворного сотрудничества сыграло заметную роль.

Все. Жизнеспособность Церкви за каких пару-тройку веков была обеспечена, конструктивное взаимодействие церкви и государства налажено. Теологические дискуссии на соборах, борьба с ересью, выборы патриарха, мироточащие иконы и обретение мощей – все это уже было возможно в спокойном открытом режиме благодаря гигантской системной работе, которой дал начало Павел.

Павел Ибрагимович очень внимательно слушал, очень. Ему казалось, что такая организация церкви – с правилами, уставами, наказаниями за нарушения – это, конечно, правильно, но ведь Христос об этом ничего не говорил. Павел Ибрагимович спросил:

– Авдий, но где в твоём рассказе тогда Христос, Любовь и свобода выбора?

– Павел, Павел, бедный Павел! Если ты будешь об этом думать дальше, то спросишь: как могут сочетаться Всепрощающий любящий Христос и изощренные пытки для грешников на адских сковородках?! Я не занимаюсь этими вопросами. Скажу тебе по секрету, и мы закроем тему. Для безграничной веры и чудес любви на земле тоже нужна организация и структура, тоже нужен Аппарат. Но самой любви и вере никакой поддерживающий Аппарат не нужен! Вот в этом противоречии и варилась вся история Церкви, а заодно государства и, по мере экспансии Христианского мира, вся история ноосферы. Из-за этого противоречия я и оказался у вас в России. Проморгал, так сказать...

Павел Ибрагимович напрягся и впился взглядом в замолчавшего Авдия. Тот, пожевывая, как обычно, челюстью, устремил свой взгляд куда-то мимо чиновника, будто дед, вспоминающий славы дела юности.

– Авдий, ну как это так – «проморгал», продолжай, продолжай, мне хочется с тобой спорить. Мне кажется, ты будешь говорить о русской исключительности и особом пути, о том, что «умом Россию не понять» и бла-бла-бла! Я в это не верю, слышишь, это же неправда! И чиновники у нас никакие не особые, а ровно такие же, как везде, слышишь? Могу доказать! Даже коррупцию не у нас придумали, и фактов ихней чиновничей нечистоплотности – море!

– Завтра... Однако запомни, если бы не Павел, то ты бы, его тезка, как и многие тысячи тебе подобных чиновников, не боялся бы до трепета геенны начальственного гнева и не работали смиренно и бесправно, как финикийские гребцы под отборным матом вышестоящих, и не терпели бы дружное издевательство журналистов, писателей и пиарщиков отдельных олигархов. Ни жалование, ни размеры откатов, ни лезть окружающих подчиненных и мирян, а именно Павел и Христианство приучили девяносто процентов из вас к повседневной ответственности за все, что творится в обществе. То есть за то, что вы при всем желании предусмотреть и предотвратить не в состоянии, сколько бы вы ни предписывали правил, ни брали расписок по инструктажам и ни выдумывали процедур согласования. Павел научил вас долготерпению и мазохизму аппаратной несвободы. Именно Павел, как ни странно, окончательно лишил чиновника личной воли, а чиновничество самостоятельности в истории. Потому что для каждого из вас свой Самый Главный вышестоящий – почти Господь, важная часть ежедневной молитвы. А Господу, как известно, смиренно подчиняются и благодарят его за все. И для меня это правильно, Аппарат – лишь инструмент для сохранения рода человеческого, а сопли чиновников – их личная проблема, все равно ведь не уволитесь и не разбежитесь... Авдий последнюю фразу произнес как-то провокационно, хитро посмотрел на сосредоточенного Павла Ибрагимовича и растворился в обоях.

Модест Иванович

В кабинете Павла Ибрагимовича раздался звонок. Высветился прямой номер Модеста Ивановича:

– Что, Павлуша, хулиганишь?

– Нет, бумаги расписываю, потом на рабочую группу собираюсь, потом тебе хотел позвонить, давно как-то не виделась – уверенно сказал Павел Ибрагимович языком Авдия.

– Зайди ко мне, Паша, зайди, сынок, потом бумажки то свои распишешь, не хорошо дядьку – друга забывать, почитай, месяцев шесть уж не заходил. Но имей в виду, мы хоть и люди второго сорта,

по нынешним меркам, в Интернете не валандаемся, но все знаем! Так что разговор у нас будет серьезный, анонимный ты наш чиновник.

– Тогда вечером, Иваныч, после работы подкачу, не возражаешь? – невозмутимо и без предусмотренных субординацией интонаций ответил язык Павла Ибрагимовича.

«Зачем Авдий меня к нему после работы посылает? – напрягся Павел Ибрагимович – как я там без него-то? Ведь будет что-то нехорошее говорить, к гадалке не ходи!»

«А ты не бойся, Ибрагимыч, сам, поди, не дурак, – раздался в кабинете его собственный громкий голос. – Пообщайся, голубчик, покажи, что за прок тебе от моих историй».

Павел Ибрагимович мысленно попросил свой язык не орать, поскольку, если кто услышит, подумает, что чиновник с катушек съехал. Вчера, вон, одного из Управления соцзащиты прямо в кабинете связали и увезли амбалы в белых халатах. Так тот на всю Администрацию орал, чтобы его всенепременно простили братья анонимные чиновники за то, что он взял-таки взятку от директора пионерлагеря. Но за эту взятку в наказание, мол, самолично, за выходные выкрасил четыре подъезда в местах проживания ветеранов, а деньги от управляющей компании за работу, мол, выбил и переправил ветеранке Кларе Петровне, которую родной сын отправил на государственные харчи в Дом престарелых, покусившись на ее приватизированную квартиру. Об этом много писала независимая интернет-газета в неприятном для чиновников соцзащиты ключе. Жена дома назвала этого чиновника полным идиотом, психом, безнравственным эгоистом, предложила мужу уволиться со службы и перейти в коммерческий санаторий, он не спал три ночи, и вот, действительно, съехал...

В общем, Павел Ибрагимович настроился на встречу без Авдия, один на один с Модестом и со своим родным языком.

Между тем, недоумевала уже вся область. Одна часть граждан, которая следила за политической повесткой, свято была уверена в подвохе и в том, что вся эта история срежиссирована. У этой части населения спор сводился к одному вопросу: это мастерский слив партии власти накануне выборов, или мастерский пиар партии власти накануне выборов. Другая, большая часть граждан, недоумевала по поводу того, что не было никакого сигнала, за кого голосовать в

благодарность за поставленные заборы, отремонтированные колонки и прочее чиновничье внимание. Оппозиционеры были в растерянности, коммунист Петрович ушел в запой, а Назар Соломонович Подмышкин уехал в Москву на консультации, да так, говорят, и застрял в посольстве США, уже вторую неделю. В чем сходились все, так это в том, что рвение и успехи чиновников – дело временное, что это все равно ни какая не модернизация, что вот-вот, ко дню голосования хитрый заговор обязательно откроется и все станет как обычно, дай бог, дай бог... За кого только голосовать-то нужно?

Модест Иванович, широкоплечий пожилой мужчина с трубным голосом советского комсомольского вожака и прямым, даже дерзким перед подчиненными и равными коллегами взглядом, молчаливо кивнул на стул Павлу Ибрагимовичу. Это был славный и опытный чиновник, пересидевший все власти, всех губернаторов и даже помнивший Леонида Ильича по всесоюзной комсомольской конференции.

– Что, сукин сын, против государства пошел? Против своих? Жрешь, пьешь с государевой руки, кредиты вон берешь на квартиры! Я ж тебя с отдела статистики поддерживал, когда еще молоко на губах не обсохло, за тобой, каналья, присматривал! Канитель разводить удумал!...

Модест Иванович еще долго говорил в режиме монолога. Основная мысль сводилась к тому, что всю Россию развели как деревенскую девку. Втюхали народу мульку, что чиновники подотчетны налогоплательщикам, чего по определению быть не может. Живи, например, Павел Ибрагимович по этому принципу со своим начальником – то-то поржал бы Модест Иванович. Вот, мол, так и так, товарищ губернатор, народ мне указывает на недочеты, а смету вы мне увеличивать не хотите, ну-ка, подпишите мне отпуск, у меня путевка в Египет горит, налогоплательщики советуют передохнуть, тьфу...

– Вы, – громко басил Модест Иванович, – на этой почве опустили чиновника ниже ватерлинии и облизываете задницы лентяям, лоботрясам и продажным журналистам. Одной рукой, значит капитализм строим, а другой по первой жалобке шум поднимаем да в Интернете руки заламываем, страдальцы, ити вас за ногу, диалектики! В общем, никакого порядку с этим заигрыванием не осталось, а заигрывать за счет нервов и стрессов госслужащих долго не выйдет,

лопнут оне все, как товарищ из соцзащиты, несмотря на свои железные задницы. В общем, Паша, на хрена тебе это все надо, я не понял, после разберемся, – уверено, с осознанием собственной правоты и силы пробасил Модест Иванович. – Но вот с «анонимными чиновниками» в Интернете надо кончать, и по-умному. Выйти, значит, надо и сказать что это, мол, не взыщите, секретный проект партии власти, тем более что там и так чиновников не меньше трети от всех членов. Добро пожаловать, дорогие товарищи, голосовать за нашу партию, а то разгонят нас враги отечества и не видать вам ни ремонтов, ни газификации, и все деньги на дороги в соседнюю Древне-Чащинскую область отдадут...

Павел Ибрагимович, слушал с интересом, даже кивал иногда, соглашаясь, удивлялся, чего раньше на такие злободневные для него темы он ни разу не поговорил с Модестом Ивановичем. Однако внутренне постепенно закипал.

– Иваныч, вот ты ж тыришь деньги-то бюджетные, и другие тырят, а подавляющее большинство чиновников не тырит, наоборот, очень даже средние зарплаты получает. А как, значит, чего вскроется, так на всех на нас, на все сословие из-за таких, как ты, – поклеп и недоверие, фильмы потом снимают да посты в блогах сочиняют. Ты не подумай, я с тобой про унижение чиновников полностью даже согласен, но ведь сам тоже виноват, бес ты старый, и тебе подобные! Повод дали давным-давно, до сих пор не отмыться, людям в глаза смотреть стыдно, особенно когда выходит свежий номер газеты «Жесть. ТВ. Гороскопы». И вообще я никакой не анонимный чиновник, и не создавал я их вовсе, зря ты ко мне пристал...

Модест Иванович ошалело смотрел на Павла Ибрагимовича – он явно не ожидал такого отпора. Закурил, попросил чаю по громкой связи, помолчал, прибавил звук на маленьком портативном радио на столе и сказал:

– Орел, ети его в душу, оре-о-ол вырос! Ты, сосунок, запомни, что для таких вопросов и рассуждений прокурор имеется, понял? И отвечать ему, как и Богу буду я лично, сам, без тебя, хотя бы и под улюлюканье толпы твоих анонимов. Ты хоть раз своими ножками ходил на завод, когда в тебя две тыщи злобных глаз сверлят, за то, что полгода зарплату не получают, а? Может, ты бюджет кроил по-живому, когда кроить нечего и кукиш вместо трансфертов, а, я тебя

спрашиваю? А если я с таких, как твой Бломберг, возьму копейку – так и правильно сделаю! По моему разумению, пусть государство за спиной чует подлюка, а не какого Валеру Калининского, из Древне-Чашинска. Ты хоть один сериал про плохих журналистов видел? То-то, и не увидишь! Интернет твой, что думаешь, новая политическая эпоха? Где эпоха? В Америке? В Китае? Нет там такой проблемы, и не может быть в силу их воспитания и тыщелетней дрессировки. Да тьфу на него, рубильник, в крайнем случае, выключил и все, два Закона принял – и тью-тью, пусть себе лопочут там, вне закона. А журналистов только мудаки слушают, понял? Слышать надо тех, кто им платит, и тех, кто их танцует по семинарам всяким. Если у тебя задница не железная, а впечатлительная – уходи со службы. Только ты запомни, сынок, без таких как я – не будет страны, а уж смотаться куда за кордон, так ты поверь, дело не хитрое, давно бы смотался, и Любку свою с Машкой отправил бы, еще в девяностые... И уехал бы, может, если честно... Только там не лучше, а хуже русскому человеку, если по правде, если совсем уж по настоящему, ну их...

Павел Ибрагимович еще больше проникся уважением к Модесту Ивановичу. «Пожалуй, даже хорошо, что я раньше с ним на такие темы не говорил, – думал он. – Не понял бы я его». Однако полностью согласиться все равно не мог.

– А тебе не кажется, Модест, – взволновано сказал Павел Ибрагимович, – что твоя страусиная политика – тоже не правильно! Ты бы вот так журналистам и сказал бы, или народу где-нибудь на приеме, а то только канцелярские глупости лопочешь на камеру.

– Журналистам нынче говорить – что перед свиньями бисер метать, им бы скандальчика, вслушиваться не желают, задницу покажи голую, или пошли куда позабористей – это да, передовицы с собственной рожей обеспечены... А канцелярские глупости, сынок, тоже дело важное и сложное, если б не они, родимые, давно государство разорилось бы подчистую, даже экспроприация не помогла бы.

– Ну, ты хоть понимаешь, что в последнее время на нас всех собак повесили за всех сразу и за все времена, Иваныч? Ты понимаешь, что мы последние, без нас стихию хаоса уже никто не остановит, некому! А нас добьют, с помощью таких как ты! Вы не понимаете языка общества, общество не понимает вас, этот вакуум заполняют разные

Подмышкины, Петровичи и просто тысячи всех подряд желающих, в том числе нездоровых, обиженных, провокаторов и профессиональных наймитов, потому что Интернет доступен всем и никакой цензуры!

Модест Иванович с удивлением смотрел на Павла Ибрагимовича.

Молодой чиновник понял, что выразился слишком фигурально и философски для этого кабинета:

– Короче, плохо дело. Как есть оставлять нельзя...

– Что ты смотришь на меня, как на эскимоса, понял я тебя, согласен! Где ты только этот «язык общества» разглядел, не пойму, что это за язык такой, а? Так ты из-за этой теоретической фигни все тут замутил?

– Не знаю еще, и не я это, честно, хотя участвовал. Честно, дядя Модест! – снова по-детски заглядывая старшему коллеге в глаза, повторил Павел Ибрагимович.

– И что теперь, всем работать, как стахановцам на Беломоре, привлекать собственные сбережения, чтобы «обществу твоему» сказать было нечего? Не слишком? Правильно ли? – громко возмущившись, спросил Модест Иванович. – Как же ты не поймешь-то! Ты хоть пупок свой надорви – все равно скажут плохое, понимаешь? Не понимаешь? Э-э-э, сосунок. Дело же не в том, кто как работает, а в том, что болтать можно что угодно безнаказанно, понял, без-на-ка-за-но, всем! Раз безнаказанно, то вываливать человек будет в первую очередь гадости и свое злорадство – и в первую очередь на власть, которая за все и всегда в ответе. Скорость, общение, обратная связь – это все только ширма в твоём Интернете для таких валенок, как ты, понимаешь? Ширма! А суть – человеческая тупость в три строчки и помойка. Гигабайты порнографии, мата и пошлятины, миллионы бездарных записей по вопросам, в которых разбираются единицы...

– Но можно и полезное найти в Интернете, и людей можно найти хороших! – воскликнул Павел Ибрагимович!

– Дык, и на помойке много чего найти можно хорошего. Помнится, я мусор вываливаю, а там этот, томик этого, поэт, ети его, запретный был... Забыл. В общем, достал, отмыл и с удовольствием прочел. И что теперь? Помойку на знамя поднять и славных бомжей в пример внукам приводить? Запомни, род человеческий начался с запрета, и семья начинается с запрета, рога, например, мужу не ставить и дитев не обижать, с запрета начинается любой порядок,

общество и государство, а любая помойка как явление – это противовположность, все дозволено...

– «Помойка» тоже становится порядком, помойка подчиняется физическим законам, а современная помойка – это целое высокотехнологическое производство! – Павел Ибрагимович был увлечен разговором и таким неожиданным Модестом Ивановичем.

– Во-во! Сделайте сначала свою помойку непомойкой, а если ваша помойка – это теперь высокая политика и я обязан ее бояться, больше чем своего начальника и счетную палату – вон заявление в столе, увольте!

– Так ведь поздно! Что-то надо делать с этим, время вспять не повернешь ведь! – искренне воскликнул Павел Ибрагимович.

– А что тут сделаешь? – развел руками Модест

– Что, что, бастовать! За наше честное имя! Только по-серьезному, а то народ не поверит!

Павел Ибрагимович подпрыгнул от такой своей идеи. Потом заинтересовался, потом почти закричал:

– Не, не за честное имя – засмеют и заключают! Против всех партий на выборах, и потребовать от них включения в свои предвыборные обещания проекта Федеральной программы по защите чиновников!

Павел Ибрагимович скорчился в кресле от смеха, Модест громко хохотал и трясся, вытирая крупными ладонями глаза и перечисляя сквозь слезы: «стачка чиновников... митинг протеста госслужащих... на демонстрантов чиновников нагнали ОМОН...»

– Только не забывай, Павлуш, народную чиновничью поговорку: мы в ответе за тех, кто нас приручил... Действуй...

Медвежий угол

Все было интересно в Новые времена. На Востоке чиновники остались классическими последователями Чина. Они много философствовали и были скромны. Периодически Аппарат приносил жертву в назидание своим детям: какого-нибудь служащего прилюдно расстреливали, и жизнь продолжалась. Мешок риса, чувство выполненного нравственного долга и страх сурового наказания были достаточным основанием для стабильного воспроизводства системы.

Где-то Аппарат практически соединился с Аппаратом господствующей религии, в общем, все шло нормально. Даже экспансия западной организации и политической моды не поколебала древних устоев Аппарата и, по большому счету, сделала только сильнее Восточный мир.

Запад занимал кучу моего времени. Сначала там, как и везде в Христианском мире, сохранялся баланс божественного и земного. Я был счастлив и даже взял отпуск, когда появилась формула славного Августина: Град Земной отдельно, Град Божий тоже сам по себе. Но потом аппаратное начало стало давить и преобладать. Вместо чудес и святых – все больше интеллектуальных изысканий, вместо слияния с государством – своя игра, вместо того чтобы довольствоваться своей десятиной – блестящие бизнес-проекты. Чего стоит только торговля индульгенциями, а ведь как эффектно задумано, назло Иоанну Патмоскому с его Апокалипсисом, отложенным в туманное и неконкретное будущее: максимально близкая кара Господня в виде адских костров для еретиков и максимально доступное Спасение, за умеренную плату. Я видел, что будущее на несколько веков за этой частью света, и, признаться, увлекся, держа в голове про запас на будущие века Африку. Реформация там, разделение властей, научные сомнения... Постоянно приходилось участвовать в коррекции регламентов и роли чиновников. Восточный опыт с расстрелами и священным нравственным долгом здесь был бесполезен.

Пришлось специально для чиновников придумать и сделать «священной коровой» идею научно-обоснованного управления. На самом деле слямзили идею разделения труда в эпоху промышленной революции и наложили ее на Аппарат. Карьера, функционал, разделение обязанностей, буквальное следование инструкции – получился почти идеальный чиновник – функция, практически робот. Чтобы скрыть роль Аппарата в истории всех чиновников на Западе пришлось направить к самосовершенствованию в узкой специализации, а чтобы не вырывалось наружу человеческое – заставить всех помешаться на карьере и финансовом стимулировании. Побочным эффектом явилась идея христианского свободного выбора в повседневной материальной жизни, но деваться было некуда, пришлось обманывать просвещенное человечество. Человек думал, что выбирает сам, но меню для его выбора во всем определял Аппарат:

в политических партиях, ветвях власти, развлечениях, в покупках и питании. Все было опять совсем и не плохо, с точки зрения моих задач, правда сама религия как-то утратила свое значение, и я ждал либо Чуда Господня, чтобы наполнить сосуды организации новым божественным содержанием, либо выговора из Небесной Канцелярии.

Но мне пришло распоряжение о командировке в Россию. Я был удивлен: там-то что делать? В этом медвежьем углу цивилизации? Я оглянулся туда, присмотрелся, и удивился.

«Медвежий угол» разросся до размеров, существенных в масштабе планеты, и если бы не командировка, то мне не пришлось бы оглядываться, я увидел бы русских со стороны Америки, находясь в Европе.

Я был искренне уверен, что туда спокойно пришел Аппарат вместе с Христианством и набегам прекрасной организованной Орды, закрепился и контролирует ситуацию, так сказать, ждет своего часа в истории. Я присмотрелся: проблем было несколько.

Во-первых, Аппарат у русских не сложился по-человечески, то есть бесчеловечески, он как раз весь был наполнен личными отношениями, страстями и тщеславием. Он не был в тени истории, и меня это очень насторожило!

Во-вторых, статус чиновника был размыт до безобразия! Чин давался и в награду – мол, спасибо, удружил Васятка, и с учетом родословной – как не дать, все-таки Рюрикович, вдруг в Литву сбежит или на Дон. И в наказание давали, как способ освоения и удержания огромных территорий, которые почему-то так и липли к Москве без мало-мальских солидных на фоне древней истории войн и даже зачастую по личной просьбе о вхождении в состав. Даже просто для финансово-экономической помощи другу и то давался какой-нибудь портфелишко – не бросим тебя, Митрич, совесть мучает, что у тебя куска хлеба нет, а мы тут лопаем.

В-третьих, Аппарат не давал никакой стабильности государству, что было возмутительно и даже как-то оскорбительно для моего великого опыта! Цари, князья, воеводы, наместники настолько верили в свою исключительность, индивидуальность и свое предназначение в истории, что обязательно перечеркивали все сделанное предшественниками. Откуда у русских такая тяга к нововведениям, я и сам не понимаю. Однако – р-р-раз, и заново, нестабильность,

понимаешь! Неслыханное дело, Аппарата нормального не было, а то, что было – целиком следовало идеям очередного пассионария с очередным ярлыком очередного великого Хана, Князя, Царя или самозванца.

Я, конечно, сразу набросал план действий, надо сказать, несколько самонадеянно, и поучаствовал во введении Табели о рангах. Дело, на мой взгляд, исключительной важности, но опять! Нет Петра – и они уже со своими идеями, сомнениями, ну нейдет товарищам. Опять, понимаешь, тщеславие, чистоплюйство, творческие прожекты, всяческий блат, каждый суслик агроном, одним словом, никакой парламент не нужен. А раз чин – это круто и престижно, то вопрос, опять, понимаешь, оказался на острие внутренней политики Государя и внимания со стороны мировой общественности!

Уж как я бился, приводя все в нужное состояние, пока, наконец, не увидел одного чиновника: ничего не просит, получает копейки, амбиций не имеет, письма переписывает – лучше не сыскать во всем департаменте, и ни какой жалости к себе любимому! Думаю – идеал! Не надо никакой философии и меча над головой, как на Востоке, не надо обещать карьеру и наращивать жалование за верность как на Западе. Идеал будущего, настоящий дедушка ксерокса! Кстати, идея заменить писцов-чиновников ксероксом, а посыльных – телефоном пришла впервые именно мне в мыслях об идеальном Аппарате. Ну, думаю, осталось немного рекламы, довести «концепцию ксерокса» до каждого чина и государя и вот она – новая матрица российского чиновника, правьте, цари-батюшки, Аппарат не подведет! Наивный, я вновь оказался не совсем прав с этими русскими.

Обратился я с разговором на эту тему к одному мелкому чиновнику, которому по моему разумению, в чиновниках не долго сидеть оставалось, – очень уж славно сочинял литературу. Так, мол, и так, рассказал ему свою идею. Описал концепцию и преимущества чиновника-ксерокса для общества и государя: экономично, безопасно, незаметно и никакой, так сказать, политики! Указал ему адрес, имя и говорю:

– Пообщайтесь, любезный Николай Васильевич, сами! Уверен, что замечательно напишете, всем в пример! Поверьте, Акакий Акакиевич, может, и не античный герой, но такие и необходимы России как воздух, иначе кувыркнется она и других придавит. Вам

выпала возможность открыть глаза империи на скромность и усердие служивого сословия!

И здесь меня ждало огромное разочарование этой стороной русской литературы. Так написал, так написал! Все сразу же вышли из гоголевской шинели, а быть, положим, как Акакий Акакиевич, ну совершенно стало непрестижно. Да какой резонанс-то был, какой успех автору и удар по Аппарату! Вот так с тех пор и пишут, подмечают гадкие черты вашего брата, и обмусоливают, разве о хорошем писать есть резон, после Гоголя-то? Да и сам ваш брат чиновник при таком чтении, если начальства нет поблизости, хихикнет, поддакнет, и что-нибудь такое либеральненькое выскажет про себе подобных – ну прямо наоборот все у меня сложилось...

Авдий замолчал, отпил кефиру. Посмотрел на Павла Ибрагимовича. Тот сосредоточенно молчал, ожидая продолжения:

– Чего смотришь-то? Понимаешь, все наоборот получилось. Вместо незаметной работы чиновников – внимание со всех сторон, фанфары и чины на свадьбах за хорошую деньгу для престижу вместо родственников из деревни. Дошло до того, что из-за вашей литературы мещан хлебом не корми, дай чинов пообсуждать: отставки, назначения, похороны, скандалы, женился, развелся, попался, выкрутился. Вместо того чтобы на самом деле стать бездушной и безотказной машиной, Аппарат стал средоточием страстей и жизни. Но именно в России из вас стали лепить бездушную машину как абсолютное зло в нравственном – интеллигентском смысле. Да какое отношение нравственность имеет к Аппарату! И главное, как не верти – все-то вы плохие. Это ж тебе кажется, что именно сейчас вашего брата позорят во всеуслышание и на каждом шагу, раньше и похуже бывало.

– Неужели, Авдий, ты ошибся в своих расчетах?! Ты же никогда не ошибаешься, ты все и всегда знаешь с первого взгляда и с первого слова? Ведь все равно Аппарат сложился и держал, и сейчас удерживает нашу страну от развала, раскола. Может, не так, как нам хотелось бы, но тебе же до этого все равно дела нету! Отчего же у нас все не так, как у людей? Даже ты не смог, как хотел!

– Кхе-кхе, ну ты загнул, – ответил Авдий. – Надо же – «не как у людей». То как все, то не как у людей. Я подразобрался в этом вопросе. Может, Аппарат вам вообще противопоказан, тем более что при всех

сложностях страна богатела, размножалась, и народ питался, по большому счету, никак не хуже французов. Чем сильнее Аппарат, тем лучше и питался, и достижения различные на весь мир вытворял. Любви в вас много было, аж не верилось. Рвала любовь со своими чудесами и эмоциями русский Аппарат, и церковный, и государственный. Вместо судебныхников да регламентов – сплошное устное народное творчество у людей, никаких условий для работы!

В общем, знаешь, поковырялся, провел серию экспертных интервью, поболтался по домам да по кухням, организовал фокус-группы и догадался.

– Почему мы особенные? – Павел Ибрагимович напрягся.

– Ну да, типа того. Понимаешь, какая штука. Если взять по отдельности любое дело, то вы, как все человечество, не лучше и не хуже, только пиар у вас совсем плохой. В других странах, вон, столько особенностей, неповторимостей и проблем, что вам и не снилось и ничего, живут себе спокойно без всяких «особых путей». А Россия и впрямь какае-то особенная. А причина корнями уходит в те времена, когда я внимания на эту часть планеты совершенно не обращал.

– Так в чем секрет нашей особости, Авдий? – Павел Ибрагимович начал волноваться.

Авдий помолчал, посмотрел на Павла Ибрагимовича, как воспитатель на детсадовца, и сказал, холодно усмехнувшись:

– В русском языке, Павлуша. Не подходит он для общения народа с Аппаратом, ети его в душу за ногу, как сказал бы Модест Иванович, хоть ты тресни! Никакого жесткого понимания, сплошные чувства, страсти, грусти, оттенки смыслов, намеки и подозрения...

Пятница, накануне «дня тишины»

Старо-Пупинск шумел и волновался, все обсуждали моментально разлетевшееся в одни сутки не только по Интернету, но и по всем райцентрам и деревням области так называемое «Воззвание чиновников к народу». «От Аппарата с любовью» – так окрестили текст журналисты. В форме и стиле материалов ничего оригинального не было. Удивляло вот что: воззвание подписали одновременно две безымянные, но очень популярные с недавних пор группы

госслужащих, враждующие уже месяц на просторах Интернета и на встречах с гражданами. Внизу обращения стояли символы анонимных чиновников: змий, обвивающий компьютер, и змий, обвивающий перо и меч. Воззвание было простым и не очень занудным, в отличие от обычных служебных документов. Вот этот текст, который окончательно запутал славное население области по поводу того, кого, куда и зачем ему предстоит избирать в ближайшее воскресенье:

«Дорогой и любимый наш Народ, а также все сограждане, думающие, что они имеют право избирать и быть избранными. Все народы верят в свою избранность, и только мы, чиновники в это не верим, так же как в избранность отдельной личности из народа. Нам в это верить не положено и вредно. Так же мы не верим, честно говоря, что Тебя, Народ, вообще кто-то любит по настоящему, кроме Богородицы, Христа, Аллаха и Будды. На Земле, пусть совсем чуть-чуть, но любим тебя только мы и отдельные религиозные фанатики, потому как без тебя и отношений с тобой существовать мы не можем и твое существование есть единственная наша цель, смысл и ежеквартальный отчет перед Самым Главным.

Хотя вышесказанное ты, Народ, и сможешь понять только задним умом, когда жареный петух клюнет или когда гром грянет, очень не хотелось бы до этого доводить страну. Ибо экстремальные ситуации в целом для народа хотя и целительны, вразумительны и очищающи от всякой дури и вредных привычек, однако нежелательны чиновникам, противны нашей природе и противоречат нашим служебным обязанностям. Однако нас, дорогой Народ, уже довели, и мы поняли, как страшно и нам жить без любви твоей, хотя бы редкого понимания и без веры твоей в дела наши. Нам не хочется быть ворами и тупицами в твоих глазах, но нам нельзя и казаться слабыми. Поэтому мы готовы работать так, как работали последние полгода, и дальше, но мы просим от тебя, Народ, со всей серьезностью:

Отказаться от вбитой тебе в головы веры в собственную исключительность, бытового стяжательства и привычки смотреть на чиновников как на обязанных подпевать этим фальшивым качествам Твоей, Народ, души (ну, это так, лирика).

Голосовать на Великих Выборах всей Старо-Пупинской области только за ту партию, которая пообещает принять «Целевую адресную программу поддержки государственных чинов, защиты их чести и достоинства и пропаганды общественно-полезных результатов деятельности слуг государевых в СМИ» (это – вполне серьезно).

Через неделю, в день голосования встречаемся на избирательных участках и голосуем за ту партию, которая предложит эту программу. Никаких разводов, Народ, мы тут полгода сверх планов и всяких инструкций старались для тебя, надеемся, и ты нас не бросишь в трудный час модернизации.

В знак того, что мы – это мы, посмотрите в пятницу в 13:00 на все административные здания на территории нашей области.

P.S. Простите нас, Губернатор, уполномоченный представитель Президента и Господь за тот грех, что мы, серые чиновничьи звенья системы, не согласовали это обращение с самыми вышестоящими. Однако вы, конечно же, посоветовались бы с пиарщиками и политологическими экспертами, испугались бы общественного мнения трех десятков журналистов и трехсот интернет-обозревателей и зарубили бы этот документ как неадекватный электоральным настроениям, а нас обвинили бы в том, что козлы отпущения взбунтовались.

*Не подписываемся, ибо грешные,
и все на одно лицо – чинуши».*

Реакции последовали сразу, как только обращение оказалось темой номер один во всем регионе. Партии по очереди через своих пресс-секретарей посмеялись над анонимным бредом чьего-то воспаленного воображения. После некоторых раздумий и воспоминаний о количестве анонимных добрых дел для избирателей и сошедшем с ума чиновнике соцзащиты стали тиражироваться партийные комментарии.

Одни сказали: «Наша партия и так периодически поддерживает чиновников, и даже индивидуально принимала и готова принимать их в свои члены, поскольку чиновники – тоже граждане и право имеют. Однако многие отдельные зажавшиеся провокаторы из числа госслужащих достойны самой тщательной проверки на предмет

соответствия занимаемой должности. Мы возьмем на контроль эту возмутительную ситуацию, а забронзовевших и не ведущих ЖЖ – призовем к ответу, если граждане за нас проголосуют!».

Другая партия подхватила: «Чиновники – это язва модернизации, их не поддерживать надо, а нещадно сокращать до минимального количества, наша партия это сделает, спасет Старо-Пупинск от гидры коррупции и восстановит справедливость! Голосуйте за социализм с человеческим лицом без вельможных жуликов и воров в серых костюмах!».

Третьи восклицали: «Классовая ненависть олигархо-чинуш к простому народу доходит до беззастенчивых и открытых оскорблений собственного народа. Долой буржуев, даешь возвращение советских служащих и народной милиции! За нас, за неподкупную оппозицию!».

Четвертые кричали в своем релизе: «Это что чиновники написали? Это позор, а не чиновники, трусы, слизняки, недостойные своего великого народа! С такими не то что сапоги мыть в океане, с такими до Люксембурга по туристической визе не доедешь!»

Либеральные эксперты брызгали слюной о правах человека: «Доколе, – кричали они, – нас, потребителей государственных услуг за наши деньги от наших налогов будут так бессовестно игнорировать, беспрецедентно обворовывать наши права и свободы и цинично над нами издеваться!». Пара сотен хомячков в Интернете без долгих слов в одну строчку и в два мата анонимно разоблачала анонимную провокацию «долбаной власти в этой долбаной рашке».

Всем, короче, стало весело.

К пятнице волна спала, потому, что все переключились на то, что президент великой иностранной державы почесал у себя между ног на каком-то международном саммите, а коллега по Евросоюзу успел щелкнуть это на фотоаппарат в телефоне и по-дружески прокомментировать крупное международное событие в своем блоге.

Однако в осеннюю непривычно теплую октябрьскую пятницу ровно в 13:00. какая-то неведомая сила заставила тысячи людей по области подойти к зданиям администрации, посмотреть из окна в их сторону.

- Плакат вывесят какой-нибудь, – говорили одни обыватели
- Снимут государственный флаг с крыши, ей-Богу! – отвечали другие

– Какой-нибудь сумасшедший из соцзащиты обольет себя бензином и подожжет, – шептали сведущие третьи.

Вдруг по всему огромному зданию Администрации начали открываться окна. Сначала внизу, в кабинетах чиновников незначительных и социально-незащищенных. Затем в приемных, потом выше и вот уже все здание стояло с распахнутыми окнами, словно только что проснувшееся неведомое существо одновременно открыло сотни своих заспанных глаз. Внутри здания чиновники, стыдливо опуская глаза и краснея, изображали из себя вспотевших и сжарившихся в трудах людей: стягивали галстуки, расстегивали вороты, обмахивали себя едва заметно папками с бумагами. Люди на улице стояли, замороженные зрелищем. Вдруг кто-то крикнул в толпе и все оглянулись на мэрию – та же история. Самые любопытные рванули за угол и увидели слегка приоткрытые во всем здании милиции рамы. Все не сговариваясь повернули головы к Большому Серому Зданию на другой стороне проспекта. Во всем здании были распахнуты форточки...

– А че, прикольный флэшмоб! – сказал громко молодой голос в толпе.

– Наши люди, не балаболят, как некоторые, давеча мне, вот... ик – произнес другой слегка пьяный мужской бас.

– Довели, бедненьких, простудятся ведь! – раздался жалостливый женский голос.

– Молодцы! Вы лучшие, слава чинам, спасителям России! – раздался истеричный крик и вдруг в толпе раздались аплодисменты.

Окна тем временем закрывались...

День тишины. Бонус

Ночью Павел Ибрагимович спросил Авдия:

– Знаешь, что будет в воскресенье?

– Знаю. Выборы не состоятся. Ты уже сам понимаешь, как это произойдет?

– Да, я уже знаю, и ты знаешь. Хочешь расскажу тебе, Авдий?

– Валяй, ты ж умный...

Павел Ибрагимович закатил глаза в потолок и начал:

– Все служащие поражены и вдохновлены сегодняшним успехом. Как крестьяне в девятьсот пятом, как рабочие и солдаты в семнадцатом они, зараженные вирусом обиды за поправное собственное достоинство, будут саботировать процедуру. В воскресенье все чиновники не пойдут на выборы. Не пойдут их родственники и знакомые. Это тысячи, с учетом разлагающей агитации на уровне муниципальных служащих, сочувствующих сотрудников милиции, педагогов, военных, инспекторов лесоохраны, МЧС и семей сотрудников ГИБДД. Работающие в этот день без выходных наплюют на государеву зарплату и не оформят должным образом выездные урны. Это означает потери еще тысяч голосов. Наблюдатели от партий будут возмущаться, но сотрудники избирательных комиссий в этот раз с радостью согласятся с ними, никуда не поедут и ничего не будут защищать. Протоколы будут оформляться из рук вон плохо, служащие Областной избирательной комиссии будут делать ошибки, стуча себя по лбу и говоря: «И на старуху бывает проруха, нечаянно напутал, готов на выговор согласно процедуре!». Дня три будут считать, потому что считать, кроме чиновников ИК, никто не имеет права, да и не умеют, честно говоря. А те пребывают в революционной эйфории. Да и протоколы из участковых комиссий будут оформлены не лучше.

Выборы в итоге не состоятся, явка будет около трех процентов, и то по мнению наблюдателей. Никто не победит. Вернее все проиграют, власть останется прежней, перевыборы... Только я не пойму, Авдий, зачем тебе все это. Скажи, ведь менять уже что-то поздно...

– В целом, молодец, на глазах умнееешь! – сказал Авдий. – Талант! Только это не я, а вы сами. Согласись, я, всего лишь ваше внутреннее разочарование, я ваш тотем и хранитель, ибо без меня убьете себя сами.

– Значит, и демократия – это аппаратная процедура и изобретение Аппарата?

– Конечно, одна из лучших операций прикрытия Аппарата

– И права человека?

– Естественно...

– А Домострой?

– Безусловно, причем гениальное изобретение с точки зрения выживания, самосохранения, размножения нации и безопасности Аппарата!

– И Интернет...

– А ты что думал, блогеры его изобрели что ли, хе-хе... Правда потом все эти изобретения начинали жить своей жизнью, вы же творцы, владеющие Языком...

– А зачем?

– Чтобы род человеческий, который на самом деле помнит и чувствует, что он создан по образу и подобию Божию, смог в целостности и сохранности дожить до того дня, когда Господь, решит, что же с ним, изгнанным из рая делать. А система должна быть такой – открою тебе главную тайну – чтобы люди всегда имели шанс сами найти такой вариант своего спасения, чтоб Господь его утвердил как собственную Идею, только про это тс-с-с-с...

Павел Ибрагимович помолчал минуты три и спросил:

– Ты нас спасешь? Страну? Вернее, Аппарат страны? Вернее, народ страны как народ, создавший самый великий Аппарат во все мире? Тьфу, запутался... Короче, мы не развалимся, как гнилая картофелина, под сапогом глобального лже-аппарата?

– Да не спаситель я, и глобального аппарата нет, почти... Тем более вас мало осталось, в сравнении с населением планеты, но, понимаешь, вы самые интересные с вашим языком, вы – альтернатива для всей планеты. «Аппарат любви», я даже сам еще это не сформулировал, но История... Вот, послушай, окончание Истории...

* * *

Едва заметно светало – наступал день тишины накануне голосования. Авдий сидел напротив Павла Ибрагимовича и, попивая кефир, молчал после долгого утомительного рассказа. Это была последняя часть Истории Авдия. Павел Ибрагимович оглушенный, истощенный и бледный, смотрел в одну точку немигающим взглядом. Мозаика его семейной истории, университетских лекций и личных наблюдений за новостями в стране и мире окончательно сложилась и обрела устрашающую глубину и ясность.

– Ты хотел Историю, ты ее получил, – тихо сказал Авдий. – Проси бонус согласно контракту, завтра ты останешься один на один со своим языком, и все у тебя будет по-прежнему, наверное...

Павел Ибрагимович не хотел говорить о бонусах, он чувствовал себя несчастным человеком и думал о том, как легко и правильно человеку жить, ничего не понимая, в мире иллюзий и мифов. Как вредно овце, и сторожевой овчарке, и волку, и помощнику пастуха знать правду о стаде человеческом и смотреть на мир глазами Истины. Истина была печальна. Еще печальнее была Истина о его родной стране, которую он по-своему любил и так же, как Модест Петрович, хотел жить в ней всегда, до самой смерти. В его стране, в отличие от всего мира, стада никогда не было, никогда. У нас – не агнцы Божии, но отчасти агнцы, отчасти пастухи, отчасти волки, и отчасти даже боги – особенно после третьей стопки. И так почти весь народ, за исключением покалеченных западным влиянием правозащитников. Именно в его стране люди не умели быть счастливыми, чего бы им ни давала власть или зарубежные благотворители. Именно его страна была наполнена людьми, которые совершенно искренне все время думали не только о себе. Именно в его стране все правила общежития и технологии других стран не работали и приводили к обратному результату. Вместо обоснованного спокойствия – беспричинное волнение, вместо радости от денег – тихая грусть и ностальгия, вместо возмущения и протеста – понимание и жалость к другим, вместо гордости – комплекс неполноценности, вместо скромности – гусарство и расточительность.

Аппарат не удалось воспроизвести в России таким, каким его замыслил Авдий. Аппарат в России – больше чем Аппарат, это сама жизнь народа и сам народ. Шелуха демократии, социализма, научного управления, разделения властей и прав человека осыпалась в голове Павла Ибрагимовича, как отваливаются фальшивые, большие и гнилые листья с кочана капусты. Дело было совершенно не в этом. Дело было в Аппарате, который сам не знал, чего он хочет. В любой стране это было бы смертельно. Россия как-то жила с этим из года в год.

Павел Ибрагимович произнес:

– Раз уж у нас такой язык, раз уж наша речь не приспособлена для понимания чиновников, раз уж у нас государство в каждой обывательской голове – повод для недоверия и критики, раз уж народ расколот на части и нет понимания между частями, может, мне просто уволиться со службы и жить спокойно, например, в деревне?

– Да пожалуйста, у тебя это, конечно, получится, – устало и лениво ответил Авдий. – Но ты не прав, ставя крест на государстве. Россия без государства и аппарата – не Россия, со скуки сдохнете, развалите все и поубиваете друг друга, полубоги славянские, никакой радости. И наоборот, возмутся государевы люди со всей своей страстью за ум – станет Россия для всего мира спасительным ковчегом...

– А если не возмутся?

– Поздно, теперь выбора нет. Или возьметесь, или все закончится очень скоро. Да, крайнее с моей стороны средство, но эффективное, – Авдий широко зевнул. – Спасибо за помощь, Павлуша.

– Тогда мое желание!

– Говори...

– Хочу всю твою историю рассказать в книге, и чтобы она так была написана, чтобы даже школьники поняли. И чтобы рекламный бюджет был соответствующий, и чтоб интересно читать было! Хочу, не надо мне денег и даже дачи в Холюнкино!

Авдий, пожалуй, впервые с огромным удивлением уставился на Павла Ибрагимовича, даже челюсть слегка отвисла. Потом сказал:

– Ты debil или шутишь? Ты с ума сошел? Попросил бы сразу забросать тебя камнями, отрезать голову, сломать над головой шпагу... Мазохист! Твое самоубийство не входит в мои планы, понимаешь? Попроси лучше пост министра, губернатора, или секретаря центрального комитета любой партии, не стесняйся, я даже обязуюсь быть иногда рядом и помогать!

– Нет. Надо достучаться, Авдий! Надо, чтобы люди перестали повторять, как попугаи, за идиотами, чтоб поняли скудость идиотских суждений, чтобы они увидели, как ими манипулируют, настраивая против твоего Аппарата и Господа! Ты обязан по контракту! Мое желание – напечатанная и широко разрекламированная книга со всей твоей Историей! Пожалуйста, согласен анонимно, да как угодно, лишь бы описать все, что ты рассказал, от грехопадения до наших дней!

– Паша, Павлуша, понимаешь, все, что сотворила русская литература во взаимодействии с культурой Запада, все было губительно для государства! Понимаешь, все! – Авдий, заметно разволновавшись, встал и начал ходить по кухне. – Все классики, которые поумней и поглубже тебя будут, и мимолетные звезды

журналистики вошли в мозг народа как его апологеты перед великим и ужасным Аппаратом! Чиновник – зло уже потому, что любое другое зло в России, в отличие от остального мира, могут понять и даже искренне простить, а за чиновниками оправдывать некого, за чиновниками только Господь, но он, как известно, на небе! Если ты пожелаешь этого – ты смертник, Алевтина тебя не простит, и дети будут краснеть при упоминании имени отца их!

– Я им так, блин, покраснею! – психанул Павел Ибрагимович – Вместе с Алевтиной как миленькие запоют! Я сказал – Историю в массы, и баста!

– То есть решил? А линолеум в детской? А дядя Модест, который останется совсем один после твоего позора с публикацией Истории? А Главный, который уверен, что по планам инвестиций и территориального развития районов, в следующем году ты все закроешь и не подведешь руководство под монастырь?

В этот момент на кухню зашел Владимир Павлович, заспанный и расстроенный плохим сном. Он, прикрыв глаза ручонкой от света ночника, сказал:

– Папка, ну па-а-апка, полежи со мной, а? Полежи, а? Я же тебя так люблю, папочка мой любимый прелюбимый! Ну расскажи мне сказку, папочка...

Вовка развернулся, обреченной и заспанной походкой зашагал в детскую. Павла Ибрагимовича охватило отцовское чувство, в груди закололо, в глазах намокло. Он грустно помолчал, задумался. Ему стало стыдно. Ему стало горько. Ему стало обидно за чиновников, детей и Родину. Он помолчал, помолчал, и выдал:

– Давай дачу в Холюнкино, только с баней, и разбежались... Спасибо тебе... Прости...

Вместо эпилога

Записки из компьютера Павла Ибрагимовича Фукса, уничтоженные им вместе с «айпэдом» в промозглый осенний вечер после бани в нетрезвом состоянии на даче в Холюнкино, во время очередного приступа тоски по Авдию.

«...Нет никаких общественных классов, социальных групп, бедных и богатых, интеллигенции и крестьян, эксплуатируемых и эксплуататоров. Это очки лукавого мышления, сквозь которые удобно и прилично смотреть на мир, который сейчас совсем уже не мир, а нечто среднее между миром и помойкой. Это ж надо было такое ляпнуть, Авдий, Авдий...

...Есть власть и народ. А что такое народ? Это один язык, одна территория и воля продолжать жизнь, оставаясь самим собой. Вот ключевые отличия, которые делают разные народы разными и непримиримыми, как бы их ни мирили, и едиными, как бы их не разделяли на классы, группы, сословия...

...Но тогда в России нет народа, вернее, тогда на просторах России сложилось целых три народа, каждый со своим – малопонятным для других – языком, волей к жизни. Но их объединяет территория, одна территория на троих... Чиновный народ, Западный народ и Обыватели. Так говорил Авдий языком моим...

...Авдий назвал чиновников в России отдельным многочисленным народом. Я спросил: «Почему многочисленным, ведь их всего-то миллиона два, наверное, или три, или пять?» Потом понял, что их гораздо больше: помимо чиновников всех мастей и уровней, в том числе выборных, к этому народу надо отнести мелких и крупных чинов полиции, армии, спасателей, пожарных, директоров школ с завучами и главврачей больниц вместе с членами их семей. А в один Чиновный народ их всех объединяет образ мысли и жизненные интересы, вернее: язык, воля к жизни, территория...

...Государевы люди, или Чиновный народ – это такой народ, главным отличительным признаком которого является любовь к порядку и собственному стабильному благополучию. При всем влиянии варяжского, ордынского и немецкого ордунга, этот народ тем не менее не потерял чисто русской стеснительности и удивительного долготерпения. Благодаря этой стеснительности он наиболее из всех трех сохранился до наших дней в своем первозданном единстве. Как и в любом народе, экземпляры в нем есть различные, но главный свой жизненный интерес и охранительскую функцию – принцип «что угодно, только не потрясения» – они выполняют. Ну не любят они потрясений и особо ярких эмоциональных проявлений у граждан, поскольку видят в них дурь и угрозу государству, то есть прежде всего

– себе. Откуда этот Чиновный народ берется? Из другого народа – Обывателей. Этот момент важен. Сам по себе чиновники почти не воспроизводятся. Своими детьми высшие чиновники чаще пополняют Западный народ, как Ксюшей Собчак пополнилась тусовка, или Володей Ульяновым революционная мысль. Достаточно на фотографии 99 % чиновников в школьные или студенческие годы, и вы удивитесь: были ж люди как люди, кто бы мог подумать!

...Главная проблема Чиновного народа заключается в том, что его представители очень много сил потратили на то, чтобы стать чиновниками: были выскочками и хвастунами, терли терки и брали на себя ответственность в разборках, организовывали взятки преподавателям на экзамен за всех сразу и мучительно готовили выступления на расширенных педсоветах или в студенческих профкомах. Они почти за бесплатно работали старостами университетских групп, изображали из себя талантливых «кавээнщиков» и, зажмурившись, заигрывали со старыми девами из отдела повышения квалификации. В итоге чиновники так хорошо знают Обывателей, из которых сами вышли, что сил на ежедневную любовь и уважение к великому и могучему народу-Обывателю и заодно к интеллигентскому Западному народу – ну просто нет. Те, соответственно, платят чиновникам тем же.

Так вот и живут много веков: выбился в писари – сделай прическу с пробором и душегрейку оденься, но и в ответ, смотри, оглоблей из-за угла в любую минуту прилететь может...

...Уникальный патриотизм чиновников заключается в том, что это единственный народ, который кровно заинтересован в сохранении государства...

...Авдий сказал: «Я не виноват, что в России сложился Западный русский народ, и влиять на него – не имею права».

Западенцы – это такой народ, который объединяют две ценности: свобода и самовыражение. Проще говоря: минимум физического труда, юридической и материальной ответственности перед другими людьми и максимум признания для себя от других людей, а лучше – самой обыкновенной славы.

Достижение этой цели связано чаще с деньгами, с образованием, пиаром, иногда (по глупости) – с совестью, иногда искренней, но чаще показушной. Это достаточно разношерстный народ:

журналисты и бизнесмены, введенные высокими зарплатами в заблуждение офисные бездельники, эксперты всех мастей и политехнологи, кандидаты наук, режиссеры, артисты и общественные деятели. Они предпочитают Юрмалу Черному морю, разговоры относят к разновидности трудов тяжелых и руководящих должностей боятся как огня. Представители Западного народа очень разнородны и по своим взглядам. Из оригинальности они даже могут называть себя антизападниками! Каких названий для определения себя и своих коллег они только не выдумали! Здесь профессиональные гедонисты и националисты, либералы всех мастей и фашисты, поклонники великих империй и махровые сепаратисты, масоны и марксисты, реформаторы и реакционеры.

Главное, что их всех объединяет в Западный народ, это ненависть различной степени к русскому государству в том виде, в котором существует. Второе – то, что они считают лично себя умными людьми, в противоположность злобно неумным чиновникам и трагически неумным обывателям. Для подчеркивания этой своей особенности они говорят умными, или модными, самостоятельно придуманными словечками и целыми лексическими конструкциями...

...Вся умность западенцев ведет свое начало от образования в том смысле, в каком его понимают на Западе (то есть умом и деньгами можно все познать, и человек познающий – сам по себе центр мира, кочка зрения, право имеет и пуп земли, с теми или иными самоограничениями, оговорками и масштабами).

Этому народу, в отличие от чиновников и обывателей, повезло еще и в том, что его жизнеспособность постоянно подпитывает Запад, кого-то явно – заказами и гонорарами, кого-то косвенно – книжками, модой и «айпэдами». Функция этого народа во все времена в России – вводить существующее на данный момент истории государство в смуту: постоянно навязывать государевым людишкам новые задачи и прожекты, потом критиковать чиновников за ужасное исполнение, потом ставить новые задачи и снова критиковать: изощренно, научно, с надрывом, саркастической усмешкой, с пьяной слезой на кухне и задраным в небо кулаком на митинге. В отношении Обывателей (нормальных людей) у Западенцев одна тактическая, но вечная задача: заключить с ними союз против государства. Для этого необходимо постоянно объяснять обывателям их первонародное величие и

быдлярскую второсортность одновременно. Делать это искренне и постоянно, чтобы обывательский народ шизел и понимал, что он де, обыватель, ни-че-го не понимает...

...Обывательский народ. Скоро, как сказал, Авдий, этот народ может стать самым малочисленным. Как раз его принято называть именно «народом», или, раз в году, «народом-победителем»...

...На самом деле это не какие-то «никчемные обыватели», а те, кто в процессе жизненного пути не растерял или не порвал актуальных связей с родственниками, с местом, где он вырос, со знакомыми, соседями по гаражу и дальними родственниками, которые авось пригодятся. Как только эти связи перестают быть актуальными и полезными, значит, представитель обывательского народа или удачно разбогател, или стал «шибко умным», или занял ответственный пост, из-за чего от этих связей сам и сбежал подальше. Такой человек пополняет своей персоной два других народа. Должен сказать, что чиновники и западенцы – это люди исторически все больше одинокие, или закрытые, или непонятые – непризнанные или просто ставшие далеким мифом для тех, с кем росли. А обыватели – сплошь представители того или иного «Мы». Поэтому если в интернете обыватель что-то пишет, то он совершенно искренне пишет: вот, мол, мы, простой народ, промежду прочим...

...У народа-обывателя есть одна главная функция в отношении всего трехнародного российского организма: платить налоги и хоть как-нибудь работать, получая взамен защиту и общие блага типа дорог, кочегарок, мостов и укрощения криминала. При этом он решает одну собственную задачу: максимально жить своей жизнью, детей рожать, заниматься всяким мещанством и, если уж чем увлекаться, то исключительно по своей воле, на свой манер и со своими песнями. Если заставят треклятые чиновники сибирские месторождения нефти осваивать, или всякие демагоги – церкви ломать, так и то – все в плюс потом, все в плюс себе долготерпимцу многострадальному.

...Традиционно чиновники и западенцы думают, что влияют на обывателей и даже управляют ими. Но это совершеннейшая глупость. Наш обыватель, в отличие от остальных двух народов, полагается не на утвержденные и согласованные инструкции и очередные «истинные» теории, а на многовековой генетический опыт. А он подсказывает: не обманешь – не проживешь, всех сразу не накажут, до

Бога высоко, до царя далеко, и вообще: живы будем – не помрем. Проблема в том, что чиновники и западенцы, выставляя народ-обыватель иконой, знаменем и двигателем истории, на самом деле так никогда не думают. Максимум, что учитывают они в своих планах и схемах: народ будет недоволен, «пипл схавает» или «народ возьмется за дубину народной войны»... Все. Ну, с ним особо никто и не разговаривает и не договаривается. Не считать же таким разговором выборы, которые устраивают два других народа...

...Если глядеть как бы со стороны, три российских народа похожи то на пауков в банке, то на соображающих «на троих», то на Святую Троицу. Но это со стороны, а на самом деле между ними происходит вечная игра и «внутренняя политика». «Игра» не могла не начаться, поскольку все три народа живут на одной территории, плохо понимают друг друга, относятся друг к другу с недоверием и с чувством собственного превосходства, а то и просто считают чужаками. Так продавщица магазина чувствует себя в администрации города словно за границей. Так интеллигент тщательно следит за языком в кампании работяг. Так чиновник снимает галстук и значок, выходя в пятницу после работы прогуляться по набережной – территории другого народа...

...Игра трех народов не может существовать без внутренней логики и закономерностей. Выигрыш, помимо благополучия каждого народа в отдельности, – это баланс сил, мир и развитие самой большой страны в мире. В Игре по-русски выигрыш и проигрыш, как всегда, настоящие, не «понарошку»...

... Я, Павел Ибрагимович Фукс говорю: если есть Игра трех народов, то есть закономерности, правила, выигрыш! Я понял то, о чем не сказал Авдий, я понял Игру, о которой сами игроки-народы не знают! Или знают, но не говорят? Эх, Авдий, Авдий...

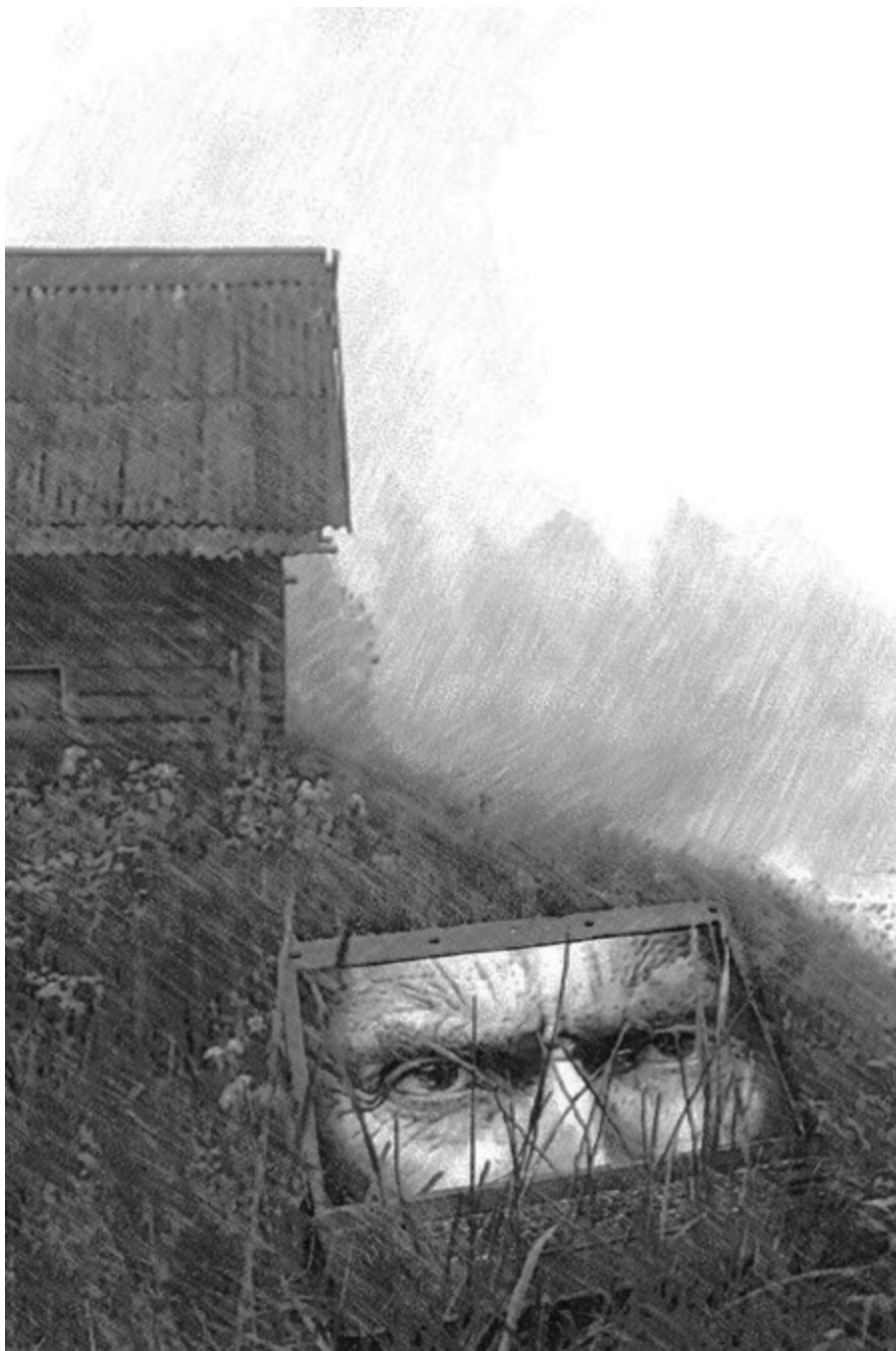
...Алгоритм Игры и реальности один и тот же.

Если хорошо чиновникам (рулят страной), то очень плохо западенцам, которые сразу подыгрывают народу-обывателю и всячески стремятся вступить с ним в союз. Не важно, что они друг друга не понимают. Это не значит, что обыватели с радостью изучают Маркса или Гайдара. Просто в данный момент истории многоцветье хитроумных и высокоинтеллектуальных планов западенцев совпадает

с временным состоянием обывателей, которых, не дай Бог, скоро заставят Камчатку модернизировать, или новый Петербург строить, или еще какие репрессии, учинят. Вот и появляется обида на «эти наглые коррупционные рожи».

Если западенцам хорошо (рулят страной), то очень нехорошо обывателям, они сразу превращаются в «тупую пьяную массу», «темное быдло» и прочую неотесанную деревенщину, которой достаточно 50 миллионов для обслуживания трубопроводов в «цивилизованные страны» и которая не оценит очередной попытки ее цивилизовать или реформировать. Или наоборот, 50 миллионов маловато для проведения крайне необходимой и теоретически неизбежной мировой революции всех на свете пролетариев. Чиновникам в этой ситуации вроде как все равно, чьи инструкции выполнять, но в целом «за державу обидно», да и просто неприятно, когда тебя превращают в обслуживающий персонал. Поэтому чиновники и обыватели начинают парную игру. Как правило, выигрывают и на какой то срок даже терпят друг друга ради восстановления страны.

Если хорошо народу-обывателю... А когда ему хорошо? Когда плохо чиновникам и западенцам одновременно, они оба его не трогают, а народ-обыватель чувствует защиту благодаря прямой связи с верховной властью. Это, значит, когда олигархов – вон из Кремля, западников – в Лондон, а чиновников – под страх государева наказания. Последний раз так было в нулевые...

...Про российскую власть. Ее трагедия состоит в том, что она является властью для всех трех разноязычных и разномыслящих народов, но впустить в себя все три не в состоянии. На трех стульях не усидишь. Обопрется, скажем, на чиновный люд – все, репрессии, полицейщина, жандарм Европы и тридцать седьмой год. Западенцы сразу уходят в страдания и творческие поиски, выдают под гнетом культурные шедевры и запрещенные рукописи вагонами, рожают

узников совести, воспевают народ-богоносец. Обопрется власть на западенцев, пустит их в себя – все: оттепели, перестройки, обнищание и ни одного культурного шедевра, кроме шедевров пошлости и ремейков. Обопрется на обывателей, аки царь-батюшка – царя взорвут, гадостей про царя наврут с три короба, решения в волоките похоронят и очередной дворцовый переворот замутят, как пить дать...»

Далее полностью испорченный фрагмент записок Павла Ибрагимовича о современном ему состоянии России с использованием «трехнародной формулы» (*прим. автора*).

«...Вот не надо, Авдий, цинизма, не надо пессимизма, не надо говорить, что ты все знаешь! Мы могли прожить тысячу лет благодаря одной чисто русской штуке, о которой почему-то умалчивают социологи и политики: все хорошее, великое, прорывное и самое полезное в нашей истории добивались «послы» трех российских народов друг в друга.

Пресловутые социальные лифты. Не надо на них вверх-вниз ездить. Каждый народ должен видеть себя в другом народе. Для этого и нужны послы. Так Шукшин, войдя в интеллигентскую тусовку, остался «послом» Алтайской деревни. Так генеральский сынок Суворов был своим для солдат – бывших крестьян. Так декабристы открывали школы в сибирских деревнях. Так маршал Жуков, начинавший скорняком, принес нам Победу. Так интеллигент Ушинский создал народный букварь для нескольких поколений...

...В Сибирь что ли уехать?»

Монархисты из квартиры 27

Восторг Сашки Кобылкина

Сашка открыл глаза. Минуту туманным взглядом глядел в давно не беленый, в трещинках и в паутинках, потолок, словно пытаюсь разглядеть то, что никак не вспоминалось, а вертелось в голове назойливой и неуловимой мухой. Вдруг спину обожгло резкой болью... Ура! Вспомнил!!! Сашка, вернее, уже давно Александр Николаевич Кобылкин, мгновенно вскочил с кровати и, как был, в плавках, бросился в коридор своей квартиры в хрущевке к старомодному, советских времен, трельяжу. «У-у-у, проклятые плавки, чуть под монастырь не подвели», – на ходу подумал Кобылкин. Повернув голову через плечо, к зеркалу, он засветился блаженной победной улыбкой: через всю спину красной змеей с кровавыми подтеками тянулся след от казачьей нагайки. Сашка схватил телефон и, изворачиваясь и пританцовывая, как змея в брачный период, принялся фотографировать собственную спину. Затем, не возвращаясь в комнату, принялся отправлять эмэмэску со следующим посланием: «Круглый! Ты проиграл, лопух!!! Двигай ко мне, срочно! Захвати йод и угадай, чем меня так погладили по спине?»

Александр Николаевич, моложавый, почти спортивного телосложения, тридцатилетний мужчина, сидел на корточках в коридоре и со счастливой улыбкой, не мигая, смотрел на себя в зеркало. Растрепанные, давно требующие рук парикмахера волосы, пара шрамов на лице, зарубцевавшиеся следы от чьих-то зубов на кулаках, нестриженные ногти, высокий, с глубокими морщинами у переносицы, лоб, большие, пронзительные, с зеленым отливом глаза и припухлые, как у капризного ребенка, губы выдавали в нем человека незаурядных умственных способностей, однако, как бы это сказать, творческого и равнодушного к бытовым социальным нормам и ценностям. Не яппи, короче, не хиппи, не интеллигент, не пролетарий, не мещанин, не фанатик большой идеи, а какой-то чисто русский

самодостаточный разгильдяй, каковых уж и не осталось, почитай, в наших офисах.

Сам себе свое нежелание быть как все нормальные люди: семью заводить, карьеру делать, он оправдывал своими казацкими корнями, любовью к чистой науке и необходимостью спасти Россию. Деньги на пропитание он зарабатывал достаточно легко, квартиру ему оставила матушка, ставшая большой начальницей в Речпорту, а отец, военврач, давным-давно, когда Сашка был совсем сопливым, пропал без вести в Афганистане. И вот этот разгильдяй, которого прочили в аспиранты двое или даже трое профессоров с исторического факультета, этот «несвоевременный авантюрист», как в сердцах называла его родная мать, сидел теперь на корточках перед зеркалом и мысленно додумывал самый безумный план из всех, которые когда-либо собирался реализовать психически здоровый, не склонный к депрессиям человек.

– Боженька ты мой, Богородица и святой Никола! Еперный театр, мама миа, неужели я это сделал?! – прошептал Александр Николаевич, поднявшись перед зеркалом! – Я же говорил, – продолжил он, наклонившись к зеркалу и пытаясь пригладить торчащие в разные стороны вихры, – Я знал: физику – долой, алгебру – доло-о-ой! Уэллса – долой! Ну, дела-а-а-а! Я был в прошлом!!!

Пролог

Оставим Александра Николаевича Кобылкина ожидать своего друга-родственника Евгения Романовича Углова, по прозвищу Круглый, тем более, что ему действительно нужно додумать самые щепетильные моменты по поводу портков и прочего белья в процессе перемещения во времени.

Все началось лет десять назад, когда морозным сибирским вечером, аккурат накануне экзамена к нему в дверь позвонил тот самый Женька Углов, вернее Круглый, он же Евген, он же Фельдшер, он же Повар, в зависимости от компании, в которой находился в конкретный момент времени.

– Томск замерз, а студенты и не заметили! Фиг ли, если сессия в Томске, то и апокалипсис пройдет незамеченным! – засмеялся

коренастый, высушенный, почти без шеи самбист Круглый очередному афоризму собственного производства, доставая бутылку водки откуда-то из глубины огромной дубленки. – Извини, брат, девок нема, вон даже в бюстохранилище филфака – тишина и свет моргает, похоже, калориферы навключали студентки. Нет, чтобы нас с тобой позвать, такие морозы зазря морозят!

– Водка – это хорошо, девчонок нет – это плохо, всяко бывает... – невозмутимо, философски ответил Сашка, закрывая за гостем дверь и по привычке выглядывая на лестничную клетку, где собирались холодными вечерами гопники-малолетки из окрестных подъездов. – Только у меня этот, экзамен завтра, такая муть, у-у-у, все думаю, как бы все эти билеты познать за ночь, хоть на троечку. Не, ну там вроде все понятно, мюнхенский сговор, пакты всех со всеми, массовый героизм, клещи и охваты – короче, очередной крестовый поход цивилизаторов на в очередной раз не готовую к приему орды Россию, хотя кто ж в готовую полезет-то... Эх-х, – проходя на кухню с уже звенящим там посудой Женькой, продолжал студент, – а на экзамене забудешь воинское звание героя-артиллериста или «Ил-2» с «Лавочкиным» спутаешь, или, не дай Бог, итоги Ялты с Тегераном – все! Пересдача, гуляй, Вася! – караул, какой профессор, у-у-у, суровый! А если не упомянешь «ар-гу-менти-ро-ванно» о предателе советского народа и Российской государственности Резуне-Суворове – замучаешься потом пересдавать...

– Хм, у нас в медучилище как-то попроще было, – подбодрил двоюродный по маме братишка, разливая по стопкам водку, – Пельмени-то есть? А Резун-Суворов твой – чисто бизнес. Запад денег отвалил кучу, он и строчит, вон сколько его по всем магазинам появилось, даже в нижнем гастрономе видел, около кассы продают, значит, точно – бизнес. Да пусть зарабатывает, жалко что ли, народу хоть есть, о чем язык почесать... Ну, давай по мензурке исключительно для сугреву, за томские народные празднички, то бишь за сессию...

Долго еще длилась потом братская беседа про политику, историю и мужскую дружбу. О чем еще говорить, без девок-то. Однако через час-полтора разговор свернул на подозрительные психические темы, фантастику и тайные возможности человеческого организма. Сашка не мог выкинуть из головы завтрашний экзамен, и хватался, как за соломинку, за разговор о вариантах чудесного усвоения учебного

материала за ночь с помощью чудесных психологических методик и секретов, которые, вот беда, некогда было изучить и опробовать заранее. Женька тоже ухватился за эту тему с одной тайной надеждой, что, мол, как бывший фельдшер и знаток организма, поможет брату и, главное, Сашка не свернет прекрасный вечер и не возьмется за свои учебники, которые вперемешку с чужими конспектами в обилии валялись по всей квартире, в том числе и на кухне. Один из конспектов он незаметно сунул под хлебницу, на другой поставил кастрюлю с пельменями, тем не менее остальные, как укор совести, постоянно лезли на глаза бывшему фельдшеру, сбежавшему из медицины в автосервис еще в середине девяностых.

Чтобы не утомлять читателя хитросплетениями разговора, расскажу о выводах, к которым после дебатов пришли практикующий автослесарь с недоученным историком.

История – это такая псевдонаука, объективной она быть не может по определению, ибо как ни верти, но рисуешь картину прошлого через призму собственного «я», изучая призмы собственных «я» других историков, которые в свою очередь, прикрываясь научным методом, пытаются ангажированные мнения предков и другие не менее сомнительные источники превратить в объективную аксиому.

Ей – «аксиомой» о прошлом, откопанной и наработанной трудягами-историками, сразу же пользуются ушлые власти, враги власти и прочие политики для обоснования своих миссий и амбиций.

Без собственных миссий и амбиций историки – это рабы идеологии и политиков, даже если сами этого не осознают и строят из себя этаких академических ученых, которые выше политики.

Тем не менее быть историком – это очень круто, потому что никто лучше не объяснит прошлое, будущее и смысл происходящего сейчас, а неисторикам крыть нечем, вот и приходится жить в чужих представлениях об окружающем мире. Чувствовать себя то потомками великих предков, то дефективной ветвью человечества.

Но самые неожиданные выводы в ходе такой конструктивной дискуссии братья сделали о времени. Виноват в этом был, безусловно, сорокаградусный сибирский мороз, водка и удивительное, прямо как в детстве, взаимопонимание товарищей. Вот они, эти выводы:

Время – материально, как железо, уголь или вот эти пельмени! Потому что время властно только над материей, телом. А душа вечна,

и только во сне она свободна и неподвластна ни времени, ни пространству. И лишь тело, как гирия, например, возжелав пописать посреди увлекательного сна на самом интересном месте, не дает насладиться «не сном, но свободой».

Это же тело, своими потребностями и эгоизмом засоряет самым безобразным образом и мозг, и душу до такой степени, что не приходится удивляться хаосу в сновидениях и невозможностью управлять собственными снами.

Если бывают пророческие сны и видения, то есть фактические полеты в будущее, что является совершенно банальным и общеизвестным фактом. Если, ночуя в таежной палатке осенью, можно во сне танцевать и потеть от жары под бразильским солнцем, то можно тогда, логически, лично присутствовать при любых исторических событиях в любом веке и в любой точке, даже в иностранной, только язык надо бы знать.

Если научиться, избавляясь от тела, лично и без посредников-историков узнавать отечественную и зарубежную историю, то можно ничего не читать и не учить, и даже наоборот, «читать и учить – вредно, иногда, ну-у, нету смысла»!

Поскольку типичный путь пророков, а именно – долгое-предолгое издевательство над телом, достижение максимальной независимости от своих бранных членов уже невозможен, – в этот момент разговора братья синхронно посмотрели на единственный оставшийся в тарелке пельмень, – мы пойдем каким-нибудь другим путем!

Надо сказать, что все эти итоги увлекательнейшего и продуктивнейшего застолья были зафиксированы Круглым прямо на полях чьих-то женских, судя по почерку, конспектов лекций по Отечественной истории за седьмой семестр. Смелые гипотезы удивительным образом вдохновили братьев и, в силу отсутствия времени до экзамена, были применены на практике. Сашка поднял вверх палец и, торжественно глядя на брата, громогласно прокричал: «Ви-и-и-ижу! Будут тысячи коек вместо аудиторий и тысячи спящих детей полногрудой Клио, познающих историю без прикрас, заглядывающих в страницы утерянных летописей неизвестных летописцев, в глаза идущих в атаку предков, и случится впервые сие – в Сибирских землях Рассеюшки, во славном граде Томском!» После

приступа вдохновения он обозначил на стенной карте мира границу СССР 1939 года, а Женька написал на ней крупными и уже неровными буквами название одного из билетов: «Приграничные сражения 1941 года». После чего оба уснули крепким молодым сном.

Еще Пролог, пока Круглый бежит в аптеку за йодом, а Кобылкин скачивает из Интернета образцы казачьих нагаек

Ближе к утру Сашка проснулся в холодном поту с бешено стучащим в груди сердцем. На диване блаженно храпел Круглый, периодически сладко причмокивая губами и хитро улыбаясь во сне.

Вскочил, выключил в комнате свет, бегом, ни о чем не думая, добежал до ванной комнаты. Механически, без единой мысли в голове, залез в ванну и принял контрастный душ, постепенно приходя в себя и вспоминая вчерашний разговор в мельчайших деталях, поскольку сон ему приснился ужасный, страшный и пронзительный. От этого ночного кошмара, даже после контрастного душа, то там, то сям по мышцам пробегала дрожь и неприятный холодок.

Остаток ночи дома, в ледяном троллейбусе, в понурой от переживания очереди студентов перед экзаменом осмысленно читать конспекты и шпаргалки Кобылкин уже не мог. Конечно, никаких полетов во сне по штабам и действующим подразделениям, никакого созерцания атак и заглядывания за плечи немецким офицерам в полевые карты, никакого ангельского перемещения с одного места подвига на другое «согласно конспекту ответа» на экзаменационный билет, как это представлялось Сашке накануне, – в его сне не было. Но факт остается фактом: он – Сашка Кобылкин – сам лично лежал в засаде, сзади горел дом, впереди была речка, рядом товарищ красноармеец, а через мостик какой-то небольшой речки ползли немецкие мотоциклетки и бронетранспортер. Он знал, какой он части, как здесь оказался, что было вчера и позавчера, но не представлял, что будет дальше. Еще он знал, что ему нужно сейчас нажать на спусковой крючок, что для этого он здесь и находится, что этот, рядом, тоже боится. Но нажать не получалось. Незнакомые и такие чужие люди в мышиного цвета форме так громко смеялись и пели, что Сашка слышал их смех сквозь рев моторов, несмотря на расстояние. Он никак

не мог сделать это движение пальцем, хотя, казалось, заставлял себя и материл на чем свет стоит, удивляясь собственной трусости. Уже чумазый в грязной гимнастерке красноармеец с криком и матом, как он понял в его, Сашки Кобылкина адрес, начал стрелять. Ухо со стороны товарища заложило, а Кобылкин, делая мучительные усилия, безрезультатно продолжал пытаться нажать на спусковой крючок, чувствуя, как от стыда перед неизвестным красноармейцем горят его уши и внутри творится полный кавардак, а крючок, с-сука, как ватный, никак не нажимался.

Напрягая все силы, он заставил себя подняться и пойти на ватных ногах вслед за стреляющим из «Дегтяря», обезумевшим, смеющимся и матерящимся, проклинаящим и прощающимся с белым светом никому не известным чумазым парнишкой... Самое страшное было потом. Кобылкина били, и незнакомая, но, судя по интонации, издевательская речь неслась со всех сторон. Запах крови вперемешку с перегаром и дымом бил в нос, а сам он стоял в этом окружении, словно в смрадном колодце, и никак не мог почувствовать боль от ударов. Вдруг он услышал резкий гортанный оклик со стороны, смех прекратился, немцы куда-то пошли быстрым шагом, а один из них передернул затвор карабина, уткнув его мерзко-холодное, как показалось Кобылкину, дуло ему в живот. В это мгновение своего сна Сашка вскипел и возненавидел себя. Его затопило страшное и совершенно реальное ощущение наступающего конца, ненависть к себе, которого так безнаказанно унижают и напрасно убивают, дикий стыд перед тем, чумазым... Он понял, что сейчас, от всего этого страха и напряжения он описается одновременно с выстрелами, и эта мысль как величайший позор – «обоссаться перед этой наглой рыжей мордой на своей же земле» заполонила всего Сашку. «С-с-сука-а-а, успеть бы-ы-ы» – одной рукой он расстегивал ширинку, а второй пытался остановить немца, чуть отворачиваясь в сторону с пульсирующей мыслью о том, чтобы не упасть перед этой рожей «обоссавшимся», что, безусловно, будет долго видно всем прохожим, пока солнце не подсушит его труп...

С первыми судорогами переполненного мочевого пузыря, собственно, Кобылкин и очнулся в своей квартире.

Тем не менее потрясающе реалистичный сон тоже оказался лишь прологом невероятного, священного для томичей Дня Экзамена...

– Александр Николаевич, ну сколько можно! – седой, сморщенный, высохший профессор, у которого только взгляд ясных глаз был живым и молодым, подвинул зачетку Кобылкина к себе. – Вы один остались, сколько можно готовиться, и потом, время, время... Давайте пытаться...

Сашка Кобылкин, не в силах отделаться от всех этих снов и приключений, сел напротив профессора, посмотрел на него, призывая на помощь все искусство студенческих уловок и экзаменационного кокетства, которое нужно мастерски напустить на мастера разоблачения студентов и... Вдруг что-то сорвалось – и из него вылился весь его сон в виде рассказа, с начала до конца, от первого лица... Когда он остановился, то подумал, какую ересь он нес профессору, какую не относящуюся к исторической науке жуть и банальщину, как глупо он выглядел...

– Как к вам попала рукопись бесфамильного лейтенанта? – медленно, впиваясь глазами в Сашкино лицо, спросил профессор. – Или вы добыли мою монографию в издательстве? – несколько облегченно и, как показалось, с надеждой спросил он. Вот в этот момент Кобылкин не растерялся, инстинкт студента сработал. Он, как сама невинность, покраснев, потупил взор и, смущаясь, как невеста в загсе – начал бляеть что-то нечленораздельное о своем жгучем интересе к работам уважаемого профессора. Теперь он чувствовал, что великая студенческая удача сама идет ему в руки.

Отличная оценка за экзамен вскружила голову. Сашка летел и повторял себе каждые секунд тридцать, как в американской классике: «Фигня, я подумаю об этом завтра, завтра, только не сейчас... Фигня все эти совпадения, не, ну, фигня такое чудо, не, ну, мы же молодцы с Круглым!!! Не-е-е, фигня, что правда.... у-у-у-у-у, я сдаааааал!!!»

План Кобылкина

– Ну что, нагайка? Убедился? А-а-а, тише ты, щиплет же, эскулап хренов!

Сашка держал, подняв вверх над головой, ноутбук с подборкой фотографий казачьих нагаек из Интернета, чтобы Круглый,

обрабатывающий йодом за спиной кровавый и уже запекшийся шрам, мог заодно рассматривать фотографии.

– Вообще, конечно, похоже, но ты никому не вздумай рассказывать, не поверят. Я б тоже не поверил, если б не знал тебя, бред какой-то! Допустим, я поверил, что ты не только смог оказаться сто лет назад во сне, как тогда на четвертом курсе, но каким-то чудом сумел там материализоваться, хотя даже в это, Сань, не в обиду, верить не хочется. Но как ты вернулся?

– Е-мае, Круглый! – нисколько не смутившись, продолжил Александр Николаевич Кобылкин. – Ты-то знаешь, что больше десяти лет после того экзамена я мучаю свой мозг этой темой – знаешь! Ты знаешь, что я не охотник за сенсациями и славой, что даже мать родная, в отличие от тебя, про мое хобби ничего не знает! Что мне вообще наплевать на то, кто что скажет и кто насколько поверит, более того, я не собираюсь никому ничего говорить. Надеюсь, ты тоже.

– Ага, я че, на дебила похож, про твои полеты рассказывать? Просто не пойму, что ты с этим делать будешь? Я бы вот, к примеру, все еще раз проверил, запатентовал и продал бы за миллионы долларов технологию путешествия во времени. Но тоже не вариант, облапошат, или, не дай Бог, какой-нибудь путешественник не нагайкой в прошлом получит, а то и саблей, бр-р-р... А какие там болезни? А если кто с катушек съедет от таких полетов? А если натворит там чего, это ж только в кинокомедиях с царями местами меняются и все с рук сходит. Не-е-е, брат, я в этой истории поддерживаю киношного товарища Буншу: надо позвонить куда следует, а лучше вообще никому и ничего не говорить. Я серьезно... Пойми, еще раз повторяю: ну очень подозрительно это все, не научно и недоказуемо, насколько я помню анатомию и физику с училища.

Сашка аккуратно натянул на себя просторную футболку, повернулся к Круглому, посмотрел на него внимательно и сказал:

– Мы ничего никому не скажем, сгоняем туда вдвоем, кое-что устроим и обратно. Ты же поможешь мне, брат?

– Чего-о-о-о? Да пошел ты в баню. – Женька встал и прошел на кухню, открыл холодильник и начал в нем рыться – он все время искал, чего пожевать, когда волновался – и продолжал орать из кухни. – Я же не молодой уже, Саня, вон, голова уже седая, у меня жена, сын, автосервис, у меня все нор-маль-но, вечером телевизор с

женой, по выходным – футбол с мужиками, с тобой, вон, то на рыбалку махнешь, то в Хакассию по пещерам, красота! А нынче, если помнишь, мы по Оби сплавливаясь собрались, завязывай с этой мутотенью, а? Кстати, сегодня «Томь» играет, кубок, пойдешь со мной?

Кобылкин прошел на кухню, закрыл холодильник перед носом брата и уставился на него с невинной улыбкой, как в детстве выпрашивая очередную игрушку у старшего брата, и сказал:

– Да ладно, Евгений Романович, мне-то не звезды, я же знаю, что ты уже согласен, что ты со мной! Давай, а? Вот это приключение будет, а? И как ты жить-то потом будешь, если я там пропаду куда, один-то? Туда и обратно, лады?

– Зачем? – присаживаясь на табурет, обреченным голосом спросил Круглый.

– Царя спасем, а может, и не спасем, или революцию подкрутим чуть-чуть...

– Зачем?

– Чтобы новой не было.

– С чего ты взял, что она будет?

– Долго объяснять, поверь историку, а спусковым крючком опять будет легитимность власти: то выборы не так пройдут, то президента не того выберут, то самозванцы, то несогласные опять какие появятся. А главное не это. Полные города мигрантов, на юге нестабильность, Запад злобствует, министры воруют. Если, не дай Бог, опять какие перестройки да путчи начнутся, то эта заваруха для России последняя, и станет тебе уже не до футбола с хакасскими пещерами, и даже не до автосервиса.

– Так иди, Саш, работай! Вступай в партии всякие, делай карьеру, пока еще не старый, в прошлое зачем лезть? Ты прям, как Емеля, с печки не слезть и по воду сходить! Ты хоть понимаешь, что будет, если, не дай Бог, мы там чего напортачим? Вернемся с тобой совсем в другую страну, если она будет еще! И вообще, оглянись по сторонам, вполне прилично живем, сравнительно с любым временем и с другими странами, меньше в Интернете сиди...

– Я все продумал, Круглый, я ж историк, а не кто-то там. Мы пообщаемся с царем, как минимум, ради интереса. Прикинь, живой царь! Потом снабдим его современными знаниями и все, он сам

остальное сделает! Главное, попасть к нему, самим целым остаться, может он нам даже что-нибудь подарит на память из благодарности, вот тебе и миллионы в качестве премии за спасение царской фамилии!

Судя по выражению лица Круглого, он уже мысленно подсчитывал, сколько может стоить царский подарок в наше время (в роли подарка в его голове фигурировало почему-то исключительно, яйцо Фаберже). Даже настроение поднялось у человека. Круглый произнес, все еще под очарованием этого образа:

– Ну, если просто поговорить с живым царем... Вообще-то мне советское время в целом нравится, да и Николай Второй, как бы не того же, сдал державу на растерзание. А Великая Отечественная? А Юрий Гагарин? А наши родители и деды? Окажется, что при царях жили, если по-твоему получится?

– Вряд ли, я всего лишь хочу, чтобы просто сегодня или завтра вдруг все узнали, что цари-то наши живы-здоровы, помазали кого из них на царство, присягу приняли и все! Выборы-шмыборы, подсчеты, митинги нафиг никому не нужны, есть легитимный царь и все, до свидания, а Россия – снова империя, и с красными, и с белыми, и с Финляндией, и с Украиной. И нынешнему еще хоть двадцать лет при царях можно сидеть да работать. Короче, это уж они сами пусть суетятся, а мы тогда уж и по Оби, и на Алтай.

Женька сосредоточенно наматывал челку на палец, с прищуром и не моргая уставившись в стол:

– А революцию чего ты там подкрутить хочешь?

– Да поглядим, меня во всей этой революционной катавасии одно не устраивает: сильно много кровопусканий, и казаков, и священников, и крестьян жалко, а мы теперь, видишь, мигрантов завозим вагонами, работать некому. Но это, Круглый, как пойдет, ты не бойсь...

Круглый выдохнул, включил чайник, достал две чашки и коробку зеленого чая, сел обратно и сказал: «Ладно, давай рассказывай, что там у тебя с казаками приключилось и как летать в прошлое...»

Живы будем – не помрем

– Живы будем – не помрем, Круглый! Главное, послушай: все очень просто. Все по-разному объясняют, но фактически душа может

летать и в прошлое, и в будущее, причем не обязательно, что она там видит именно то, что будет на самом деле, просто у каждого свой бардак в голове и всякие земные тараканы. Но у некоторых удивительным образом получается видеть именно то, что будет или было на самом деле. Это факт, который людям известен тысячи лет. Дальше вопросы.

Во-первых, если душа из тела вылетает, путешествуя во времени, то почему возвращается в то время, где осталось тело, а не наоборот, тело летит к душе, даже самой безгрешной и достойной? Полный «улет» мы не обсуждаем, смерть – такая штука, да и тело остается разлагаться в своем времени... Вылет телесной материи к душе в прошлое как проблема. Это раз.

– Подожди! – прервал Кобылкина Женька. – Это уже полная чушь! Как душа может притянуть к себе тело, тем более в прошлое? Это же физика, атомы, молекулы, белки, нейроны, что это за... как там, невежество, во!

– Женья, тысячи лет на всех материках, у южных каннибалов и северных эскимосов, христиан и буддистов, везде и во все времена люди знали, что тело – лишь сосуд для души, временное жилище, квартира в аренду от Всевышнего. Тысячи лет! А вы за пятьдесят лет разобрали тело на гены с хромосомами, и нате, прям, ну все теперь знаете! И про душу, и про невежество! Ты мне про душу человеческую можешь что сказать? Из чего состоит? Структура, функции, свойства? Нет? А как можно отвергать что-то, зная только половину?

– Так! Не лечи меня, – резко прервал Круглый Сашку. – Звучит убедительно, если допустить, что у тебя действительно получилось на практике. Первое – это то, что душа тоже может затянуть за собой в сон тело, а не только тело притягивает душу в себя обратно. Дальше что?

– Второе: возможно ли телу перенестись к душе в прошлое и вернуться назад? Наконец, третье: как превратить эти перемещения в нормальную, доступную любым желающим технологию?

Вот на эти три вопроса я ответил! В основе ответа – моя гипотеза! Если сделать так, чтобы в момент «короткого сна», то есть улета в заданную точку, все клетки тела и все системы человека резко и дружно возбудились, то душа из-за этой экстренности либо улетит

совсем, потеряет связь с телом, либо срочно вернется в тело, либо перетянет физическую оболочку к себе, ну, типа в сон, в другое время!

Гипотеза для возвращения еще проще. Если, находясь в прошлом в своем теле, сделать что-то, что может изменить твой собственный генетический код, то клетки взбунтуются, и их, как инородные тела, выдавит из прошлого туда, где они появились... Не понял, да? Ну, каждая клетка твоего тела – это результат работы и комбинаций твоих предков, совершенно уникальный и неповторимый, это понятно же?

– Ну...

– Если в прошлом создать риск для появления именно этой уникальной комбинации, то произойдет отторжение из чужого для твоего тела времени, во! Например, женщину там себе заведешь, понимаешь? Или возникнет риск смерти, или ты, например, кого-то там в прошлом, не дай Бог, порешишь, а он связан с твоим собственным кодом, или моим, или президента Российской Федерации...

– А если не отторжение оттуда произойдет, а просто изменение всего будущего? Вот я там зачал ребенка, или меня там грохнули, или твой царь, например, на службу нас взял и мы там остались и изменили историю? – допытывался Круглый.

– Не-е, на историю, надеюсь, мы как-то повлиять можем, в чем я убедился. А вот влиять на то, кто, где и каким в будущем родится – это, извини, не по Сеньке шапка, это кто-то на самом верху решает. Тот, по законам которого наши с тобой клетки могут появиться только в свое время и в определенном виде. Все гениальное просто: свою историю люди делать могут или назло Всевышнему, или с его помощью, а вот дарить жизнь и определять, кто с каким наследством родится – это не наше дело. Ты ж вот не выбирал, в какой стране, в какой семье и из какой мамки тебе появиться на свет, – Сашка аж заулыбался от собственного доходчивого, как ему показалось, объяснения, – если, конечно, ты не думаешь, что сам являешься нечаянным недоразумением и случайным самородком...

– Тогда расскажи, как ты менял историю и как вернулся, на примере, так сказать! – потребовал братец.

Сашка подробно, не торопясь, описал брату свой первый межвременной испытательный полет. Летал он в самое начало первой мировой войны, хотел посмотреть, как первый георгиевский кавалер

этой войны, казак Козьма Крючков умудрился в рукопашной конной схватке уничтожить одиннадцать немецких улан и при этом живым остаться. А на троих, с партнерами, в общей сложности они уложили в бою около трех десятков не самых последних вояк – улан кайзера. Эта тема интересовала Сашку в связи с его другой давней гипотезой о русском бое как более древнем и сохранившемся в первоначальном виде в сравнении с восточными единоборствами. Ну и вообще, казаков посмотреть, из коих он, вроде как и сам по отцовской линии.

Очнулся он в одних плавках, под зеленым кустом в траве. Трава колола, и кожа моментально стала гусиной от прохлады и отсутствия одежды. Вокруг вроде бы никого и не было, и даже пушки не грохотали, как представлялось Сашке перед полетом. «Вот про одежду я не подумал», – первым делом укорил себя путешественник, поднявшись с земли. На нем были ультрамодные, в обтяжку, белые плавки с какими-то дурацкими красными сердечками. Их в подарочном наборе преподнесла ему одна из старинных подружек на 23 февраля. «Всегда знал, подведут меня девки под монастырь!» – пронеслась в голове мысль, и Кобылкин лихорадочно стал осматривать местность, думая о том, что в таком виде в прошлом делать, конечно, нечего.

В это время он вдруг заметил, как из-под земли выросших сбоку и сзади от него четырех всадников, в которых сразу же узнал славных казаков Его Императорского Величества. Александр Николаевич забыл о своем виде и с открытым ртом, как сибирское дите, впервые в зоопарке увидевшее африканских львов, уставился на небольшой отряд. Он разглядывал казаков: одежду, сабли, португую и торчащие из-за спин карабины, пышные – как на картинках – чубы, красивые, в оплетке, рукоятки нагаек. Удивил рост казаков: «Однако, по плечо мне, не выше» – подумал он с высоты своих 185 сантиметров. Однако смуглость лиц, жилистые шеи и переливы мускулов под легкой летней полевой формой, навевали на потомка из 21 века опасливые и суровые мысли.

Он вроде бы и был готов к встрече, но оказался совершенно растерянным, особенно когда неожиданный для такого важного и даже исторического, как подумал Сашка, момента, дружный раскатистый хохот раздался вдруг со всех сторон. Дальше – больше:

– Вот так лазутчиков кайзер присылает, кажись, от одних ево мудей все донское казачество с фронту до Дону сбежит в испуге! Ха-ха-ха!

Другой подхватил:

– А может, это не лазутчик, а союзничек, прямо с парижскава бульвару моды к нам с важным пакетом! Хо-хо-хо – так спешил, что и портки не успел надеть!

– Братцы, – вставил свои «пять копеек» третий казак, – да он, видно, от панночки с Александрова сбег поутру, да ее оборванные панталоны и напялил попутавши, не разглядел в темноте с устатку – а-ха-ха-ха!

Сашка стоял молча, думал, как ему объясниться. Решил для начала выйти из окружения лошадей и людей, чтобы видеть всех четверых сразу и обратиться к предкам с чем-нибудь убедительно красноречивым. Но, не успев сделать и двух шагов, боковым зрением заметил мгновенное, еле уловимое движение даже не рукой – кистью одного из казаков, и уже в следующее мгновение услышал свист и почти одновременно почувствовал молнию боли через всю спину:

– Куды-ы-ы, голопузый!

Уже сам свист нагайки прозвучал в абсолютной тишине, а лицо ближайшего к Сашке казака не выдавало никаких следов буйного веселья, что сотрясало воздух еще секунду назад. Сашку выгнуло, как от разряда электрического тока, он взвыл, из глаз брызнули слезы, и, забыв, где находится, подчиняясь инстинкту уличных передраг молодости и вспышке ярости, которая у нормальных казаков, собственно, и возникает в ответ на причинение боли, он мгновенно, как волчок, крутанулся, прыгнул вперед-вверх и длинным боковым дотянулся до уха казака, вложив в удар весь свой вес и обиду за радушный прием потомка. Громкий щелчок от соприкосновения сашкиного кулака с казачьим ухом, и всадник вылетел из седла. Каким-то невообразимым кульбитом, едва коснувшись земли спиной-боком, казак, как мячик от пола, тут же подскочил вверх и оказался на ногах перед гостем из будущего с оголенной шашкой в руке, которую он удивительным образом успел вынуть из ножен, пока летел с коня. Кобылкин зажмурился, готовясь принять смерть, но тут же услышал властный голос: «Цыц, Василь!» Казак остановился. С красным лицом и бордовым ухом он продолжал сопеть, как вепрь, перед невидимой

преградой приказа старшего: «У-у-у, бусурманин, я тебе...» А тот, что отдал команду, спокойно прокомментировал: «Да какой он тебе бусурманин. Али нательного креста не видишь? Да и лупцанул он тебя совсем по-нашему, по-станичному. Чуба нету – да, панталоны какие-то срамные или мамзельские, тьфу... И молчит как рыба... Кто таков? Говори, не то я тебе сам нагайкой таких горячих всыплю!».

Тут уже Сашка, отдышавшись, выпалил все, что заранее придумал перед полетом на случай встречи:

– Вот вам крест, православный я, – широко перекрестясь, сказал он, – Александр Николаевич Кобылкин, специальный лазутчик Варшавского контрразведывательного отделения! Голый, и в этом, – Кобылкин брезгливо оттянул и отпустил резинку плавок, – сам не знаю, был отравлен вчера в имении Александрово врагами Отечества, неподалеку отсюда. – Тут он подумал, что не знает и не покажет в случае чего, в какой стороне имение, и добавил для подстраховки: – частичная потеря памяти!

– Ну-ну, складно поешь, лазутчик-контрразведчик, давай-ка, Козьма – старший обратился к ближайшему казаку, – нет, останься, Козьма. Ты, Михась, спроводи-ка господина из контрразведки до нашего есаула, пусть ему портки дадут, что ли, заодно и узнаем, что за лазутчик в панталонах. Остальные – за мной.

Василь уже стоял рядом и больно завязывал за спиной руки Кобылкина, Сашка закричал:

– Да постойте же! Козьма Крючков, Михаил Иванков, э-э-э, этот... Иван Щеголев, во!!!

Казаки развернули коней! В недоумении переглянулись.

– Откудава знаешь нас? – спросил старший.

– Братцы, да контрразведка я! Там уланы немецкие, почти три десятка, а вы еще одного нашего со мной отправляете! К вам даже подмога не успеет подойти, каждая сабля на счету!

– Где уланы? И откудава донцов знаешь, говорю? – серьезным голосом спросил старший.

В этот момент крайний казак вскрикнул и показал рукой куда-то между пригорками. Впереди была группа всадников, которые, похоже, их тоже заметили.

– Ей-богу, немчура, хлопцы! – взволновано воскликнул один из казаков. Старший подтвердил приказание казаку, мол, ентот

контрразведчик, коли наш, так нечего пропадать ему здесь, а коли не наш, так пусть ему душу вытрясут в штабе, и скомандовал: «Товсь, хлопцы, помогай Богородица! Почитай, с японской шашки без дела ржавели, теперича и наш черед пришел! За мной!» Три всадника прищипорили коней и сорвались в галоп в направлении немцев, на ходу перекидывая карабины из-за спин...

– А тебя? Чего так и не посмотрел на рубку с немцами? – разочарованно спросил увлеченный рассказом Круглый.

– Меня туда, в штаб, но я уж столько натерпелся, что без всяких любопытствующих разговоров в штабе постарался смыться оттуда обратно – в наше время.

– Как?!

– Извини, схватился за первые попавшиеся провода какой-то динамо-машины, не знаю, что там за генератор у них был, и от этого удара током очнулся в своей постели! Так что ничего страшного, все легко и технологично, брат! А самое главное! – Сашка торжественно поднял палец вверх. – Посмотри теперь описания того боя! Выехало четверо, бились трое, одного, якобы, послав за подмогой! А я раньше все гадал, ну как так посылать за подмогой, когда каждая из четырех шашек на счету против двадцати семи улан! Ведь кавалерийская схватка, как и любая рукопашная, по определению, быстротечна, это ж не в окопе отстреливаться до прихода подмоги, это же рукопашная!

Брат Женька переваривал услышанное, глядя не мигая в зеленый чай в своей чашке, потом спросил:

– Хорошо, а туда-то как ты попал, вернее, что сделал, чтобы во сне твое тело туда перенеслось?

Сашка встал, вышел с кухни, вернулся, держа в руках какую-то машинку с проводками и шприцем, а также вскрытую упаковку ампул.

– Дело техники, а главное, вот это, – подвинул ампулы под нос Круглому, – адреналин внутривенно, еще кое-какие детали, но это потом, а то вдруг и правда стены тоже имеют уши. – Кобылкин с торжествующей улыбкой наблюдал за реакцией брата. – Да не бойсь ты, живы будем – не помрем, зато как интересно!..

Любовь Сашки Кобылкина

– Маш, а Ма-а-аш, ну иди уже ко мне, – Сашка, сидя на диване в гостях у давней, с первого курса, возлюбленной, очередной раз попытался притянуть к себе тоненькое хрупкое тело в синем вечернем платье. Девушка сверкнула молнией улыбающегося, одновременно непреклонного и командирского взгляда на Сашку и снова отвернулась к зеркалу. Глядя на свое отражение, продолжила разговор:

– Тааак, Кобылкин, ты не видишь, чем я занимаюсь? – Маша подводила ресницы. – Хватит уже, с первого курса твое нытье слушаю, вечно тебе мало, маньяк. У меня важная встреча, я опаздываю, понимаешь, Ко-был-кин? О-паз-ды-ва-ю... – Маша последними движениями покончила с ресницами и взялась за помаду.

Мария Сергеевна Бергина – симпатичная, тонкая как пруттик, в свои почти 30 лет совершенно не выглядела взрослой дамой, а скорее походила на девочку-подростка с большими глазами. Она была самой главной женщиной из всего холостяцкого многообразия Сашки и самой давней его мечтой и любовью. Но Мария, несмотря ни на что, категорически не признавала отношений более серьезных, чем редкие, пару раз в месяц, встречи. Она блестяще окончила журфак, работала в какой-то пресс-службе какого-то большого начальника, содержала престарелых родителей и не жалела денег на всякие модные штучки для себя. При этом постоянно занималась общественно-политической деятельностью со всякими мутными, как говорил Кобылкин, личностями. Ее жизненное кредо заключалось в том, что она – самостоятельная автономная единица в социуме, у которого нет шансов и перспектив, следовательно, заниматься всякой ерундой, вроде создания семейного корабля и рождения детей не только бессмысленно, но и преступно по отношению к этим самым детям.

Сашку она любила, да, наверное, все же любила. Но ее уверенность в неизбежной и скорой кончине существующего миропорядка, блестящие, как признавал даже далеко не глупый Кобылкин, обоснования скорых в исторических масштабах и логически неизбежных катаклизмов, повелевали ею жизнью и планами гораздо больше материнских инстинктов, гормонов и прочих женских традиционностей. Она проживала в свое удовольствие каждый день, почти ни в чем себе не отказывала, а за свою жизнь переучаствовала во всех оппозиционных, властных, общественных, религиозных и псевдорелигиозных тусовках, которые только появлялись в ее Томске и

даже в стране в целом, сменила несколько редакций и целых полтора года когда-то даже издавала собственный молодежный журнал.

И вот, спеша на очередную встречу с очередными интереснейшими экспертами в сфере политического настоящего и неизбежно плохого будущего, прекрасная, любознательная и всегда успешная Мария Бергина привычным образом, не отвлекаясь от макияжа, отшивала Сашку.

– Ты пойми, Кобылкин, дело не в том, что я не хочу быть Кобылкиной или не хочу детей Кобылкиных, понимаешь? Это – в девичьем прошлом, хоть Жеребцовой. Я просто не вижу смысла жить с таким волшебным мужиком и умницей, хотя и порядочным разгильдяем, рожать прекрасных – а у нас был бы прекрасный генетический союз – детей, для того чтобы потом наблюдать, как близкие и родные люди без всякого шанса на будущее на твоих глазах превращаются из ангелочков в чудовищ. И не надо мне про роль родителей и самообразование, и, конечно же, можно спорить с тем, что «бытие определяет сознание», я это от тебя уже слышала. Нынче, дорогой, плохо то, что «бессмысленное бытие определяет отсутствие определенного сознания», а это и есть – апокалипсис для всех. Современный мир не просто бессмысленный, он еще и агрессивен по отношению к любым смыслам, и он их побеждает, прежде всего в головах и мозгах таких разных, но одинаково беззащитных наших сограждан, – с несколько саркастичной интонацией, словно представляя себя за кафедрой собрания, закончила Мария, вытягивая перед зеркалом покрашенные губы трубочкой. – Скоро мы будем жить в другой стране и другом мире, если вообще будем жить...

– Маша, а если ты меня больше не увидишь? – на полном серьезе, что бывало весьма редко, спросил Сашка, – совсем не увидишь – будешь скучать?

– Не знаю, – не задумываясь, ответила она. – Вообще я к тебе, конечно, привыкла, даже самой интересно, буду ли... Куда опять собрался?

– На кудыкину гору, где Макар телят не пас, – разочарованно ответил Сашка, вставая с дивана и натягивая футболку. – Спорить с тобой про твои апокалипсисы больше не буду. Ну вот что должно произойти в нашей стране, чтобы ты не думала, что скоро всем хана и можно жить, детей рожать, творить чего-нибудь хорошее?

– История у страны должна быть другой, Саш, да и у всего мира, по большому счету, а это невозможно, – более серьезно, после задумчивой паузы и уже глядя в глаза старинному другу-любовнику, ответила Маша. – Людей у нас мало, мир нас не любит, сами себя мы тоже не любим, бухаем, гоняемся за деньгами, рыщем в поисках халявы, целыми днями спорим о всякой фигне. Не потому что мы такие, общество к этому располагает, даже весь мир, а мы всего лишь жертвы своего времени...

– Маш, ну ты же журналистка, активистка вся такая, ты же делаешь мир лучше, правдивее, справедливее. Каждый на своем месте, и все будет хорошо! Я тебе говорю как историк, во все времена такие разочарования, причем вполне обоснованные, были, есть и будут, в чем проблема? Живут же люди...

– Кобылкин, ты меня не слышишь! Миру некуда больше идти, нет мечты, нет веры, нет надежды, кроме надежды на халяву и чего повкуснее, великие идеи в запасе у человечества кончились, Кобылкин, а те, кто в них верит – динозавры, исчезающий вид, увы! И даже сама идея, что бывают великие идеи, – тоже кончилась, не прикидывайся! Все ты понимаешь! Какие несущие правду и справедливость журналисты! Ау, ты с луны?

– Ложись в гроб и помирай тогда! – жестко в сердцах сказал Сашка. – Чего ты-то тогда носишься?

– Не злись, – Машка на секунду стала профессионально женственной и беззащитной, но только на секунду и тут же привычным игривым тоном продолжила, – я не ношусь, мне интересно фиксировать конец во всех его деталях и этапах. Слу-у-у-ушай, да неужели ты думаешь, что я собрала в себе всю скорбь многострадального народа? Я – русская девочка в обозримых поколениях, с тобой безо всякой морали разговариваю, я циник, я просто это знаю, понимаешь, зна-ю лич-но! Поработай в нашей среде – наивность вылечишь! Огромная часть человечества занята только тем, что засоряет мозг себе и другим сиюминутными эмоциями, плодит пустоты в миллионах изданий, газет, сайтов, форумов. Даже не пустоту, а просто глупости или ужаси. От этих сетей глупостей и ужасов, окутавших людей, невозможно сбежать, любая катастрофа или гадость становится предметом бесплатного, бесплатного, Кобылкин, копирования и многократного повторения! Любая живая мысль или

неоднозначная новость извращается до все той же глупости или ужаса коллективными усилиями. Журналисты, депутаты всех уровней, блоггеры, чиновники не умеют по-другому, а люди по-другому и не хотят – замкнутый круг. Хотя нет, чиновники вообще ничего не умеют, поэтому, что напишут им пресс-секретари, то и несут на своем непонятном крючковатом языке. И во всех этих всемирных океанах повторений, перепостов, в огромных спрессованных наслоениях информационного дерьма, Кобылкин, с успехом можно только воевать или разрушать! Созидать – невозможно! Поэтому все рядятся в различные идейные и благородные одежды по привычке, а на самом деле воюют и разрушают. А ты говоришь, дети... А все потому, что Россия сдалась, тупо сдалась, чтобы быть как все, вернее, ее сдали и ее победили, мы стали частью позднего Рима, у которого и самого уже никаких шансов нету...

– Маш, погоди-погоди, люди очень быстро, по крайней мере, у нас в России, от глупости и трусости могут перейти к мужеству и мудрости, так всегда бывало и на микроуровне, и на уровне страны! Всегда есть шанс! Россия имеет совсем другой, не римский опыт, мы наоборот, только начинаем новый тайм, ну, мне так кажется!

– С кем?! С кем она начинает новый тайм? Причем на чужом стадионе! – Машка уже завелась не на шутку, теперь она почти кричала и испепеляла его взглядом. – Ты думаешь наша власть, даже если сильно захочет, даже если скинула с себя ярмо западных кредитов, свободна в своих маневрах? Ты думаешь, что во власти и газетах сидит лучшая часть народа? Да они все – все! – наполовину пропитаны трусостью, а другая половина пропитана предательством и высокомерием к «э-той стра-не», понял? Сидишь в своей «хрущевке» и в Интернете, эксперт хренов! Ты что думаешь, все зависит от желания наших властителей? Может, ты думаешь, что миллионы делателей новостей ломают голову о добром и вечном для своих читателей? Ха-ха-ха, Кобылкин! Или ты надеешься, что откуда ни возьмись прилетит к нам царь – батюшка, всех это устроит, всех вдохновит и защитит? Или Бич Божий – новый Сталин к нам явится? Забудь, и настраивайся жить в гетто, потому что ты никому не нужен, ни своим, ни тем более чужим, наивный!

Сашка не любил, когда Маша теряла самообладание и заводилась, он знал, что быстро это состояние не проходит, поэтому встал, вышел

в коридор, накинул куртку, вернулся, сгреб своими ручищами хрупкую Машу, обнял и, не спрашивая разрешения, поцеловал в губы, не отпуская до тех пор, пока тело в его руках не обмякло, не сделалось мягким маленьким комочком, прижавшимся к его груди.

– Я пошел, если что – не теряй. Будут у тебя и царь, и перспективы, и детей мы с тобой нарожаем...

Сборы

Две недели, тайно от жены Круглого и мамы Кобылкина, братья готовились к перелету в прошлое. Первым делом через многочисленных знакомых в костюмерной Драматического театра они добыли одежду, более-менее соответствующую эпохе, по их представлениям. Рубахи и штаны использовались в «Поминальной молитве», они пылились в запасниках со времен проката спектакля в девяностые и были, как сказал Сашка, примерно про то время, евреев и царизм. Вывод из первого Сашкиного перемещения во времени был сделан однозначный: в прошлое переносится только то, что всей своей материей соприкасается с телом клио-пилота (такое название они выбрали себе из нескольких альтернативных вариантов: хрононавты, хроники, временщики и хронолетчики). «Грубо говоря, – сказал Сашка, – если подушка, и простыня, и одеяло в моем первом полете не переместились, то только потому, что значительная площадь этих изделий была в сцепке с реальным пространством и временем, а не моим телом. А вот плавки – перенеслись, значит, нужна более-менее обтягивающая одежда, но на голое тело!»

Во вторую очередь они запаслись деньгами. По два золотых николаевских рубля решено было спрятать за щеки перед полетом, плюс в одну из рук Круглого, чтобы не выпирало лишнее, решили купить три бумажных червонца. Денег, по мнению братьев, должно было хватить с избытком. Во второй ладони Круглый должен был зажать маленький пальчиковый фонарик, на всякий пожарный, как говорится, случай.

Сашка облазил все магазины в поисках сотового телефона с максимально хорошим аккумулятором и максимальной памятью для видеосъемок: чтобы в его большую ладонь и аппарат мог спрятаться, и

чтобы экран был достаточно большой. В другую руку Кобылкин собирался взять авторучку, поскольку был уверен, что придется что-нибудь записывать, а шариковых ручек в том времени еще не было.

Брат-историк накидал Круглому около сотни ссылок на различные исторические сайты, требуя от него читать все подряд, даже если кажется неинтересным. Тот мужественно сопротивлялся, но дня через три втянулся в это дело. Через пять он начал мучить брата вопросами по самым различным темам, через неделю уже громко восклицал: «Да что ж они пишут, да что понимают! Как можно трюндеть на темы, которые люди годами изучают!» Эти его возгласы как правило относились к интернет-форумам, на которых анонимные земляки обсуждали политику, регулярно скатываясь в историю.

В день перед первым в истории человечества «двойным полетом во времени» братья долго сидели на кухне и обсуждали детали. В принципе, Круглому все нравилось, а после недели погружения в прошлое его уважение и доверие к брату-историку выросло неимоверно. Тем не менее, Кобылкин требовал от Жеки задавать вопросы, чтобы не упустить важных деталей.

– Почему Псков? И вообще, что это за город такой? Может, все же во дворец, или там в Царское село? – тайно переживая за то, что в случае встречи с царем во Пскове у того не найдется с собой парочки яиц Фаберже, чтобы отблагодарить смелых клио-пилотов, примчавшихся к нему сквозь толщу лет спасителями династии.

– Во дворце все встречи Николая Второго контролируются или министром Двора Фредериксом, или самой Императрицей, плюс там охрана серьезнее, плюс встречи расписываются заранее и заносятся в специальный журнал в трех экземплярах. Значит, есть опасность долгого ожидания и непредвиденных препятствий, – медленно проговаривал Кобылкин, больше для себя, чем для Круглого, еще раз взвешивая правильность замысла. – Если попадем в журнал, то можем наследить, ведь бумаги государя тоже попадут в руки Временного Правительства!

– Почему именно в семнадцатый год? Может, лучше заранее его предупредить, вон, по-моему в 1903 году он тоже в Пскове бывал? Предупрежден – вооружен! – Продолжал Круглый, отхлебывая зеленого чаю из своей чашки.

– В третьем году слишком все было хорошо в Империи, чтобы нам поверили, тем более сделали выводы. Хотя я никак не пойму, почему именно во Пскове они решили проводить маневры тогда, не в Риге, не в Польше у границ, а именно в Пскове...

– Столицу оборонять тренировались, что здесь непонятного, – блеснул своими свежими историческими познаниями Круглый, – но это к делу не относится. Как мы попадем в царский поезд?

– В идеале сразу перенестись в спальный вагон Государя. Если не получится, будем пробиваться через георгиевцев охраны, они вояки славные. Но нам нужна будет форма, денег у нас хватит хоть на десять комплектов вместе с нижним бельем и оружием. Далее смотри, вот схема вагонов Царского поезда, вот конструкция вагона.... – Сашка придвинул схемы к носу Круглого и взял карандаш...

– Хорошо, – сказал удовлетворенный ответом Круглый. – Почему ты решил, что царь нам поверит?

– Не знаю, Жень, не знаю, будем крутиться. Пойми, если он нам не поверит – можно улетать, никто ему уже не поможет. Надо, чтобы он сошел с поезда и со своими георгиевцами, с конвоем охраны ушел через Лугу к Царскому селу на лошадях.

– Манифест об отречении не будет подписан? Получается так...

– Думаю, заговорщики его подпишут и без Государя, телеграф у них, и командующие фронтов поддержат, пока там разберутся, в Питере, кто есть кто и где – процесс станет необратимым, но зато царь останется живым, если не догонят его, да вряд ли они смогут организовать погоню, у них там еще хаос первых дней революции будет...

– Может, ему не в Царское село, а в Ригу. – Круглый ткнул пальцем в карту на столе. – А оттуда уже или в Англию, или к братику Вильгельму...

– Нереально, судя по его телеграммам и письмам в марте семнадцатого, он не захочет покидать Россию, тем более без семьи. К тому же отправить его на Запад – это называется из огня да в полымя, для Европы русская Империя – как кость в горле, помнишь ведь, англичане так и не прислали пароход за семьей, несмотря на все заверения. Нет, Западу он живой тоже совсем не нужен, ни немцам, ни французам с англичанами, не для того они столько денег в нашу революцию вложили, чтобы царей спасать. Вот в Сибири бы их

спрятать... Все, Круглый, переодеваемся – и на диван, пора клиопилотам пронзить столетие...

Первый двойной перелет во времени

Братья лежали на диване, готовые к перемещению. Таймеры были заведены, иголки шприцев воткнуты в вены и зафиксированы пластырем. Комнату наполняли звуки записей сибирских шаманов, которые Сашка раздобыл в этнографической лаборатории народов Сибири: «Это поможет заснуть быстрее и более менее синхронно, – пояснил он. – Можно пение монахов еще использовать, но там совсем другая волна, сразу про грехи всякие думаешь, про близких. А этих не понимаешь ни фига, зато ритм и звуки укутывают мозг лучше любых гипнозов». Ноги и руки разведены в стороны «звездочкой» (это инициатива Круглого, который как бывший борец утверждал, что в таком положении тело быстрее всего расслабляется, мол, они так на каждой тренировке делали). Ладони сжимали бумажные царские деньги, фонарик, ручку и маленький сотовый телефон, за щеками у обоих было по два золотых царских червонца.

Мысли в этот момент у них тоже были примерно одинаковые. Суть этих мыслей не была оригинальной для людей в их положении: авантюра и неизвестность (это про перелет во времени), страх и желание отказаться, пока не поздно (это про себя), некоторое чувство стыда (перед близкими). Единственно, что с этими схожими паническими поползновениями в своих головах боролись два брата по-разному: один вспоминал разговор с Машей Бергиной и вызывал в памяти ощущения мерзости и ужаса от книг и фотографий о зверствах революции и гражданской войны. А другой всеми силами представлял себе яйцо Фаберже во всех его драгоценных деталях, свою будущую новую автомастерскую и счастливое лицо жены потом, после удачного возвращения.

Наконец, выдохнув, Кобылкин скомандовал: «Все, брат, по команде старт начинаем отсчет, как тренировались, но не вслух, точку высадки представляем по фотографии А4, текст начинаем цитировать сразу после отсчета, от 78 страницы, от 78 страницы, Жень! Внимание! На старт, ух-х, поехали!»

Оба лежали на спине с закрытыми глазами, веки подергивались. Через несколько минут почти одновременно челюсти слегка разжались, дыхание стало едва заметным, лица побледнели и сделались как бы более тонкими, острыми. Вдруг глазные яблоки забегали под веками с бешеной скоростью, раздался звонок таймера, вены брызнул адреналин, тела вдруг пошли пятнами, сделались на две три секунды почти бордовыми, вокруг появились завихрения зеленоватого света, раздался резкий, но почти беззвучный хлопок; все, что находилось в комнате, казалось, сдвинулось к эпицентру этого хлопка, только что лежащие «звездочкой» люди исчезли, а на их месте остались, словно стянутые в одну точку, постельное белье, пара мужских носков, несколько исписанных листов бумаги со стола и даже старая, еще советская карта мира, висевшая до этого на противоположной стене комнаты...

– Ну и чего? – раздался Женькин вопрос в крошечной темноте. – Сань, ты очухался? Похоже, мы тупо проспали до ночи, клио-пилоты хреновы, – то ли с облегчением, то ли с досадой закончил Женька.

– Тошнит чего-то, и пить охота, – раздался слабый голос Кобылкина. – Жень, сходи на кухню, принеси воды, а...

– Ага, сам сходи! И старшему брату налеп, фу-у, чего-то дурнота накатывает! Пошел ты, Сашка, в задницу, короче, со своими полетами, царями и шаманами. Червонцы, кстати, мне отдашь, в компенсацию двух потерянных недель на работе...

Круглый протянул руку ко рту, неворочающимся языком подцепил из-за щек свои два червонца, взял их в руку и поднялся с дивана. Вдруг нога оказалась на чем-то мягком, и Круглый рефлексивно отдернул ее назад, поняв, что он не на диване, а на чем-то из деревянных досок. От искреннего испуга Женька громко вскрикнул: «А-а-а-ай, бл-л-лин!!!» Кобылкин подскочил, наткнулся на Круглого и тоже вскрикнул своим басом: «Ой, мама!» – и схватился за Женькину руку. Со всех сторон раздалось копошение, сопение; резкий затхлый запахшибанул в нос, и чей-то обиженный голос раздался на всю комнату: «Пошто орете, оглашенные! Только-только заснул!» С другой стороны чей-то безнадежно ворчливый голос поддержал первого: «Засыпай вот теперь сызнова, на пустое-то брюхо».

Братья отчаянно хлопали глазами, пытались увидеть хоть что-нибудь в кромешной тьме, дрожащими руками держась друг за друга. Собравшись с силами, дрожа всем телом и срывающимся голосом Круглый громко спросил: «Люди добрые, а где мы?»

В то же мгновение темноту прорезал свет из приоткрывшейся двери, и пожилая женщина в смешном белом платке просунула голову в дверь и тихим голосом сказала: «Тише, тише, сердешные, скоро утро, и покормят, чем Бог послал, может кого и определят, тише!» Братья подскочили и, будто по воздуху, через секунду оказались у приоткрытой двери. Молча, по очереди, будто облизав спинами дверной косяк и не сводя глаз с санитарки в смешном платке, они просочились за дверь и оказались в маленьком, слабо освещенном коридорчике.

– Да куда ж вы голубчики? Пурга на улице, – удивленно сказала старушка, чой-то я вас и не припомню, никак ночью прибились, из демобилизованных, што ли?

Сашка с Женькой переглянулись с немым вопросом и догадками, волосы у обоих стояли дыбом, Кобылкин медленно, сдерживая волнение, спросил:

– Бабушка, а мы сейчас где, во Пскове?

– А где ж вам быть-то, милоч? – ничему не удивляясь, всплеснула санитарка руками, прикрывая за ними дверь в темную спальню. – Не проспамши, штоль? Во Пскове, в Дому трудолюбия, аль вы после контузии из гошпиталя?

Псков

Братья в своих театральных штанах и рубахах на голое тело выскочили на улицу – ветер, снег, холодно, ноги босые. Вокруг какие-то домишки, темнота и несколько фонарей-свечек вдалеке. Вернулись. Присели на деревянную засаленную лавку рядом с дверью, огляделись. Беленый коридорчик, стол сестры милосердия, большая икона Николая Чудотворца над дверью, за которой они только что «проснулись».

– Вообще хороший знак, – тихо сказал Кобылкин, пытаясь вдохновить брата – Николай Чудотворец – покровитель Сибири, а мы с

тобой сибиряки.

– Бабушка, – не отвечая брату, вдруг громко сказал Круглый, – мы здесь посидим тихонько, ладно? Мы тихонько! – повторил он и сжался в комок на скамейке. Потом тихо, но уже уверенно сказал:

– Одежда, осмотреться в городе, к царю, и сваливаем отсюда, договорились? Почему мы в этой ночлежке оказались, а? Почему?

Кобылкин сосредоточенно хмурился в свои колени, которые он подтянул на лавку и обнял руками, спрятал в них лицо до носа.

– Жень, – тоже шепотом начал говорить Сашка, – это не ночлежка, здесь кормят нищих, воспитывают детей без родителей, даже дают работу. Здесь сама императрица в попечителях, если что. Понимаешь, это как раз последнее, что я читал вчера про Псков, готовясь к перелету... Мы все испытываем на себе, мы очень мало знаем про перелеты, Жень, мы здорово рискуем...

– Слушай, брат, живы? Живы, перелетели? Перелетели, давай за яйцами к Царю и сваливаем отсюда. Живы будем – не помрем, а сейчас страдать не время, не в таких переделках бывали. Хотя нет, в таких точно не бывали...

В этот момент, осененные одной и той же подозрительной мыслью, оба посмотрели друг на друга, замерли, и сразу, одновременно, как в детстве к маме, повернули головы к смешной бабушке, которая, оказывается, внимательно за ними наблюдала, и спросили:

– А какой сейчас год?

– И число? – добавил Кобылкин.

Старушка выдержала мхатовскую паузу, с прищуром изучая братьев, и заговорила в ответ:

– Не нравиться вы мне, сыночки! Странные вы такие... И не видала я вас здесь, и в гошпитале я вас не видала, и не похоже, что вы израненные, может, вы таво, революционеры, или шпиены какие? И спрашиваете чудно... – сделала паузу, продолжая рассматривать братьев, сестра милосердия, – и одежда у вас смешная, портки да рубахи, у нас так не ходють, даже убогие, зимой-то... А ну-кась, перекреститесь на святого Миколу, робятки!

Женька перекрестился сразу, не вставая, а Кобылкин расплывшись своею привычною улыбкой, поднялся в своих портках из «Поминальной молитвы» томского драмтеатра двадцать первого века,

подошел к иконе, рухнул на колени и с таким жаром полувслух прочел «Отче наш», так трижды стукнулся лбом в конце молитвы в струганные доски пола, что сам, быть может, впервые в жизни, почувствовал себя православным человеком и мелкой песчинкой в великом и совершенно непознанном, как ему стало ясно в эту минуту, космосе Господа.

Потом поднялся, подошел к бабуле, посмотрел на нее, как ему самому про себя показалось, затуманенным и благостным взглядом и сказал:

– Свои мы, матушка, свои, что ни на есть русские, просто не в себе были долго, чумные головой были, заблудшие...

Смотрительница приюта большими небесно-прозрачными глазами смотрела на Сашку:

– Царица небесная, так бы и сказали, что запойничали, свожу завтра к Святому Пантелеймону в нашу пскопскую Троицу, не такие исцелялись. Где ж ваши-то все теперь, откудава вы, робятки?

– Очень издалека, мать, – сказал подошедший Женька. – Я вот даже и не помню, – неловко замялся он, вспоминая кадры из старых фильмов про дореволюционные времена, и перекрестился. – Вот те крест! Какой год-то сейчас и месяц?

– Март уж на носу, сыночка, на дворе, семнадцатый год идет, – с состраданием к болезным ответила бабушка и пошла к столику, где стоял огромный, выдавший виды самовар...

Семнадцатый снежный

Остаток ночи братья провели в более конструктивном режиме. Во-первых, они выслушали про самый лучший, Богом хранимый Псков с его величайшими древностями и достопримечательностями; про то, что пока в столице бузят и война идет – народ совсем безбожным стал, за что всенепременно поплатится; что цены растут как на дрожжах, что в городе полно военных и раненых, а городская Дума снюхалась с «революционерами» и депутатики несут черти-что – прости Господи. Что на Завеличье давеча военные совсем перекрыли путь на Ригу, и даже в Печоры не попасть, что где-то рядом царь-батюшка ездит на своем поезде и собирает войско крамолу питерскую выжигать. А что

ее там выжигать, коли у них во Пскове ужасные листовки выпускают и добрым людям подсовывают, что денег нету и совсем жисть плохая стала.

Оба брата были удивлены перемене в бабушке, когда та увидела перед собой золотой червонец. Быстро крестясь, она спрятала его куда-то в юбки, накинула на себя доху и уже через полчаса принесла братьям длинные «польта», яловые сапоги и вполне сносные, как сказал Кобылкин, котелки с меховым подбоем. Надев все это на себя, они стали похожи непонятно на кого: то ли дворяне, то ли чиновники, то ли мещане или купчишки. Бабушка настойчиво нахваливала вещи, которые удивительным образом под утро умудрилась добыть за золотой червонец: и модные, и фасон хороший, а уж сидят как!

Впервые братьям удалось наладить контакт с человеком из прошлого. Главным из того, что выяснили братья, была дата: они попали в 1 марта по современному календарю. Кое-как бабушка объяснила братьям, в какой стороне находится чайная, где можно перекусить. А находится она на базарной площади, так что надо идти или по Сергиевской мимо губернского правления и Василия-на-Горке, или выйти на Великолукскую мимо гошпиталя, который не гошпиталь, а Поганкины палаты, и идти ко старинному Кромю со святой Троицей, которую отовсюду увидишь издалека, и за церковью Михаила Архангела направо, где торговые ряды.

В утренние часы на вокзале почти не было ни жандармов, ни армейских, да и быть им там незачем. Братья погуляли по городу, подивились красивому мосту через реку Великую, полуразрушенными, в снежных заплатах, остатками когда-то высоких крепостных стен и башен белокаменного кремля, старинными, совсем не похожими на сибирские церквями. Уже в чайной, в углу, чтобы не привлекать внимание, они наконец обсудили свое положение.

Женька подул на стакан с кипятком, оглянулся на мужиков по соседству, которые, похоже, из деревни на торг приехали, и сказал брату:

– Никогда не думал, что город без автомобилей так здорово выглядит – как большой парк отдыха, с лошадами, санями и тележками. Красивый городок, чем-то наш Томск напоминает, в районе Лермонтова, только у нас домишки покрепче, понаряднее и повыше, и кирпич везде красный, а здесь все белое: и камень, и церкви, и снег...

Зачем столько церквей-то, Саш? Прямо на каждом шагу. Или у нас раньше столько же было? А народ на улицах, обратил внимание? Какой-то хмурый, насупленный. Что дальше делать-то будем? А чего там эти, около развалин, спорили про музеи и революцию?

– Это они про местный Кремль спорили, говорили, что только негодяи могут выступать за реставрацию стен и башен, что это варварство, что это убьет очарование и дух святого древнего места. А про революцию сожалели, что она никогда не случится на их веку, и сами цари Конституцию никогда не даруют. Местные интеллигенты какие-то, как я понял. Слушай, Жень, потом обсудим детали дореволюционного быта, когда вернемся. Давай по плану. Счас, – Сашка повернулся на стуле, ища глазами бармена, который своим грязным фартуком, косовороткой и огромным подносом в руках так их позабавил вначале. – Эй, уважаемый, не могли бы вы принести нам вашего судака на пробу и пирогов побольше, с брусникой, кабанятиной, и этого, как его, сбитня по стаканчику!

Наклонившись к Женьке, Кобылкин тихо пояснил:

– Псковский судак в Питере до революции считался лучшим, под его маркой там даже подделку гнали, из других мест. Грех не попробовать, да за такие копейки, наших с тобой денег здесь на год обжорства хватит, так что лопай. А сбитень – это типа пиво, только из меду. Но только несколько глотков и все, сразу предупреждаю!

Через некоторое время, пережевывая завтрак, братья медленно проговаривали план работы в новых условиях. Кобылкин, как всегда, уточнял план действий вслух не столько для Круглого, сколько для самого себя, периодически осматриваясь по сторонам и убеждаясь, что они никому не интересны:

– Ты помнишь, что сюда царский поезд приедет где-то после семи вечера? До часу ночи военные и гражданские чины будут пугать Государя и вбивать ему в голову мысль о том, что все очень и очень плохо, генерал Рузский уже вчера все проговорил с Родзянко. В общем, я тебе про это рассказывал, от Николая уже мало что зависит, если б заговорщики сами посмелей были, то и не уговаривали бы Царя целые сутки. Короче, с часу ночи и часов до одиннадцати завтрашнего дня у нас есть с тобой время уговорить царя бежать или уйти с казаками, ну и вообще прочистить ему голову как следует. Примерно в пятнадцать он уже откажется от престола, когда почитает телеграммы

командующих фронтами, потом примет депутатов и подпишет отречение. Нам нужно попасть в спальный вагон до часу ночи. Дальше уж как получится.

– А как мы царскую ФСО обойдем? – настороженно, с подозрением прошептал Круглый. – Да местные вроде как и милицию выставить должны на вокзале.

– Во-от, охраны немного будет, все в растерянности, кругом бардак, туда сюда всякие начальства шныряют, плюс темнота, плюс плохое освещение в тупике, куда они загонят поезд. Нам надо быть понаглее и, если что, Круглый, тихонько скрутить одного бойца. Помнишь схему вагона? В тамбуре, но очень и очень тихо. Эх, в крайнем случае нас типа пристрелят, и мы вернемся домой, понял?

Обо всем договорившись, братья решили устроить себе экскурсию по древнему городу и медленно двинулись в сторону вокзала. Всю прогулку Круглый расхваливал вкус и дешевизну «древней еды», сравнивал ее с Макдональдсом и «Сибирским бистро», сравнение получалось не в пользу последних. Кобылкин же, глядя по сторонам и периодически выступая экскурсоводом для Круглого, мучительно придумывал и перебирал слова и действия, чтобы император поверил им на слово.

Около 11 часов вечера они уверенной походкой прошли мимо жандарма, стоявшего на дальнем углу вокзала. На его вопрос «куды прем?» и неприятное движение руки к кобуре с револьвером Кобылкин твердо и даже грубовато ответил: «Губернатору справку передать для Царя, из губернской канцелярии мы. А коли будешь под ногами путаться и мы опоздаем из-за твоей дурьей головы, я на тебя лично ему пожалуюсь, понял?» Видя нерешительность жандарма, Кобылкин нарочито громко и не таясь продолжил на ходу разговаривать с собеседником, поглядывая одним глазом на жандарма: «Я ему говорю, ты секретарь, ты бумаги и складывай губернатору, беги и сам неси. А он мне, мол, выручай, батюшка, век не забуду, не могу, мол, из канцелярии выйти, на проводе с Петроградом! А я могу? У меня делов-то нету боле! Вот прямо счас все расскажу господину губернатору, ну или его товарищу, ей-богу расскажу!» Круглый, несмотря на остроту ситуации, чуть не покатывался от смеха, слушая артистичного Кобылкина. Подумал про себя, что в самом деле бардак и никто вокруг им не сможет сказать определенно, что происходит.

Ведь даже почетный караул не выставили к царскому поезду. У жандармов тоже голова кругом: царь как снег на голову, губернское начальство, петербургская прислуга с поезда туда-сюда. Правильно говорит Кобылкин: только тут и есть шанс!

Прокравшись под самым поездом на четвереньках к спальному вагону, братья замерли. В тамбуре должен был стоять только один часовой. И тут им повезло. Казак, стоявший на часах в тамбуре царского спального вагона, то ли борясь со сном, то ли заразившись общей расслабленностью и ощущением безнадежности после всех злоключений царского поезда, открыл дверь, легко спрыгнул с площадки и прошел вдоль поезда к тамбуру соседнего вагона. Послышались глухие голоса, звук огнива. Братья по скрипу шагов и долетавшему табачному запаху поняли, что часовой закурил в нескольких шагах, и, не сговариваясь, стараясь даже не дышать, вылезли из-под вагона, пулей влетели в открытый тамбур, тихо приоткрыли дверь, ведущую в вагон, просочились в нее и аккуратно закрыли изнутри. Спрятавшись за массивной бархатной шторой в прихожей спального вагона, они крепко схватились за руки и еле удержались, чтобы от радости не крикнуть «Ура!». Особенное облегчение испытывал Круглый, ведь ему не пришлось никого скручивать, переодеваться, изображать из себя часового и подвергаться прочим смертельным рискам.

Его Императорское Величество

Братья, сидя на корточках за шторой, почти дремали, когда услышали, как открылась дверь, слышались едва различимые благодаря ковру шаги в направлении большой кровати в дальнем углу. Кобылкин одним глазом выглянул из-за шторы, Круглый тоже пытался высунуть голову снизу, чтобы посмотреть на царя. Сашка подумал: «Пожалуй, никто и никогда не видел царя в одиночестве, предоставленным самому себе!»

Император рухнул лицом на кровать, сгребая пальцами шелковое покрывало. Хрипло прозвучал то ли протяжный стон, то ли рык, то ли вой загнанного, погибающего человека. Царь медленно поднялся, сбросил с себя шинель, встал на колени и принялся горячо молиться

перед иконой Спасителя. Братья не слышали молитвы, но голос, печаль, горечь царской мольбы глубоко, до мурашек по спине поразили обоих. Николай Второй медленно поднялся, присел к столу и взял стоявшую на нем фотографию. «По-моему, жена с детьми» – еле слышно, встревоженным шепотом, задыхаясь от волнения, произнес Женька. За более чем 30 лет своей жизни он не видел такого потрясенного горем, подавленного и несчастного человека. Кобылкин в ответ на шепот толкнул его локтем в бок, но было ясно, что он и сам поражен наблюдаемой сценой.

Тем временем царь поставил фотографию перед собой на стол, достал из ящика стола тетрадь, открыл и принялся что-то в ней писать. Кобылкин тихо шепнул Женьке: «Делай как я и помалкивай». Они медленно и совершенно беззвучно благодаря ковру друг за другом вышли из-за шторы, сделали пару шагов вперед и замерли в растерянности. Царь метрах в пяти от них продолжал что-то писать, не замечая гостей из будущего. Гости рассматривали царя со странным чувством – так далек был этот человек в годах, с идеальной осанкой, аккуратно подстриженными усами и бородкой от привычного образа из учебников. Царь повернул голову и еще раз посмотрел на фотографию своей семьи.

«Сейчас заметит нас, испугается, закричит, и все пропало!» – подумал Женька, потом почему-то вдруг еще подумал о том, что он не сможет, не посмеет броситься на этого человека, заткнуть ему рот ладонью, схватить за руки, пока Сашка будет объяснять ему, что бояться их не следует. Какие-то незнакомые чувства бродили где-то глубоко то ли в сердце, то ли в мозгу от осознания, что он видит перед собой царя Российской Империи. Круглый, удивляясь самому себе, думал, что в без всяких принуждений и видимых причин становится самым настоящим монархистом.

Кобылкин в это же время мучительно соображал, с чего начать, и вдруг ясная идея озарила его. Глядя на скрипящее по бумаге царское перо, он понял, что нужно говорить! Сашка упал на колени, дернул за руку Круглого, заставляя его следовать своему примеру, и негромко сказал:

– Ваше величество, Николай Александрович, простите нас за вторжение! Только дайте сначала хоть слово сказать.

Они ждали какой угодно реакции, но только не той, что увидели. Царь, не вставая со стула, повернул голову. Лицо его выражало совершеннейшее непроницаемое спокойствие, как будто именно их он и ждал уже полчаса, а не стонал в бессилии на кровати и не молился дрожащим, срывающимся голосом. Затем монарх поднялся, положил перо и сделал шаг навстречу незванным гостям. Его осанка и поза выдавали только простоту и достоинство. Несчастья последних дней, скитания в попытках прорваться в Царское село к семье, горькая доля пленника в неосвященном тупике запасных путей псковского вокзала – все это не оставило ни следа на его лице... Казалось, что точно так же он принимал бы гостей где-нибудь в зале Зимнего Дворца. После короткой паузы он все тем же спокойным голосом сказал:

– Встаньте, прошу вас. Чем могу быть полезен моим подданным, которые удивительным образом, словно воры, оказались в спальне своего государя без всякого на то приглашения?

Сашка был поражен и одновременно благодарен Николаю за умение быть непроницаемым и спокойным на людях в любых обстоятельствах. Он поднялся, почувствовал, что Женька следует его примеру, и, едва сдерживая волнение от реальности потрясающей, самой невозможной, невообразимой и желанной много лет минуты, сказал:

– Я Александр Николаевич Кобылкин, а это мой брат Евгений Романович Кругликов. Предки наши из казаков, сами мы из Сибири, из Томска.

В этот момент невозмутимое лицо царя дрогнуло – словно тень пробежала по нему. Николай отвернулся к зашторенному окну, чтобы не выдать своего волнения, и все так же спокойно, настойчиво повторил вопрос, не глядя на братьев:

– Почему мои любимые казаки из моей любимой Сибири не на фронте, не по форме одеты и находятся у меня в спальне?

Сашка чувствовал, что наступает решающий момент. Круглый, ничего не стесняясь, вертел головой, глядя то на царя, то на брата – чувствовалось, что вот-вот он сам все возьмет в свои руки и начнет говорить. Сашка выдохнул и произнес, словно актер на сцене, давно заученный текст: «Ночью повернули с Вишеры назад, так как Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»

В вагоне наступила тишина; Николай, слегка двинув бровями, сделал шаг к столу, закрыл тетрадь, потом посмотрел на гостей, как бы оценивая расстояние до них, и сказал:

– Все верно, только я не успел еще написать про Аликс, но видит Бог, что хотел! Как это все понимать? Вы заглядывали из-за моей спины?

Вместо ответа Сашка продолжил:

– «Лег спать в 3 часа, так как долго говорил с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 часов. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 часов». А завтра, ваше величество, вы напишете: «Кругом измена и трусость и обман!» И эти слова во всей России будет знать любой школьник и студент даже через сто лет.

Николай Второй смотрел на гостей и понимал, что никакие это не его подданные, что они не рылись в его бумагах, не подсматривали из-за плеча, и что они здесь не со злым умыслом. Но он не мог составить никакого представления об этих людях, несмотря на весь свой громадный опыт общения с посетителями. В этот момент Сашка сказал:

– И что послезавтра вы напишете, я тоже знаю, и что будет с вами, с вашей любимой семьей, и что будет с вашей Империей.

– Надо полагать, – произнес царь, словно не услышав последние слова Кобылкина, – что вы имеете благие намерения и, несмотря на возмутительные обстоятельства нашей встречи все же, как Государь и как христианин, я должен, прежде чем позвать прислугу, выслушать

вас и составить определенное мнение обо всем произошедшем. Прошу к столу, господа, я прошу вас даже сесть на стулья в присутствии Государя. Возможно, речь идет о чьей-то жизни и вы просите о помиловании и дело не терпит отлагательства, иначе вы, конечно же, дождались бы более удобного момента.

– Речь идет о вашей жизни, царь-батюшка! – уже без обиняков сказал Круглый, усаживаясь за стол рядом с братом. – Вам надо срочно сматывать удочки и бежать с этого паровоза!

– Я дома, где бы ни находился в своей империи, мне некуда бежать и незачем бежать из собственного дома, – сказал Царь. В его голосе прорывалось возмущение. – Даже если бы я был простым крестьянином, я не покинул бы Россию. Итак, вы что-то сказали о России и моей семье, прошу, потрудитесь объяснить немедленно.

Сашка раздраженно пнул под столом Круглого и достал из кармана мобильный телефон.

Маша Бергина нервничает

«С-с-скотина, не, ну, скотина этот Кобылкин!» – беззвучно шевелила губами Маша Бергина, двигаясь своей энергичной походкой в сторону троллейбусной остановки из «Сибирского Паба», где только что закончилась ее очередная встреча с интеллектуальными деятелями. Томск темнел, загорался огнями окон и разноцветьем фонарей, реклам, подсветки зданий, на глазах превращаясь из старинного провинциального городка в яркую картинку с обложки глянцевого журнала. Маша дошла до остановки, встала и немигающим взглядом уставилась в пробку горящих автомобильных фар, теряющуюся из вида аж где-то у Политеха. Вокруг стайками проносились громкие кампании студентов всех на свете специальностей и профессий. Казалось, в этом городе больше никого нет, только бронзовая Татьяна из глубины Новособорной в центре города, на пересечении всех маршрутов общественного транспорта, словно заботливая мать, пересчитывает своих подопечных – студенческую братию.

Какое-то глубокое внутреннее раздражение мучило Машу после сегодняшнего расставания с Сашкой. После ее участия в неформальной встрече экспертов оно усилилось. Вместо того чтобы,

как обычно, вставляя глубокомысленные ремарки по ходу разговора и делиться удачными примерами из общественно-политической и светской жизни Томска, она вдрызг разругалась со всеми сразу. Не разругалась вернее, кто с такой красавицей в прекрасном синем облегающем платье будет ругаться. Скорее едко высказалась, потом высказалась еще раз в ответ на попытки подискутировать с ней. Короче, сорвала первую попытку партийных толстолобиков и идеологов всех основных партий поговорить конструктивно. В кои-то веки, они, словно по ее же старому, еще прошлогоднему докладу на научной конференции с ненаучным названием «Конвульсии политических партий в России: социокультурный аспект неизбежности», собрались мирно пообщаться. Обладая исключительно журналистским талантом говорить просто о сложном, Маша объяснила в прокуренной тиши бильярдного зала «Сибирского Паба», почему заявления и позиции каждой партии в России, включая непарламентские, несистемные и полусектантские, – бессмысленны с точки зрения реализации на практике и грозят только ускоренным развалом России, что, собственно, и реализовывать никто ничего не собирается на самом деле, и что все они – иллюзия политики. В ответ на вопрос «А вы-то что предлагаете?» – ушла от ответа со словами: «Я не политический деятель, и даже не субъект власти. До свидания, товарищи, господа и граждане». Отсутствие собственного, хотя бы примерного ответа на вопрос: «Что делать всем и по отдельности?» – тоже раздражало, хотя она и пыталась оправдать себя более глубоким и объективным пониманием неизбежного социального апокалипсиса на планете.

С такими мыслями стояла Мария на остановке, как вдруг ее посетила мысль позвонить жене Сашкиного брата Круглого, которого она искренне уважала за практичность и часто ставила в пример Кобылкину на посиделках...

Спокойный голос Женькиной супруги под аккомпанемент капризного плача их с Круглым малолетнего сына ответил: «Да они куда-то на север с Кобылкиным умотали на две недели, паразиты, и сотовая связь там не ловит! А Кобылкин не сказал тебе разве? Хоро-о-ош, хитрец, значит, к девкам. Кобылкин-то знает, что врать не умеет, вот и не сказал...» Далее шли рассуждения о том, как она встретит своего мужа, о том, что Машке пора бы женить Кобылкина на себе, и

прочее незатейливое щебетание. «Два раза в день про женитьбу – это слишком», – подумала Маша, отключая телефон. Затем, не раздумывая, подчиняясь бессознательной женской тревоге, села в «четверку» и поехала на Каштак, в квартиру к Кобылкину.

Когда она не нашла под ковриком у двери на обычном месте ключ, сердце неприятно екнуло. Маша Бергина никогда не думала, что она способна волноваться и даже бояться за мужчину. Запасной ключ лежал на обычном месте в почтовом ящике. Кобылкин в этом плане был похож одновременно на советского человека, который совершенно не боится воров, и на растяпу, который прячет важные вещи по разным местам в надежде, что в случае чего всегда найдется запасной вариант. Связано это было, конечно же, с его разгильдяйством и неоднократной утерей ключей в детстве и юности.

Квартира поразила Машу. Во-первых, она обнаружила в комнате одежду Сашки и Женьки. Их куртки тоже преспокойно висели в прихожей. Более того, любимый зеленый туристский спальник Кобылкина, без которого он лет пять вообще никуда не выезжал, тоже оказался на своем месте. Сердце опять неприятно екнуло. Разобрав кучу белья, бумаг и скинув карту с огромного дивана на пол, Маша увидела какие-то устройства, перехваченные скотчем, со шприцами, батарейками и проводами. На привычном месте, на подоконнике, она увидела два сотовых телефона, которые, конечно же, сразу узнала. «Они точно не на Севере! Эти отморозенные братцы опять что-то придумали, и это «что-то» – совершенно непонятное и опасное, ой!». Она села на край дивана. Перед ней на полу валялась мятая, еще советская, карта мира, на которой маркером жирно была обведена какая-то точка. Наклонившись, Мария разглядела измазанные фломастером буквы: «Псков».

Межвековые дебаты

– Мы из будущего, ваше величество, или как там вас правильно назвать. Мы на самом деле живем в XXI веке, в России. Вот такие вещи, смотрите, будут делать через сто лет, – Кобылкин положил на стол мобильный телефон, снял крышку, вытащил аккумулятор, показывая царю, что вещь имеет промышленную, рукотворную

природу, затем включил гаджет и показал царю заставку. Указал на телефонный аппарат государя и продолжил: – Вот это как бы его правнук, маленький легкий и удобный. Но здесь есть еще видео, ну, то есть как кинопроектор по-вашему, только меньше и не стрекочет...

Далее Кобылкин продемонстрировал всю свою силу убеждения, подкрепляя лекцию заранее подготовленной подборкой видео и фотографий. Так для начала он показал Императору кадры черно-белой хроники, где он не мог не узнать себя: в Ярославле, в Москве, Питере, в войсках. Затем описал, как будут развиваться события после его отречения. Показал страшные фотографии жертв красного и белого террора, торгующих человеческим мясом высушенных голодом крестьян, взрывы церквей.

На протяжении всего получасового рассказа Царь не проронил ни слова. Иногда он брал телефон в руки, поднося поближе к глазам, чтобы рассмотреть фотографии.

А Сашка закончил уже почти умоляющим голосом:

– Понимаете, к чему приведет ваше отречение? Вы покинете престол, чтобы Россия довела войну до победы, чтобы в стране наступило спокойствие, чтобы сохранить монархию, а получится все ровно наоборот! Берите свой конвой, георгиевцев, сходите с поезда и идите за семьей, я уверен, что сейчас вас не посмеют тронуть. Дайте казакам жесткий приказ пресекать на корню любые попытки вас остановить. Пока вы будете ехать, вас все равно спишут со счетов, потому что все со всеми уже договорились за вашей спиной. Вы не знаете, что сегодня Франция и Англия уже официально признали незаконный самопровозглашенный Временный комитет Думы? Вы не знаете, что завтра, еще до вашего отречения Городская дума Пскова, совсем рядом с которой стоит царский поезд с живым царем, отправит нижайшую приветственно-поздравительную телеграмму узурпаторам власти за подписью своего главы! Завтра уже не кто-то там, а Синод, вдумайтесь, Си-нод решит признать Временное правительство. И это люди, которые молились каждый день о вас и венчали вас на Царство, хранители святости монаршей власти! А увидите, какие телеграммы пришлют вам командующие фронтами завтра. Но если вы уйдете за кордон, куда-нибудь в Латинскую Америку, или в Сибирскую глушь, или вообще на Тибет, то сохраните детей. Поживете частной жизнью, и дадите России немного побурлить, но потом вы или ваши правнуки

обязательно вернуться в Россию, и их возвращение будет не только желанным для простого народа, но и спасительным.

Сашке показалось, что глаза царя стали влажными, лекция с наглядным пособием как будто и не удивила его, но глубоко ранила.

– Вы говорите не как человек из будущего, хотя и страшно поразили мое воображение, разбили мое сердце тем, что предстоит пережить моему народу. Вы говорите, как некоторые мои самые близкие советники... Но Помазанник Божий не смеет покинуть страну, которую Господь вручил ему, как же вы все не понимаете такой простой истины...

– Но простым помещиком в Ливадии у вас тоже не получится остаться, – негромко сказал Кобылкин.

– Спасибо вам, мои благородные потомки, – улыбнулся горькой улыбкой Николай Второй, окончательно уверившись в том, что перед ним каким-то чудесным образом сидят люди из будущего, и вспоминая о том, как мечтал он жить тихой семейной жизнью в Крыму. – Но, кажется, и у потомков не хватит здравого смысла хотя бы просто понять меня. Я не хочу погибать, я не хочу терять свою семью, но царю нельзя сбегать от своего народа. Я сделал все, что мог, неведомая черная болезнь расцвела в России и поразила мой народ. Я сделал все, что мог...

– Да ничего вы не сделали! Вы просто трусите! Все можно изменить! – вдруг резко и громко вмешался в разговор Женька. – Все ваше царствование – трусость, империя гибнет, а вы даже себя боитесь спасти! А миллионы заживо закопанных казаков, попов, крестьян со стариками и малыми детьми! Сидите здесь, как размазня, уставший и поникший, где царь? Где Александр Третий в ваших жилах и Николай Первый? Где Екатерина Великая и суровый Петр? Вы же сами привели страну к пропасти, а теперь молитесь и плачете!

«Ой, е-мое, вечер перестает быть томным!» – подумал Кобылкин, глядя на возбужденного Женьку. А Женька тем временем продолжал:

– Что, собственно, вы сделали? Где ваши достижения? Почему, когда армия готова к последнему и, по всем расчетам, победному наступлению – вы сдаетесь? Как так? Вы не побоялись положить тысячи русских голов в угоду союзникам, отправив немобилизованную армию наступать в 1914 году, а сейчас боитесь возглавить усмирение мятежа, даже уйти с поезда и броситься за своей семьей боитесь! Я

читал, что вы не любите обсуждать дела ни с кем, что вы только слушаете, а потом один принимаете решения. Хорошо, не отвечайте, но поймите, что вы обрекаете, обрекли уже страну на кровавый хаос, в котором сами погибнете!

Повисла пауза, Николай смотрел куда-то в стол, и только одному Богу было известно, что творилось у него в этот момент в душе. Затем, словно обдумав услышанное и приняв тяжелое решение в этот раз не молчать, спокойно сказал:

– Отчего ж, Евгений Романович, на такую обвинительную речь я отвечу, тем более вы так искренни в своем порыве, это не может не внушить доверия к вам. Да, я действительно не обсуждаю свои дела и принимаемые решения ни с кем. Но послушайте...

Сашка весь, до дрожи, внутренне собрался и просто впился глазами в самодержца, понимая, что он услышит что-то, чего не прочитаешь в учебниках. Царь тем временем продолжал:

– Поверьте мне, я много об этом думал. Любые мои решения сегодня не спасут Россию, как ни горько об этом говорить мне, российскому государю. Не помогли строгие меры в 1905-м, не помогли послабления в прессе и избрание Думы. Наоборот, каждая строгая мера, равно как и каждая уступка требованиям общества влекли за собой новые недовольства и кровавые аппетиты. Снятие цензуры и ожесточение цензуры при сегодняшнем состоянии Империи ведут к совершенно одинаковым следствиям – росту крамолы и смуты... Понимаете ли, ни одна мера, предпринятая государем, не удовлетворит общество, ни одна. Я и не думал, откровенно говоря, что мой уход успокоит народ окончательно, но я горько удивлен, что все будет так страшно...

Я также удивлен, Евгений Романович, что люди в будущем столетии будут рассуждать о делах государства, как мальчишки. Но разве вопрос только в том, насколько жестко решится государь подавить волнения?

Если вы посмотрите на наши шаги с самого начала, вы поймете, что все куда сложнее: даровать конституцию или вешать смутьянов на столбах, радикально решить земельный вопрос или отказаться от союзнических обязательств – что ни выбери, все станет лишь хворостом для костра гражданской смуты.

Мы хотели постепенно сделать Россию сильной и мирной державой, и мы за несколько лет стали в ряды первых в промышленности наравне с другими великими державами. Наши законы о труде – несколько не хуже европейских; часть наших крестьян, испытывая нужду с выкупными платежами, тем не менее питаются гораздо лучше европейских, о чем красноречиво говорит и небывалый рост рождаемости. В общем, я хочу сказать, что подданные Российской Империи сейчас ничуть не больше страдают от бедствий, чем при моих славных предках, а смут и волнений гораздо больше. Почему? Вы не задумывались?

Мне думается, что народ словно стал другим, что именно в годы моего правления он переменялся. Не террористы и революционеры – они были и при наших родителях, не кучка либеральных деятелей и депутатов, а весь народ. Мы сделали все, чтобы страна процветала не хуже европ, мы запустили в Россию огромные капиталы со всего света, мы открыли тысячи школ и больниц, но за все это мы оказались зажаты между молотом и наковальней: иностранными финансовыми обязательствами и еще более недовольным обществом. Я не мог не откликнуться на мольбы французов о наступлении не только по стратегическим соображениям, но еще и ввиду финансовых обязательств перед Францией. Спасение страны, как ни странно, вовсе не в царских шагах и решениях. Я полагаю, что при таком помутнении в желаниях и мировоззрениях народа надежда может быть только на Бога, что он образумит Россию...

Женька почувствовал себя неудобно: после государевой отповеди ему стало стыдно за свои горячие, легковесные оценки. Подумалось, что он, конечно, не государственный деятель и даже не историк, несмотря на две недели погружения в далекую эпоху. Тем не менее что-то не позволяло ему согласиться с Царем:

– Ну да, ваше величество, советовать легко. Я понимаю, какой на вас груз, ответственность, понимаю, что каждый мнит себя стратегом... Но погодите ж! Вот вы, как я помню, целых двести миллионов рублей личных денег потратили на госпитали и раненых, даже дочерей своих сестрами милосердия к раненым определили, так? Скажите, так?

– К чему вы ведете, я совершенно не понимаю. В ваше время раненых предоставляют самим себе? – удивился Царь.

– Да на эти деньги, ваше величество, можно было скупить все газеты империи на корню и заставить их писать о вас и ваших решениях в правильном свете! Да в двадцать первом веке за такой пиар, когда дочери царя за ранеными ухаживают, вы бы все премии мира собрали бы! А ваши многочисленные встречи с ранеными и умирающими солдатами? Я читал, как они плакали от умиления! Это же надо снимать и в вашем кинематографе бесплатно показывать по всем городам империи! Конечно, народ будет не тот, если государь о своей работе и жизни рекламу не делает! Вы знаете, что даже через сто лет по вашему Транссибу иностранцы будут мечтать прокатиться как по самой длинной дороге мира? А чего стоит эта история со стариками из Сибири, которые вашим деткам живого соболька через всю страну в Петербург привезли, это ж Голливуд отдыхает! Только представьте, сколько в империи по всем губерниям газет, сколько уже ваших этих кинематографов! Да при грамотном подходе вас народ любить будет как Александра Невского, тем более что с простым народом у вас гораздо лучше получается, чем с министрами и Думой! Да вот даже сейчас! – раздухарился Женька. – Инсценировать нападение на ваш поезд, прямо завтра, снять на пленку, как царь отбивается от разбойников, как они его о пощаде просят и как он их по-христиански прощает, а те в ответ сами просятся на фронт! Сенсация!

– Во-первых, – возразил, впервые слегка улыбнувшись, государь, – мне приятно, что вы столько знаете про меня и мою семью, но вы путаете царя с торговцем. Я должен заботиться о своем народе, прежде всего о страдающих, а не о благосостоянии газетчиков и уж тем более не о фальшивых аплодисментах в свой адрес. Во-вторых, дорогой Евгений Романович, вы меня не совсем поняли. Я лишь сожалею, что народ как будто по чьей-то неведомой воле отходит от заветов отцов и веры ради повседневных страстей и искушений Лукавого, я вовсе не желаю становиться актеришкой в европейском балагане демократии, наподобие некоторых моих родственников из числа великих князей. Вот именно в этом случае я действительно буду худшим и позорнейшим представителем династии. Скажу больше, ваши идеи – пустое с точки зрения результата! Как бы мы ни были верны своему слову в международных вопросах, как ни выполняли бы пожелания союзников, у России во все века один и тот же крест: как только она побеждает, то сразу с ней начинает воевать весь мир, как

только она проигрывает, сразу остается в одиночестве и во внешних сношениях, и во внутренних делах; никакие рекламы, кроме славной победы русского оружия, не помогут, уверяю вас...

Круглый открыл рот и даже что-то успел начать про заграничных спонсоров революции, но в этот момент Кобылкин резко одернул его и сказал:

– погоди, Жень, я додумался. Наверняка царь знает про спонсоров революции не меньше нас с тобой, но главная причина все же в другом. Кажется, я понимаю царя... Ваше величество, сколько при вашем батюшке было ежедневных газет?

– Семь, если мне не изменяет память, – ответил Николай. – В основном, объемные журналы, по подписке, небольшими тиражами. Да, а сейчас, наверное, ежедневной прессы вместе с провинциальной не меньше пятисот изданий, мы уже по тиражам газет на душу населения Европу обгоняем. А сколько типографий в Империи даже и я сам не знаю.

– Все правильно! – Кобылкин встал, заходил по вагону. – Понимаешь, Жень! Пятисот ежедневных изданий, не считая подпольных, по всей стране! А что там пишут, знаешь? А я помню, как-то читал! В основном, критика российских порядков разной степени смелости, вести из прекрасных Европ, объявления, реклама средств от импотенции, облысения, для сохранения молодости, прочие объявления, лотереи, катастрофы, скандалы и новости из Думы! Но главное не в этом. Это ж каждый день что-то писать надо, это ж надо, чтоб разносчикам-продавцам газет было о чем кричать на улицах! Как же не измениться народу, если вокруг столько перемен. Иностранцев с их заводами и акционерными обществами в стране море, грамотных с каждым годом больше на миллионы, для них и выходят все эти кричащие газеты – каждый день, на западный манер. И все это в патриархальной, самодержавной империи. А все вокруг строится, меняется, то железнодорожный бум, то крестьянское переселение, то японская война, то выборы депутатов. Ножницы!

Женька нахмурился:

– Это ты к чему ведешь? Типа как у нас теперь интернет и все в кредитах? И-и-и? – подозрительно попросил продолжить мысль Круглый, с легкой тревогой вспоминая пару собственных кредитов на

машину и оборудование для автомастерской. Но Кобылкин мысль не продолжил. Продолжил царь.

– Господа, я рад, что вы хотя перестали быть столь строгими ко мне. Очень не хотелось бы, чтобы через сто лет моя любимая Россия оказалась в положении, в котором сейчас нахожусь я сам. К тому же бежать мне нельзя еще и по другой причине.

Братья уставились на царя, моментально вернувшись мыслями из своего будущего настоящего в свое нынешнее прошлое. И, как это у них иногда бывало в особо важные минуты, разом спросили:

– По какой причине?

– Я никому, даже Аликс, не говорил то, что скажу вам, – государь посмотрел на фотографию на столе. – Но, быть может, это поможет мне, или вам, если уж послал Господь мне потомков из будущей России... В общем, я с самого начала знал, что я стану последним императором, если не разгадаю одну тайну, а если не разгадаю, то должен буду искупить вину всего своего рода перед Господом нашим. – Николай перекрестился на икону. – Мы правили Святой Русью, помазывались на царство, имея за плечами грехи перед Богом. Один из них особенно мучительно терзал душу моего царственного предка...

Тайна династии

Николай Второй, всемогущий самодержец бескрайней Российской Империи, единственной в мире территории, которая так и не уместилась в ложе западной цивилизации, но при этом не стала ее колонией, полукolonией или марионеточным режимом, – этот великий монарх сидел и рассказывал какую-то немислимую, мистическую и страшную сказку своим непрошеным гостям. И чем дальше рассказывал, тем больше Круглому, несмотря на весь его практический склад ума, вспоминались страшные истории по ночам в спальнях пионерского лагеря, куда его отправляли каждое лето еще в советском детстве. Кобылкин, со своей привычкой находить всему логическое объяснение, по ходу рассказа сопоставлял известные ему факты с историей Николая и пытался найти нестыковки, доказывающие мифичность этой истории. Получалось не очень, и потом, было

совершенно очевидно, что история происходила от такого же клиопилота, как они, только не авантюриста, а настоящего старца, монаха, провидца. А дело было так.

В 1822 году Псков в очередной раз, проездом по пути в Ригу, посетил двоюродный прадед Николая Второго – Александр Благословенный. В эту поездку, наградив серебряным рублем каждого служивого из Ингерманландской роты, приветствовавших своего Государя, и поблагодарив местное начальство за достойное устройство дорог, он решил заехать в Печорский монастырь, в котором в то время подвизался известный старец Лазарь. Был этот старец уже совсем в годах, много лет не снимал с себя тяжелые железные вериги, целые дни и ночи проводил в молитве и даже однажды умер. Правда, потом – когда уже и братия к отпеванию подготовилась, и даже камень надгробный изготовлен был с датой смерти – ожил прямо в гробу.

И вот царственный блестящий либерал в молодости, масон, победитель самого Наполеона пришел к старцу-монаху, известному своею святостью. Александр в то время все чаще и дольше оставался один, будто что-то печалило и мучило его. Двор шептался, что тень отца, убиенного Павла Петровича, не дает покоя сыну, несмотря на все его молитвы. Царь на глазах становился другим, превращался из царственного либерала в православного мистика.

Более получаса он провел с глазу на глаз со старцем в келье. Никто не знал, о чем шел разговор, но многие видели, что император вышел в печали и слезах, а затем сразу уехал из монастыря.

Никто не знал, о чем говорили Александр с монахом, кроме последующих государей. Сначала он рассказал это брату Константину, тот, после своего отказа занять престол – другому брату, ставшему Николаем Первым, и дальше тайна переходила от отца к сыну. И лишь сегодня, в последний день своей самодержавной власти Николай Второй решился открыть ее удивительным и неожиданным гостям своим. Вот как пересказал он разговор монарха и монаха.

«Попущение убийству родителя – страшный грех. Участие сына в заговоре для убийства своего родителя-государя, коего сам Господь поставил на Святую Русь, Дом Богородицы, – грех немислимый. Весь род твой измазан этим преступлением, он стал уязвимым для сатанинских козней, уже стучат тайные молотки черных каменщиков, они куют погибель роду твоему и всей России. Не пройдет и ста лет, и

предадут династию все вокруг: и служивые, и вольные, и крестьянский люд, и мещане. Будет твой потомок, как многострадальный Иов, одинок и беззащитен. – В этом месте рассказа царь пояснил: «Многострадальный Иов, так совпало, и есть мой небесный покровитель». – Взовьется черная пурга над Россией и напустит Господь ту кровавую метель на всю землю. И придут антихристовы слуги, и покарают твоих потомков, будут плясать и бесноваться на святынях православных. Покарают и дворян, и вольных, и Церковь, и чинов, на которых держалась империя и которые нарушат свою клятву и предадут династию царскую. Потом эти слуги антихристовы будут смертной косой сносить головы народа твоего, что изменит присяге и не исполнит долг свой, и разбежится по домам пьяный, грабящий, с хулой и скверной на языках. Потом явится бич Божий и самих антихристовых слуг и жен их, и роды их будет казнить и бросать в мучения. А потом и сам Бич Божий, после великих дел, кончит мучительной смертью, одинокий и всеми преданный... Ох, и потом не сладко будет народу твоему...»

Александр в слезах спросил старца, что можно сделать, как спасти хоть не себя, но потомков, что душа его изъедена грехом отцеубийства, а молодость кажется ему наваждением.

Ответил Лазарь: «Слава твоей династии закончится здесь, на святой земле Псковской, а часы погибели и возрождения России заведут в далеком Томском граде в Сибири. Если сам остановишь часы, или кто из потомков твоих – переменишь пророчество, если нет, то искупит грехи твоей фамилии только поверженный царь силой веры своей, не сломленной самыми страшными испытаниями, другому спасению не бывать. Если остановите часы погибели, или если выдержит твой царственный потомок испытания – Господь простит тебя, возродит славу России и Православия больше прежнего, нет – исчезнет земля русская навсегда меж племенами и царствами растворится».

После этой встречи Александр еще что-то пытался сделать: то переподчинит Псков рижскому генерал-губернатору, то издаст высочайший указ о запрещении на территории Империи всех масонских лож и тайных обществ – но все больше и больше он понимал, что сила разума и воля правителя ничего не исправит, изменить неизбежное может только раскаяние.

– И уже через три года инсценировал свою смерть и стал простым богомольцем! – перебил рассказ государя Женька. – Значит, легенда о томском старце Федоре Кузьмиче – не легенда!

Государь молча покачал головой, смотря в одну точку и думая о чем то своем. Сашка произнес, продолжая тему:

– Тогда понятно, почему он отправился в Сибирь, не на север, не по святым русским местам, не в лесную чащобу в скит от людей, а именно в Сибирь, потом в Томск... Ведь я еще студентом считал, что выбор Томска самозванцем – простите, ваше величество, – первое доказательство того, что это вовсе не уставший от мира царь: те же суэта и страсти, что в столице, только у черта на куличках и не с курортным климатом.

– А я вообще не понимаю, причем тут Томск, – сказал Женька, – городов, что ли, мало? Ладно, Псков, древний город, первая русская православная княгиня, город воинской славы, святые монастыри, войны, предатели, герои. Хотя тоже, почему именно в таком славном Пскове должна закончиться династия?

– Теперь вы понимаете, как странно то, что вы, столь необычным образом, именно из Томска и являетесь мне в сложную для меня минуту. Или вы знаете, что за часы были заведены в Томске? – с надеждой в голосе спросил Государь. – Я был там еще в 1893 году, был даже в келье, как вы сказали, томского старца, великие князья были там до меня, но мой царственный предок не оставил нам никаких ответов.

– Нет, ваше величество, – тихо ответил Сашка, – я не понимаю, что за часы «погибели и возрождения» были заведены в Томске, и уж тем более – как их остановить... И что значит «часы погибли и возрождения»? Какое возрождение? Вот вы, государь, – мы в будущем это точно знаем – изопьете свою чашу до конца, до глоточка, вместе с вашими детьми, если нас не послушаете, но никакого возрождения империи, да еще возрождения православия – я что-то не помню...

Тут вмешался Женька, резонно напомнив Кобылкину:

– А восстановление Храма Христа Спасителя? А нынешний наш самый главный как спасение от развала девяностых? Может, это имелось в виду? Да и денег в стране – прилично, зарплаты людям платят, армию возрождают, нет?

– Может быть, но это как-то все поверхностно – скорее спасение от смерти, чем возрождение. Денег много, страна крепнет, а в головах – те же Каины, что и в семнадцатом, глотку перегрызут друг другу. Как-то в наше время, Жень, бардака и злобы много. Каин... Каинск, каин... – береза по татарски... – Кобылкин сосредоточенно, сдвинув брови, словно пораженный какой-то догадкой, поглядел на Императора. – Государь, если вы даже теперь не хотите бежать от своего долга перед страной и Богом – спасите хотя бы детей, велите им бежать из России, как я вам сказал... Вы меня простите, но тот, кто вас убьет, родился как раз в Каинске, тоже Томской губернии, в состав которой городок вошел, между прочим, как раз при Александре Благословенном. И да, ваше величество, вот еще что...

В этот момент Кобылкин вдруг как-то странно и очень быстро покраснел, пошел пятнами, веки задрожали, руки судорожно начали ловить воздух, ища опоры. Царь и Женька глядели на Сашку широкими глазами, и в следующую секунду Круглый бросился на брата и обнял его. В момент их падения на пол раздался резкий беззвучный хлопок, появились завихрения зеленого света, и в следующую секунду только втянутый со стола, как пылесосом, дневник Его Императорского Величества валялся на ковре спального вагона в том месте, где только что находились братья...

Кобылкин и Круглый хотят домой

Резкий затхлый запах, как нашатырь, шибанул в нос обморочному. Кобылкин закашлялся, приоткрыл один глаз – вокруг темнота, какое-то жалостливое копошение и скуление. Глаз снова закрылся, и Кобылкин издал тяжелый вздох – его мутило, голова трещала, как с похмелья. Вспомнив все, что происходило во сне, вернее, в царском спальном вагоне, он еще раз тяжело вздохнул. Вдруг он почувствовал на себе ощупывающее прикосновение лежащего рядом человека и услышал тихий голос Круглого:

– Саш, опять Дом трудолюбия, что ли, чего за фигня, а? – Круглый лежал рядом и всматривался в темноту. – Я думал, что День Сурка – это только в кино. Что произошло, а? Опять судачка со сбитнем, и в вагон к царю? Я вообще домой хочу, к Люське, что я здесь, каждый раз

просыпаться буду? Твою ди-визию... Слышь, Кобылкин? Если б я на тебя не прыгнул в тот момент, ты вообще один тут лежал бы сейчас...

– Так надо было не прыгать, сейчас бы уже по яйцам Фаберже договорился наверняка, – попытался сострить пересохшим и еле ворочающимся языком Сашка. – Судя по запаху, да, опять в приемной комнате Дома трудолюбия... Что ж голова-то так болит... Я не знаю, что случилось, Жень, честно; может, найдем провод какой оголенный и того, домой, есть же у них уже какая-нибудь электростанция здесь. Хотя, блин, на самом интересном месте мы из вагона-то вылетели. Непонятно: почему?

– Я как новый монархист знаешь, если откровенно, что думаю? – полушепотом начал отвечать Круглый. – Мы с тобой и со всеми нашими мозгами двадцать первого века, сотовыми телефонами и Интернетом в подметки Николаю не годимся, и по образованию, и, самое главное, по своим сволочным привычкам мутить и выкручиваться, даже из благородных побуждений. А этот не такой... Совсем не такой, оказывается... Я бы так не смог, я бы или шашку наголо, или и правда в Латинскую Америку...

В этот момент вдруг со скрипом отворилась дверь, за которой виднелся молочный туман раннего летнего утра, помещение обдало волной свежего воздуха с примесью трав и хвои, и пара здоровенных амбалов с фонарем в руке завели в помещение качающегося человека. Тут же этот человек прямо на руках амбалов начал петь, на ходу пытаясь заламывать носки сапог и прихлопывать локтями по бокам:

– Сам играешь, сам и по-о-ой!
Ты откуда хрен тако-о-о-ой!
Из деревни Блюдовой,
А ты краса откудаваль...

Ик, у-у-у-у, чертяки, пошто почти благородного господина скрутили, при людях позорите...

Амбалы, не обращая внимания на крики и попытки станцевать, бросили пьяного у какой-то огромной чугунной ванны и «почти благородный господин», судя по звукам, принялся блевать прямо на пол.

Братья с изрядной порцией адреналина в крови и уже ясным пониманием, что это не «день сурка» и не Дом трудолюбия, сидели и, пока дверь оставалась распахнутой, в полутьме осматривали помещение.

Это была длинная полуподвальная комната, посреди которой стояли две большие чугунные ванны. Около одной из них лежал на носилках совершенно голый синий труп с комком тряпки на груди. Около другой ванны, ближе к братьям, стояла деревянная скамья, заваленная тряпьем, дальше вдоль стены – какие-то шкафы, самовары, кастрюли, чья-то одежда и совсем рядом – три совершенно живых человека. Один, в непонятного вида лохмотьях, страдальчески храпел, обдавая все на три метра вокруг себя сивушным перегаром; второй, здоровенный мужик с короткой, но густой бородой, в просторной рубаше, широких штанах, черных кожаных сапогах и жилетке, как у кулаков в советских кинофильмах, полусидя прижимал к себе правую руку и тихо сам себе скулил: «Ох, рученька моя, рученька, ох, рученька моя, рученька». А третий мирно спал на каталке, укрывшись простыней и подложив под голову аккуратно скатанный рулон одежды.

– Морг, вытрезвитель? – глядя на брата, спросил Круглый, поворачивая голову в сторону трупа.

– Или больница, – ответил Кобылкин. – Но точно не наше время. Во встряли-то мы!

Сашка вскочил и в два прыжка подлетел к двери, в которую вышли амбалы-санитары, на секунду оглянулся – мол, счас вернусь – и выскочил наружу, в свежее утро непонятного дня и места.

Круглый тем временем придвинулся к бородатому мужику с большой рукой и спросил:

– Слышь, мужик, ты кого ждешь-то?

Мужик прекратил покачиваться, посмотрел на Круглого сурово, оценивающе, потом скривился от боли, снова закачался и сказал:

– Дохтура, кого мне еще ждать, должен прийти скоро, вон, светает ужо.

– А чего у тебя с рукой? – спросил Женька, понимая, что по-другому подходов к мужику не найти. А тот словно только и ждал, чтобы кто-нибудь поинтересовался его несчастной участью:

– Да купил на свою голову машину эту англицкую, шишку дробить. Скоро сезон, орех буду заготовливать, в Москве нынче

хорошую цену давать будут, скупщики уже сейчас по деревням ездют. Купил, че, да руку туды, бес меня дернул, и сунул... У-у-у-у, падлюка, говорили мне, что англичанка гадит. Выписывай, мол, немецкую, ан нет... Прости Господи, это ж теперь и не перекреститься даже...

– Какой орех? – со смутной тревогой заерзал Круглый. Но в это время вернулся Кобылкин, сел рядом, посмотрел на брата и сказал:

– Жень, а мы в Томске, и, похоже, в приемном покое университетской клиники. А там, – он показал рукой на дверь, – ты прикинь, университетская роща, только она еще это, не выросла...

Братья в смешанных чувствах долго смотрели друг на друга, затем Круглый повернул голову к мужику с раздробленной рукой и продолжил:

– Кедровый орех, кедровый. А где твоя деревня и как тебя зовут?

Качающийся мужик, казалось, только и ждал продолжения разговора и с удовольствием ответил:

– Миколой Андреевичем звать, на Ушайке, верст десять отседова, по Иркутскому тракту и направо, или через Хромовку, деревня Корнилова... А деньги-то все свои я на эту английскую машину поистратил, а мне говорят, плафессор натурой не берет, а ну как откажется руку лечить, ой, Богородица помилуй, че делать, че делать, – в такт своему покачиванию продолжал мужик.

Круглый полез в карман штанов, достал оттуда десятирублевую ассигнацию и положил ее перед Миколой. Тот посмотрел на него, не прикасаясь к деньгам.

– Слышь ты, как там тебя...

– Женька...

– Чудное имя, поляцкое ли чо ли?... Я ж не беглый, мы ж коренные сибряцкие, у меня своя добра дай Бог каждому, и займки три, и скотины не посчитаешь, и пасека, я денег-то добуду, токмо бы седня дохтор меня принял и на слово поверил... И царевича не увижу, э-эх...

– Да бери, бери, – сказал Женька, – у меня ж мамка с Корнилова, вернее, тьфу, бери, короче, лечить лучше будут...

– Разве што в долг, а? Знаете чево, вы ко мне вместе приезжайте погостить, легко найти самый большой дом на Заречье, а прямо между окнами кедра стоит большучая, дед мой ее специально не спилил, когда строилися. Спросите Миколу на Зареченской, вам любой

покажет, долг отдам и угощу за доброту вашу, а? Побожись, што приедешь, а не то не возьму!

– Приедем, приедем, вон с братом и приедем.

Братья, не сговариваясь, встали и пошли к двери. Микола проводил их взглядом и снова закачался, как маятник, со страданием и одновременно слабой улыбкой на лице.

Вышли из подвала. Встали. Родной, с холодком и резкими ароматами таежного разнотравья воздух, такое непривычно голое без роши здание университета, знакомая до боли ограда на каменных столбах, отделяющая университет от Садовой улицы... И опять, не сговариваясь, братья выдохнули:

– То-о-о-о-мск...

Псков

Самолет ровно урчал, пытаясь убаюкать своих пассажиров. Но двигатели старенького АН-24 то ли из-за старости, то ли из-за плохой звукоизоляции урчали все же слишком громко, чтобы уснуть. Маша и не спала, несмотря на перелет из Томска, гулянье целый день по Москве и вот, очередной полет рейсом Москва – Псков.

Еще раз восстановила в памяти события последних дней. Кобылкин с Круглым исчезли, телефоны валяются отключенные в Сашкиной «хрущевке». Одежды никакой они с собой не брали. Пакетов, этикеток и оберточной бумаги, которые бы остались, если бы ребята закупились обновками, не обнаружено. Но и паспортов Маша тоже не нашла. В квартире на старой карте был выделен Псков, на кухне валялись распечатки с фотографиями из интернета со старинными поездами, вокзалом, видами дореволюционного Пскова. На всех фотографиях был именно Псков, его здания, улицы и вокзал. Следовательно, и не «Линия Сталина» под Островом, ни Изборск, ни знаменитый Печорский монастырь, ни леса-поля-овраги, где могли быть какие-нибудь интересные раскопки, ни могила Пушкина не являлись целью поездки братьев. Значит, искать надо в самом Пскове, в псковских гостиницах. Вспомнилось, как братья так же тайком уехали в Хакассию и заблудились в пещерах. Только через полгода, когда им пришел счет за аренду вертолета и работу спасателей, та

история получила известность в семейных и дружеских кругах любителей приключений. У Маши не было никаких версий, что пришло им в голову на этот раз...

Вообще, это было не в ее характере – переживать, да еще за мужиков, да еще ехать за ними через всю страну к черту на кулички, но вот что-то тревожило. Так и подумала, размышляя под гул двигателей: «к черту на кулички», от чего ей самой стало смешно и страшно: древний город, напичканный святынями и историческими памятниками, как томская маршрутка в час пик, граница с Евросоюзом – и к «черту на кулички». «Тьфу, тьфу, тьфу, в самолете чертыхаться да кого попало поминать», – подумала, пожившись и глянув в иллюминатор, трусливая до авиатранспорта Мария Бергина. Тем не менее мысль продолжала развиваться против ее воли.

Дело в том, что Мария была не по-женски основательна и предпочитала понимать то место или ситуацию, в которых оказывалась. Перед полетом она тщательно просмотрела информацию о Пскове в социальных сетях, новостных лентах и статьях местных авторов, даже запомнила все названия гостиниц. Потом всю дорогу читала распечатки книги Болховитинова, который написал историю Пскова еще в XIX веке. Вот и теперь распечатки лежали рядом на свободном сиденьи. Образ незнакомого города, о котором слышал каждый с детства на уроках истории, но который далеко не все видели, заинтриговал ее. Когда Маша мониторила новости о регионе в Интернете, среди привычных ее профессиональному глазу официальных и мимолетных «открыли, отремонтировали, повысили, встретили, подняли, приняли меры, восстановили, решили», обращало на себя внимание то, что большинство действительно топовых, резонансных тем были какие-то непривычные и несуразные. В голове у Маши складывалась фантасмагорический образ Пскова, где святость, гадость и детская непосредственность переплелись в нечто невообразимое на взгляд разумной и образованной сибирячки.

Вот именно этот рой необычных новостей и кружился у нее в голове и никак не складывался в нечто рационально целостное и логически объяснимое. Во-первых, Бергина обратила внимание, что «громкие» новости появлялись в основном в последние три-четыре года. Из более ранних упоминаний только две темы конца девяностых – середины нулевых, как ей показалось, оставили глубокий след в

сегодняшней жизни Пскова. Первая – история местной «винной монополии». Тогда в частные руки отдали единственный водочный завод, в который потом обильно вкачивались бюджетные деньги в виде субсидий. С сопутствующим пьянством населения не менее радикально и оригинально боролись различные инициативные группы. Подавалось это решение как экономическое чудо в трудные времена повсеместных невыплат, а также как забота власти о здоровье населения. Мол, нечего пить всякие некачественные спиртосодержащие напитки, бухайте качественное. Вторая – это красной нитью проходящая через все официальные и уж тем более неофициальные ресурсы тема смертности и темпов убыли населения. Самый вымирающий регион России. «Вот она, – поначалу подумала Мария, – давно мною предсказанная модель апокалипсиса всей страны в отдельно взятом, самом что ни есть русском регионе, прямое доказательство моих предположений о будущем России. Все понятно».

Но далее понятнее не становилось, наоборот начинался какой-то сюр. Вместо техногенных катастроф, ползучей миграции и «чайнатаунов», голодных бунтов и межнациональных столкновений, диких коррупционных скандалов и громких банкротств предприятий (что напрямую вытекало, по разумению Маши, из апокалиптической ситуации), она обнаружила – гротеск топовых новостей, который обсуждали в Интернете, казалось, все без исключения жители и журналисты, в том числе федеральных СМИ. «Не, ну понятно, конечно, что наш интернет-народ о хорошем не напишет, это как везде, но что там вообще происходит?» Мария еще раз мысленно пробежалась по самым резонансным и, на ее взгляд, трагикомичным новостям, сравнивая их с наиболее обсуждаемыми темами в Сибири и других регионах. «Вокруг кинотеатра поставили бетонный забор» – крик, шум, тысячи комментариев. «Забор демонтирован» – перепост, новость номер один. «На границе со стороны Эстонии изо льда в натуральную величину построен фашистский танк «Тигр», пушка танка направлена на Печорский район» – та же история. «Волонтеры пожаловались на плохие условия содержания стариков в доме-интернате» и тут же: «Старики держат оборону, отказываясь переезжать в лучшие условия». «Градоначальник рассказал на пресс-конференции, как он спас Тбилиси, вовремя остановив заблудившихся псковских десантников по мобильному телефону».

«Многомиллионный новый рояль для филармонии сгорел прямо на сцене. Филармония не пострадала». «В самом русском по составу населения регионе – областной депутат оказался тайным гражданином Израиля», «Реконструкция аварийной набережной 60-х годов постройки остановлена по требованию культурной общественности». «Новогоднюю елку поставили, остригли до макушки, а потом распилили на дрова, прямо на центральной площади Пскова, администрация города отказалась от комментариев».

– Девушка, девушка! Вы позволите? – вдруг раздался мужской голос над ухом Марии, и тут же чье-то тело бесцеремонно втиснулось на сидение рядом, прямо на распечатки «Истории Пскова» Болховитинова. – Вы впервые летите в Псков?

Мария посмотрела на мужчину лет сорока пяти, слегка нетрезвого, как раз в той стадии, когда просто сидеть на своем месте невозможно, и душа истинно русского человека требует приключений. Поборов в себе первую негативную реакцию и подумав о том, что это, возможно, первый на ее жизненном пути пскович и он может оказаться ей полезным, и что все равно лететь еще почти час, она ответила с умеренной дозой кокетства в голосе:

– Впервые. Давно мечтала побывать в Пскове.

– Иван Васильевич, – человек картинно кивнул лысеющей головой, думая, наверное, что выглядит вполне по-гусарски. – Вас встречают? Все организуем! Вы в гости или по работе?

– Нет, я путешествую одна, – ответила Маша. – Может, посоветуете приличную гостиницу?

По примеряющемуся взгляду лысеющего мужичка она поняла, что ее вопрос понят совершенно неправильно, но тут перед ее носом из прохода между рядами возникла вторая рука мужчины с пластиковым стаканчиком и маленькой фляжкой с коньяком, судя по запаху.

– Предлагаю за знакомство! Как зовут нашу красавицу?

– Извините, не хочу. Мария. А вы пскович? Что у вас в Пскове происходит? Мне интересно как журналистке, – сказала Бергина, пытаясь максимально прилично воротить нос от пьяного дыхания собеседника, – чем живет город?

Гусарский блеск в глазах мужчины моментально исчез, вместо него на долю секунды появилась радость и хитринка. Затем он, чуть

поерзав на распечатках «Истории Пскова» и усаживаясь поудобнее, сказал совершенно другим, полутаинственным тоном:

– Да какая жизнь, честно говоря! Не живет народ – выживает... Вы как журналистка должны понимать, правду никто вам не скажет, откровенно говоря! А на самом деле...

До конца полета Маша слушала рассказ о бедствиях региона, о том, что город захватывают «питерские», огромные деньги пилятся и откатываются, местный бизнес зажали, Москва всю выручку от таможи забирает себе, народ стонет, власть строит и делает что-то исключительно для своего пиара и занимается одной показухой, которая на самом деле никому не интересна. И вновь: про «питерских понаехавших», про спиленные елки, сгоревшие рояли, заборы, разрушенные набережные и прочие, прочие истории, ярко иллюстрирующие невообразимую глубину падения региона.

В голове у Маши совсем все перепуталось. Родилась гипотеза, которую она робко, чтобы не сбить собеседника с мысли, высказала:

– Так если все так плохо, какого лешего вы все обсуждаете заборы, елки, рояли? Где реальная борьба и протестное движение, где настоящие голодовки, техногенные катастрофы и многотысячные демонстрации протеста? Всего этого просто не может не быть при таком ужасном положении!

– Так, э-э-э, народ наш долго терпит, и потом, говорю же, – пиар, пиар...

– Слушайте, а так плохо всегда было? С развала Союза?

– Да, не-е... было лучше, э-э-э... Ну, просто раньше сами крутились, да и времена раньше по всей стране тяжелые были, кризисы всякие... А вот еще вам последний пример, в одном нашем морге недавно, короче, перепутали трупы и родственники после опознания их забрали как своих родных мертвецов...

– А вы, наверное, бизнесмен или депутат? Или бери выше?

– Да причем тут я, весь народ так думает... – с привычной осторожностью ушел от ответа попутчик.

– Псковский боя-а-арин? Никак жалобу на князя в Москве с челобитной подавали? – с веселой интонацией, чтобы не обидеть собеседника, сказала Маша, вспоминая буквально только что прочитанное из истории Пскова.

– Да нет, я современный человек! – вновь заерзал на Машиных распечатках собеседник, подозрительно поглядев на Бергину, и добавил зачем-то: – Либеральных взглядов, несмотря на членство другой партии, сами понимаете какой...

– А в вашей собственной фирме, или там, в конторе, сколько рядовая челядь зарплаты получает, наверняка же повыше, чем у княжеских бюджетников? – не могла остановиться обворожительно улыбающаяся Мария. – А вечевые крикуны за правое боярское дело из числа сотрудников по двойной ставке, поди, или как? А на взятку боярскую в Москву серебро свое собирали, или с Ливонии подкинули?

Мужчина поднялся, часть прилипших к заду страниц «Истории Пскова» разлетелась по полу салона, куда-то под кресла. Пассажир пробормотал что-то про скорую посадку и пошел на свое место.

В голове у Маши бродили фантастические образы полуразрушенного забытого Богом пограничного региона, в котором вновь сшибаются великокняжеская традиция с обычаями олигархата, «лутших людей», и в котором надо быть элементарно очень осторожной. «И? Ну вот что здесь делать Кобылкину?» – недоумевала Бергина.

Часовой механизм

До центральных ворот университетской ограды они дошли молча, думая каждый о своем. И тут Круглый схватил за руку Кобылкина и воскликнул посреди безлюдной с утра и пока еще совсем жиденкой, низкорослой университетской рощи: «Деньги, Саш!» Почти одновременно Сашка тоже вскрикнул: «Царевич! Этот бородатый с рукой хотел увидеть царевича сегодня, Жень!»

Не слушая Круглого, Кобылкин затараторил о том, что со всей ясностью он сам только что осознал: «Царевич в Томске был всего один раз за всю его историю, летом 1891 года, потом до самого Путина никого из первых лиц в Томске не будет! Значит, сегодня в Томске – цесаревич Николай, тот самый, с которым мы только что говорили во Пскове в 1917-м! Понимаешь, Жень, это не какой-то там сбой! Мы здесь не случайно, мы должны найти эти «часы погибели и возрождения» империи, что заведут в Томске, Жень! Слышишь? Не

знаю, кто и зачем нас этим наградил или наказал, но мы здесь, уж в Томске-то мы с тобой не должны потеряться! Брат, это шанс, иначе нас бы здесь не было...»

Круглый слушал брата, мрачней с каждым словом, и наконец прервал его в самый разгар патриотического вдохновения:

– Деньги, Саш! Мои золотые остались в пальто в царском вагоне, последнюю бумажку только что отдал, и что-то подсказывает мне, что ты тоже пустой.

Кобылкин похлопал себя по карманам штанов и с извиняющейся физиономией развел руками, но Круглый не собирался останавливаться. Выразительным движением головы и глазами он указал брату на ноги:

– Ладно, мы в паровозе сапоги не снимали. Значит, в итоге мы без денег, но в сапогах, а я бы уже и пожрал чего, но не это главное. Главное, что мы, оказывается, ни хрена не контролируем, ничего не знаем о перелетах во времени, и не факт, что вернемся домой. А, кстати, фальшивомонетчиков строго наказывали при Царе?

– Ну, наверное... Их хоть при ком строго наказывали, – не понимая о чем речь, ответил Сашка.

– Да я вот думаю, червонец тот, что я дал, николаевский, 1909 года, если я правильно помню. А он, как ты говоришь, еще только царевич, и на деньгах же его еще не должно быть!

Кобылкин побледнел:

– Так, быстро! Давай на улицу, обходим клиники, на Московский тракт и к Томи, по реке спустимся к Ушайке в центр; е-мое, Жень, нас же закуют, если мужик шум с ассигнацией поднимет, сегодня наверняка жандармы в усиленном режиме!

Братья прибавили шагу, вышли за ворота на Садовую и оказались на краю города. Круглый все оглядывался назад, пытаясь разглядеть в почти что лесной дороге привычные корпуса Политеха. В очередной раз оглянувшись, он вдруг замер. Справа от него высился огромный собор, в котором он сразу же признал Храм Христа Спасителя:

– Саша, он же в Москве! – Круглый был близок к тому состоянию, когда от полного непонимания происходящего человек впадает в протрацию или сходит с ума.

От протрации Круглого спас Кобылкин, дернул за рукав и потащил дальше, поясняя уже на ходу:

– Это просто по проекту того же архитектора Тона построено. И, кстати, храм меньше московского, его разберут после революции, а из кирпичей построят еще один университет, архитектурно-строительный, а здесь твой любимый фонтан будет, в который ты прошлым летом пьяный купаться лазил...

Братья оказались в районе Татарской слободы. Резкое зловоние перебивала свежесть речного воздуха, добротные деревянные дома с полуподвалами из красного кирпича, сплошь в деревянной резьбе, как крепкие дородные бабы в накинутых расписных платках, перемежались с покосившимися засыпушками, складскими постройками и сараями с мычащими коровами. То тут, то там стали появляться никуда не спешащие люди, телеги водовозов с сонными лошадьми и сонными седоками на козлах. Июльский день обещал быть солнечным и жарким. Судя по слою пыли, лежащей повсюду, дождей здесь не было много дней. Сашка «включил экскурсовода», комментировал увиденное по ходу и делился воспоминаниями из университетского курса Сибиреведения:

– Канализацией в этом году в Томске еще и не пахло, поэтому пахнет нечистотами – максимум рыли стоки к канавам, все стекалось в овраги, ручьи, в Ушайку и Томь. Грязи в дожди было немерено, известны случаи, когда лошади тонули вместе с повозками, но обходилось без человеческих жертв. Освещение тоже не того, хоть и первая электростанция появится за Уралом именно в Томске, но чуть попозже. Ага, район затапливаемый, поэтому столько лодок около домов. Но вообще, нам повезло, вот если б осенью попали – весело было бы. Тьфу ты, нога в тротуар провалилась, погоди... Дело в том, – продолжал Кобылкин, вытаскивая ногу из дырки прогнившей тротуарной доски, – что осенью сюда съезжается народ с золотых приисков Мариинской тайги, которые уже почти иссякли, работяги с Обь-Енисейского канала, который должны вот-вот забросить из-за строительства Транссиба. Тут такое начинается! Публичных домов и малин больше, чем в столицах, до самых морозов по улицам лучше не ходить – прибьют за просто так и не посмотрят, Круглый, на твои разряды борцовские.

Круглый, невольно озираясь, не в силах избавиться от новизны ощущений в знакомых, но как-то опасно непривычных и даже чужих местах, сказал:

– Тоже мне, университетский город. Здравствуй, моя малая Родина!

– Университету всего-то три года, он еще только-только начинает играть свою роль в жизни города, да и всей Сибири. Но все равно, Жень, и благотворительность уже ого-го какая, и театр, понимаешь, и Транссиб строить начали. В ближайшие годы обалдеть, сколько всего переменится. Ох, гляди, Томь-то какая красавица!

Перед ними раскинулась огромная, полноводная река, приток Оби. Несмотря на лето – ни одной желтой отмели, к которым так привыкли современные томичи, видно не было. На другом берегу в дымке – стена таежного леса, на воде десятки лодок, то ли рыбацких, то ли паромных...

– Да-а-а, господа... – протяжно, как бы заканчивая экскурсию, протянул Кобылкин. – А еще томичей называли муксунниками, поскольку муксуна здесь видимо-невидимо было, вернее, есть... Правда, так есть охота, аж слюна течет...

Братья присели на край огромной, выше человеческого роста коряги, которая, по всей видимости, валялась на берегу с последнего ледохода, и попытались наметить планы.

Сашка предлагал дойти по берегу до торговой площади в самом центре и, изобразив разборчивых покупателей, перепробовать все съестное в торговых рядах. В крайнем случае – стащить какой-нибудь калач из лавки или предложить кому услуги грузчика на часик за добрый завтрак. Цесаревич будет на Иркутском тракте где-то около десяти часов утра, а значит, к Иверской часовне, что как раз рядом с базаром и Богоявленским Собором, подъедет часам к одиннадцати, не раньше, а потом направится в дом к губернатору мимо почтамта. Поскольку совершенно не понятно, где здесь искать часы и что с ними делать, Кобылкин предлагал просто протиснуться как можно ближе к будущему царю и внимательно понаблюдать за происходящим: «Авось что-нибудь пойдем-заметим по ситуации, а если ничего не увидим и не пойдем, так уж и быть, займемся возвращением».

Женька начал было в ответ ворчать, что зря они все это затеяли, кто они вообще такие, чтобы лезть в большую историю? Два ушлепка из будущего, которые в своей жизни ничего героического или исторического ни разу не совершили; что не ему, семейному человеку, участвовать в таких авантюрах. Ладно, мол, по пещерам, или в тайгу

на рыбалку, или на воздушном шаре, там хоть от тебя что-то зависит, а здесь? Болтаемся, мол, во времени, как слепые котята, даже не понимая, где можем оказаться в следующую секунду. Потом вдруг встрепенулся, хлопнул себя по лбу и почти вскрикнул:

– Вспомнил! В Интернете читал: когда Николай посещал Томск, была то ли найдена, то ли обезврежена какая-то бомба с часовым, понял, ча-со-вым механизмом прямо под мостом через Ушайку, это получается, как раз вчера! Или не обезврежена? Не помню. Эх ты, историк хренов, я и то читал!

– Так если обезврежена, то причем тут пророчество?

– Ну, может, она должна была громыхнуть, и был бы другой царь, или царя бы ранило. И вся история пошла бы по-другому!

– Не-е-е, и где здесь Александр Первый? Раз ты читал, значит, жандармы устроили следствие. Если так, значит, доложили Николаю. Если, несмотря на это, он не бомбой занялся, а поздно вечером тайно поедет в келью, где до смерти жил старец Федор Кузьмич, значит, не то, не то!

– Ну, не знаю, я думаю, дело в бомбе с часовым механизмом, прямая ведь связь! Вот бы ее достать и посмотреть, обезвреженную. А еще, возможно, в келье есть какие-нибудь часы, или рядом где-то. Или вообще имелись ввиду песочные часы! – продолжал фонтанировать идеями Круглый.

– Давай пока на базар, перекусим, а там в толпе разнюхаем, что почем. Вообще, про бомбу надо проверить, может, у жандармов чего выведать, они ж всяко, как и в наше время, в оцеплении скучать будут. А к ночи проберемся к келье старца. Про келью очень правильная мысль, ты молодец, брат. Идем. Что же это за часовой механизм, ух...

Братья по берегу направились на базар туда, где в наше время вместо базара высится огромное, белого мрамора, здание-корабль, в котором располагается вся губернская власть Сибирской провинции.

Часы

– Куды прете-то, че, медом намазано? – лениво и беззлобно сказал дородный жандарм с огромными подкрученными усами, выросший на

тропинке почти уже под самым мостом через Ушайку. Руки его были заткнуты под ремень на добром таком пузе. – А ну, айда отседова!

Братья остановились. Они прошли вдоль Томи до места впадения в нее Ушайки и повернули вдоль речки к мосту, поскольку эта речка оказалась значительно больше и глубже привычного – по камешкам не перейдешь. Ушайка без бетонного саркофага мутной лентой уходила вдаль, утопая в траве и кустарнике, а на другом, вытоптанном базарном берегу стояло на причале несколько то ли больших лодок, то ли маленьких корабликов. Подходя к мосту по пыльной тропинке, вдоль которой трава в человеческий рост почти образовывала тоннель, братья решили не подниматься на площадь, а сразу осмотреть место, где была найдена часовая бомба. Жандарм помешал их планам.

– Ага, так точно, ваше благородие, идем вверх, – ответил Женька, медленно заворачивая в сторону от моста, – А че, бомба-то здесь была, али врут люди?

– Да не было никакой бомбы, – все так же лениво, похоже, уже в сотый раз отвечал жандарм, – подделка с часами, эти, университетские экспертизу сделали.

– А куда увезли? – не унимался Женька.

Братья заметили подозрительность во взгляде жандарма, но он тут же, словно оценив пустые руки и пустоту под рубахами братьев, беззлобно закончил разговор:

– Ну-ка пшли вон отседова, пока я вас до выяснения ваших физиономий не забрал, кержаки!

Сашка с Женькой не заставили себя уговаривать и быстренько стали подниматься по тропинке вверх. Поднявшись и оказавшись на улице в центре города, где вместо шикарного Второвского пассажа еще стояли деревянные дома, братья охнули.

Весь центр города во все стороны был украшен зелеными ветками, императорскими черно-желтыми и государственными бело-сине-красными флагами. У Иверской часовни, прямо на месте нынешнего монумента Ленину, стоял нарядный, тоже украшенный флагами и зеленью, шатер. Все примыкающие улицы и сама площадь были выметены и политы против пыли водой. А самое главное – люди. Со всех сторон, не торопясь, как на праздник, шли стар и мал, в нарядных платках и шляпках, рубахах и старомодных сюртуках, с наградными крестами на груди и цветами в руках, с детьми на руках и

со стариками под руку. Шли как-то тихо, чинно, о чем-то вполголоса переговариваясь. «Громкой веселой музыки, как в наше время, не хватает, наверное, поэтому такое торжественно-таинственное впечатление от зрелища», – подумал Кобылкин.

Братья сообразили, что, если они немедленно не пройдут к базарным рядам, им будет уже не протиснуться. Попытались ускорить шаг, но буквально за мостом через Ушайку стало видно, что все каменные базарные ряды не работают, и люди от каменных рядов тоже смещаются ручейками в центр. Буквально через полчаса стоять было негде. Как ни присматривался Круглый, никакого оцепления так и не увидел; между тем, пробраться к самой часовне, где должен был остановиться кортеж цесаревича, не было никакой возможности. В таком маленьком, как им казалось в сравнении с современным Томском, городочке – такое людское море.

Вдруг тихая, спокойная и чинная толпа сибиряков стала волноваться, послышались отдельные возгласы, толпа качнулась к центру, превратившись во что-то монолитное, одухотворенное, и тут же раздалось громовое многотысячное «Ура!». Крики восторга мешались с куплетами «Боже, Царя храни!». И когда цесаревич поднялся в своей коляске, чтобы приветствовать томичей, и стал виден издали – невообразимый восторженный гул толпы разлетелся по всей округе. С голов снимали шляпы и картузы. Казалось, что ушные перепонки вот-вот лопнут, что эта радость должна вот-вот утихнуть, но ликование людей, совершенно искреннее по отношению к царю, друг другу и вообще к жизни, только усиливалось. Сашка, зажатый в толпе, в очередной раз посмеялся над смехотворностью их с Круглым планов и взглянул на брата. Женька стоял на цыпочках, пытаясь рассмотреть происходящее, и с полным воодушевлением орал что-то радостное! Вдруг люди ряд за рядом начали вставать на колени перед своим будущим царем. Не было в этом коленопреклонении ничего раболепного, ничего стадного, только какой-то религиозный восторг и преданность, как перед чудом...

Сашка тащил за руку Круглого, пытаясь переорать толпу:

– Пройдем в сторону почтамта, там улица узкая, и он проедет мимо нас, рядом.

Гул толпы стал чуть тише, и восторженный Женька, пробираясь рядом, пытался доораться до Кобылкина:

– Как? Как, Саш, они могли от него отказаться? Это же, это же даже не преклонение, это любовь, Сань, народ любит Царя и считает его своим, без всяких теорий и анализов, просто любит! Понимаешь? Лю-у-у-бит! Слышишь? Понятно, почему он в Сарове, ничего не боясь, в толпе ходил, Саш, теперь мне все понятно, и почему он так про людей говорил в поезде тоже понятно, он их тоже лю-у-бит! Слышишь?

– Ага! – орал в ответ Сашка. – А на Ходынке перед коронацией около павильонов с халявными кружками сотни людей в толпе погибнут, и ничего, каждому дадут по тыще компенсации и даже бал в честь коронации не отменят! Пошли, давай, пока нас тоже не затоптали!

– А после Ходынки, говорю же, – пытался перекричать Сашку Круглый, – он в Сарове на торжествах в честь Серафима Саровского в такой же толпе без всякой охраны шел, и никаких трупов не было! Не аргумент, Саш, мало ли как там было с балом-то! Чего споришь-то, ты же сам сейчас своими глазами все видишь и чувствуешь!

– Я не спорю, я не знаю наверняка, точнее, блин, у-у-у, куда на ногу, медведь, наступил! – Кобылкин сделал усилие и выдернул Женьку за собой из потока людей на свободный пяточок за выступом здания. – Я не спорю, я тебе и сам расскажу, как Гиляровский сенсацию на Ходынке делал и как перессорился Царский дом из-за этого случая. И с бала, между прочим, Николай с Александрой сразу удалились, открыв его, и императрица объезжала пострадавших по больницам, об этом как раз газеты в передовицах и потом в учебниках не писали, это правда. Я просто за тебя, Женька, переживаю, затопчут брата, что я один делать тут буду. Нам еще келью Федора Кузьмича до ночи отыскать надо... Давай вон там, подальше, присядем, подождем.

Братья еще продвинулись на метров сто-двести и присели на подоконнике деревянного двухэтажного, с полуподвалом из красного кирпича, здания.

– А этот дом я не помню! Что здесь, интересно? – спросил Женька, вертя головой. – Вообще, много еще не построили, деревяшек больше, чем каменных домов в центре.

Народу вокруг было гораздо меньше, молебен на площади еще не закончился, и братья решили дожидаться царевича на этом месте.

– Понятия не имею, – ответил Кобылкин, рассматривая рекламные вывески на окнах полуподвала, – вон, читай: галантерейные товары, чайная лавка, часовая мастерская, скобяные изделия... жрать-то как охота, будто неделю не ел...

Братья замолчали, рассматривая людей, детали городского быта старинного Томска. Минут через пять-семь Кобылкин почувствовал толчок локтем от Круглого и услышал его шепот у самого уха:

– Смотри, смотри, пацанчик с района малолетку разводит...

Сашка повернул голову. Буквально в трех шагах от них подросток лет тринадцати-четырнадцати, встав спиной к улице, почти прижал к стене девчонку лет десяти, то посулами, то угрозами что-то выпрашивая у нее. Кучерявый чернявый мальчишка, судя по повадкам и нахрапистости в голосе и жестах, был парнягой прожженным и уверенным в себе. Тоненькая синеглазая девочка в длинном бесформенном, но, похоже, новом – в честь праздника – ситцевом платье, с ярко-синей ленточке в туго заплетенной русой косе, выглядела растерянной. Кобылкин вслушался, слегка наклонив голову в их сторону.

– ...Я тебе говорю, что отдам! Поняла?

– Не дам...

– Да вот же мастерская, дура. Я тебе за одну минуточку почию, вернусь и отдам, дура, дура!

– Бабушка велела никому-никому не отдавать...

– Да все равно не пустят тебя к царевичу! Сашка, ты чего такая глупая. А потом придешь ко мне в мастерскую, я с тебя деньги затребую, а у тебя нету, и у бабки твоей нету, и отца у тебя нету и деда у твоей бабки нету, а так я за бесплатно сделаю! Давай, – чернявый протянул к Сашке раскрытую ладонь.

– Пу-у-устят, Яшка! – уверенно сказала девочка. – Бабушка сказала, что царевич дите точно допустит к себе сразу!

– Да кто же царевичу сломанную вещь в подарок преподносит! За это тебя жандармы высекут, как пить дать, высекут!

Девочка замялась, глаза ее наполнили слезы. Чернявый нащупал слабое место и уже не отпуская:

– Позор на весь ваш род, один раз в жизни царевича увидеть, и негодный товар подсунуть, у тебя бабка из ума выжила!

– Ну, давай вместе зайдём в мастерскую к тебе, ты сделаешь и сразу мне отдашь, а я зато скажу Царевичу Николаю, что Яшка ремонтировал, – Яшка – знатный мастер! – нашлась девочка.

– Не-е-е, Сашка, отец велел не пускать никого, там даже собака большучая привязана, даже темно, даже меня убьют, если кого приведу, – врал на ходу чернявый. – Ну, давай, а то скоро царевич поедет, слышишь? Давай!

Девочка нерешительно убрала из-за спины руку и, разжав пальцы медленно поднесла ее к Яшке.

Глядевшего замороженным взглядом на эту сцену Кобылкина привел в чувство резкий окрик Круглого:

– Э-э-э, щегол! Ты, блин, ну-ка руки убрал от нее! Мудило малолетнее!

Яшка отдернул руку и посмотрел на Круглого испуганным взглядом застигнутого врасплох на месте преступления.

– Тебе, тебе говорю, сопля зеленая! отошел от девчонки!

В эту секунду Яшка схватил ажурную, с замысловатыми вензелями, камушками и желто-белыми вставками металлическую коробочку и рванул за угол. Женька мгновенно вскочил и бросился следом, крикнув брату, чтоб подождал. Сашка растерялся. Ему надо было бежать за братом, но совесть требовала подойти к ребенку.

– Ты как? Расстроилась? – Кобылкин заглянул в ее мокрые от слез глаза, чувствуя, как что-то тревожное и непонятное разливается в нем – Что это за вещичку он у тебя отобрал? Счас мой брат его догонит, отберет и вернет ее тебе. Не плачь, малая!

– Это часики, часики для царевича Николая! Бабушка сказала передать ему, хоть они сломанные. Сказала непременно передать... Что я ей теперь скажу?

Девочка залилась слезами и пошла в противоположном направлении. Тут с площади донесся гром оркестра и к ней со всех сторон повалил народ. Кобылкин, испытывая к девочке какое-то смутное чувство, будто к давней знакомой, будто он ее давным-давно уже видел, метался между тем, чтобы пойти за ней и тревогой за невозвращающегося брата. «Часы для царевича Николая!» Часы! Надо расспросить девочку, но маленькая Саша исчезла в потоках людей, а брат не возвращался. Он решил, что девочку они обязательно найдут, не такой уж большой город, а вот Круглого надо разыскать срочно. Кобылкин рванул за угол с огромной надеждой, что Женька догнал чернявого и забрал у него часы.

Чернявый

Кобылкин свернул за угол дома, куда побежал Круглый, и быстрым шагом пошел по проулку к подножию одного из холмов Томска – Юрточной горе. «Там же как раз могила Александра Первого, вернее, Федора Кузьмича, на горе, в ограде Алексеевского монастыря. Туда тоже надо бы заглянуть», – на ходу подумал Сашка, внимательно осматриваясь по сторонам и заглядывая за редкие деревянные ворота и заборы. Женьки нигде не было. Когда он дошел почти до подножия горы, справа, в огромных лопухах под почерневшим воротным столбом и навалившейся на него раскидистой черемухой, за которыми стоял совсем уж старый, мрачный, как избушка на курьих ножках,

двухэтажный дом, мелькнул черный сапог. Сердце Кобылкина ухнуло куда-то вниз и с языка сорвалось: «Етит твою за ногу! Круглый!» Сашка бросился в лопухи. На животе, неестественно подвернув руку, валялся Женька. Сашка, как во сне, не чувствуя ног, с провалившимся куда-то и не возвращающимся на место сердцем, бросился к нему, перевернул, увидел слева чуть выше виска глубокую ссадину и уже загустевшую, местами спекшуюся кровь. Яркие пятна крови на пыльном лопухе и траве вернули Кобылкина в реальность. Он быстро огляделся, потом осмотрел траву вокруг, дотянулся и, не выпуская из другой руки Женькину голову, сорвал несколько листиков подорожника. Со злостью пнул ногой сучковатый полутораметровый дырн, которым, по всей видимости, и «угостили» Круглого. Затем приподнял брата и чуть оттащил его под шатер черемухи, чтобы не привлекать внимание с улицы. Рассмотрел ссадину, пощупал пульс, улыбнулся и наложил на рану подорожник.

Минут через десять Женька негромко застонал, потянулся рукой к голове и открыл глаза.

– Тю-у, навалял тебе, Евген, древний гопник по самое не балуй, – попытался первым делом развеселить брата Кобылкин, – Ничего-ничего, ты его так напугал, что он приходил, извинялся, выпить предлагал и побежал за «неотложкой».

– Не, ну почему вот звездюлей получать, так нету Кобылкина, а как «выпить принесут», так он с наглой харей тут как тут, и еще язвит, – ответил Женька, с кряхтением перемещаясь в сидячее положение.

– Кто тебя так? Часы-то успел забрать?

– Какие часы? А-а-а, это часики были, не-е-е-е, кто-то огрел, пока я с ним педагогикой занимался. Ой, е-мае, это вон той дырной, что ли, меня? – удивился Женька, ощупывая голову. – Видишь, какой я крепкий. Спасибо тебе, Кобылкин, что втянул меня в это дело, спасибо родному городу за теплый прием, – беззлобно и даже с улыбкой ворчал Женька, радуясь в душе, что брат рядом, череп цел и кровь из-под подорожника не течет.

– Расскажи, как было все, подробно, только не растягивай, и не забудь ничего, – попросил Кобылкин. – Надо отсюда выходить поскорее.

– Ну, чего рассказывать... Я побежал за ним. Вот тут, у ворот, догнал и схватил за шкуру. Эх, надо было дать подзатыльник и отобрать шкатулочку... Развернул его, держу за рубаху, а он так смотрит на меня с ужасом. Говорю: «Гони, что забрал у девчонки, пока поджопников не навалял!» А он мне: «Дядечка, прости, дядечка, прости, где-то выронил, пока бежал, испужался я, дядечка!» А сам, сучонок, руку за спиной держит. Тут голос детский в-о-о-н оттуда, другой пацанчик, тоже чернявенький, только мелкий: «Янкель! Янкель!» Я пока посмотрел на второго, а этот чуть из рубашки не выскочил, верткий, как змея. В последний момент успел схватить. Поднял его за грудки и спиной к столбику, требую, значит, отдать вещичку, а сам уже думаю: «Чего я с ним возжусь, сейчас руку выверну да заберу». Но только я не додумал – звон в башке, и ничего не помню, блин. Сзади откуда-то... Найдем, брат, козла? Мы ж никогда безнаказанно битыми не уходили? А-а-а, погоди, часы-то чего? А что девчонка там про Царевича говорила? Погоди, погоди, Саня! Это ж...

– А то я не понял! – перебил его Кобылкин. – У нас с тобой почти что в руках были те самые часы. Таких совпадений не бывает, Круглый. Непонятно, что там у девчонки за бабка, но чую, что как-то она связана со старцем! Но это еще не все, Жень, руку даю на отсечение, что ты только что за грудки тряс цареубийцу, этот пацанчик и расстреляет Николая, который сейчас сидит и тосты поднимает с томскими начальниками. Такая мистика, брат...

Казалось, у Круглого прошли все боли, он аж подпрыгнул на месте от волнения:

– Не может быть, Саш! Ты уверен, что это был Юровский! Я только что мог забрать те самые часы? Я еще думаю, откуда такая красивая коробочка у девчонки? Елки-палки, это я мог только что надавать поджопников убийце императора? Откуда ты знаешь, он чего, визитку оставил!?

– Яшка, он же Янкель Хаимович Юровский, где-то в этом возрасте занимался часовым делом, судя по его собственноручно заполненной анкете. По-моему, как раз в это лето приезда цесаревича он и открыл мастерскую по ремонту часов. А этот мелкий – наверняка его брат, тоже часовщик...

– Он же вроде фотографией занимался? – напрягая память, спросил Женька.

– Это в Екатеринбурге, а в Томске – часами. Вот он сейчас и заведет часы «погибели и возрождения», понимаешь? Я только сообразить не могу: что бы и как бы мы с тобой ни планировали, получается так, что мы оказываемся рядом и все видим, а повлиять не можем пока, понимаешь? С часами понятно хоть, что они есть и что их хотели царю передать. И кто их заведет, понятно, а я не сомневаюсь, что этот Яшка их отремонтирует на раз-два и девчонке никогда в жизни не отдаст. Все увидели и поняли – а сделать ничего не можем. Как сквозь пальцы возможности утекают. Бабка девочки Саши, очевидно, не простая – девочку упустили, часы почти в руках были – нет часов, Юровского за шкуру держали – Юровского ищи-свищи теперь...

– Сашка! – взволновано заговорил Круглый, – давай найдем Юровского и заберем часы! Наверняка часовых мастеров в Томске не так много, и все их знают, Саш! Еще успеем Николаю коробочку передать! В крайнем случае, можно ему пальцы переломать, чтобы он часы отремонтировать не смог! Бррр, – Женьку передернуло, – Только не я, ты сам, я малолетке пальцы ломать не буду...

– Надо попробовать, конечно, найти, – задумчиво произнес в ответ Кобылкин. – Да, ты прав, конечно! Но у нас времени только до завтра... Так, ночью Николая можно перехватить у кельи старца, а завтра – в университете. Пока его сделают главным покровителем первого сибирского университета, пока осмотр аудиторий, то-се... В принципе, можем до отправления парохода под видом студентов попытаться... Идти сможешь, брат? Юровского нужно искать прямо сейчас...

Женька со словами «Да, конечно, смогу!» вскочил на ноги, но тут же охнул, побледнел, схватился за голову и начал падать. Кобылкин подхватил его и плавно положил на траву. Женька открыл глаза, слабым извиняющимся голосом предупредил, что сейчас начнет блевать и вдруг начал быстро покрываться красными пятнами, веки закатились, нижняя челюсть отвалилась. Кобылкин вдруг увидел знакомые легкие зеленые вспышки-молнии и моментально бросился на брата, обняв его руками и ногами. В эту же секунду раздался резкий беззвучный хлопок в ушах, и только лопухи вытянулись со всех сторон в то место, где только что находились братья...

Пассажиров собрали около самолета и пешком повели к на удивление темному, без фонарей и подсветки, зданию аэровокзала. Не доходя до него, провожатая завернула толпу пассажиров в сторону. Обогнули аэровокзал, со скрипом открыли ржавую, что было видно даже в темноте раннего утра, воротину и сказали: «До свидания».

На площадке перед аэропортом не было ни одного такси, откуда-то из-за деревьев раздавался лай собаки. «Наверное, там частный сектор», – подумала Мария и, отделившись от спутников, пошла в здание аэропорта выпить чашку кофе, привести себя в порядок и вызвать такси. Пройдя допотопную рамку металлоискателя, она оказалась в слабо освещенном и безлюдном помещении. «Чистенько, но убого, похоже, все же попутчик был прав, наш автовокзал – просто ультрасовременный дворец по сравнению с этим аэропортом на границе с Евросоюзом. Ужас какой», – размышляла Маша. Она обратилась к заспанному сотруднику милиции, который, сладко и беззастенчиво потягиваясь, продиктовал ей номер такси.

Ожидая машину, Маша мысленно настраивалась на поездку по незнакомому городу. Думала про газовый баллончик, которого у нее не было, представляла, как она будет трястись по разбитым ямам и колдобинам дорог; как она будет молчать, чтобы не провоцировать, не дай бог, почему-то обязательно страшного и небритого таксиста; как первым делом зарядит в Изборске телефон, который вот-вот должен был отключиться – хоть бы аккумулятора хватило на дорогу.

Изборская гостиница, которую Бергина еще в Томске выбрала как самую новую и не самую дорогую, располагалась в тридцати километрах от города и представлялась ей теперь раем на земле, судя по фотографиям номеров из Интернета в сравнении с первыми впечатлениями от аэропорта в окружении частного сектора с цепными собаками. Мария еще раз пожалела, что сорвалась из Томска и поехала на другой конец страны за этими балбесами.

Таксист – молодой улыбчивый парень, который все время ерзал на сиденьи от избытка энергии, был совсем не страшным. Казалось, что он сейчас выскочит и побежит впереди своей машины. «Ауди» была чистенькой, хотя не новой. Мария села впереди, чтобы рассмотреть город.

– Первый раз во Пскове, что ли? – спросил таксист.

– Да, а как вы догадались?

– Да еще не поехали, а вы все головой вертите. Едем через центр, наш город поглядите, – то ли утвердил, то ли предложил таксист и рванул с места.

Выскочив на дорогу, он сбросил газ на пустой пригородной улице, сказав пару нелестных слов о «гаишных камерах и письмах счастья», и продолжил:

– Аэропорт у нас считай, что в городе. Как в других городах, таксистам не подработать, а с вами мне повезло, далеко поедем.

Псков даже в темноте показался маленьким, низеньким и чистым, несмотря на раннюю весну. Никаких предместий, высоток и спальных районов, как в других городах, р-раз и в центре. А центр был завораживающим: подсвеченная остроголовая башня с воротами, словно с картинки из книжки сказок, крепостные стены, теряющиеся где-то далеко в темноте, и огромный подсвеченный собор с колокольной. Будто прямо на крепостных стенах белый исполин-богатырь с младшим братом – колокольной в окружении космической черноты. Таксист сбросил скорость, заметив, что Маша удивленными глазами рассматривает это величественное зрелище.

– Это Троица наша, – сказал таксист, кивая на собор, – вокруг нее Кром, налево река Великая, мы через нее сейчас поедем по Рижскому. А если ехать прямо – речка Пскова, а справа светится пединститут. Может, покатать вокруг?

– Нет, нет, поедем... А чего у вас такой аэропорт запущенный? – не удержалась Мария, против воли ввязываясь в разговор с таксистом, – так контрастировал убогий аэропорт с необычной и своеобразной красотой центра города.

– Так это, там всего года два как самолеты пустили на Москву и Питер, а раньше он стоял нерабочий.

– А мне говорили, что вы тут очень плохо живете.

– Плохо, – сразу же подтвердил таксист. После короткой паузы продолжил: – Ну-у, кто как, мне вот, что плохо? Машин у людей стало много, пробки, во двор не заехать, на заказы опаздываешь, опять же фирм таксистских – как собак нерезаных. Все открывают и открывают, а это ж конкуренция, вот и плохо. А дороги подправили – это хорошо, опять же ремонтов меньше, два года назад вообще на некоторые заказы

не ездил, ну, жалко машину. Теперь вот сами видите, по крайней мере, основные улицы – более менее. Это хорошо. Но все равно плохо, а остальные улицы? Обязаны! Я ж налоги плачу! А вообще, мы народ такой, скобари, нам все плохо, – засмеялся парень. – Но опять же рыбалка у нас, охота – у-у-у-у, закачаешься, это хорошо! Меня вот тренер дерет за то, что я перед играми в ночь работаю – это плохо, а куда деваться?

– Во что играете?

– О, девушка, я уже год как в хоккей играю, и тренировки с мужиками у нас два раза в неделю, я прям жить по-другому начал – азартно. Слышал, в Великих Луках тоже ледовый скоро построят, вот тогда зарубы будут, псковские с великолукскими всегда жестоко бьются.

– А чего раньше не играли? – поддержала интересную для собеседника тему Маша.

– А где играть-то с нашими зимами? То растает, то засыпет, ледовый дворец-то недавно только открыли, до этого у нас крытого катка не было, вон, мужики, выезжали в Эстонию тренироваться, а себежские, великолукские – в Беларусь к батьке, у него там катков – в каждом райцентре, говорят. А мне что, делать нечего, по заграницам на игры кататься...

По ровной и на удивление чистой дороге такси добежало до Изборской гостиницы минут за тридцать. Маша была рада, что все получилось так быстро и совершенно не страшно, и что люди тут, оказывается, хорошие. По крайней мере, таксисты, по крайней мере, молодые. И раз ледовые арены строят, значит, не все так ужасно. Записала телефон водителя, который с удовольствием согласился завтра до вечерней игры повозить Машу по городу, и вышла из автомобиля. Изборская гостиница еще больше успокоила Марию. И внешний вид, и интерьеры внутри создавали какой-то неуловимо приятный букет ощущений. В гостинице будто беспорядочно, но гармонично перемешались старинная Европа, русская деревня и современная обстановка совсем нового отеля со всеми удобствами. «Все, можно расслабиться, в душ, и спать», – подумала Бергина, заходя в номер. Теперь она почему-то была уверена, что найдет Круглого и Кобылкина именно во Пскове.

С утра свежая и отдохнувшая Маша в хорошем настроении обежала Изборск, залезла на башню старинной крепости, зашла в местный музей древностей, умыла лицо в Словенских ключах, помахала рукой красивой паре лебедей и даже поднялась мимо Труворова Креста на старое городище. Никаких особых импульсов, энергий и чудес от нахождения в месте, откуда начиналось государство российское, она не почувствовала; обратила внимание на уныние весеннего пейзажа с его растаявшим снегом и низким небом. «Тут летом, наверное, хорошо гулять, или зимой, воздух вкусный», – подумала Бергина, так и не уловив трепетного чувства соприкосновения с отечественной историей. Объяснив себе это спешкой и тем, что она не специалист и не художник, Маша села в машину к уже знакомому таксисту. «Церкви у вас – будто дети лепили, как игрушечные, только большие, интересно... У нас не такие. Поехали...» – сказала Мария. Открыла планшет, еще раз пробежалась по списку гостиниц, уже не удивляясь их большому количеству, и наметила примерный маршрут передвижения. Она решила сама, не по телефону, расспросить девочек-администраторов, выдавая себя за туристку. Дескать, ищет друзей, которые приехали раньше нее и у которых почему-то телефоны не отвечают, – видимо, загуляли парни.

Часа за четыре она объехала все гостиницы. Где-то пускала в обворожительную непосредственность, где уговоры, где железно-капризный голос состоятельной клиентки. В итоге Маша выяснила: братья нигде не останавливались, такую смешную фамилию – Кобылкин – администраторы бы точно запомнили. Это была катастрофа, потому что других вариантов Маша даже не обдумывала. Она на сто процентов была уверена, что найдет братьев и все им выскажет именно в Пскове, даже представляла, как позвонит Женькиной Люське и сдаст обоих с потрохами, чтоб неповадно было врать про таежную рыбалку близким женщинам...

Вдруг последняя мысль спасательной соломинкой мелькнула в голове у Маши – вокзал! У Кобылкина в квартире было много распечатанных фотографий Псковского вокзала, и, не задумываясь, она скомандовала таксисту: «На вокзал!»

Вокзал как вокзал. Ничего исключительного, кроме памятной черной доски, на которой рассказывалось о том, что в этом самом месте закончилась империя Романовых и царь отрекся от престола. «Странно, я думала, что на станции Дно это было», – подумала Мария и неспешным шагом пошла дальше вдоль перрона, оглядывая зачем-то грузовой состав. И тут она вспомнила, что фотографии вокзала валялись вперемешку с фотографиями поезда, каких-то вагонов и людей в старинной одежде. «Точно! – чуть не вслух воскликнула Маша. – Вот почему все фотографии старинные, черно-белые! Их интересовало отречение царя, поэтому Псков! И что???» Ее наполнила смутная тревога. Маша позвонила Люське, убедилась, что за всю неделю от Круглого никаких вестей так и не было, и быстрым шагом направилась к такси. «Но ведь здесь им даже копать негде! Романовых, по-моему, в Екатеринбурге расстреляли, точно в Екатеринбурге!» – схватилась было Маша за единственную правдоподобную и соответствующую характеру братьев версию.

Вернувшись в гостиницу, Бергина прочитала все, что можно было прочесть в Интернете за пару часов об отречении Николая Второго в Пскове. Иногда она даже забывала про братьев, настолько интересной и близкой показалась ей эта тема. «Вот так Псков, значит, здесь не только начиналась Киевская Русь, не только придумывалась Московская Держава – Третий Рим, здесь еще и закончилась империя Романовых. Прекрасное местечко». Маша отключила планшет, поднялась с кровати, оделась и направилась в ресторацию ужинать, думая, что делать: уезжать или остаться здесь еще на пару днейков.

Расположившись за столом и взяв в руки меню, она с разочарованием поняла, что спокойно поужинать не получится. За соседним столом произносили какой-то высокопарный и очень уж кружевной тост за гостей. Зазвенели бокалы. Прежде чем пересесть куда-нибудь в уголок, она оглянулась на компанию за спиной и сразу же решила остаться на месте. «Ну ничего себе, соседи!» – подумала Бергина.

За большим деревянным столом позади нее сидели четверо седовласых, похожих то ли на интеллигентов, то ли бывших военных, мужчин, младшему из которых было не менее сорока. Одного из них она сразу же узнала. Это был то ли писатель, то ли политик, но не партийный. Этого человека она неоднократно видела на различных

ток-шоу, его книги собирали ее родители. Кроме того, что он объездил почти все войны и конфликты в мире и даже тушил горящий Чернобыль, Маша ничего о нем не знала и, честно говоря, не считала необходимым знать, поскольку его выступления казались ей слишком высокопарными, скорее утопически-ностальгическими, чем программно-деловыми. А тут вот он, живой – здоровый и рядом. Она аж заерзала на стуле, так это все было необычно и здорово – судьба свела ее с живой легендой! «Вспомнила! Проханов его фамилия! Живой классик, обалдеть просто!»

Тем временем за соседним столом продолжался разговор. Суть его сводилась к тому, что наконец-то удалось объединить патриотов без всяких партий и начальников, что «Орден идеологов» и «Братство изборских патриотов», должны сделать свой голос веским, донести его до власти и вырвать страну из гнили и тлена либеральной глобальной мертвечины; что во власти появились робкие, но все же признаки здорового инстинкта самосохранения, и все здоровые силы обязаны ей помочь сейчас. Что подобный сталинскому рывок пока еще возможен сегодня, но мобилизовывать, и уж тем более жесткой рукой, некого, да и новые поколения объективно деградировали для такого рывка.

Подумав, что слушать спиной через слово не очень удобно и недостойно ее, Маша мучительно искала повод познакомиться. Ничего не придумав и решив, что в джинсах и водолазке она меньше всего похожа на гостиничную девицу легкого поведения, Маша просто развернулась, встала и подошла к соседям:

– Извините, меня зовут Мария, я из Сибири и вряд ли мне еще повезет вас увидеть так близко и тем более послушать вас вживую. Можно я тут с краешку посижу с вами? Мне очень интересно, о чем вы разговариваете, правда.

– Да к нам прилетел ангел, – сказал с едва заметной иронией похожий на генерала человек, с белыми как снег волосами и высоким лбом. – Это хороший знак!

– Если вы не намерены пить только кофе, то мы с радостью угостим вас прекрасным вином, – сказал писатель в такой же слегка ироничной манере. – Где же еще встретить сибирячку, как не ужиная в колыбели русской истории.

Он спокойно, с краткими и очень емкими, теплыми, чуть саркастическими ремарками, представил Маше своих собеседников,

наливая ей в бокал вина, и произнес очередной тост:

– Друзья, друзья мои, я же говорил, что это богоугодное место – Изборск, чувствилище русского духа, где между небом и землей пробегают тончайшие потоки космических энергий и волн. Это место не могло не прислать нам своего приветов в виде этой ангельской русской девочки с большими глазами, которая самим фактом своего появления в момент создания нашего братства, скрепляет и освящает все наши начинания. За знакомство!

Беседа продолжилась. Маша с огромным интересом ловила мысли и аргументы мудрых и повидавших в жизни столько, что хватило бы на десяток не самых заурядных судеб, людей. По мере разговора о качестве образования, подходах к госуправлению, тонкостях мировых отношений, о состоянии умов и даже о скрытых причинах всех последних мировых и внутрироссийских новостей она все больше проникалась уважением к этим людям, так удачно встретившимся ей в эту незапланированную поездку. Впечатление от разговора складывалось двоякое. Во-первых, приятное. Ее личная теория неизбежного социального апокалипсиса не только в России, но и во всем мире, очередной раз подтверждалась уже на новом уровне информации и аргументов. Во-вторых, – сарказм и недоверие: на что они надеются, что могут сделать эти люди, пусть вместе со властью, чтобы повернуть даже не Россию, повернуть весь мир. Ведь если Россия попытается свернуть с дороги бессмысленного либерализма, – рассуждала Мария, – не завернув на дорогу гражданской войны и распада, хотя на самом деле для России обе эти дороги суть одно и то же, то и весь мир обязательно переменится. А это невозможно! Да и куда сворачивать? Да и как? Когда речь заходила о будущем, эти люди казались ей уже не сверхмудрыми и потрясающе информированными аналитиками, а скорее черными пессимистами и наивными романтиками одновременно. Наконец, как обычно, не умея долго молчать в интересных беседах, Маша сказала вслух:

– Неужели вы не понимаете, что нам поздно куда-то там сворачивать или искать что-то новое? При всем желании любой конкретный шаг в сторону ваших благих намерений – распоряжение какое, или указ – и все, что есть сегодня еще стабильного и хорошего, посыплется, как карточный домик! Более того, часть населения взвоят, не соглашаясь, другая часть будет шипеть на первую, а третья –

неправильно поймет и наломает дров! Ну вот представьте, например, забрали у олигархов заводы – народное достояние, и что будет? А если даже будет консенсус и одобрение большинства, что вряд ли, нас быстренько придушат все эти миротворцы, банкиры и зарубежные инвесторы, я уж не говорю о миллионах газет, телеканалов и сайтов по всему миру. Вот разве, здраво размышляя, можно в нынешней ситуации надеяться на какой-то резкий поворот в интересах народа и государства?

Повисла пауза. Писатель посмотрел на Машу, казалось, невидящим взглядом, но в то же время будто рентгеном просветил ее насквозь. Затем без всякой обиды и даже с каким-то грустным юмором заговорил:

– А какой смысл вам тогда жить, прекрасное создание? Или вы своей маленькой красивой головкой способны чудесным образом просчитать миллиарды вариантов будущего и с компетентностью Всевышнего поведать нам об этом? Да так точно, что и сам Господь только развеет руками и подтвердит ваши слова десятком вестников-херувимов?

– Вы исходите из того, – добавил все так же спокойно и медленно «седой генерал», – что элементы мировой системы статичны и сильны, что реакция Запада и Востока на любой шаг России предопределена и будет эффективна, но это ведь не так. Эта же мысль, собственно, касается и внутрироссийской общественной механики. Хотя, безусловно, вы в чем-то правы, некоторая дестабилизация неизбежна при любом полноценном, не виртуальном, а реальном полноценном шаге...

Между тем писатель продолжал рентгеном просвечивать Машу. Маша переваривала услышанное и уже жалела, что влезла в разговор. Тем не менее на языке вертелось несоглашательское-провокационное: «Вот давайте представим любой такой радикальный «шаг – рывок» в идеологии или экономике, конкретно, и предположим, какие будут реакции и последствия». Но в этот момент писатель сказал:

– Маша, а ведь вы сами приехали сюда, чтобы кого-то или что-то найти, поступая совершенно нерационально и непрагматично, и без предварительных гарантий успеха? Или я ошибаюсь?

Спорить расхотелось. Маша, удивляясь сама себе, почувствовала, что их правота глубже, чем ее рациональные рассуждения, что даже

самые убедительные доказательства и самое глубокое понимание реальности ничего не гарантируют и не объясняют до конца. Вопрос писателя внес сумбур в ее и так в последние дни пошатнувшуюся картину мира. И вдруг жгучая мысль пронзила ее, какая-то страшная догадка начала бродить где-то в подсознании, не в силах выбраться наружу. Маша неожиданно для самой себя спросила:

– Скажите, пожалуйста, а как вы считаете, почему в таком святом месте, как Псков, произошло отречение Николая и гибель монархии?

Повисла пауза. Маша, торопясь, словно боясь потерять это чувство пограничного состояния между ноющей интуицией и ясным пониманием, объяснила свой вопрос:

– Я не про задержки поезда по дороге из Могилева. Ну почему в Псков не помешали приехать Царю? Здесь же тоже штаб армии вроде как был, военные... Нет ли здесь какого-то другого смысла или причины? Простите, наверное, я сумбурно...

Самый молодой из собеседников заинтересованно выпрямился на стуле, перестал жевать и посмотрел на писателя, как бы спрашивая у корифея разрешения ответить. Судя по его очкам, затертому пиджаку и реакции на вопрос, Маша мысленно назвала его «краеведом» и уже приготовилась слушать подробности рассказов старожилов о царском поезде. Однако, в очередной раз за последние дни, она была потрясена тем, что услышала:

– Попробуйте меня понять, Мария! Даже самые продвинутые революционеры не нашли бы лучшего места для отречения! Царь был здесь совершенно один, без близких, без семьи, практически без связи. Его воля была надломлена именно в Пскове, и вряд ли это так легко получилось бы в любом другом месте! Если вы читали, Мария, уже на подъезде к Могилеву для прощания с армией и Ставкой, сразу после рокового Пскова, он сомневался в правильности своего решения, ругал себя и брата Михаила за поспешность. А в Пскове он как будто был парализован, ведь его даже не пришлось уговаривать, представляете? Все это было настолько нереально, «как во сне», говорит сам Николай, что до сих пор ходит масса слухов и версий о том, что отречение – фальшивка! Поймите меня правильно, я не мистик, а преподаватель, но факты, факты! В стране найдется мало мест, где может происходить то, что происходит во Пскове!

– Погодите, погодите, – перебила Мария, уже уверенная, что этот рассказ она могла бы услышать и от Кобылкина, если бы не убежала от него тогда, в их последнюю встречу. – Но ведь Царь был верующим и набожным, и Псков будто напичкан православными святынями, должно же быть наоборот! Если, конечно, всерьез принимать вашу версию о необычности и сакральности Пскова, Изборска, Печор, Пушкинских Гор, что тут у вас еще есть...

– Вот-вот! – почти вскрикнул краевед. – Вы сами почти догадались! Дело в том, что Псков действительно пропитан святостью, но это, в отличие от Валаама или Соловков, не монастырь, окруженный стеной и населенный монахами, это светский город, да еще испокон веков находящийся на границе цивилизаций, с подобающим такому месту военным и торговым населением! А это означает только одно: чем больше святости в этом месте, тем больше гадости, простите за рифмы. Чем больше радости – тем больше горестей, чем больше умиротворенности и спокойствия – тем больше скандалов и несуразностей. Я вот занимался политической географией Псковской области, все вроде бы как везде, но из века в век – одно и то же! Чем более святые или исторические места – тем больше в этих местах светских, властных, криминальных, да каких хотите, конфликтов и трагедий! Если что-то случилось в Псковской области нештатное или скандальное, то в первую очередь надо смотреть на тысячелетний Псков, райцентр Печоры с их святыми монастырскими пещерами и Райским местом, таинственный Гдов, где Благоверный Александр Невский разбил тевтонов, Пушкинские Горы, где в Святогорском монастыре похоронен поэт. Понимаете мысль? В этом же Изборске, которому по нынешним временам даже до уровня райцентра не дорасти, постоянно происходят какие-то конфликты, события, выяснения отношений. В общем, чем больше святости и истории здешних мест – тем больше всяких неприятностей словно набрасываются на них... Здесь не только больше, чем в других областях, благодати и святости, но и больше проблем и конфликтов, иногда смешных, иногда трагических, иногда необъяснимых.

– Забавно, – сказала Мария, мысленно вспоминая мониторинг псковских новостей, – и как-то все слишком загадочно. Вы хотите сказать, что все темные силы навалились на Николая в момент отречения в Пскове, и это причина его добровольной отставки, а вовсе

не то, что у него не осталось друзей, окружение предало, а Питер встал на дыбы?

– Ну, конечно, это тоже. Но вы же спросили про место и само принятие решения. Вот такие совпадения, как вам объяснить... Во время войны здесь были целые районы, в которых партизаны сохраняли советскую власть, с работающими школами и парадами на седьмое ноября, но и парад власовцев тоже был именно во Пскове. Отсюда и святая Ольга, и Владимир – креститель Руси, и старец Филофей с идеологией для Москвы, и ленинская газета «Искра», как здесь шутили: «Искра в Пскове, а полыхнуло в Питере».

– Как-то вы все времена вперемешку...

– Так что поделаешь, если меняется все, кроме этих алгоритмов и противоречий места под названием Псковская область; уж увольте, факты, факты, Псков – это застывшее время, здесь все изменения – только иллюзия...

Здесь Машу словно осенило. Она ясно увидела перед глазами ампулы адреналина в «хрущевке» Кобылкина, какие-то машинки с проводками и шприцами в общем бардаке квартиры, которым она не придавала значения. Яркой вспышкой вспомнились последние слова раздосадованного Кобылкина уже на пороге ее квартиры в последнюю встречу: «Будет тебе и царь, и перспективы, и детей мы с тобой нарожаем». Мозг отказывался принимать фантастическое открытие, но лихорадочно продолжал сопоставлять все факты. Она продолжила говорить:

– Погодите, погодите, застывшее время? То есть, условно, место генерального сражения света и тьмы, я правильно поняла, да?

– Для России – да, каким бы фантастичным это вам ни казалось, – ответил писатель. – Я скажу вам больше. Вот ответьте мне, какое событие, конкретное событие подвело черту между «лихими девяностыми» и эпохой суверенной демократии, не давшей окончательно разползтись государству? Не взрывы домов в Москве, не выборы, не столкновения с олигархами – это все сражения в череде отступлений в войне за спасение страны. А именно то, что поменяло отношение к власти, отношение страны к происходящему, переломило, казалось, уже не остановимую инерцию распада?

Маша об этом никогда не думала. Разве был перелом, революция? Но в то же время действительно: страна в начале нулевых и в конце –

это те же лица, но большая разница. Она робко пожала плечами, пытаясь удержать в голове догадку про Кобылкина, Круглого и Псков. Писатель, видя замешательство Бергиной, сам ответил на свой вопрос:

– Гибель шестой роты, Маша, гибель шестой роты! Эта жертва, подвиг и символ несломленного духа, он стал Рубиконом для несломленной России, Маша. И только после этой жертвы, за всех нас, за развал страны, за продажную политику, за предательство России всеми этими перестройщиками и приватизаторами, только после этого – страна стала подниматься с колен. И власть и народ благодаря подвигу этих мальчишек поверили в себя, понимаете? Развал был остановлен, или заморожен. И это опять Псков, по какому-то невероятному, мистическому совпадению – рота десантников из Пскова, понимаете? Сейчас наступает время очередного кризиса, время движения вперед и активизации врагов, а вся Россия, состоящая из таких, примерно, как вы, умненьких, разводит руками и говорит: куда, как? Все пропало, нет никаких предпосылок! Или просто спивается, или жиреет мозгами и живет одним днем.

У Марии кружилась голова, у нее никогда вот так вот не выбивали почву из-под ног. Но вся эта череда событий, наблюдений, догадок и разговоров, казалось, вот-вот должна была превратить ее в кого-то нового, в совсем другую Марию Бергину. Она подняла бокал с вином, поставила его на место и продолжила:

– Скажите, если в этих столкновениях темных и светлых в таком удивительном, по-вашему, Пскове, в этой нестабильной среде постоянно рождается что-то важное для страны, то можно ли из Пскова изменить историю? Я имею в виду прошлое, ну, теоретически, как вам сказать... – Она посмотрела на «краеведа» ища поддержки своим, как ей казалось, бредовым словам. – Вы же сказали, что здесь время остановилось, извините...

– Да запросто! – ответил краевед. – Здесь можно найти то, что изменит и сегодняшний день и будущее. Про полеты во времени мне не интересно, здесь не надо летать, и так можно увидеть и прошлое, и в будущее, и вмешаться при желании... Не уверен, что любому желающему, конечно...

У Марии в голове все продолжало кружиться, но мысли выстроились в одну цепочку:

– Извините, я должна уйти, спасибо вам большое, простите...

Маша встала и, постепенно ускоряя шаг, пошла к себе в номер. «Ну конечно! – думала она. – Это так похоже на Кобылкина! Придумать себе что-нибудь экзотическое и одним махом решить проблему или изменить мир, не меньше! Это ж надо, царя спасти, которого уже канонизировали! И ведь придумал что-то, адреналин еще этот зачем-то... Вбил себе в голову и братца втянул! У-у-у-у, как он у меня получит! Сволочь такая! Хоть бы ты был живой, миленький мой!»

С этой мыслью Маша ворвалась в номер, начала собирать вещи, параллельно подключаясь к Интернету, чтобы заказать билеты. «В Томск! К Маринке в медицинский с этими ампулами, в квартиру к Кобылкину, машинки с проводками показать Володе из Политеха! В Томск, срочно Томск!»

Тайга. Нарым.

Сашка открыл глаза. Перед ним, все в паутине трещин, было лобовое стекло братовой старенькой Лады, двенадцатой модели. В руках – горячий стаканчик от термоса, в нос ударил запах горячего кофе. За лобовым стеклом – белая дорога, белый, величественный на придорожных ярах, лес и где-то далеко-далеко – красные габаритные огни удаляющегося автомобиля в утренней мгле. Кобылкин вспомнил. Они поехали в Парабель, на север области, оттуда собирались в Нарым к Женькиному армейскому другу за стерлядь. Заодно он обещал сводить их в тайгу на лыжах, показать, как можно ставить петли на медведей, – собственно, из-за этих петель неверующие и поспорившие друг с другом братья и собрались в дорогу. И вот, за Чажемто, недалеко от зимника через Обь, практически на ровном месте на чуть подтаявшей и с утра обледеневшей мартовской дороге их крутануло несколько раз вокруг своей оси, перевернуло в воздухе и бросило на крышу и капот в кювет. Огромная масса снега под тяжестью перевернутого автомобиля со страшной силой надавила на лобовое стекло, оно выгнулось, на глазах покрылось сеткой трещин, но в последний момент замерло вместе с машиной. Круглый еще сказал гробовым голосом, глядя на это вверх тормашками: «Лучше убится, чем в снегу утонуть». Потом они долго возились вдвоем внутри

салона, с трудом смогли открыть заднюю дверь, которую не так сильно придавило слежавшимся мартовским сугробом, и на четвереньках отползли от машины. Затем, как по команде, начали останавливаться редкие проезжающие машины, мужики помогли откопать из снега их «Ладу», у которой только задние колеса и виднелись из сугроба. Перевернули, дернули, вытянули на трассу. Братья отблагодарив мужиков добрым словом, сели в машину, завели двигатель, трясущимися руками налили кофе из термоса и устали перед собой, не разговаривая и думая каждый о своем.

В этот момент Сашка и вспомнил весь бред с путешествием во времени. «Надо же, – подумал он, – за какие-то секунды столько всего привиделось. Как бы Круглый меня за дурачка не посчитал, если рассказать ему про все... или спросить? Вдруг у нас, и правда, в состоянии шока одинаковые галлюцинации были?» Но спросить Сашка все же не решался и продолжал медленно рассуждать про себя: «Помню, Женька голову о стойку разбил, надо бы осмотреть рану хорошенько. Сейчас Люська еще позвонит, а ей рожать послезавтра досрочно, и в травмпункте врача придется ждать». Вдруг мысль о том, что он не может знать ни про телефон, ни про травмпункт в Колпашево, ни про преждевременные Люськины роды, молний вспыхнула в голове Кобылкина. И тут же старенький мобильник Круглого зазвенел на «торпедо» автомобиля. Круглый, сидевший неподвижно, в эту же секунду схватил телефон и нажал отбой. Братья почувствовали, что думают об одном и том же, медленно повернули головы и посмотрели друг на друга. Женька также медленно протянул руку к виску, отлепил с него листья подорожника и на ладони протянул их Кобылкину – ярко-зеленые, в крови – такие странные среди белизны и холода – живые зеленые листья вековой давности... Кобылкин одновременно и обрадовался, и расстроился, и даже заранее испугался реакции брата: в хандре и гнев Круглый был невыносим.

– Прикинь, Жень, два раза по башке получил, да? А шрам всего один, хорошо же, брат?

В следующую секунду он выскочили из машины. Кобылкин успел открыть дверцу, прежде чем железные пальцы брата сжались на его куртке. Пробежав три-четыре круга вокруг помятой машины за братом, Круглый остановился и сказал, чуть успокоившись:

– Может, все-таки по шашлычку? – робко предложил Кобылкин, оглядываясь по сторонам. – Мало ли что там, в вашем Нарыме, да еще дорога непонятно какая.

– Бог создал Крым, а черт – Нарым, это да, – смеясь, загудел иерехонской трубой Андрюха. – Но в Нарыме со жратвой и дорогой по зимнику – все по-божески, не сцыте, мужики, поехали...

«Уазик» размеренно гудел на ровной укатанной снежной дороге. Женька, севший на переднее сиденье, всю дорогу оживленно разговаривал с водителем о жизни, деньгах и хозяйстве. Могучий Андрей увлеченно, все время помогая себе жестами, подробно объяснял Круглому, как он восстановил дедов дом, который сто пятьдесят лет стоял и теперь еще столько же простоит, как срубил новую баню, которую они вот сейчас сами и проверят, и за какую цену он теперь сдает мед и рыбу перекупщикам. Женька жалился, словно начальнику и покровителю, на сложности в бизнесе, непомерную аренду и поиски кредита на постройку нормального бокса вместо двух спаренных гаражей, которые он по дешевке выкупил у пенсионеров-соседей. При этом Круглый, искреннее радуясь встрече, совершенно забыл о времени и рассказывал все подряд, включая то, что будет у него только через четыре года. Впрочем, Андрюха, не чаще одного раза в год выбирающийся дальше Парабели, на противоречие между «взять кредит на бокс в гаражах» и «старый бокс в гаражах надо продавать», никакого внимания не обращал.

Кобылкин тихо скукожился на заднем сиденье и уставился в окно. Ленты белых, до боли в глазах, гладей проток и озер, скопления зеленых облаков кедровых крон, могучие пихты и ели, полуголые кривые лесины до неба, выдававшие заболоченные места, кустарник, осинки и березки джунглями переплетенные в тени хвойных великанов, резкие тени в закате идеально прозрачного мартовского вечера вводили Сашку в тихое умиротворение. «Какие революции, цари, города – букашки на теле природы, – думал он, ощущая, как веки наливаются свинцом и приятное тепло обволакивает его под колыбельную в исполнении мотора «уазика». – Хорошо, как в храме на Рождество». Потом он подумал, что эта застывшая, но живая и дышащая вокруг него красота и есть храм, раз такие чувства умиротворения и единства с миром возникают в душе. Затем, не в силах бороться с разлитой внутри теплотой и тяжестью, он подумал о

том, что лучше бы ему не спать, чтобы не проснуться, не дай Бог, где-нибудь в древней Москве, что как можно не любить Сибирь и променять это все на что-то другое. «Никуда от тебя не уеду, Сибирушка моя, вот спасем царя, и на рыбалку», – Кобылкин провалился в сон, а его храп органично вплелся в урчание двигателя и разговор сидящих впереди.

Неожиданное застолье

– Хор-рош, говорю! – прогремел Андрюха. – Верю, верю, что нашего сибирского склада, ой, шкуру сожжешь!

Перед лежащим на полке хозяином стоял ехидно улыбающийся Круглый с пластырем на виске, скрытым под ушанкой, с ковшом в одной руке и огромным березовым веником в другой. Он методично изгалялся над Андреем, добродушно припоминая ему все его колкости в адрес «столичных штучек» и «городских неженков».

– Ты, брат, не позорь нарымские химвойска, терпи, где ж это видано, чтоб медведя до смерти запарили, – смеялся Женька, со всего маху прижигая его напоследок веником по голой заднице. – Все, теперь сам догоняйся, Андрюх!

Кобылкин сидел на верхнем полке в углу, растирая себя пихтовым веником и улыбаясь мелкому хулиганству брата. Запахи древесной смолы, пота, пихтового масла, зверобоя и душицы, заваренной тут же в шайке с вениками, аромат березы в густом, влажном и обжигающем воздухе волнами носились по парилке, разгоняемые летающими в руках трех мужиков вениками. Андрюха не хотел сдаваться в очередном шуточном состязании с гостями и сказал:

– Стоп, парни! А че все обтираться снегом, как бабы. А давайте, кто глубже сугроб под собой протопит! Значит, выбегаем, туда в сторону стаяк, где кедра около дорожки, я там наст убрал – можно нырять. Прыгаем пластом, и под кем глубже сугроб протает, а? Это вам не под елку отлить! Даю подсказку, главное вовремя перевернуться на спину, как передок начнет остывать! А, слабо?

Кобылкин молча взял ковш, плеснул воды на раскаленные камни, схватил веник и сказал, закрывая им лицо от обжигающего пара: «Чур, по моей команде и бегом, а то последний тут еще греться будет!»

Через пару минут с криками, как дети малые, мужики с разбегу пластом сиганули в огромный, почти по грудь, сугроб. Полежали. Перевернулись на спину. Снаружи это выглядело, как будто три тела медленно в клубках пара засасывает в сугроб. Победил хозяин. Яма под ним была почти по пояс и пролежал он, соответственно, дольше всех. Сделав еще пару заходов в парилку, красные, чистые и счастливые, мужики ввалились в избу и упали на диваны в большой комнате.

Дом был действительно просторный, разделенный огромной русской печью, около которой висела детская люлька, словно в краеведческом музее. Кобылкин, глядя в потолок, спросил у хозяина.

– У тебя там нижние венцы бревен у дома – с полметра толщиной, наверное? Как ты новый фундамент заводил, я не понимаю, и как они не сгнили за столько лет, ведь снегом же, всяко, каждый год заваливает...

– Пять венцов нижних – лиственница, она только каменеет от влаги. Я-то чего, тут домкрат, тут на трос к трактору, тут мужиков позвал, а вот как они раньше строили, я и сам не пойму, если честно.

– А чего там у тебя какая-то рогатина в сенях стоит? – включился в лежачий расслабленный разговор Женька. – Щук бить? Навалил там, какие-то сети, бочки, инструменты, шею свернуть можно.

– Это тебе шею свернуть можно, а у меня там все по своим местам, могу без света нужный гвоздь найти. Зато как завернет под пятьдесят, или метель на неделю, – ходить далеко не надо лишней раз, все под боком, как в подводной лодке. А рогатины я сам нынче делал, по особой технологии, все мечтаю на медведя сходить, как дед, без ружья, пару берлог тут присмотрел; медведя нынче много пришло из-за пожаров в Красноярском крае, хочу вот мечту осуществить и батю переплюнуть. Хотите, я вам потом шкуру подарю?...

В это время в большую половину вошла жена Андрюхи – красивая, тоже вся такая большая и статная, молодая женщина:

– Прошу, гости, к столу после баньки, уже стынет все...

– Давай с нами, Юль, – сказал хозяин, ловко поднимаясь со своего места. – Будешь народным контролем, чтоб не напились на радостях под твою вкуснятину!

Юля сложила руки на пышные бедра, как на горизонтальную полку – такая тонкая оказалась у нее талия под просторным халатом, – и сказала, как бы больше не для мужа, а для гостей:

– Подниму коромыслом-то спозаранку, и скотину кормить; там ты у меня быстро оклемаешься. Так что можешь пить сколько влезет, коли с гостями-то, только их не спаивай, на них у меня коромысел нету, а они завтра в тайгу идти не смогут! – Юля с улыбкой кивнула своему благоверному, аккуратно и ловко подхватила из люльки спящего ребенка и ушла за занавески.

Стол выглядел непривычно, как из сказки. Кобылкин понял потом, почему. На нем не было ни намека на покупные продукты. Конфет там в обертках или привычной формы кусочков хлеба, магазинных колбас, зеленых горошков, бумажных салфеток. Перед каждым лежало полотенце для рук, нож, вилка, ложка. Рядом на печи стояла в огромной кастрюле стерляжья, судя по аромату, уха и стопка тарелок. На столе были пироги, холодец, нарезанное сало с горчицей, соленые огурцы, помидоры, маринованные белые грибы и моченые грузди, сметана, чищенное ядро кедрового ореха, мороженая в инее стерлядка на деревянной доске, с отдельным ножом, солонкой и перчицей, мед, клюква, порезанный говяжий язык, жареная зайчатина прямо на огромной сковородке, большая чаша пельменей, круглая отваренная картошка, посыпанная сушеным, но все равно ярко-зеленым укропом, пара графинов с какими-то морсами. Короче, места на массивном, под стать хозяину, деревянном столе больше не было.

Андрей заставил братьев сесть, ловко настрогал мороженную стерлядь, посыпал ее перцем и солью, налил по половине старинных граненых стаканов – «дедовы стаканы» – и поднес их гостям: «Ну, братья, за встречу, спасибо, что приехали! Берите строганинку, пока не потекла!»

Праздник живота минут пятнадцать проходил в полной тишине, даже вторую чарку выпили почти без слов: «За хозяйку!» – сказал Круглый жующим ртом и тут же опрокинул в себя содержимое. У голодных братьев даже уши ходили ходуном, так усердно они работали челюстями.

Постепенно темп поедания еды снижался, разговор завязывался. Кобылкин, блаженно растекаясь на стуле, сказал:

– Вот вы кулаки, а что же все едят: безработица, предприятия встали, нищета, бла-бла-бла...

– Так с руками и ногами в такой тайге – грех с голоду пропадать, – медленно ответил Андрей. – Натуральным хозяйством можно хоть десятерых дитев поднять, а у меня всего один пока. Рыба, зверь, орех, ягода, грибы. Но про лесопилки запущенные и безработицу правильно пишут. Эта, как ее – инфраструктура – в упадке, вон пройдишь по деревне: везде по улицам тротуары деревянные лучше, чем брусчатка у вас в городе, а еще лет пять – и снова в грязи утонем. Шпала закрыта, лесопилки стоят. Школы-больницы опять же, мы ж тут тоже люди. Сейчас вроде тихонько выправляется, тьфу-тьфу-тьфу...

Все это время наевшийся и разомлевший Круглый с мысленным восторгом вспоминал путешествие во времени, которое, собственно, продолжалось. Он, передохнув и попарившись, уже снова чувствовал себя монархистом, который еще может успеть спасти императора. Нить воспоминаний снова привела его к маленькому Янкелю Юровскому.

– Слушай, – обратился он к Кобылкину, – А почему так много евреев было в революции, и все об этом, главное, как-то подозрительно помалкивают? Или врут в Интернете? Процентом девяносто из этих, из всяких советов народных комиссаров, остальные латыши какие-то там, чехи, венгры, поляки, русских по пальцам... Янкель – еврей, этот Свердлов – еврей, еще там, как его, из царубийц, Шая Голощекин – еврей. Троцкий, Каменев, да там их куча, я уж не помню всех...

Круглый перехватил взгляд выпученных глаз Кобылкина и легкий кивок головы в сторону хозяина.

– А-а-а, да ты не бойся! Андрюха свой, при нем все можно! Андрюх, мой братан придумал, как во времени путешествовать, мы с ним даже с Царем разговаривали, прикинь, я бы не поверил никогда, если б сам не встрял в это дело по самое не балуй.

– Чего ж не верить-то, летаете – летайте... Нам и тут хорошо, рассказали бы другу, интересно же, – сказал на полном серьезе, привыкший верить своим на слово Андрей, подхватывая вилкой сразу два пельменя.

– Ты не совсем прав, Женька. Ну, что молчат как-то про этот еврейский факт в учебниках – это да, но про евреев вообще – не прав.

– Это почему? – завелся слегка уже захмелевший Женька. – Я, конечно, не историк, но если факты есть факты, то вовсе не

гражданская война у нас была, а захват одной национальностью власти над всеми другими национальностями, особенно над русскими! Я еще до полета читал, что во время красного террора иногда даже красноармейцы из русских отказывались участвовать в казнях, их заменяли латышами, китайцами. Вон еврей Ягода, главный в НКВД, до революции у папашки Свердлова в ювелирной мастерской, в Нижнем работал. Да все ЧК из таких было! Ну, может, я чего-то не знаю, так расскажи нам! Только не надо снова про ежедневные газеты и бардак в головах, это тоже часть революционной работы, по разложению мозгов и этому, отрыву от корней... Бьюсь вот об заклад, что многие из хозяев всех этих сотен газет тоже были интересной национальности или – ик! – иностранцы.

Круглый посмотрел на Андрея, как на потенциального союзника в разговоре, но тот сосредоточенно жевал и глядел то него, то на Кобылкина. Кобылкин ответил:

– Нестыковок много, Жень. Ну, вот самые элементарные. Синагоги после революции тоже закрыли, и все еврейские школы, вон в Томске на Розочке, например, помнишь? До сих пор без купола и звезды Давида. Православных, конечно, больше и побили, и храмов разрушили, так их и самих было гораздо больше. В целом евреи жили не хуже русских, а зачастую лучше, по крайней мере люди с профессиями. Вот у нас в Сибири тоже евреев много было, и по уголовной ссылке, и по политической. Но наши сибирские места они сами называли «Край молока и меда». То есть сибирские евреи жили лучше, чем на западе Империи, а общались с соплеменниками гораздо меньше, чем с русскими, из-за огромных расстояний. И потом, подавляющее их большинство – часовщики, торговцы, стекольщики, портные. Ты вообще представляешь их с саблями и винтовками на поле боя? Это первое. Евреи несмотря на всю их монолитность и умение не растворяться в других нациях – весьма не однородное явление, и в материальном плане, и в социальном, и в идейном.

– Вот! – возразил Круглый, – Они не растворяются, правильно, имеют связи в разных странах, поддерживают их, и через них как раз все и организовывалось! Но от этого они не перестали же быть евреями, в чем я не прав?

– Ну, это все равно, что «русскую мафию» или «чеченскую» отождествлять со всеми русскими или чеченцами. Янкель –

цареубийца, которого ты на ровном месте из рук упустил вместе с царскими часами, еле-еле год отходил в еврейскую народную школу при синагоге и сбежал из нее, как черт от ладана, понимаешь? Или, например, очень много материалов в последние годы появилось про то, как банкиры, в основном еврейского происхождения, спонсировали Гитлера – считай те же самые, что спонсировали русских революционеров еврейского, и не только, происхождения, понимаешь? А кого больше всех Гитлер в итоге отправил в газенваген да братские могилы самим себе копать? Русских и на втором месте все тех же евреев, улавливаешь? Причем самым богатым дал уехать в ту же Америку, а для всех остальных – бухенвальды и дахау. Этим товарищам, мне кажется, национальности и разные религии нужны только для того, чтобы использовать их как оружие против своих врагов.

Андрей взял бутылку и потянулся к стаканам:

– Вы это, парни, закусывайте только! А так, ничего, интересно. Давайте-ка за наших дедов, и вот еще вопрос у меня имеется: если «еврейско-банкирская мафия» занималась революцией, то чего же наши-то цари так лопухнулись? Почему не остановили, в конце концов, не обдурили их, у нас тоже и хитрозадых и умных хватает. Вон, Женька, вспомни прапорщика Петрова, вот голова-а-а-а! Ну, вздрогнем сначала!

Поставили стаканы на стол, Сашка подловил вилкой половинку груздя, макнул его в сметану и с груздем на вилке продолжил:

– Во! Круглый, учись, твой друг тебе лучше меня ответил: евреи отдельно, еврейско-банкирская тусовка – отдельно! Добавить нечего! А вот почему не справились... Справлялись иногда, но вообще не надо их недооценивать – насколько я своим мозгом это понимаю, я ж с ними, с банкирами этими, водку не пил, не знаю. Но думаю, вспоминая разговор с Царем в поезде, – Сашка сделал паузу и все же съел груздя в сметане, – цари и не воевали с ними, вообще как врагов – не идентифицировали. Николай на Бога надеялся, больше чем его помощники и прочие подданные, вот и остался один... Да из этого же Нарыма до революции, политические сотнями бежали, а здесь митинги проводили, причем с оружейным салютованием, во, блин, ссылка с каторгой! А те-то, посмотри, идеология, конспирация, денег как у дурака фантиков, фантастическая расчетливость и понимание сути

людей, правителей, государств, терпение опять же... И при всем при этом – целая огромная Россия не под их контролем! Весь мир прибрали к рукам, заставили на себя работать, а русские цари – сами по себе! Не колония, не полуколония, богатейшая и независимая страна со своей независимой политикой! При этом контролирует важнейшее сырье! Пеньку и лес для славного флота владычицы морей, зерно для промышленного переворота в Европе, нефть и газ, понимаете? Да они ненавидели этих Романовых вместе с их православием больше, чем даже не знаю, кого...

Женька почувствовал себя прижатым к стенке и мысленно даже согласился с братом. Но тему сменил:

– Да сейчас все то же самое... Я вот только не пойму, как какие-то часы, даже пусть красивые, царские, могли повлиять на ход истории? Ну, отобрал их у девчонки часовщик Яшка Юровский, ну, завел? Он же жадный до ужаса, я эту жадность сам лично в его глазах видел даже ближе, чем вас сейчас! Спрятал куда-нибудь, даже не понимая их значения! Я уверен на сто процентов, что он даже отцу родному их не показывал, не то что каким-то революционером, и потом, где Томск, где Питер и где еврейско-банкирские круги! Нестыковочка...

Но тут на удивление к месту вмешался Андрей, подхватывая еще пару пельменей на вилку:

– Это да, просто так свое не отдадут! Мне дед говорил, что мой прадед с одним евреем ехал сюда из Томска, тут этот еврей с другим евреем целый день спорили, все какую-то финтифлюшку делили, а потом через год этот второй еврей сюда к прадеду приехал и с каким-то грузином за эту финтифлюшку дрались. Грузин в тайгу, так и еврей, на что не таежный человек, а туда же...

Братья напряглись. Андрюха, продолжая жевать, невозмутимо потянулся за бутылку, как будто все это время слушал безобидные анекдоты и сам рассказал еще один.

– Что за финтифлюшка? – почти вскрикнул Круглый.

– Что за грузин с евреем? – одновременно подхватил Кобылкин.

А чего вы, парни, так всполошились? – все еще медленно жуя пельмень, спросил Андрей. – Сталин, наверное, со Свердловым, это ж наши самые знаменитые нарымские сидельцы. А может, и нет. Прадед, как вы понимаете, не особо распространялся, говорил только, чтобы не

ходили на Мертвый Кедр, что они туда свою финтифлюшку хотели вперед друг дружки доставить...

Кобылкин с Круглым аж подскочили со своих мест. Круглый орал, что организатор царевубийства с организатором расстрелов людей Свердлова, Троцкого и много еще кого познакомились в Туруханской ссылке, а не в Томской, что это любой студент знает, и было это позже Нарыма. Кобылкин кричал, что оба они здесь сидели и теоретически могли познакомиться, хотя сидели и недолго. Сталин вообще месяц погостил и сделал ноги, и если бы был Интернет, Кобылкин бы доказал это в два счета. Но откуда они оба узнали про царские часы, и что это за Мертвый Кедр?

Андрей спокойно и по-прежнему не прекращая жевать, молча смотрел на всполошившихся братьев. Из-за занавески выглянула Юля:

– Никак буяннить собрались? Ну-ка тихо, архаровцы, дите спит!

Звук убавили. Сели, уставились на Андрея.

– Мертвый Кедр – гиблое место, там часы не идут, компас не работает. Здоровенный такой кедр стоит окаменевший, и не падает и не растет, то ли капище какое древнее, то ли че. Даже какие-то ученые приезжали. Правда, давно, в советские времена еще. Аномальная зона, да таких много на свете, я где-то читал в журнале. Я уже понял, что мы туда завтра поедем, часа три на снегоходе. Может, спать пойдём, мужики?

– А что, если они там эти часы и спрятали? – трясась от возбуждения, сказал Кобылкин. – Тогда понятно, почему мы в тот раз перевернулись и попали обратно в Томск, а теперь снова в эту же аварию, и сюда доехали!

– Но если мы их не найдем опять в лесу, в снегу – все ж промерзло, значит, опять во времени будем болтаться? – встревоженно подхватил версию брата Круглый.

– Не найдете, – уверенно подтвердил Андрей. – Во-первых, грузин сбежал сразу, а еврей этот чуть позже следом умотал, а во-вторых, они их сломали, теперь я это понял, и одну половинку тут запрятал кто-то из них, не знаю, правда, кто. – Андрей лениво зевнул.

– Ты-то откуда это знаешь? Тоже прадед шепнул перед смертью? – раздраженный спокойствием огромного Андрея, спросил Кобылкин.

– Не-е, я просто, значит, от этих часиков крышку нашел, когда под баню фундамент копал летом. Лежала завернутая в газету, тряпку и в

кожу, лопатой чуть не поцарапал... Ну что вы на меня вылупились, вон, на печке она валяется...

Андрей со вздохом поднялся, подошел к печи, протянул руку, откуда-то с печи достал крышку от коробочки, что была у братьев почти в руках в Томске 1891 года, и положил на стол перед гостями...

– Она! – выдохнули братья, как всегда в ответственные моменты – громко и одновременно...

Мертвый Кедр

Снегоход ревел и почти не прыгал на ровном и крепком мартовском насте, катил по речным протокам, как по автобану. На волокушах, прицепленных к снегоходу, между рюкзаком с провизией, канистрой с бензином, той самой рогатиной из сеней дома, палаткой, ружьем, котелком и прочим снаряжением для автономного пребывания в тайге, расположились братья. Андрей сидел за рулем и, едва слышно в шуме двигателя, потоках воздуха и снежных вихрях, пел во все горло что-то оптимистично-армейское, по всей видимости, радуясь свободе, скорости и просторам. «В своей стихии человек», – подумал Кобылкин, закрываясь капюшоном и отворачиваясь от ветра.

Свернули в какой-то очередной, уже совсем узкий, метра в три-четыре, приток. Со всех сторон нависала безмолвная, в сугробах и огромных снежных шапках, тайга. После всех событий и открытий тайга уже не воспринималась благодушным величественным храмом. Скорее, какое-то потустороннее, враждебное и грозное присутствие-предупреждение, несмотря на ясный день, витало во всем этом пейзаже. Казалось, что волосы периодически сами шевелятся под шапкой и все время кто-то невидимый, но страшный смотрит на людей из глубины леса. Кобылкин снял с руки Андрееву шубенку, сунул ладонь за пазуху и нащупал крышку от часов. В это время к его уху наклонился Женька и закричал:

– Не бойсь, братуха! Мне тоже не по себе, зато теперь все понятно! Сейчас посмотрим, что там, а потом – в свое время! Надо еще разок твоего адреналина кольнуть и слетать туда-обратно, к царю, и все! Я готов, Сань, из принципа, полетим и закроем тему!

Сашка машинально кивнул в ответ, скорее для того, чтобы не разговаривать с братом, и погрузился в собственные размышления о предмете, попавшем им в руки. Крышка от часиков размером где-то семь на семь сантиметров и в сантиметр толщиной, с углублением изнутри. По всей видимости, серебро со всякими золотыми и, похоже, малахитовыми вставками. На внешней стороне крышки вензель Павла Первого, узорная буква «П» в русском стиле, вокруг буквы расположены знаки: старообрядческий крест в левом нижнем углу, двуглавый орел с короной – в верхнем левом. В правом верхнем – пятиконечная звезда. В правом нижнем – ковчег, ладья, или кораблик. Между этими относительно крупными знаками по кругу находились еще какие-то буквы и символы, значение которых Кобылкин не смог понять. Все они были с обязательными малахитовыми вставками и соединялись друг с другом золотыми нитями через центр под вензелем. По краю крышки проходил красивый, похожий на русскую резьбу узор. С внутренней стороны крышки ничего не было, только чистая и гладкая, как зеркало, поверхность.

Вчера после коллективного обсуждения пришли к выводу, что часы делали для Павла на Урале, поскольку малахит больше нигде в России не добывали, а сама крышка выполнена в русском стиле, разве что за исключением некоторых символов типа пятиконечной звезды. Символизм часов был очевиден: власть императора над временем и судьбой, что-то такое. И неспроста именно Урал стал смертным одром для династии. Этакий оберег – инструмент для царя, который в политике был ярким антизападником и масоном одновременно, вернее, ненавистником Просвещения. Того самого Просвещения, которое определило лицо сегодняшней западной цивилизации с ее отодвинутым из центра мироздания Богом и с Вавилоном индивидуального человека с его правами, грехами и вполне себе посредственными человеческими мозгами в центре вселенной. Первыми же указами Павел назвал дворянству и западникам вообще встал на сторону народного большинства, сравнивал перед собой дворян и крестьян, офицеров и солдат, за что, наверное, и получил в подарок эту механическую шкатулочку из народных уральских глубин. Как работали часы – непонятно. Были ли они просто предсказанием-предупреждением для царя, или давали каким-то образом возможность защитить себя или изменить ситуацию, было не ясно. Однако

бросалось в глаза, о чем сказал Кобылкин, рассматривая крышку от часов: первого Романова на престол призвали в марте, Петра Великого хоронят в марте, Павла убивают в марте, Александра Освободителя взрывают в марте, отречение Николая происходит в марте. А последнего царя с семьей то ли уничтожают, то ли ритуально приносят в жертву – именно на Урале, в малахитовом краю, где неизвестные мастера и создали эту часовую шкатулку. «И мы со своим путешествием тоже как-то на март попали», – мрачно добавил тогда Круглый.

Под рев снегохода Кобылкин еще раз восстанавливал в памяти все события со вчерашнего вечера. Он долго не мог уснуть, обдумывая положение и прижимая заветную крышку от заветных часов к груди. Андрей сказал ему, что музей в честь нарымских ссыльных – в первую очередь Сталина – с хрущевских времен особо никто не громил, если не считать убранного с крутого берега белоснежного постамента вождю, который раньше было видно со всех обских пароходов за пару километров, если не больше. Наоборот, Сталинский музей и тысячи останков репрессированных недалеко, в Колпашево, так кстати обнаружившихся в гуляющем русле Оби аккурат к перестроечным ветрам, только привлекли внимание общественности к трагизму соседства и совпадений, хотя и не надолго.

«В общем, музей был, какой-никакой, а значит, были те, кто им занимался» – подумал Сашка и с самого утра, когда Андрей, спозаранку энергично поднятый женой с постели, встал на утреннюю кормежку-уборку многочисленной скотины, Кобылкин выяснил у него адрес местного музейного старожилы. Пока Круглый сладко сопел на своем диване, Сашка одел Юлины пимы (валенки Андрея даже немаленькому Кобылкину были, мягко говоря, велики) и помчался по адресу. Ему повезло не только поговорить, но и зайти в сам музей-избу, лично посмотреть и экспонаты и, самое главное запасники, в которых он пробежал глазами штук пять толстых «Книг отзывов».

Короче, после рассказов блестяще владеющего предметом разговора зрителя, слегка удивленного утренним визитом, но радующегося первому живому интересу и первому туристу с Большой земли в конце длинной нарымской зимы, после осмотра и чтения музейных материалов – наступила ясность. Эта ясность в голове Кобылкина состояла как бы из двух разделов: понимания

удивительной связи между различными фактами из местной ссыльной и большой истории, а во-вторых, ясной уверенности в том, что он понял тайный смысл и логику всех этих событий. Свои выводы он рассказал мужикам за чаем, перед отъездом. Круглый и Андрей даже не спорили. Женька сосредоточенно жевал вчерашнюю зайчатину, а вот Андрей вставил свои «пять копеек», как всегда убедительно: «Мне, парни, дед со слов прадеда примерно так и рассказывал, только не настолько понятно и красиво, не институтский, че»...

Дело обстояло так. Некто Юровский, мещанин губернского города Томск, приезжал в Нарым в 1911 году по неким коммерческим делам. Факт поездки есть, что за дела и с кем встречался – никто не знает. В этом же году в Нарымской ссылке как раз находился известный криминальный и революционный деятель, тезка Юровского – Янкель Мойшович Свердлов. После встречи с Юровским Свердлов сбежал, а будущего царубийцу менее чем через год арестовала охранка и из Томска, из Сибири отправила в ссылку... на Запад, в Екатеринбург. Именно туда, где уже с 1905 года существовала созданная Свердловым сеть боевиков, страшно прогремевшая своей жестокостью в Первую русскую революцию. Почему сам нижегородец Свердлов поперся именно в Екатеринбург, в противоположную от революционных столиц сторону, и там приложил все свои способности на выстраивание мощной, хорошо оплачиваемой сети боевиков, – рационально, без малахитовых часов и царубийства, Кобылкин так себе объяснить и не сумел.

В 1912 году сбежавшего Свердлова отловила охранка и направила обратно в Нарымский край, но теперь уж совсем к черту на куличики – в Максимкин Яр, на границу с Енисейской губернией, откуда даже до Нарыма не каждый доберется.

В Максимкином Яру Свердлов приводил в ярость местного священника, который прямо обвинял его в оккультизме. Яков хандрил, страдал, писал письма соратникам, то есть создавал все предпосылки для скандала в СМИ по поводу замученного молодого человека в таежной части сатрапии. Согласно закону жанра, слезливые и шантажистские требования о спасении молодого политического ссыльного возымели на начальство большее впечатление, чем отрезанные головы агентов охранки и отстрелы екатеринбургских жандармов в 1905 году. Под давлением «общественности» Свердлову

разрешили вернуться в более цивилизованные места ссылки аккурат к тому моменту, как туда, в 1912 году, должен добраться по этапу другой каторжанин – Джугашвили-Сталин. Собственно, в Колпашево они и познакомились друг с другом: организатор убийства царской семьи, организатор красного террора, кровавого раскулачивания и расказачивания и будущий организатор убийств троцкистов, свердловцев и верных ленинцев...

Сталин со Свердловым не заладили друг с другом с самого знакомства. Тем не менее Сталин из Колпашево отправили в Нарым, Свердлов – следом. Из Нарыма Сталин очень быстро сбежал, Свердлов – следом, чуть позднее. Они оказались будто связаны друг с другом. Уже через какой-то год они снова окажутся вместе на краю земли в Туруханском крае, аж до самой революции. В том, что эти двое тоже охотились за часами, Кобылкин теперь не сомневался. Если от часов каким-то удивительным образом и зависела судьба династии и Империи, то понятно, почему их хотели заполучить будущие вершители судеб России. Первый – демон революции, который за два года рассадил своих родственников и знакомых во все значимые звенья молодой советской власти, партии и ЧК. Второй – демон для всех революционеров и страшный царь для народа, того самого народа, который в семнадцатом без сожаления и раздумий отказался от своего царя, православного и помазанного. Время Свердлова, неожиданно для всех оказалось коротким, а время Сталина – долгим. Значит, решил Кобылкин, сами часы остались у Сталина.

Но как они оба узнали о тайне династии Романовых? Так-так-так... О необычных часах Павла могли знать потомки тех, кто их изготовил: каких-нибудь монахов, купцов-староверов или уральских мастеровых, а также те, кому Павел мог их показывать, те, кто его и убил. Или Александр, в молодости либерал и поклонник масонов, говорил о них, например, своему наставнику Лагарпу в письмах в Швейцарию? Александр был во время страшного убийства отца почти рядом. Увидев истоптанного сапогами императора, он оказался на грани умопомрачения. Что получается? Часы все же оказались у сына убиенного Павла. А значит, про часы знали те, кто их делал, а также те, кто убивал – аристократы, масоны, западники. Значит, скорее всего, Сталин знал о них каким-то образом от первых, например, от староверов из Вологды, где он отбывал первую ссылку. В пользу этого

говорит и тот факт, что Сталин никогда не жил за рубежом и впервые оказался там ненадолго как раз после Нарыма, на съезде РСДРП. А Свердлов, получается, искал часы, зная про них от вторых, скорее всего даже с Запада. Известно, что один его родной брат был банкиром в США, другой имел теснейшие связи с Французским правительством. Первые, наверное, хотели «погибели и возрождения» Империи в независимом и традиционно русском виде. Вторые хотели гибели России и возрождения другой мировой Империи, не российской, а за счет российской, согласно незабвенным словам Троцкого о том, что русский народ – хворост для нового миропорядка. Ужас как наворочено! А если бы часы остались у Романовых? Уфф... Дальше. По всей видимости, крышку от часов на месте будущей Андрюшиной бани спрятал Свердлов, а вот сами часы на Мертвом Кедре взял Сталин. Все ниточки царубийства ведут к Свердлову, даже Дзержинский узнал о екатеринбургской трагедии после того, как все случилось, Свердлову было плевать на мнение Дзержинского. Дальше, после мутного покушения на Ленина, самому Свердлову чуть-чуть не удается стать единоличным правителем в Кремле, и вдруг – неожиданная смерть. А вот Сталин начинает свое восхождение практически без серьезных ошибок и остается на вершине до старости. «Похоже, часы у Сталина так и остались до самой смерти», – сделал вывод Сашка под шум двигателя, хватаясь за край волокуш на появившихся вдруг откуда ни возьмись ямах и горках. Снегоход выехал с гладкой ленты ручья и шел по опушке леса...

Взобравшись на какой-то гребень, поросший редким мелким сосняком, снегоход заглох. Андрей слез со своего железного коня, снял шубенки и вытер лицо. Сказал братьям:

– Вам туда, а я дальше не ходок.

Снегоход стоял, словно на краю большой, видимой сквозь чахлые сосенки круглой чаши. Впереди была низина, посреди которой возвышался холм. Его венчал действительно черный кедр с кроной лишенных хвои ветвей. Расстояние – метров сто.

– Как циферблат, а кедр – стрелка... А ты чего? – спросил Андрея Круглый. – А если там газовая атака, или вспышка слева? Бросаешь товарищей?

– Да не бойтесь, я тут на стреме посижу, всех же видно отсюда. У нас просто не принято дедов-то не слушать. Сказано «не ходи», ну и

нехрен мне там делать, шуруйте, надо же еще засветло домой вернуться, путешественнички... Хотя как-то мне не по себе, мужики...

Из уст Андрея слышать про «не по себе» было тревожно, очень уж они за Андреем себя спокойно чувствовали в этих местах, но делать было нечего. Встали и начали спускаться с гребня.

Чем ближе они подходили к Мертвому Кедру, тем страшнее им обоим становилось, а жуть полусна-полуяви, в который они погружались с каждым шагом все глубже, заставила двух взрослых мужиков взяться за руки, как берутся дети в детском саду на прогулке.

Кобылкин посмотрел на «командирские» часы, специально одолженные у Андрея для этого случая, – стрелки бешено крутились безо всякого согласия друг с другом. Вокруг стояла какая-то пронзительная тишина, с каждым шагом становилось теплее, снега на холме в центре чаши не было. Вдруг Кобылкин почувствовал, что крышка императорских часиков будто жжет грудь, и как только он достал ее, уже под самым кедром, оба увидели хорошо знакомое зеленоватое свечение вокруг ствола. Искры, даже целые зеленые молнии, были ярче и длиннее тех, что уже видели братья в момент перемещений во времени. Круглый отдернул брата назад: «Не подходи!» И возбужденно зашептал, словно боясь говорить вслух: «Сань, я такие же длинные и вертикальные зеленые лучи из земли видел на фотографиях на том месте, где Патриарх стоял и освещал Крест на Ганиной Яме... Слышишь, прямо такие же, там где трупы царской семьи в шахту сбрасывали, я тебе отвечаю! Сань, такие же, пойдем на фиг отсюда!» Кобылкин, остановившись в пяти шагах от кедра и не отпуская руку брата, как всегда в минуты стресса, попытался пошутить: «Хреновый ты монархист, Женька. Вон, раньше жизнь за царя не думая отдавали, а тебе адреналину жалко... Ох, блин, смотри, смотри!»

В столбе зеленого, уже загустевшего сплошного сияния вокруг ствола Кедрa появился силуэт человека. Братьев трясло от возбуждения, страха, любопытства и нехорошего предчувствия. Языки их словно онемели, глаза округлились, руки и ноги трясло мелкой дрожью. Присев под деревом к ним спиной, постоянно озираясь и посматривая в стороны, что-то делал щуплый человек в бесформенной грязной одежде. Вдруг он замер, резко обернулся и злобным, горящим взглядом посмотрел на братьев. Встал, держа в руках такую же

крышку от часов и небольшой остяцкий нож. Каких-то три шага отделяло его от братьев. Он без страха, но как будто взглядом человека, застигнутого на месте преступления, смотрел на братьев, оценивая возможности непрощенных гостей и что-то решая для себя. Вдруг видение резко оглянулось куда-то туда, в сторону, где должен был находиться Андрей на своем снегоходе, и быстро рвануло назад, к кедр, через секунду исчезнув. Затем уже другой человек, с усами, лохматый, держал в руках часы и бил их о кедр, что-то крича и активно жестикулируя, обращаясь к кому-то наверху, в небе.

...Следующим видением был Юровский, внешне самый страшный из всех, кровавый в зеленом свете, с перекошенным лицом и горящими глазами. Он, ни на кого не глядя, дрожащими руками ковырялся отверткой в открытой шкатулочке знакомых часов... Потом появилась девочка, та самая, светлая, с васильковой ленточкой в волосах и льняном сарафане. Она плакала, лицо ребенка выражало ужас и горе, руки были прижаты к груди, плечи подергивались, по лбу тоненькой струйкой медленно стекала кровь... Вдруг она с мольбой и надеждой в синих детских заплаканных глазах протянула руки то ли к братьям, то ли к крышке от часов, которую Сашка держал в руках и начала таять на глазах. В этот момент Сашка вскрикнул: «Узнал тебя! Вспомнил! Подожди!» – и рванулся к девочке...

Женька попытался удержать его ослабевшими, словно ватными руками, но вместо этого, как в замедленном фильме зашагал вслед за братом, прямо в зеленый столб. После первого шага, не в силах отпустить руку брата, Круглый обернулся назад – туда, где стоял Андрей у снегохода. Новый ужас от увиденного стеснил грудь. Прямо на его глазах какая-то черная, откуда-то взявшаяся лохматая куча рядом с Андреем со страшным рыком выпрямлялась, становилась

перед ним на дыбы и вот уже превратилась в огромного, выше Андрея, черного медведя. Андрей с рогатиной в руках, словно ждавший этого момента, бросился под чудовище вперед-вниз на колени, одновременно всаживая рогатину куда-то под грудь медведю. Хозяин тайги страшно и оглушительно взревел, молниеносными взмахами своих лап пытался дотянуться до человека, насаживаясь своим весом на рогатину все глубже. В следующую секунду рогатина с треском переломилась и туша рухнула прямо на Андрея. Голова медведя несколько раз судорожно дернулась... Раздался беззвучный хлопок, уши заложило, это последнее, что запомнил Круглый...

Консилиум

Маша Бергина стремительной походкой пересекла зону прилета, разрезав собою рыхлую толпу встречающих рейс «Москва – Томск». Она знала, что будет делать и с кем будет встречаться. Она вообще, как ей думалось, «все» теперь знала, и была уверена, что ей по силам не только все понять, но и вернуть братьев туда, в «хрущевку» на Каштаке, откуда они и отправились в прошлое. Еще ее наполняло какое-то несвойственное ей раньше желание созидать и менять мир.

Весенняя дорога из аэропорта до города ясным утром еще больше прибавила Маше уверенности в своих силах. Красный восход, казалось, предназначался только для нее, он наполнял ее светом, желанием, энергией и тревогой. Целая неделя оставалась до окончания ее внепланового отпуска на работе. Время было. Хотя по сути, никакого времени – теперь это она чувствовала всей душой – не было.

Первым делом за три дня после возвращения в Томск Маша повстречалась, наверное, с десятком историков: сходила на пару лекций вместе со студентами, через знакомых отыскивала аспирантов и профессоров для разговора на полчаса, на час, а с некоторыми, особенно старой советской школы – дольше. Благо визитка пресс-секретаря могущественного человека в Томске всегда была как бы невзначай под рукой в момент знакомства. Очень быстро она поняла, что не стоит ждать от них итоговых оценок и объяснений, и уж тем более воспринимать желчные намеки и сарказм со стороны скептически относящихся к ее шефу специалистов. Надо было просто

слушать, задавать вопросы и легко понимать столько, сколько за месяц не поймешь в библиотеках или Интернете. Поскольку, как сама про себя считала Мария, в современной политической, культурной и социальной ситуации она разбиралась ничуть не хуже, чем любой маститый эксперт, а в историю погружалась впервые, то ее мозг все время замечал аналогии и параллели времен последнего царя с нашими днями. Сначала в это не верилось, но идея укреплялась с каждым днем, с каждой встречей.

В конце концов она поймала себя на мысли, что со страхом просматривает по утрам новости в Интернете, поскольку этакое дежавю регулярно преследовало ее при чтении. После некоторых вроде заштатных, совсем не топовых новостей о том, что пора бы сделать ответственное перед «народными депутатами» правительство, что легитимность власти «стотысячраз» под сомнением, и вообще, не созвать бы как лекарство от волнений интеллигенции Учредительное Собрание, – Маша окончательно уверовала в колесо истории и бредовость всякого линейного прогресса. «Я или становлюсь махровой антиглобалисткой и консерваторшей, или надо научиться искренне верить вранью», – в который раз повторяла то ли вопрос, то ли утверждение, то ли просьбу к самой себе Маша.

Она даже подумала о том, что эти все новости появились, или стали попадаться на глаза, именно в последнее время, когда братья исчезли. «Быть может, – думала Бергина, – раз они «там», то и к нам, в наше время, попали деятели оттуда, которые заварили кашу революции в империи, а иначе откуда столько общего?»

Вечером, перед решающим, по ее плану, днем встречи с теми, кто должен помочь ей вернуть Кобылкина и Круглого, Маша еще раз попыталась понять, в чем заключается связь эпох и зачем именно к последнему царю рванули братья. В общем и целом картина виделась Марии следующей.

В то время царское правительство очень зависело в финансах от иностранных займов и кредитов – западных, конечно. Сейчас вроде бы уже не зависит, но теперь все привязано к доллару. Экономика растет, даже лучше, чем у них, иностранного капитала много, «кока-кола» в магазинах, «сименс» в трансформаторах, японские тачки на нашей территории собирают. В предреволюционное время было то же самое, если не больше: первое место в мире по росту промышленности и

инвестициям с Запада – один Транссиб чего стоит. По большому счету, как и сегодня: экономика страны была намертво привязана к мировому товарообороту и рынкам сбыта. В социальном законодательстве Европу даже обгоняли: рабочий день, профсоюзы, благотворительность, забота об уровне жизни. Сейчас то же самое: пенсии, бюджетники, льготы, меры, и ведь, по гамбургскому счету, с реальными результатами. В то время была куча партий и движений, сегодня – то же самое, в такой же последовательности, причем начиная с нелегального положения и вплоть до «пусть расцветают сто цветов». В головах и в центре внимания СМИ тогда: телеграф, фото, однодневные листовки, газеты, «власть – козлы», катастрофы, «то ли дело у них» и «сто способов быстро разбогатеть». У нас сегодня то же: интернет у каждого второго в телефоне, у остальных в квартирах, трэш, приколы, порнуха и «власть – козлы». Верховная власть, конечно, отличается. Но тогда – монархия, присяга, помазание, а сейчас – выбор народа. А государство светское, опереться не на что, кроме истории, особенно Великой Отечественной...

В общем, вывод сделала Маша такой: как тогда никто не верил в реальность катастрофы и падения империи, так и сейчас никто, по большому счету, не верит, и напрасно. Тогда была ужасная трагедия, сейчас будет – конец России как цивилизации, да и мира вслед за ней. Ни одному народу счастья от этого не будет, особенно в Евразии. Но сейчас, используя трагический опыт прошлого, можно напрячься и не допустить катастрофы. Тогда война была, сейчас нет пока, дай Бог. Самое плохое, что все эти деятели, ораторы, подпольщики и провокаторы никуда не делись через сто лет – все те же и там же, почти слово в слово! Как будто не было этих десятилетий...

И тут Маша поняла главное, в чем Кобылкин был не прав: не надо менять прошлое, его нет. Никого не возродишь и не вернешь, потому что никто не умер и не ушел. Прошлое – в настоящем, будущее – в прошлом, колесо. В этом колесе только обвес и дизайн меняется, приспособления и технические навороты, которые мы иногда по глупости и тщеславию выдаем за прогресс и новые времена. Вся наша надежда в этом колесе – это наш личный выбор, вдруг в этот раз сможем по-другому...

– Слушайте, то, что я вам сейчас расскажу – за гранью фантастики и попрошу, прежде чем назвать меня дурой, – дослушать...

Маша пристально посмотрела на Вовку из политеха и Маринку из медицинского, – вы, может быть, помните моего старинного друга Кобылкина и его брата Кругликова Женьку? Маринка, ты точно помнишь, ты за ним еще приударила на прошлый Новый Год... Так вот, эти оболтусы – в прошлом, улетели на сотню лет назад. И не надо на меня так смотреть. Я специально вас позвала сюда, на квартиру Кобылкина. Вот бумаги и распечатки фотографий дореволюционного Пскова, вот их документы и водительские, вот мобильные телефоны, вот ключи от квартиры, вся одежда здесь, включая нижнее белье. Если хотите, я вам по пунктам докажу, что они никуда ни на чем не уезжали в день исчезновения. Более того, я сама уже слетала в Псков, безуспешно, конечно. Вас я позвала для другого, вы должны мне помочь их вернуть, это очень важно, я даже боюсь предположить вслух, насколько...

Повисла долгая пауза, Маринка с Вовкой переглянулись. От Маши Бергиной они могли ожидать чего угодно, только не таких сказок; вообще ожидать от нее чего-то ненастоящего и непроверенного, кажется, было совершенно невозможно. Задали по очереди несколько вопросов, повертели в руках ампулы с адреналином и примитивные, как сказал Вовка, кустарные машинки для инъекций, послушали с минуту звукозапись шаманов, раза по два перечитали Сашкину запись на полях чьих-то старых конспектов, которую нашла Бергина, основательно изучившая и перетряхнувшая все бумаги в доме. Наконец кандидат медицинских наук Маринка сказала главное: «Ну, ты пойми, что даже если это все правда, мы ничего сделать не сможем, Маш, при всем желании! Если адреналин подкожно или внутривенно стал, допустим, только допустим, каким-то толчком для переноса их тел в другое время – бред, конечно – то, по аналогии, этот же толчок мог бы вернуть их обратно. Не думаю, что они там найдут адреналин в любой дозе, не было таких препаратов тогда. Да и вообще, Маш, ты представляешь, что такое человеческий организм? У него есть прямая зависимость от времени: развитие, рост, старение. Тело не может быть вне времени! Оно либо живет, пока живет, либо разлагается и его нет, вообще нет, в принципе. Лучше в милицию заяви, пока не поздно!

Марию расстроило авторитетное мнение. Тут ей возразить было точно нечего. Вообще нечего, она даже не знала, что теперь,

собственно, ей говорить и зачем она звала их сюда. Тут в разговор включился Вовка, аспирант Владимир из политеха:

– Ты, Маша, не расстраивайся. Конечно, это все как-то не научно, мягко скажем. Хотя и сегодняшняя наука каким-нибудь вчерашним профессорам могла бы показаться непонятно чем. Действительно, время хоть и нельзя пощупать, но это неотъемлемая категория материального мира, так же как и пространство. Но если существует мир идей, душа и прочее – то, чего нельзя измерить, взвесить и экспериментально обнаружить, если вдруг все это есть, тогда Сашкина запись – очень интересная штука.

– Володь, не надо психические явления и высшую нервную деятельность смешивать с суеверщиной! – протестующе перебила его Маринка. – Или адреналин, по-твоему, это волшебное зелье, а не химический препарат? Чего смеяться-то!

– И в чем интерес? – быстро спросила Маша, не обращая внимания на возражения «медицины».

– Да, море вопросов рождает сама идея Кобылкина, если рассматривать ее всерьез... Он, по сути, сказал, что не только тело является магнитом для души, но и душа, или какая-то энергия является магнитом для тела, вот и все. И если он это доказал собой... Нет, даже если доказал, мы же строго говоря не знаем, что такое душа, хотя знаем многое про тело... Обалдеть просто, это же....

Владимир встал и с поднятым перед лицом указательным пальцем заходил по комнате, о чем-то думая. Дамы терпеливо ждали. Наконец Маринка властным голосом, который бывает только у практикующих врачей, сказала:

– Быстро говори!

– Нет-нет, я просто думаю, я не уверен... Просто, если душу и тело притягивает друг к другу и душа, улетев во сне в прошлое, смогла притянуть к себе тело, значит они связаны друг с другом. То есть материальный мир, какие-то предметы, тело, прежде всего, тоже прикипают, если можно так выразиться, к душе – или душа к ним. Они меняются под воздействием друг друга, так?

– Так, так! Говори уже, малохолный, у вас все в политехе такие медленные? – почти прикрикнула на аспиранта Бергина.

– Все – не все. – Вовка надул губы. – А вы вообще ничего предложить не можете! Я же не про явление размышляю, а про то, как

людей вернуть!

– И-и-и?

– Короче, чисто технологически, при условии, что их эксперимент и правда, удался и они сейчас в прошлом и душой и телом, надо примагнитить их обратно!

– Что магнитить-то, если обе половинки магнита там! – уже заинтересовано воскликнула Маринка. – Понаберут эйнштейнов по объявлению!

– Но жили-то они здесь! – обиженный на непонимание, громко сказал Владимир. – И если здесь осталось что-то важное, с чем контактировали их души и тела в своем времени, значит это что-то важное тоже может быть магнитом. Вопрос в силе и количестве этих магнитов и как активизировать этот сигнал, понимаете? Вот вам и вся технология!

– Так, так, так! – хватаясь за идею, воскликнула Маша. – У Круглого маленький сын, например. Это не просто магнит, это почти что сам Круглый! А предметы какие-нибудь или любимые вещи могут быть магнитом, Вов? У Саши-то детей нету!

– Еще раз говорю, все что угодно. Все, во что они вкладывали душу, в чем их душа выражалась в материальном мире. Все это надо собрать вот здесь, на диване, и активизировать, хотя лучше человека нет, наверное... – аспирант, о чем-то думая, глядел на огромный диван Кобылкина. – А ты это, Маш, с Кобылкиным своим... того?

– Чего того? – недоуменно спросила Маша? – А-а-а-а, ты на что намекаешь, наглец! О-о-о, поняла, Володя, поняла! Очень давно, и только с ним одним... Умница, он же правда любит меня, точно любит, я знаю!

Остаток вечера на троих придумывали процедуру извлечения братьев из прошлого. Поскольку других вариантов не было, решили завтра же опробовать идею, названную ими «Вовкин магнит».

Вовкин магнит

– Да ладно тебе... Ну, чего ты все одна и одна с дитем? Я с ним погуляю, мороженого поедим... Ой, не-не, холодно, блинов горячих, во! На лошадках покатаемся, покормлю сама, а вечером приведу,

отдохнешь немного. Когда эти балбесы еще со своей рыбалки вернутся!

В телефонной трубке повисло молчание. Маша напряженно ждала реакции, она знала, что у Женькиной Люськи на редкость сильные материнские инстинкты, но что она так упрется... И рассказать ей все нельзя, она точно не поверит или шум поднимет такой, что волонтеры всей страны будут искать ее благоверного, а она, Маша Бергина, еще виноватой останется. «Расскажу только в крайнем случае, если завтра ничего не получится» – подумала Маша и продолжила:

– И сертификат у меня в салон красоты, взяла бы и сходила, пока мы с ним гуляем; полный цикл, с массажем, маникюром, педикюром и маской...

– А сама-то чего не сходишь, Маш? – подозрительным, но смягчившимся голосом спросила Люська.

– Да что ж я, каждый день, что ли, буду ходить! – уверенно соврала Бергина. – Я тут в Псков летала, там такой тайский массаж в отеле! Потом расскажу, такие маски! А этот сертификат пропадает, лучше уж ты сходи. Как раз, глядишь, Круглый приедет!

Люська дрогнула, и неуверенным голосом начала оправдываться:

– Понимаешь, у тебя же детей нет, племянников маленьких или крестников тоже нет. Ты же вместе с детьми последний раз в детском саду сама на горшке сидела, Маш. Но если я тебе все распишу и ты мне звонить будешь... И только если вдруг он сам домой не запросится, ладно?

– Конечно, Люсь! Я на самом деле знаешь, как детей люблю! Просто из-за работы этой, ну, совершенно некогда было, а сейчас в отпуске!

– Какой работы, Машка! Детей тебе рожать надо. Любит она детей, да у тебя матка уже бунтует и в голову отдает рикошетом! Ладно, заезжай, но не раньше десяти, мы медленно завтракаем...

Дальше она должна была незаметно взять с полки в коридоре ключи от Женькиной машины, когда будет забирать малыша. Они были на брелоке – олимпийском мишке. Этого мишку Круглый в начале девяностых нашел в старой разваленной отцовской «Волге», которая года четыре стояла в гараже, а до этого лет двадцать колесила просторы Сибири. Тогда он взял этот брелок себе, и тогда же, еще до армии, ему пришла в голову мысль самому, спрашивая соседей по

гаражам, перебрать и восстановить отцовскую машину. Денег в то время на мастеров и запчасти у Круглого не было, поэтому всю весну ковырялся в гараже один, а летом на этой самой «Волге» и познакомился с Люськой, будущей женой. Женька сам говорил, что «олимпийский мишка» всегда с ним и приносит ему удачу, особенно, если сильно чего-то захотеть.

Больше в «Магнит» для Круглого Маша придумать ничего не смогла. Сложнее было с Кобылкиным. Вроде как сама квартира для него магнит, но он даже ремонт в ней сделать не заморачивался. К вещам он относился очень пренебрежительно, вернее, не привязывался к ним, детей и брелоков не имел. Вся надежда была только на Машу. «Заодно поглядим, как он меня весь такой любит! – думала про себя Мария. – Если я не магнит для него, – больше не подпущу, пусть так и знает, пусть там и сидит тогда в прошлом, в будущем – где хочет!»

Снова возник большой спор с Володей-политехником. Изучив обстоятельства перелета братьев, он заявил, что Маша в качестве магнита для Кобылкина должна быть обязательно голой. Ведь недаром простыни и белье в прошлое не перенеслись – для обмена любого рода энергий и сигналов, в том числе неизвестных науке, площадь соприкосновения тела с атмосферой должна быть максимальной. При этом он категорически отказывался от удаления его из эксперимента, справедливо напоминая, что он единственный, кто предложил какое-никакое теоретическое обоснование и техническое решение проблемы. Маша категорически была против стриптиза перед аспирантом. Маринка выступила миротворцем. Сошлись на том, что Бергина наденет купальник, а Маринка присмотрит, «чтобы этот кобель сильно не паялился», и наблюдать они будут, находясь в примыкающем коридоре, а не в комнате.

Долго спорили также о том, каким способом «активировать магнит». Грубо говоря, мало было надежды, что будет достаточно просто собрать любимых людей и определенные вещи в одном месте, пусть даже в квартире Кобылкина. Нужен какой-то импульс, разряд. Колоть ребенку адреналин и Маша, и Маринка категорически воспротивились, хотя Вовка и настаивал на полном подобии: «Подумаешь, комарик ребенка уколёт». Колоть Маше – категорически запретила Маринка, «Только после обследования, или я просто не дам,

это ж даже если подкожно – мгновенная стимуляция капилляров и сердечной мышцы!»

В конце концов, ничего не придумав, решили включить и смотреть, лежа на диване, видеозапись со свадьбы Круглого, где и Сашка, и Женька даже за столом сидели рядышком в качестве жениха и свидетеля. Заодно и малыш вспомнил бы про папку, наверняка соскучился. А в какой-то момент Вовка без предупреждения на аппарате из факультетской лаборатории сымитирует реальный разряд молнии, небольшой, но достаточный, чтобы присутствующие немного испугались.

Вечером, после всех приготовлений и договоренностей, Маша забежала в аптеку – плохо себя чувствовала все последние дни: как будто начало болезни или сильное переутомление. Дома она попыталась лечь пораньше с мыслью о том, как над ними будет смеяться весь их «умный город», если все происходящее описать в статье и разместить в областной газете.

На следующий день именно Маша Бергина нарушила все договоренности, опоздав почти на час. Счастливая и покрасневшая от свежего воздуха, со смеющимся и без остановки болтающим маленьким Круглым они ввалились «в гости к дяде Саше, который папин братик».

Вместо извинений, загадочно и счастливо улыбаясь, Бергина, как заправская мамаша, раздела ребенка, громко и игриво поцеловала его в щеку и сказала: «Давайте уже включайте ваш телевизор, парня кормить надо, проголодались мы на улице!»

Маринка с Вовкой удивленно переглянулись. Раздели и усадили малыша на расправленный диван, к специально приготовленным новым игрушечным машинкам, включили видео со свадьбой. Маша в купальнике вышла из ванной, между делом с улыбкой прихлопнув Вовке отвисшую челюсть, и прошла на диван к ребенку. В общем, атмосфера была не как во время тревожно-таинственного и страшного эксперимента, а как в детсаду на елке.

Вдруг на всю квартиру раздался залиvistый детский смех. Мальчик протянул руку с зажатой в ладони игрушкой к экрану телевизора: «Папка и мамка цеююца!»...

Вокруг был полумрак, какие-то ветки, серое окно, накурено. Кобылкин лежал то ли на жестком диване, то ли на кушетке, даже раскрыть глаза пошире было выше его сил. Веки снова сомкнулись свинцовой тяжестью. Ощущения были невыносимые. Казалось, что его тело полностью разобрано и, если даже он захочет пошевелить рукой или встать, ничего не выйдет. Казалось, что каждая клеточка и даже молекулы клеточек его тела плакали и источали импульсы тупой боли. В носу и во рту был то ли запах, то ли вкус такой же, как в детстве, когда ударишься носом. Даже шевельнуть языком, чтобы подбодрить или подколоть брата, который должен быть где-то рядом, не было сил. «Еще один перелет, и конец... Определенно, с телом происходит что-то нехорошее, когда оно устремляется вслед за душой в другое время. Господи, хоть бы в этот раз мы оказались в своем времени! Господи, как больно!» Постепенно от собственных ощущений жалости к себе мысли перешли к брату: «Чего он там орал, интересно?» Затем к девочке с васильковой ленточкой и Мертвому Кедру, затем к невероятным переплетениям судеб Свердлова и Сталина вокруг царских часов...

Вдруг ухо уловило протяжный сдавленный вой откуда-то сбоку и снизу. Кобылкин прислушался, узнал голос брата, моментально собрался и почти с криком, преодолевая себя, сел на кушетке, после короткой паузы, с усилием открыл глаза. Они с братом, в длинных Андрюхиных черных трусах и его же армейских майках, которые он выдал им после бани, находились в незнакомом помещении. Ветки оказались большим фикусом в горшке перед окном в закутке-курилке с большой пепельницей-вазой и с красной ковровой дорожкой на паркете, которая перпендикулярно упиралась в такой же серый, как окно, коридор, тоже с паркетом и красной дорожкой в трех шагах от кушетки. Под фикусом калачиком лежал Круглый, закрыв лицо руками, и выл как побитая собака.

– Ты чего, Жень? Мне тоже караул как хреново, брат. У тебя голова, что ли, так болит? – медленно, как будто заново учась говорить, произнес Кобылкин.

Вой прекратился, Женька выдохнул, вытер ладонями глаза и медленно сел на пол. Глядя в сторону от Кобылкина, сказал:

– Андрюха, Сань... Его косолапый задрал, огромный, как гора, я видел, рогатина сломалась...

– Когда? – в груди у Сашки защемило, и моментально перед глазами пронеслись мгновения вчерашнего вечера, бани, застолья... – Не может быть, такой мужик!

– Когда ты в столб этот зеленый полез, и я за тобой, повернулся, а там как раз...

– Может, чего привиделось, Жень? Место такое, брр... – Сашку передернуло судорогой от воспоминания. – Может, это только будет, или давно было, и он живой остался...

– Давно было... Я – сволочь, Саш, я... Мы тогда, когда перевернулись за Колпашево, помнишь, пока в травмпункт заехали, пока врача дожидались и решили возвращаться в Томск. Потом Люська неожиданно родила, помнишь, на следующий день прямо, раньше срока?

– Ну..

– Я ему только через неделю звонил, хотел извиниться, что не доехали, все никак не мог дозвониться. Потом чей-то женский голос, Юли его, наверное, сказал мне: «Нету его!» И трубку бросила. Потом пару раз еще не дозвонился, решил, что телефон Андрюха сменил. Думал на следующий год в марте все равно приедет, он же раз в год выбирался в Томск. Не приехал, потом еще год, я с этой мастерской своей, сволочь я, просто забыл, думал, что у меня номер тот же: если что, наберет... Андрюха, Андрюха, мы ж с ним в армии как братья были...

– Это мы типа с покойником в бане парились, что ли? – недоуменно произнес Кобылкин.

– Да мы вообще из-за тебя, в основном, только с покойниками и общаемся, – беря себя в руки, немного раздраженно ответил Круглый. – Если вернемся, надо будет к Юле съездить, с каждого третьего заказа деньги на нее буду переводить с мальцом... А ты чего орал, как дикий, девчонку что ли сразу не узнал? Это же та самая, у которой часы Юровский отобрал...

– Да это понятно, что та самая, мне еще в Томске она показалась знакомой, или родной какой-то, не знаю...

– Признал, что ли? Прабабка поди? – усмехнулся Женька. – А по мне, обычный русский ребенок, вернее, та девочка – это Россия, страна наша, которую обобрали обманом и силой, и, может быть, тоже убили.

Видел же: кровь у нее со лба текла? Я теперь, Саня, совсем по-другому на мир смотрю... Интересно, сейчас-то мы где?

Круглый медленно, кряхтя как дед – видно, перелеты тоже доконали его борцовское тело, – поднялся и сделал шаг к окну. И замер. «Долетались... Твою ди-ви-и-зию!» – с искренним разочарованием в голосе среагировал на увиденное Женька. Молча развернулся, лег, свернулся калачиком под фикусом и зажмурил глаза.

– Что там опять? – спросил с неприятным предчувствием сидящий на кушетке Кобылкин. – Чего улегся-то?

– Знаешь, Сань, я на улицу в трусах в холод не пойду, тем более туда. Там этот, Кремль, только изнутри... Я в Москве-то ни разу не был, а тут Кремль изнутри, твою див-и-и-зию...

Кобылкин поднес руку ближе к глазам. На ладони лежала серебряно-малахитовая крышка от часов. Поднялся, подошел к окну, постоял, порассматривал виды за окном, развернулся и сказал:

– Вставай, Жень. Похоже, мы в гостях у великого и ужасного Иосифа Виссарионыча. Попали так попали...

Вдруг они вздрогнули от резкого властного окрика за спиной и подскочили, развернувшись оба на сто восемьдесят градусов:

– Вы чего, совсем охренели, бойцы! Смирно!

Из коридора удивленно смотрел на них военный, в кителе с золотыми погонами, в портупее и с кобурой на боку, в общем, в военной форме, как в кино про энкавэдешников.

– Почему в таком виде, мать вашу, я вас спрашиваю?! Фамилии!

Вместо ответа, Кобылкин повернул голову к Женьке и сказал:

– Что я говорил, еще один покойничек, только теперь, брат, похоже, нам хана.

– Это почему? – так же невозмутимо ответил Круглый. – Может, он нас к Сталину отведет?

– Смирно, я сказал! – гаркнул энкавэдешник. Тот пока еще не видел ничего сверхъестественного и опасного в происходящем, но для должного впечатления расстегнул кобуру.

– Не ори, а! Дай разобраться, командир, – беззлобно, но уверенно отозвался Круглый.

Глаза офицера округлились, потом сузились в щелки под бровями. В них мелькнуло то ли подозрение, то ли догадка. Он быстро отступил на шаг, одновременно вынул пистолет из кобуры, взвел его и уже

спокойным ледяным тоном скомандовал: «Мордой на пол, руки за голову, стреляю без предупреждения!»...

– Видал, какой резкий? – кивнув в сторону офицера, сказал Женька, присаживаясь на кушетку напротив брата. – Наверняка воевал или диверсантом был в СМЕРШе, мы же после войны, раз у него погоны, да?

– Похоже, так. А ты чего уселся? Пальнет сейчас... – сказал удивленный Кобылкин, косясь на пистолет.

– А какая разница, Саш? К Сталину он нас действительно не поведет, дураку понятно, крышку от часов они всяко у тебя заберут, а нас – на Лубянку. Еще и отметелят, и поедем мы домой в Сибирь по этапу. Оно тебе надо? Пусть стреляет уже и домой... Слышь, командир, че не стреляешь?

– Не-е-е, Жень, неужели нас напрасно туда-сюда болтало, как-то надо выкручиваться, Жень, это ж и Андрюха тогда зазря, и царь нам открылся зазря, и девочка эта...

Кобылкин медленно повернул голову к военному. Офицер, крепкий, невысокий, с обветренным лицом, лет двадцати пяти, наверняка из роты охраны, ошалело смотрел на братьев, пытаясь понять, о чем они говорят. Так и не поняв, он, громко крикнул куда-то в коридор: «Часовой, ко мне!», сделал шаг к Круглому, не выпуская из поля зрения Кобылкина.

– Во-во, сейчас задерживать нас начнет, вообще они в этом деле должны быть мастера... – сказал Круглый, поднимаясь с кушетки.

Не успев закончить фразы, Женька опрокинулся назад. Офицер, мгновенно сблизившись и держа на мушке Кобылкина, ребром ладони другой руки ловко, откуда-то снизу, врезал встававшему Женьке куда-то в шею, одновременно делая ногой подсечку и одновременно же приближаясь и поворачиваясь в одном стремительном, будто танцевальном движении к Кобылкину. Сашка в доли секунды представил, как сейчас получит рукояткой пистолета в голову, и вспышкой вспомнил своего дядю Петю, родного брата отца, спецназовца, который, навещая его с матерью в детстве по праздникам, всегда после третьей стопки показывал Сашке различные приемы. Вместе с этими вспышками-воспоминаниями Кобылкин на противоходе, как бы ныряя вперед-вбок, под руку с пистолетом, рухнул на одно колено, одновременно выбрасывая кулак вверх, в пах офицеру.

Почувствовал, что попал, одновременно ощутил железные пальцы у себя на плече и удар по касательной пистолетом в голову, в следующее мгновение раздался звонкий щелчок, и офицер мешком упал на бок. Это хорошим хуком сзади-сбоку двинул военного в челюсть подскочивший Женька. Он стоял, встряхивая от боли руку, а второй рукой помогал Кобылкину подняться.

– А если он за Родину воевал? – сказал Кобылкин поднимаясь. – А ты его со всей дури...

– А если б он мне в кадык попал? И так чуть голову не снес, – ответил Круглый, – Слышишь? Кто-то к нам уже спешит, давай уже, побежали, будь что будет...

Братья бросились в коридор, в противоположную от шагов сторону. Сзади сразу раздался топот сапог бегущих часовых и резкие окрики: «Стоять! Не стрелять!» Беглецы завернули в другой коридор, сбив с ног еще одного встречного военного. Впереди из боковой двери выскочил другой, с пистолетом наперевес. Женька, оттолкнув Кобылкина, с обреченным криком бросился прямо на него, падая и увлекая часового на ковровую дорожку. Кобылкин перепрыгнул обоих, заскочил в эту боковую дверь, схватил Круглого за ногу и потащил его за собой вместе с часовым, надеясь успеть закрыться от догоняющих изнутри. Но сам тут же завалился на бок под чьим-то увесистым пинком сзади, изнутри помещения, в общую кучу-малу...

– Оставьте их...

Братьев схватили с двух сторон под белые рученьки и резко подняли на ноги. Все офицеры вокруг вытянулись по струнке. Перед следующей дверью внутри приемной, как моментально понял Кобылкин, стоял сам Сталин, как на картинке, только какой-то маленький, старый и похожий на обычного человека.

– Это мои гости, не надо шуметь, поздно уже, – крайне спокойным голосом почти без акцента сказал Сталин. – Прошу вас, товарищи... Принесите им... хоть халаты какие-нибудь, а то к Великому вождю Советского народа – и в трусах, нэ хо-ро-шо...

Последние слова были сдобрены подобием ухмылки в усы. Вождь народов махнул ладонью, мол, заходите уже, и пошел в глубь кабинета. Братья почувствовали ослабевшую хватку, переглянулись и направились следом. Только Круглый повернулся к офицерам и еле сдерживая желание ткнуть того лысого, который так больно заломил

ему руку, сказал вполголоса, положив руку на сердце: «Извините, мужики, свои мы, я отвечаю, что свои, получилось так...»

Царские часы

Братья, закутавшись в огромные шерстяные полосатые халаты, похожие на больничные, пили чай на углу длинного стола для заседаний и второй час отвечали на вопросы вождя. Сам Сталин, ни разу не присев, внешне спокойно расспрашивал их о будущем. На некоторые вопросы не мог ответить даже Кобылкин, особенно про детали развала Союза и переговоров по объединению Германии, бомбежки Сербии и войну с Грузией. Ну откуда Кобылкин мог знать, что пообещали американцы за нейтралитет по Ливии? А вот Сталин откуда-то знал, что к нему должны пожаловать гости из будущего, более того, он как будто даже знал, что братья родом из Сибири, а иначе зачем он так акцентировал внимание на том, что масло на столе сибирское, но уже не такое, как он едал в молодости. Наконец, Женька со свойственной ему прямоотой спросил, перебив Сталина на полуслове:

– Товарищ Верховный, а откуда вы знали, что мы у вас окажемся из будущего, и почему вас это не удивляет? Вы же марксист-материалист вроде как? – Женька посмотрел на брата, рассчитывая на поддержку.

Верховный ничего не ответил, подошел к столу, достал из ящика знакомую коробочку часов и положил перед братьями:

– Вот, остановились сегодня... Наверное, мое время вышло, а отдать некому, все на том свете... – то ли пошутил, то ли посокрушался вождь.

Кобылкин неуверенно вытащил руку из-под стола и положил крышку от часов рядом. Сталин подошел вплотную и долго-долго смотрел на часы и крышку. Братья не решались нарушить тишину. Наконец Сталин произнес:

– Значит, я кровожадный тиран и диктатор... Значит, я, кроме ГУЛАГА, ничего не создал... Правильно, все правильно, я это заслужил... – произнес он, глядя на часы. Казалось, вся жизнь пробежала в глазах старика.

– Ну, это одна из точек зрения, в наше время у вас появится очень много защитников, причем совсем не глупых, – тихо произнес Кобылкин. – Я думаю, что не смешав вас с грязью, СССР развалить не получилось бы...

– Думает он, – раздраженно ответил вождь. И снова зашагал мягкой тигриной походкой по кабинету. – Это война, нечего здесь думать, или тебя убьют, или ты. Они продолжили ее, они восстали и снова уничтожили страну, я не победил их, пока еще не победил... А народ значит, опять: молча хлопал в ладошки, как вы говорите, опять предал государство, как предал своего царя в семнадцатом, даже партия предала, да...

– Народ-то причем? Народ оболванили те, кому он доверял, ваши же партийные в основном, плюс эти... – Круглый с непосредственным видом школяра почесал лоб, вспоминая. – Эти, банкирско-еврейская мафия из-за океана, как, типа, на ваших троцких-свердловых, не поскупились... да это в девяностые годы весь народ понял, как дважды два – четыре!

Сталин ничего не отвечал, шагал по кабинету, хмурый, как туча. Братья совершенно неожиданно для себя казались сами себе глупыми детьми рядом с учителем, или важными, но опять же глупыми свидетелями рядом со следователем. Тогда Кобылкин решил не церемониться и положил руку на часы: ему не терпелось взять их в руки и рассмотреть хорошенько:

– Мы вообще-то к вам сюда не собирались, мы царя хотели спасти, законного между прочим, которого вы, вернее, ваша власть растерзала со всей семьей, вместе с казаками, крестьянами, священниками!

Сталин перестал ходить. Молча подошел к столу, сел, превратившись в маленького, уставшего, старого человека. Посмотрел на братьев прямо в глаза, обоим по очереди, и произнес:

– Это я царя спас, вернее царизм, который ненавидел в молодости всей душой. Если бы вы хоть чуточку были поумнее, вы бы это сами поняли.

– Как спасли? – возмутился Круглый. – Может быть, отомстили, я еще поверю, как вспомню про ледоруб для Троцкого и некоторых других.

– Нет, я спас царизм, вы еще просто слишком молоды понять... Я возродил великую империю, а значит, возродил царизм. Без царизма Россию возродить нельзя, без царизма русский народ быстро умирает, как рыба без воды. Я правдами и неправдами спас Россию, а значит, я спас царизм. Я сам стал царем, только самозванным... Другого и не могло быть..

Теперь старичок с усами казался совершенно искренним и открытым; теперь, казалось, он разговаривает так, как ни с кем никогда не разговаривал. Сашка почувствовал это и переспросил:

– Какой же вы царь, если столько народу... – Сашка помялся, подыскивая корректные выражения. – Если при вас столько народу расстреляли, в лагеря сослали. Цари-то своим ссыльным подданным каждый месяц по три рубля давали...

– Это настоящие цари, – хмуро ответил старик, – а я – самозванный! Вокруг меня еще те волки, подо мной народ-предатель, народ-болван, который любому искусителю поверит. Вы знаете, кто сделал революцию? Вы знаете, зачем? Вы знаете, сколько их здесь расселось везде, в областях, краях, наркоматах? В революцию они расселись везде, они терзали, распродавали и рвали страну на части и в гражданскую, и в НЭП, и при мне! Люди, которые рвали страну в кровь! Народ, который сломал свои храмы! Церковники, которые в первый же день февральской революции предали царя! Мог ли я подружиться, давая им по три рубля на прокорм? Что молчите? Научите же меня, потомки! Я не желаю перед вами оправдываться, но передайте там, у себя: я – наказание и спасение, я – кормилец и надзиратель, я – учитель свободы и нож цензора, я – вдохновитель и цепенящий страх...

Повисла тишина. Женька, глядя в стакан с чаем, вдруг сказал в этой тишине теплого просторного кабинета.

– У меня соседка была, Царствие ей Небесное, баба Аня. Ей пять лет было, когда на плотках ее вместе с родителями и многими другими в тайгу сплавляли, на голое место, в лес, землянки рыть. Люди мерли, как мухи, она рассказывала и плакала, рассказывала и плакала. Она же не расселась в кабинетах в революцию и не рвала страну в кровь, ей пять лет было...

Сталин опустил голову. Братья молчали. Сталин продолжил.

– Зато я не колол детей штыками и не сжигал живьем в сараях целыми деревнями. Я освободил себя от любви и сентиментальности, и имел на это право, ведь я – самозванный царь. Я власть брал. Я воевал за власть, я ненавижу мировой капитал, он погубит всех. Это черная сила, которая рядится в ангельские одежды, это я вам как семинарист бывший говорю. Я воевал с ними, они мне помогали, – Сталин кивнул на часы, – а победил я благодаря народу, бабам аням вашим, заставлял работать, учиться, воевать, на войне как на войне... Какая тут любовь... Любил ваш Николай народ, и что?

– Как же вы так про народ? – едва сдерживая волнение, отозвался Круглый. – Вы же сами поднимали тост в сорок пятом за великий русский народ! Он же такую войну вынес, пусть под вашим руководством, но разве мог победить «народ-предатель»? А может быть, не народ предатель, а? Земельный вопрос, там, национальный, война опять же, манипуляции политические что в семнадцатом, что у нас, в девяносто первом?

– Да, он победил. Это великий народ, – после паузы снова тихим голосом ответил вождь. – Он заслуживает лучшей доли, это самый великий народ на Земле. Это народ-ребенок, его легко обмануть, легко обидеть, он по-детски хитер и по-детски жесток без меры, но он искренний, быстро учится, быстро растет и умеет любить по-настоящему... Он легко соглашается предать государство, но умрет за свою землю-мать. Просто без государства он сам и его земля все равно погибнут. Я спас государство, значит, спас землю русскую, значит, и народ меня рано или поздно простит. Может быть, и Бог простит, самозванство мое...

Кобылкин сидел, открыв рот: Сталин был совершенно неожиданным, хотя вроде как и объяснимым. Сашкин мозг легко находил примеры, казалось бы, подтверждающие его слова: от закрытия музеев безбожников до возвращения русской культуры в школы, от золотых офицерских погон в Красной армии до ежегодного снижения цен на продукты после войны, от самой сильной в мире армии до отказа от Плана Маршала. Тем не менее что-то было непонятно с царизмом, самозванством и возрождением. Кобылкин спросил:

– А чем самозванный царь отличается от настоящего? Какая разница, если, допустим, он на благо страны работает?

Сталин посмотрел в глаза Кобылкину, как бы раздумывая, отвечать ему или нет. Ответил:

– Любви у него нет настоящей, тяжело самозванцу народ любить... Что-то заболтались мы с вами, совсем уже поздно, забирайте часы, я спать пойду!

Кобылкин испугался: за долгие три часа разговора они совершенно ничего не узнали про главное!

– Подождите, пожалуйста. – Сашка вскочил вместе с поднимающимся из-за стола вождем. – Пять минут, пожалуйста! Как эти часы помогают царю... тьфу, власти... вернее, России?!

– А пес их знает, – Сталин хитро усмехнулся, – мне этого старообрядцы не объяснили, Свердлов, кстати, тоже не знал, хе-хе-хе...

Вождь направился к своему столу, обошел его, открыл потайную дверь. Сашка не отставал. Часы остались лежать рядом с Женькой.

– Иосиф Виссарионович, а что эти знаки на крышке означают? Вернее, понятно, Православная Русь, империя, СССР, а вот лодка?

– Не лодка, а ковчег. Я все время строил ковчег, да теперь понятно, что не успел. Спасибо за приятные рассказы о будущем. – Сталин заметно повеселел. – Ага, Яшка Свердлов первым делом так с часов и перерисовал звезду на флаги, так все и получилось... Запомните: все будут стремиться на Русский Ковчег, я же говорю, мир сожрет сам себя, если Россию не съедят раньше, это уж вы там сами, у себя в будущем решайте...

– Подождите, какой сегодня год и день?

– Пятьдесят третий, весна скоро, март стучится в двери, хватит, товарищи, разговоров, – мирно попросил еще раз вождь, – хватит!

– Иосиф Виссарионович! – Кобылкин пытался успеть, тараторя и хватаясь за каждую минуту.

– Вы же помрете скоро! А часы нам отдаете! Что нам с ними делать, зачем они нам?

Сталин остановился, повернулся к братьям, и так же спокойно, как будто речь шла не о нем, сказал:

– Потому и помру, что отдаю вам часы. И не помру, а меня предадут. Скажу вам по секрету, я так же одинок, как ваш Николашка. А потом предадут еще раз, после смерти. Но как за царя покаются, так и меня простят, запомните это там, в будущем... И с часами сами

решайте. – Сталин хитро посмотрел на Сашку. – Если вы здесь, значит, знаете, что с ними делать, или узнаете!

– Иосиф Виссарионович, еще вопрос, важный, правда! – Сашка перевел дух. – А почему часы в Пскове и в Томске? Ну, правда, мы же сами томичи!

Не задумываясь в этот раз, Сталин сразу же ответил:

– В Томске сила особая, я еще в сорок девятом сказал в Томске главный комбинат строить, ядерный щит, моя главная фигушка империалистам, – Сталин весело ухмыльнулся. – Может, из-за Мертвого Кедрa? А вот Псков – понятно, там все главное для Русского государства рождается, и там же все умирает бесконечно. Псков и есть – часы...

– Но в ваше время это же заштатный городишко! – почти вскрикнул Кобылкин, пытаюсь успеть понять как можно больше и мысленно жалея о том, что так долго рассказывал Сталину про будущее. – Тогда уж Сталинград!

– Сталинград, да... – Сталин задумался. – Сталинград – да! Но рождается и умирает – во Пскове... После великой войны страна стала навсегда другой, навсегда, и послевоенный мир стал совсем другим...

– Причем здесь послевоенный мир и Псков? – недоуменно перебирая в голове весь список городов-героев, спросил Кобылкин...

Сталин, уже было сделавший еще один шаг к потайной двери, вновь обернулся и произнес:

– А что было написано на знамени Победы над Рейхстагом, вас разве в будущем не учили? Идрицкая дивизия, Идрица. Великую Победу Советского Союза в мировой войне возвестил флаг из псковского райцентра... Из псковского райцентра... Сам удивился, как узнал...

Вождь решительно распахнул сливающуюся с интерьером дверь, за которой Кобылкин заметил лестницу, ведущую куда-то вниз... Вдруг сзади от стола заседаний раздался громкий голос Круглого:

– А нам-то что делать? Нам-то теперь куда?

Не оборачиваясь и явно с усмешкой вождь плавным движением поднял руку и с сильным акцентом громко сказал:

– В квартиру к себе нэ зову, да, но если завтра вас найдут – отвезут на Лубянку, очень уж вы на английских шпионов похожи, хе-хе-хе...

Кабинет вождя

Под удаляющийся вниз, словно в преисподнюю, старческий смех братья переглянулись. В глазах обоих было недоумение. Сашка вернулся к столу и взял в руки часы. Круглый, оглядываясь по сторонам, сказал:

– М-да, здесь яиц Фаберже явно не найти... А он не дурак, да? Этот Сталин получается...

– Какие яйца, Жень! – воскликнул Кобылкин, садясь за стол заседаний. – Прикинь, вот на этом месте проходили всякие совещания, разносы, принимались решения, ух! Аж мурашки по коже! Что же нам делать, а?

– Знаешь чего, дорогой мой братец! Приключения, конечно, что надо, но я бы уже домой! Меня так мутило последний раз, что я думаю: больше никаких перелетов, а по своей воле – уж точно, увольте! Давай вот сейчас розеточку найдем на двести двадцать, пальцы вставим – и домой! Да и шпионом английским как-то мне не хочется... Теперь же все ясно с часами! И никого мы спасти не сможем, и Царь испил свою чашу, не нам его от его Креста отводить. Может, я, конечно, слишком заумно говорю, но поверь, я точно теперь знаю, что не нам! В конце концов, вон Сталин всем воздал за царя, и еврейско-банкирской мафии, и народу, и попам, и интеллигенции! И ты знаешь, лучше уж пусть он отомстит, заодно страну отстроив и возвеличив, – я с ним согласен, – чем эти сектанты, эсэсовцы, свердловцы. Можешь плюнуть в меня, но я так считаю. Еще неизвестно, при ком детских слезинок больше было: при нем, или когда казаков с малыми детьми живьем закапывали да штыками кололи, или когда в наше время в девяностых народ водкой паленой травили и дедов, померших с голодухи, в мешках полиэтиленовых хоронили. Я только не понимаю, причем тут эти часы и мы с тобой? Кто мы такие вообще? Автослесарь с переучкой-историком из провинции. Давай уж честно: мы в этой власти с тобой – ни бум-бум, и про царя совсем все не так оказалось, как мы себе думали, и про Сталина. Да и про свое время, если уж начистоту, ничего мы не знаем! Так смешно ты пыжился, когда на вопросы вождя отвечал...

Женька, закинув голову вверх так, что стал виден острый кадык на его сильной борцовской шее, громко засмеялся. Сашка сидел за

столом, держа половинки часов на ладонях. Не сводя с них глаз, он начал говорить, не споря, не отвечая, а как будто размышляя вслух:

– Я думал, что есть прошлое и будущее, что душа во сне может летать и туда, и сюда. Мы смогли перебросить тело, и что? Узнали про тайну Романовых, узнали, что часы оказались с Федором Кузьмичом в Томске, узнали, как Юровский завладел часами и отдал их Свердлову, как Сталин их забрал, кроме крышки... И вот они у нас в руках, зачем? Зачем, а? И что мы с ними делать будем? Президенту отвезем? Если вернемся...

Сашка встал и, почти как Сталин, но с часами в руках заходил по кабинету взад-вперед. Какая-то мысль мучила его. Казалось, он никак не решался ее высказать. Наконец он остановился, повернулся к Круглому, внимательно следившему за братом, и сказал:

– Жень, нету никакого «взад-вперед», время бежит по кругу, как тень от Кедр в Нарымской тайге! Происходит одна и та же битва за Россию, и внутри, и снаружи. Гляди, что у Николая, что у Сталина, что в наше время у России одни и те же силы, одни и те же конфликты, одни и те же предатели, одна и та же пропаганда! Западники – славянофилы, горластая или слезливая интеллигенция и простой народ-деревенщина, зажавшиеся бояре и одинокие цари, спецоперации по развалу империи и собирание земель в кулак – одно и то же! Понимаешь? Просто с каждым кругом часовой стрелки и властители, и враги, и пятая колонна, оправившись и подготовившись, с новым оружием и старой ложью вновь сходятся в смертельной схватке, и народ каждый раз оказывается перед выбором: за красных, или за белых, за самостоятельность, или за державу, за, за... – Кобылкин споткнулся, подбирая слова, – за сытое брюхо на диване, или за любовь и подвиги...

– К чему ты это? – спросил замолчавшего Кобылкина брат. – При чем тут часы? Или без них никак нельзя было все тобою сказанное понять?

– Нельзя! Последний Романов попытался разорвать этот круг! Александр Первый сбежал, решил вымолить прощение – не получилось. Царь Николай решил любовью спастись, верностью долгу, вплоть до принесения себя в жертву вместе с любимой, – помнишь его вагон – с любимой семьей, до конца! Не получилось, не поверили. Или это нам пока кажется, что не получилось. Сталин в дугу

страну согнул, так все думают, а сам всю жизнь воевал с теми же, с кем цари не справились. Силой и рациональными мозгами пытался – не получилось, по крайней мере, надолго! И в наше время – все то же самое! У Николая антицерковная пропаганда, у Сталина музеи безбожников – у нас кресты спиливают. У царя бомбисты, у Сталина фашисты, у нас террористы, и главное, с одними и теми же каналами финансирования! Царя на кредиты подсадили, Сталин от них отказался, а мы на долларе сидим. Жень, я чего думаю, мы с тобой не в стабильности живем на самом деле, а в такой же точке, в самой главной, от которой много чего потом зависеть будет! Ведь бесконечно все крутиться и повторяться не может!

– Саша, мы-то причем! – Женька тоже встал. – У меня самого от твоих круговоротов голова поедет, нам с тобой это ни к чему, понимаешь? Мы не там родились и не так жили до тридцати лет, чтобы сейчас в эти дебри залезать! Куда ты эти часы денешь, а? Давай уже домой... Где тут эти розетки на двести двадцать?

– Да погоди ты, монархист незрелый! – Кобылкин рассердился. – Надо часы отдать тем, кому они принадлежат, вот и все! Это наш долг! И будь что будет, они там пусть разбираются, а мы с тобой – по Оби сплавляться. Как тебе?

– Это кому они принадлежат? – удивленным голосом поинтересовался Круглый, на секунду прекратив шарить по стенам в поисках электрической розетки.

– Ну, эта девочка, которой ее бабка часы дала для Николая. Я думаю, она внучка Александра Первого. Только, конечно, я тебе этого сразу не докажу.

– И где мы их искать будем? Объявление дадим?

– Там видно будет, Жень, я тебе больше скажу: без такого намерения с нашей стороны, я думаю, в наше время мы уже не попадем. Мы с тобой, как эти, гонцы, понимаешь, слишком уж нас бросает по времени, как по маршруту, и если мы хотим домой, мы должны пообещать, что отдадим часы кому надо! – Кобылкин наморщил лоб, что-то мучительно перебирая в голове. – А кому... нет, потом проверим, сначала домой надо...

– Твою ди-визию! – проворчал Круглый, присаживаясь на краешек стула. – У нас же это, демократия! Какие цари, Кобылкин! Нас с тобой же на кусочки разорвут и никто не узнает, куда дели. Я в

ФСБ только лет в семнадцать хотел попасть, и то в погранвойска, а сейчас – не-а, не хочу, это же власть! Нашлись прямые потомки Александра Первого! Это же тоже, как его, дестаби-ли-за-ция!

– Там разберемся, Жень, про часы из прошлого все равно никто не поверит, а потомок уж пусть как-нибудь сам думает. Договорились?

– Хм, договорились. Да я-то не против царя, наоборот, пусть хоть президент помажется на царство, все лучше будет. Но если цари найдутся? Вот это да! В Псков, что ли, поедем опять? Если вождь сказал, что все там? Кстати, туда бы я сгонял, в нашем времени...

Фразу Круглый закончил в своем обычном беспечном тоне любителя приключений; потрясение от возможных катаклизмов и политических сенсаций сменила обычная и радостная для молодого организма мысль о новых поездках и приключениях. А может быть, подумал Круглый, этот потомок Александра Первого окажется интересным типом. Если он даже и не станет царем, дружба с таким человеком может повлиять на дела и планы новоиспеченного монархиста с веселым и надежным сибирским характером. Что-то про себя решив, он добавил:

– Ладно, помоги розетку найти. Представляешь, как меня моя благоверная встретит? Срочно домой надо, да и малец, наверное, там без меня совсем от рук отбился! Что-то меня подташнивает как-то...

Круглый посмотрел на Кобылкина. Тот стоял, позеленевший, держась за спинку стула. Что-то происходило. Женька подошел к брату, почувствовал, как его с каждым шагом тоже начинает трясти и мутить все больше.

– Брат, что-то происходит, да? У меня глюки в ушах, сынка мой смеется где-то рядом... Саня, а ты куда?...

Вокруг Кобылкина роем стали носиться ярко-зеленые светлячки. Стало темно, страшно. Женька почему-то уже смотрел на себя со стороны. Он видел свое тело, которое падало на брата, но не видел ни пола, ни стен. Вокруг бегали какие-то псы. Круглый увидел белое ледяное поле, услышал голос жены, просящий его полежать еще немножко и не уходить. Рядом Сашка пытался вызвать у себя рвоту около какого-то необычного, с зеленой подсветкой, унитаза. Вдалеке плыл огромный ковчег, похожий то ли на ладью, то ли на баржу, что ходят все лето по Оби: вокруг ковчегу кружили двуглавый орел и огромная рубиновая звезда. Его нательный бабушкин крестик вдруг

замаячил перед носом, вырос до огромных размеров и сложился, превращаясь в стрелки часов. Все вокруг было нестрашным, но до такой степени чужим и непривычным, что Круглый вдруг сильнее всего на свете захотел сбежать из этого места. Он оглянулся, чтобы найти свое тело и увидел его сидящим неподвижно за столом на уходящем куда-то вдаль ковчеге-ладье. Рядом с его телом так же неподвижно сидели русоволосая девочка в ситцевом платье и его брат, Кобылкин. Женька всеми силами попытался догнать их, но не чувствовал ни ног ни рук... Он попытался кричать, но только рой огоньков светляков шарахнулся от него в разные стороны... Круглый почувствовал, что сейчас останется здесь навсегда, без своего тела, и судорожно начал вспоминать молитву: «Отче наш... Отче наш иже еси на небесех... Отче наш, что же это... как там дальше, оставь нам долги наши... а-а-а-а...» Яркий, до боли, свет ударил в глаза...

Дом

– Папка и мамка цеюются! А-ха-хаха! – заливался Круглый-младший. Женька с опаской приоткрыл правый глаз, уставился в давно не беленый, в трещинках и в паутинках потолок. Почувствовал, что в его бок уперлись маленькие детские коленки, ощутил дыхание на лице, в следующую секунду его оба глаза были, не церемонясь, распахнуты теплыми маленькими пальцами сына.

– Ты спишь ли, что ли? Папка, а папка! – раздался до боли родной голос.

Круглый вскочил, обнял сына и закричал: «Ура-а-а! Сынка!!!» После минуты крепких объятий почувствовал как в груди разливается предательское мокрое тепло, а в горле и носу щекочат слезинки. Круглый глубоко вздохнул и, думая, что делает это незаметно, вытер глаза об одежду на плече сына. Иолько потом поднял голову. Конечно, он сразу узнал и Сашкину квартиру, и Машу Бергину, и ее подружку, как там ее зовут, из медицинского, только похожий на ботаника парень был ему незнаком. Они все, выпучив глаза, с открытыми ртами смотрели на него, и только веселые звуки его, Круглого, свадьбы из телевизора фоном разливались по квартире.

– Так... Кто моей жене что расскажет, предупреждаю по-хорошему – получит! – прервал немую сцену Круглый и тут же со счастливой улыбкой и почти хвастливо добавил: – Если бы вы знали, где мы были!!! А где Сашка?

Круглый повернул голову и увидел у самой стены на диване, бледного как смерть Кобылкина.

– Сашка! Сашка! – закричал он, пугая ребенка, и бросился трясти Кобылкина. – Сашка, очнись!

Тут же, словно скинув с себя оцепенение, все бросились к дивану. Маша растолкала всех и, заревев, начала гладить по белому холодному лицу Кобылкина, что-то шептать ему на ухо, целовать. Маринка во всей этой суете вдруг зычным, командно-медицинским голосом рявкнула:

– Тихо я сказала!

Уверенными хоккейными движениями она растолкала всех вокруг Кобылкина, пощупала пульс на шее, заглянула в его стеклянные зрачки, повернулась к Круглому и еще громче закричала:

– Бей сюда кулаком, сильно! – И показала Женьке пальцем, куда надо бить. – Быстро, я сказала, потом два вдоха в рот, со всей силы, ну! Быстро!

Сама подскочила и бросилась на кухню, крича на бегу: «Машка, где их адреналин в ампулах, помоги мне, и шприцы тут валялись!»

Только аспирант Володя по-прежнему стоял бледный у стены, держа руку на груди и не спуская глаз с мертвенно-серого, похожего на покойника Кобылкина. Да Женькин сынок, сообразив, что взрослым сейчас не до него, взял свою машинку и сел на пол перед телевизором. Маша, забегающая в комнату с мокрым полотенцем и морщась при виде очередного удара Круглого в грудную клетку, со всхлипом спросила:

– Жень, что случилось? Ты же с ними был!

Набирая очередной раз воздух в легкие, Круглый ответил потерянными голосом:

– Маша, он на Ковчеге уплыл, с этой, с девочкой, это часы его доконали, – Круглый вдул очередную порцию воздуха в рот брату. – С ними трудно перенестись, я хотел у него хотя бы крышку забрать, не успел!

Бергина, перестав реветь, вытаращила глаза на Круглого, но он уже снова делал очередной вдох. Со шприцом в руке вбежала

Маринка, на секунду остановилась и бросила: «Ты ж ему грудь проломишь, куда ж так сильно!» Подбежала, оттерла боком Машу, прикрикнула Женьке, чтобы держал голову, и сделала инъекцию в трахею.

Через мгновение, которое показалось всем вечностью, Кобылкин пошел пятнами, покраснел, веки его стали подрагивать. «Тьфу на вас, придурки, связалась с вами!» – сказала Маринка и, по-бабьи всхлипнув, прижала сильно дрожащие руки со шприцем к животу и ушла на кухню.

– Может, еще раз по фанере двинуть и подуть ему в рот? – неуверенно спросил Круглый.

В этот момент Кобылкин закашлялся и открыл глаза: «Елки-палки, Женя, я тебе сейчас сам в челюсть стукну! Ой, как груди больно...»

– Стукни, братка, стукни! Козел ты, всех напугал! Сразу очухаться не мог, это все из-за часов! – уставшим голосом, но с плохо скрываемой радостью сказал Женька и тут же встал, подошел к сыну и взял его на руки.

Блуждающий по квартире Сашкин взгляд остановился на Маше, которая тоже улыбалась, вытирая поплывшую от слез тушь пальчиком, и стояла перед ним как на подиуме, в купальнике. Кобылкин расплылся в счастливой улыбке и резко встал, слегка качнувшись от головокружения:

– Ма-а-ашка, моя Машка! Какая ты у меня красавица! Как я соскучился по тебе!

Не успев закончить, он увидел у стены все еще бледного, но уже улыбающегося аспиранта. Потом снова посмотрел на Машу, потом на Володю, потом опять на Машу, сказал:

– А чего это ты голая ходишь? Или я тут не вовремя, да? Слышь, парняга, а ты чего тут делаешь, в моей квартире?

– Дурак ревнивый! – сказала Маша. – Володя, не обращай внимания... – и пошла одеваться в ванную.

Кобылкин наклонил голову, посидел, словно что-то вспоминая, затем подскочил, бросился к столу и, не выпуская зажатые в ладонях крышку и часы, сгреб компьютер и бросился вслед за Машей в ванную, на ходу крикнув Круглому: «Женька только не уходи никуда пока, сейчас проверим!»

– Включай компьютер. Быстро выходи в Интернет, в свои сети, – вручая компьютер еще не до конца одевшейся Маше, заторопил ее: – Прошу тебя, не спорь, делай, что говорю!

– Зачем, Саш? Может, не в ванной? Мне с тобой очень надо поговорить, – без привычной уверенности в голосе сказала Маша, нажимая кнопки на клавиатуре и выходя в Интернет.

– Мне тоже очень надо с тобой поговорить! Но не сейчас! У тебя же есть школьные там, детские фотки на твоей страничке?

– Откуда? Я этим не страдаю... – Маша замолчала, не отрывая глаз от взлохмаченного и такого родного Сашки. – Если только у моей соседки по парте, у нее там весь школьный альбом. Кажется, и со мной были кадры, погоди, сейчас глянем.

Маша быстро нашла одноклассницу. Пока открывался альбом с фотографиями, она поставила ноутбук на стиральную машинку и вдруг, тут же, в ванной, обняла Кобылкина за шею:

– Значит, ты меня любишь все-таки, раз вернулся, как я рада...

Далее две-три минуты продолжалось то, что называется долгим и жарким поцелуем. Кобылкин, растворяясь в Маше, успел отметить про себя, что целовала она его не так, как раньше, а как-то по-другому, нежнее, что ли... Они бы долго еще так стояли, если бы дверь вдруг не открылась и уже одетая в пальто Маринка не показалась в дверном проеме:

– Короче, я пошла, у меня руки трясутся до сих пор. Спасибо тебе, Кобылкин, первый раз интертрахиальную инъекцию сделала, только в учебниках читала. Вы это, кончайте экспериментировать. Мы с Володей решили в ресторан сходить, стресс снять, а вы, как, тово, нацелуетесь, звоните...

– Спасибо тебе, Марин, – сказал Кобылкин, – С меня причитается, рестораном не отделаешься, ты же мне жизнь спасла!

– Володе спасибо скажи, он придумал, как вас вытащить! Хотя я до сих пор не могу поверить в этот бред... Ладно, пойдем мы, если хотите к нам – подходите, мы в «Вечернем» будем, рядом...

Кобылкин вышел из ванной, пожал руку Володе, помявшись, извинился за подозрения и закрыл за ними дверь. Маша была уже в комнате с компьютером. Женька сидел на диване и о чем-то разговаривал с сыном. Сашка быстро подошел к ноутбуку и принялся

просматривать фотографии. Часы он положил, никому не показывая, под крышку старого, еще советского, письменного стола.

Вдруг он замер, выпрямился, снова наклонился, увеличил на экране фотографию, странно, почти испуганно, посмотрел на ничего не понимающую Машу и показал изображение брату.

Женька взглянул. Посадил рядом сына. Встал, принялся на разном расстоянии рассматривать фотографию, повторяя тихо: «Тво-ю дивизию! Тво-ю дивизию! Тво-ю дивизию!»

– Слушайте, вы чего, а? – напряженным голосом спросила Маша. – Это я на каникулах, в деревне у бабушки этой одноклассницы, по-моему, в пятом, или шестом классе. Ребят, вы чего? Так, дайте, я закрою...

Тут Женька сказал, обращаясь к брату:

– Не может быть! Сашка, что творится! Это же она! Почему у тебя волосы, сколько помню, были каштановые, а на фотке русые, говори, Маша!

– Да просто с первого курса красила. Я вроде как отличницей на факультете была, не хотелось, чтоб меня называли блондинкой. Потом поумнела, но уже привыкла с новым цветом... – немного путаясь, запинаясь и чувствуя нарастающую беспричинную тревогу, ответила Мария.

– Понял, почему именно у нас все получилось? – громко спросил брата Женька. – Объясняй ей теперь, как хочешь, и отдай часы, пока не случилось опять чего! Маша, Маша! Я не знаю, пожалеть тебя или поздравить!

– Да что происходит! Хватит со мной загадками разговаривать! – строго потребовала Бергина.

– Не, ну вот, природная императрица! И как я раньше не замечал? Буду твоим этим, герцогом, или графом! – пытаюсь скрыть свою растерянность и удивление, пошутил Круглый.

– Маша! Послушай спокойно! – начал торжественно Сашка, доставая часы и крышку из стола. – Ты потом все поймешь, просто поверь... Помнишь, ты говорила, что семья, дети, кухня – это все бессмысленно! Так вот, я согласен с этим! Я буду всегда рядом с тобой, буду помогать, но тебе, именно тебе, нельзя оставаться вне борьбы, вне политики, ты должна встать на чью-то сторону и все-таки как-то

определиться, ну, как для страны лучше, хоть ты и считаешь, что уже ничего нельзя сделать...

– Саш, прекрати нести ерунду! – перебила Маша. – Я ездила в Псков, вас искать, между прочим, многое поняла, тебе тоже надо в Псков, познакомлю тебя...

– Не перебивай, Маш! Ты просто не знаешь! Не мне, а тебе надо ехать в Псков! Ты, я... вернее, мы с Круглым знаем, что ты потомок Александра Благословенного, в тебе кровь царей! Это страшно, но я должен отдать тебе это. Они сломанные и не идут, но я должен отдать, у тебя... вернее, у твоей прабабки их отобрал тот, кто последнего царя убил, вместе с семьей убил... На, держи...

Сашка протянул ошалевшей Маше часы и крышку. Маша неуверенно, как во сне, взяла их. Своими большими глазами, точь-в-точь как та девочка у Мертвого Кедра, с испугом и надеждой посмотрела на Кобылкина, потом на Круглого, каким-то внутренним чувством понимая, что шутками и розыгрышами здесь не пахнет, стала рассматривать часики... Вдруг сказала:

– Ребят, вообще-то они идут, – приложила к уху, – и даже тикают!

Женька сильно закашлялся, потом заорал:

– Урааа!!! Значит, ты правда царица! Ура-а-а! Я твой первый слуга, клянусь, за просто так! Только не говори никому об этом...

Маша стояла пораженная. Братья смотрели на нее, не отрываясь. Кобылкин прерывисто и тихо заговорил:

– Только никому не говори об этом. Если ты захочешь служить России, они тебе помогут, проверено! Только имей в виду, все очень серьезно. Я тебе расскажу!

– Кобылкин, а как же твое предложение, свадьба, семья? – неожиданно спросила Маша.

– Ты ж не хотела, а я теперь и не смею. Я буду рядом всегда, буду тебя оберегать. Теперь тебя точно придется оберегать!

– Так! Сначала в загс надо, венчаться, а потом оберегать! Дети в семье должны расти! – выдохнула Маша.

– Что-что? – спросил, как громом пораженный, Кобылкин. – Что ты сказала?

– Ну, я вчера в аптеку зашла, голова болела, а аптекарша мне говорит: возьмите-ка, девочка, тест! В общем, скоро ты папой станешь.

Ты, что ли, не рад? – всматриваясь в глаза Кобылкину, с тревогой спросила Маша...

В головах у всех троих был полный кавардак. Хотелось одновременно смеяться от счастья, испугаться, кричать от удивительных совпадений, проклинать и благодарить всех за такую кашу; за смешение в этой минуте личного и долгожданного, общего и тревожного, тяжести неосознанного еще груза и совершенно непонятных перспектив...

– Я в церковь, свечку поставлю, Богу спасибо скажу и – домой. Давай одеваться, сынок, к мамке поедem, а вы тут это, переваривайте... – вдруг очень серьезным голосом громко сказал Женька. – Я думал, что самое страшное и интересное мое приключение закончилось, а нет. Все теперь только и начинается, и страшное, и интересное... Саш, ты ей расскажи все, только не забудь сказать, что главное – не корона на голове, главное – всем миром ковчег построить, пока не поздно...